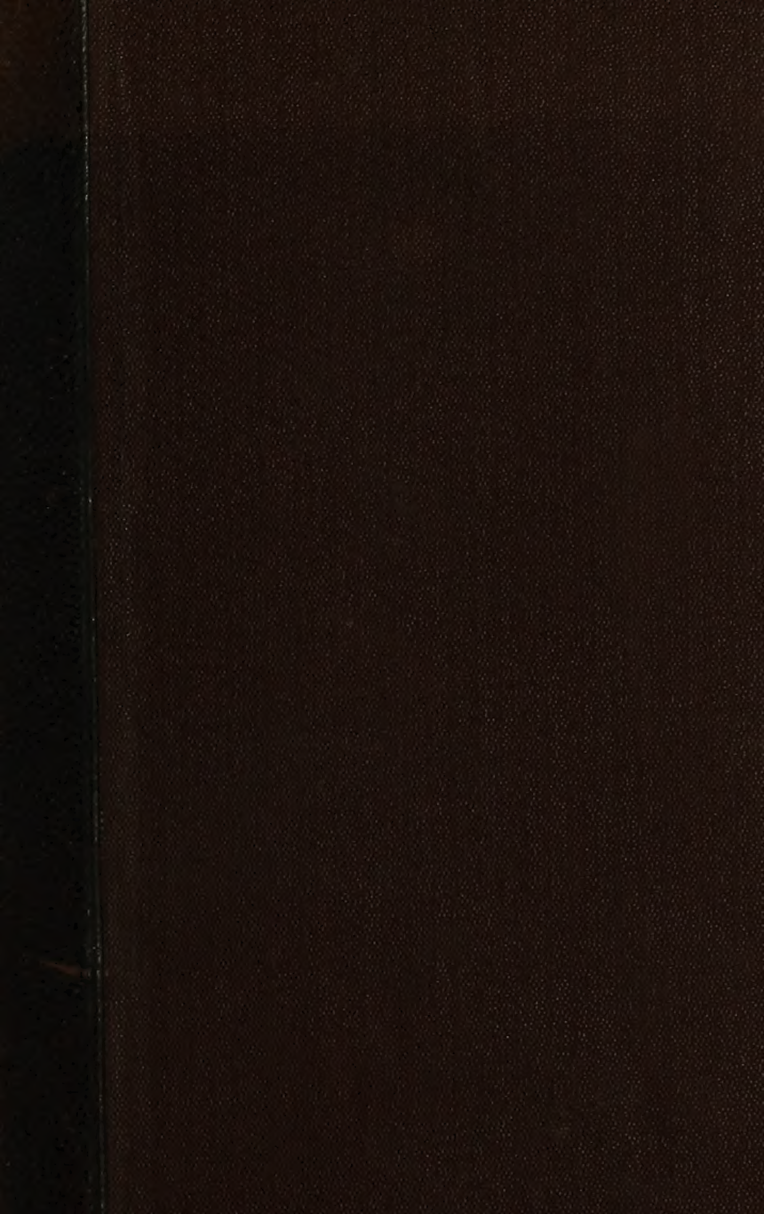
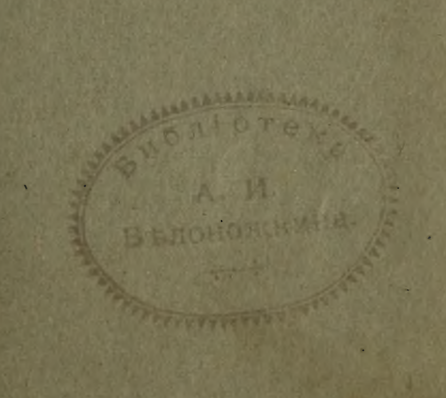

Библiотека
А. И.
Бѣлоножкина

Сочиненія

А. А. Потѣхина.

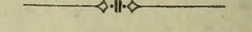
Томъ двѣнадцатый.

Всемірная библіотека.

Собранія сочиненій знаменитыхъ
русскихъ и иностранныхъ писателей.

Въ эту серію входятъ слѣдующія
собранія сочиненій:

А. С. Пушкина, подъ редакціей П. О. Морозова и В. В. Каллаша;
М. Ю. Лермонтова, подъ редакціей Арс. И. Введенскаго;
Н. В. Гоголя, подъ редакціей В. В. Каллаша;
И. А. Крылова, подъ редакціей В. В. Каллаша;
А. В. Кольцова, подъ редакціей Арс. И. Введенскаго;
А. Н. Островскаго, подъ редакціей М. И. Писарева, арт. императорскихъ театровъ;
Н. Г. Помяловскаго, съ біограф. очерк. Н. А. Благовѣщенскаго;
А. А. Потѣхина, подъ наблюденіемъ автора;
С. В. Максимова, съ біограф. очеркомъ П. В. Быкова;
Георга Брандеса, съ предисловіемъ М. В. Лучицкой;
Элизы Оржешко, подъ редакціей С. С. Зелинскаго;
Чарльза Диккенса, со вступит. статьей Д. П. Сильчевскаго.
Гюи де Мопасана, со вступит. статьей З. А. Венгеровой.

С.-Петербургъ.
Книгоиздательское Товарищество „Просвѣщеніе",
Забалканскій просп., 75.

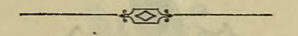
Сочиненія

А. А. Потѣхина.

Томъ двѣнадцатый.

Этнографическіе очерки, отрывки, неоконченные разсказы и воспоминанія.

1-ый томъ допущенъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ ученическія, средняго и старшаго возрастовъ, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній Министерства и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

С.-Петербургъ.
Типо-литографія Товарищества „Просвѣщеніе“,
Забалканскій просп., с. д. № 75.

Бумага безъ примѣси древесной массы (веленевая).

Оглавленіе.

Этнографическіе очерки.

Путь по Волгѣ.

Въ 1851 г.

Знаете ли вы Волгу, ѣзжали ли по ней, любовались ли съ нея восхожденіемъ и захожденіемъ солнца, прислушивались ли къ плеску ея волнъ, то тихихъ, то бурныхъ, видали ли вы ее, красавицу рѣкъ, къ которой обращаются народныя пѣсни и восторги русскихъ поэтовъ? Посмотрите на нее, полюбуйтесь ея красотами, хотя на томъ небольшомъ пространствѣ, по которому мы поведемъ васъ! Начнемте путь нашъ отъ Ярославля. Мы садимся въ лодку, которая отправляется въ Нижній Новгородъ. Она пуста еще, безъ клади, за которою она и идетъ туда, и потому въ ней много свободнаго мѣста для пассажировъ. Сядемьте же: она повезетъ насъ скоро внизъ по теченію и съ помощію попутнаго вѣтра. Путь нашъ не далекъ. Мы остановимся въ одномъ небольшомъ городкѣ, во ста верстахъ отъ Костромы и въ шестидесяти отъ Юрьевца. Эта лодка носитъ родовое названіе кладнушки, но у нея есть свои видовыя имена: тихвинка, романовка. То или другое имя свое она принимаетъ отъ извѣстнаго рода особенностей въ ея формѣ: эти особенности весьма мелки и неудобообъяснимы,

а потому мы не будемъ говорить объ нихъ; но вотъ общій характеръ кладнушки: размѣръ ея въ длину около шести саженъ, въ ширину около трехъ и въ глубину не болѣе двухъ; она снабжена одною мачтой и однимъ парусомъ, иногда съ топселемъ, какъ и всѣ вообще волжскія суда; на всемъ пространствѣ своемъ отъ носа до кормы она крыта; крышка эта почти плоская или немного выгнутая, подъ нею-то и скрываютъ ту кладь, которою нагрузятъ ее гдѣ нужно, а пока она не нагружена, мы весьма удобно можемъ помѣститься подъ нею со всѣми своими вещами, а если вы любите комфортъ въ пути, то можете разставить тамъ столъ, стулья и, подъ звукъ плещущихъ волнъ и бурлацкихъ пѣсенъ, кушать неизмѣнный русскій чай. На палубѣ этой лодки отгорожено небольшое помѣщеніе, въ которое ходъ черезъ узкую западню — это казенка: вамъ не уступятъ ее, она принадлежитъ лоцману и гребцамъ. Тамъ хранится ихъ одежда и небогатый питательный запасъ, состоящій изъ лука и ситника — полубѣлаго хлѣба. Снаружи на крышкѣ лежитъ свернутый пока парусъ и прочія необходимыя снасти. На вершинѣ мачты ризвивается флюгеръ, изъ двухъ или трехъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ. Кладнушка стоитъ пока въ пристани, на якорѣ, ожидая поссажировъ. Видъ ярославской пристани красивъ и оживленъ. Она образовалась при впаденіи Которости въ Волгу. По берегу, прилежащему къ устью Которости, и въ самомъ устьѣ, на довольно большое пространство вверхъ, разставлены разной величины и формы суда. Здѣсь вы увидите и конныя машины съ десяткомъ и болѣе длинныхъ и широкихъ подчалковъ, и множество мокшановъ, расшивъ, барокъ, кладнушекъ, завозень. Формы всѣхъ этихъ судовъ просты и довольно

грубы. Устройство конныхъ машинъ весьма не затѣйливо: въ срединѣ большого судна вертится огромный воротъ посредствомъ лошадей, припряженныхъ къ рычагамъ; на верхнюю часть этого ворота навертывается, по мѣрѣ движенія его, толстый канатъ, другой конецъ котораго прикрѣпленъ къ огромному якорю, брошенному на дно рѣки на разстояніи нѣсколькихъ сотъ саженъ впереди судна. Очевидно, что при такомъ механизмѣ движеніе не можетъ быть быстро, и машина въ продолженіе сутокъ не дѣлаетъ болѣе 25 верстъ. Такимъ же точно образомъ приводятся въ движеніе мокшаны, когда они идутъ вверхъ, противъ воды, только съ тѣмъ различіемъ, что мѣсто лошадей заступаютъ бурлаки, и тащатъ канатъ не посредствомъ ворота, а посредствомъ лямокъ, привязанныхъ къ канату. Большею же частію тащатъ противъ воды мокшаны, расшивы и прочія суда бичевою, разумѣется, пока не поднимается попутный вѣтеръ. Всѣ эти суда формою своею близко подходятъ къ описанной уже нами формѣ кладнушекъ, разумѣется нѣсколько разнообразясь отдѣлкою. Всѣ они имѣютъ по одной мачтѣ, парусу и топселю, но на мокшанахъ и расшивахъ вы увидите красивенькіе домики, въ родѣ карточныхъ, построенные для хозяина судна, иногда сопровождающаго его въ пути; чѣмъ больше судно, тѣмъ больше и красивѣе его флюгеръ, который иногда замѣняется какимъ нибудь изображеніемъ, вырѣзаннымъ изъ жести и раскрашеннымъ. Носы судовъ и бока ихъ часто весьма прихотливо раскрашиваются яркими красками, а по бокамъ носа рисуютъ необычайной величины и неестественнаго цвѣта и формы глаза. Количество рабочихъ, нужное для судна, зависитъ отъ тяжести клади и величины самаго судна: на

мокшанѣ, совершенно нагруженномъ, число работниковъ простирается до 200 человѣкъ.

Но, однако, пора въ путь. Спросимъ-те о цѣнѣ. Если вы желаете нанять судно для одного себя, то съ васъ отъ Ярославля до Кинешмы возьмутъ 5 или 6 цѣлковыхъ, но если вы не тяготитесь разнообразнымъ обществомъ и будете довольствоваться небольшимъ мѣстомъ подъ крышей лодки, то съ васъ возьмутъ не болѣе 50 копѣекъ.

— А скоро отправляется лодка?—спрашиваете вы лоцмана или хозяина лодки.

— Черезъ часъ или полтора!—отвѣчаютъ вамъ почти всегда, — поторапливайтесь, дожидаться не будемъ!

И вы ужасно спѣшите, на скорую руку прощаетесь съ своими друзьями; ровно черезъ полтора часа вы на набережной и опасаетесь, не уѣхала ли лодка. Не бойтесь: ея флюгеръ по прежнему развѣвается на мачтѣ, якорь еще не поднятъ, и на лодкѣ вы не замѣчаете никакого движенія, предсказывающаго скорое отплытіе лодки.

Часто вы не застаете ни лоцмана, ни работниковъ. — „Гдѣ же всѣ они?“ спрашиваете вы у своего будущаго товарища по путешествію, который, также напуганный скорымъ отъѣздомъ лодки, поторопился еще больше вашего и давно уже занялъ свое мѣсто. — „Ушли!“ отвѣчаетъ онъ угрюмо, — „Куда же?“ — „А кто ихъ знаетъ!„ — И вы пока пріискиваете себѣ удобное мѣсто. Проходитъ долгій часъ ожиданія. Наконецъ является одинъ изъ работниковъ съ большой охапкой луку въ одной рукѣ и хлѣбомъ въ другой. — „Что же, братецъ, скоро отправляемся?“ — „Не знаю!“ — отвѣчаетъ онъ и проходитъ мимо, не удостоивая васъ взгля-

домъ. — „Да гдѣ же твой хозяинъ?“ — „Ушелъ въ городъ покупать сапоги!“ — „Да развѣ онъ не могъ сдѣлать этого прежде?“ — И снова: „не знаю!“ или даже презрительное молчаніе. Но вотъ наконецъ собираются всѣ работники, а лоцманъ все еще не приходилъ. — „Чтожъ, скоро ли мы отправимся?“ — „Скоро!“ — „А какъ скоро?“ — Да часа черезъ полтора, раньше не отвалимъ! И бурлаки располагаются обѣдать: толкутъ въ деревянной чашкѣ зеленый лукъ, наливаютъ его водою. Не морщитесь: аппетитъ ихъ такъ силенъ, что вамъ самимъ захочется попробовать ихъ нероскошнаго обѣда, за ужиномъ же ихъ ожидаетъ каша съ постнымъ масломъ.

Но между тѣмъ лодка все еще стоитъ на мѣстѣ. Полюбуйтесь пока на красивый Ярославль. Какъ хороша его набережная, обнесенная чугунною рѣшеткой, обсаженная липами, чистая, опрятная. На углу, образованномъ впаденіемъ Которости въ Волгу, стоитъ огромное зданіе Демидовскаго лицея, а рядомъ съ нимъ красуется златоглавый соборъ. По ту сторону Которости и по берегу Волги поднимаются каменныя зданія, частныя и казенныя. Которость, извиваясь, исчезаетъ изъ вашихъ глазъ, закрываемая съ одной стороны прилежащими къ ней домами, съ другой большими кладеницами дровъ, заготовленными на зиму. Долго любовались вы красивымъ городомъ, но наконецъ вниманіе ваше утомлено однимъ и тѣмъ же предметомъ, и вы невольно обращаете его на будущихъ вашихъ спутниковъ. Вотъ мирное купеческое семейство, собравшееся на богомолье въ Бабайскій монастырь, лежащій въ 30 верстахъ отъ Ярославля, на правомъ берегу Волги. Два молодыя лица среди этого семей-

ства съ веселыми улыбающимися физіономіями кажутся вамъ недавно обвѣнчанной счастливой четой, и, вѣроятно, ея-то будущее счастіе хочетъ освятить вся семья усердной молитвой. — Вотъ какой-то молодецъ въ синей чуйкѣ, служащій прикащикомъ у купца одной изъ низовыхъ губерній и возвращающійся къ своему дѣлу, послѣ свиданія съ родными своими, живущими въ Ярославлѣ. Съ любовію смотритъ онъ на свой родной городъ и съ привѣтливой улыбкой говоритъ вамъ, указывая на него: — „Каковъ городокъ то? Вѣдь не хуже иной столицы?“ А вонъ тамъ, усѣвшись на самомъ носу лодки, едва лѣпится школьникъ, отпущенный на вакацію: весело прилаживаетъ онъ удочку къ длинной веревкѣ, какъ будто надѣясь, дорогой, выловить всю рыбу изъ Волги. Вотъ маститый старикъ, отправляющійся на дальнее богомолье: издалека идетъ онъ, много прошелъ онъ пѣшкомъ въ своей грубой обуви, великъ путь его впереди, и радъ старикъ, что нѣсколько сотъ верстъ пронесетъ его Волга на покойномъ, колеблющемся лонѣ своемъ. Съ нимъ бесѣдуетъ о чемъ то отставной служивый. Уютно усѣлся онъ на бортъ лодки съ короткою трубкою въ зубахъ, и съ глубокимъ вниманіемъ слушаетъ разсказъ сѣдого путника. А вотъ, погрузившись въ мягкую перину, покоится небогатая помѣщица, по дѣламъ своимъ пріѣзжавшая въ Ярославль. Она не любитъ пыли, тряскихъ экипажей и большихъ издержекъ сухого пути, несравненно предпочитая имъ, хотя и не такое вѣрное и быстрое, зато дешевое и покойное путешествіе по Волгѣ. Кругомъ ея видите десятки коробокъ, картоновъ, узелковъ и кулечковъ: необходимыя принадлежности дальней поѣздки. Далѣе вы замѣчаете какую то странную фигуру въ

длиннополомъ сюртукѣ, съ лицомъ страшно истасканнымъ; его носъ рекомендуетъ себя большимъ охотникомъ до табаку. Онъ не присоединился ни къ которой изъ бесѣдующихъ партій пассажировъ, но всѣхъ ихъ оглядываетъ изъ подлобья своими темнорыжими глазами. Это одна изъ тѣхъ личностей, которыя сегодня бываютъ несчастно-угнетенными существами, ищущими покровительства у человѣколюбія и потерявшими его у закона, завтра бѣдными иностранцами, позабывшими свой родной языкъ, а послѣзавтра въ какой нибудь еще новой формѣ.

Но вотъ, наконецъ, передъ вечеркомъ является и лоцманъ. Если это человѣкъ угрюмый съ виду, неразговорчивый, съ повелительной и важной физіономіей, значитъ, онъ давно уже занимается своимъ дѣломъ и искусенъ въ немъ — на него вы можете смѣло положиться: онъ знаетъ Волгу отъ Твери до Астрахани, не ошибется ни на одной мели, не натолкнется ни на гряду, ни на камень. Если, напротивъ, это человѣкъ разговорчивый, съ улыбающейся физіономіей и размашистыми манерами — о, въ такомъ случаѣ опасайтесь его! Немудрено, что это новичекъ въ дѣлѣ, который опирается только на русское: авось и на нехитрое умѣнье повернуть рулемъ въ ту или другую сторону. Но кто бы онъ ни былъ, вашъ будущій путеводитель, вы рады ему, предвидя скорое отплытіе послѣ продолжительнаго и скучнаго ожиданія. И въ самомъ дѣлѣ, вотъ раздается наконецъ громкое воззваніе лоцмана, обращенное къ бурлакамъ: „Молись Богу, молодежь!“ и вслѣдъ за тѣмъ поднимается якорь, и искуснымъ поворотомъ руля съ помощію шестовъ, упертыхъ въ берегъ, лодка ваша выходитъ въ средину теченія. И такъ вы наконецъ ѣдете по Волгѣ. Не посѣтило

ли вашу душу какое-то особенное отрадное чувство, какъ будто вы увидѣли вновь послѣ долгой разлуки любимое и родное вамъ лицо; не приготовляетесь ли вы любоваться съ особеннымъ наслажденіемъ картинными разнообразными видами нагорнаго берега — съ правой стороны и луговой — съ лѣвой; не говоритъ ли вашему сердцу какъ-то особенно сладко и отрадно этотъ плескъ волнъ?...

— Э, кажись, верховая подуваетъ: давай-то Богъ! Поднимайте-ка, ребята, парусъ!

И въ самомъ дѣлѣ свѣжій, отрадный вѣтерокъ надуваетъ вашъ парусъ, но напоръ его еще не силенъ и наслажденіе ваше впереди. — „Еще поколыхиваетъ, да, небось, разыграется! — Э, э, родная, ну-ка, матушка, утѣшь!“ — Попутный вѣтеръ — счастье для бурлаковъ, и они дорожатъ имъ и любятъ его.

И вотъ порывы вѣтра все сильнѣе и сильнѣе, парусъ надувается все крѣпче, движеніе лодки быстрѣе, и, наконецъ, вылетите по 10 и 12 верстъ въ часъ. Сильно клокочутъ волны подъ носомъ вашего судна, быстро смѣняются очаровательныя картины береговъ, особенно праваго. Вотъ мелькнула красивенькая деревенька, какъ будто выбѣжавшая на самый край высокаго берега всѣмъ числомъ своихъ домиковъ, любоваться на родную Волгу; вотъ село съ позлащеннымъ крестомъ высокой колокольни, вотъ помѣщичій домъ какой-то фантастической архитектуры, со множествомъ колоннъ и балконовъ, съ мезонинами со всѣхъ четырехъ сторонъ; вотъ дремучій почти не тронутый сосновый лѣсъ глядитъ въ воду; вотъ переливаются чудными цвѣтами луга и перелѣски, вотъ золотое море спѣющей жатвы, дорогая принадлежность Волги — все это несется мимо,

въ чудной, ни съ чѣмъ не сравнимой неописуемой панорамѣ. Лѣвый берегъ между Ярославлемъ и Костромою представляетъ огромное луговое пространство, на протяженіи 30 верстъ заливаемое въ весеннее время водою. Этимъ разливомъ затопляются цѣлыя деревни, такъ что обитатели ихъ, если не оставили заблаговременно своихъ жилищъ, должны разъѣзжать на лодкахъ. Часто вода поднимаетъ цѣлыя зданія, и не разъ случалось намъ видѣть въ весеннее время деревенскія избы, въ цѣлости несомыя волнами. Тогда въ этихъ мѣстахъ Волга теряетъ характеръ рѣки и кажется какимъ то безмѣрнымъ текучимъ озеромъ, тогда страшна на Волгѣ буря: тутъ уже не поможетъ и искусство кормчаго. Бѣлыя волны поднимаются горами, оставляя подъ собой мрачныя бездны; бурный вѣтеръ разгуливаетъ съ ужасающею силою на широкомъ просторѣ, кидая по волнамъ большія суда, какъ щепы. Небо закутывается мрачною пеленою, и несчастный путникъ не видитъ нигдѣ ни маяка, ни берега: кругомъ бурная, неукротимая стихія; и онъ навѣрно ея жертва. Но нужно замѣтить, что подобныя бури на Волгѣ, въ весеннее время, случаются весьма рѣдко, и по большей части тогда дуютъ умѣренные верховые вѣтры, такъ что суда, выступающія въ путь тотчасъ, какъ только Волга освобождается отъ зимней ледяной коры, достигаютъ мѣста своего назначенія совершенно благополучно. Въ такихъ сплавахъ на низъ за грузомъ суда часто сцѣпляются по нѣскольку вмѣстѣ и управляются двумя или тремя рабочими и ужъ на мѣстѣ нагрузки запасаются нужнымъ количествомъ рукъ.

Плата бурлакамъ въ настоящее время значительно уменьшилась вслѣдствіе введенія пароходовъ; прежде

же крестьянинъ, сдѣлавши одинъ путь отъ Нижняго до Рыбинска, получалъ столько, что, возвратившись домой, могъ уплатить всѣ свои повинности и остальное время года работать на одного себя. Но въ нашемъ благословенномъ отечествѣ каждый крестьянинъ всегда найдетъ мѣсто приложенія своего труда, не оставляя своихъ полей, не покидая семьи, и прекращеніе бурлачества будетъ весьма благодѣтельно, ибо часто случается, что русскій мужичекъ, вырабатывающій на Волгѣ кровавымъ потомъ деньги, всѣ ихъ истрачиваетъ на Волгѣ же, и приходитъ домой усталый, часто больной и къ тому еще съ пустыми руками. Переходъ отъ одного ремесла къ другому, отъ старой привычки къ новой, будетъ довольно труденъ для бурлака, но онъ совершится не вдругъ, не повсемѣстно, и потому безъ особенныхъ усилій.

Мы засмотрѣлись на быстро смѣняющіеся передъ нами виды, задумались подъ плескъ волнъ, а между тѣмъ позади насъ природа создала чудное зрѣлище, Солнце совершаетъ свой отходъ къ ночному отдыху. Вся западная часть небосклона загорѣлась яркимъ заревомъ, отъ него пурпуровымъ отблескомъ озарились земля и вода. Этотъ отблескъ, скользя по разнымъ цвѣтамъ земныхъ предметовъ, разнообразно измѣняется, представляя чудное для глазъ зрѣлище, Пламенное свѣтило, разсыпая вокругъ себя блестящіе, но уже не ослѣпляющіе лучи свои, лобзаетъ ими гладкую поверхность рѣки, готовясь погрузиться въ прохладныя ея волны. Въ природѣ все стихаетъ. Вѣтеръ, доселѣ порывистый, едва возмущаетъ поверхность воды, которая, въ свою очередь, также перестаетъ клокотать подъ умѣрившимъ быстроту своего движенія судномъ; въ воздухѣ раздается лишь слабый крикъ жаворонка, высоко взвивающагося къ

небесамъ и быстрѣе стрѣлы опускающагося внизъ; ароматическая прохлада приближающейся ночи несется отъ береговъ, и широко раскрывается ваша грудь, вдыхая въ себя всѣми легкими эту отрадную, благоухающую свѣжесть воздуха. Въ какомъ то смѣшанномъ глухомъ полу-шумѣ, полу-движеніи, приготовляется къ отдыху вся природа; замираютъ въ отдаленіи тихія мелодіи несущейся откуда-то пѣсни, и душа наполняется неизъяснимымъ блаженствомъ, чуднымъ спокойствіемъ. Вотъ послѣдніе лучи солнца потонули въ водѣ, оставляя за собою лишь зарево раскаленнаго запада. Вотъ наконецъ наступаетъ царство луны и звѣздъ. Природа засыпаетъ мало-по-малу въ совершенномъ безмолвіи, до новой радостной встрѣчи съ своимъ яркимъ свѣтиломъ, зажигающимъ въ ней и жизнь, и дѣятельность.

На нашей лодкѣ давно уже опущенъ парусъ, и бурлаки, предавши ее на волю теченія рѣки, готовятъ себѣ ужинъ. На палубѣ лодки изъ трехъ-четырехъ кирпичей сложена печка; на ней то и варятъ они свой непышный ужинъ, свою саломату, весьма жидкую пшенную кашу съ коноплянымъ масломъ. Тучи бѣленькихъ, маленькихъ мотыльковъ которые носятъ здѣсь общее названіе мушкары, кружатся надъ этой импровизованной печкой и ужиномъ, палятъ свои крылья, одурманиваются дымомъ и сотнями падаютъ въ воду. Бурлаки окончили свой ужинъ и совершенно довѣрчиво ложатся спать, поручая очередному бодрствовать у руля, но и онъ неисправно исполняетъ свою обязанность и, завернувшись въ свою шубу, дремлетъ, мурлыкая какую то пѣсню. Путевые товарищи ваши давно уже спятъ. Глубокая ночь покрыла всю землю; все спитъ вокругъ васъ, и легкое журчаніе воды вмѣстѣ со

свѣжестiю воздуха клонитъ и васъ ко сну; но погодите — бодрствуйте: ночь на Волгѣ, среди глубокаго сна природы и людей, доставитъ вамъ новыя наслажденiя, познакомитъ съ новыми живыми впечатлѣнiями. Лодка, никѣмъ не управляемая, почти не плыветъ, а только качается на волнахъ. Полный мѣсяцъ отражается въ водѣ серебряною полосою. Мрачными, громадными привидѣнiями кажутся вамъ высокiя деревья, темною бездной — охваченный ночью берегъ и неосвѣщенная часть рѣки. Но вотъ гдѣ-то вдали свѣтитъ искра огня, среди глубокаго кругомъ мрака — это пробивается свѣтъ лучины сквозь маленькое и тусклое окно избы; вонъ тамъ поднимается бѣлая сельская церковь и колокольня, полуосвѣщенныя мѣсяцемъ. Глубокая тишина вокругъ васъ: все спитъ и безмолвствуетъ. Однако и въ этомъ безмолвiи есть какой то неясный шумъ, какъ будто природа ведетъ между собою тайную бесѣду или грезитъ среди глубокаго сна. Но вотъ вы слышите, откуда то несутся монотонные мотивы, вотъ вамъ слышатся столь же монотонные всплески воды, какъ будто разсѣкаемой веслами. Вдали на горизонтѣ обозначается какая то движущаяся черная точка: она все ближе и ближе къ вамъ, и вы различаете яснѣе этотъ простой напѣвъ:

Вотъ разъ,
Еще разъ,
Разъ первой,
Разъ другой,
У—ухнемъ,
Да ухнемъ!...
Вотъ еще, еще
Разъ первой
Разъ другой и т. д.

Каждый взмахъ веселъ сопровождается этимъ пѣнiемъ, и подъ его размѣръ ровно двигается лодка.

которая вскорѣ быстро проходитъ мимо васъ. Эта лодка съ неутомимыми ни днемъ, ни ночью гребцами называется бурлацкою: она весьма не велика, можетъ поднять не болѣе 30 или 40 человѣкъ безъ клади, и вся наполняется народомъ. Она снаряжается такимъ образомъ: бурлаки одноземельцы, проводивши какое нибудь нагруженное судно въ Рыбинскъ или въ другую изъ сѣверныхъ пристаней Волги, или даже къ какому нибудь пункту вверхъ по каналамъ, чтобы возвратиться домой и дешево, и скоро, складываются, и вмѣстѣ покупаютъ простую небольшую лодку съ мачтой, къ которой придѣлываютъ рогожный парусъ. Они плывутъ внизъ большею частью на веслахъ поочереди и на извѣстныя пространства. На всемъ протяженіи Волги есть извѣстныя условныя мѣста: какой-нибудь большой камень, деревня, коса, поворотъ рѣки, на которыхъ смѣняются гребцы, и эти мѣста равно, какъ и разстоянія между ними, называются смѣнами. Но вотъ скрылась изъ вашихъ глазъ эта лодка, замолкли въ отдаленіи послѣдніе звуки бурлацкой пѣсни, и снова воцарилось прежнее молчаніе. Изрѣдка развѣ прокричитъ коростель, прокрякаетъ кряква, или раздастся вдругъ дикій страшный крикъ какой то птицы, похожій на плачъ ребенка или стонъ взрослаго человѣка, отъ котораго невольно дрожь пробѣгаетъ по вашимъ нервамъ, — и потомъ снова прежнее безмолвіе. Но вотъ ваше судно, въ своемъ никѣмъ не управляемомъ движеніи, натолкнулось на другое, стоявшее на якорѣ и также пущенное на русское авось. Сильный толчекъ будитъ рабочихъ какъ на вашей, такъ и на другой лодкѣ. Съ крикомъ, бранью и русскимъ неизбѣжнымъ сарказмомъ, принимаются за весла и шесты, отталкиваютъ лодки одну отъ другой и, побранив-

шись еще на разставанье, снова укладываются спать, — и снова кажется вамъ, что вы одни бодрствуете среди глубокаго безмолвія. Но откуда вдругъ поднимается какой-то смутный глухой шумъ, который все приближается и все больще растетъ? Вдали вы замѣчаете на водѣ огненный снопъ, движущійся вмѣстѣ съ темною огромною массой; эта масса ближе къ вамъ и вы уже различаете какое то чудовище, у котораго, какъ разсказываетъ русская сказка, изъ ушей дымъ столбомъ, изъ ноздрей пламя пышетъ и которое съ неимовѣрною силой бьетъ по волнамъ своими мощными лапами и несется прямо на васъ. Это геній Волги, это пароходъ — будущая сила и могущество нашей огромной рѣки; но посторонись передъ нимъ наша утлая ладья ... Съ громомъ и трескомъ, взметая волны, мгновенно пролетѣло мимо васъ чудовище, извергая тучи дыма и тучи искръ. — „Эка, парень!“ — говоритъ, проснувшійся отъ шума и протирая глаза, бурлакъ, — что и говорить, машина машина и есть, ишь ты! — Откудова это и чья такая?“ — „Да, знать, рыбинская!“ — И снова наши возницы закутываются въ свои тулупы и снова кругомъ васъ все спитъ!

Ночная тишина и безмолвіе объемлетъ вашу душу какимъ-то сладкимъ, восторженнымъ чувствомъ. Но между тѣмъ холодныя испаренія поднимаются отъ воды и наполняютъ воздухъ; дрожь пробѣгаетъ по вашимъ членамъ, и вы завертываетесь въ теплую одежду, но не хотите разстаться съ очаровательнымъ зрѣлищемъ; сонъ бѣжитъ отъ вашихъ глазъ. Вамъ холодно, и, несмотря на начинающійся разсвѣтъ, туманъ скрываетъ окружающіе предметы какъ бы за густыми складками покрывающаго ихъ флера, и вы невольно обращаете взоръ свой къ востоку, ожидая

оттуда и свѣта, и теплоты. Яркая розовая полоса зари обняла весь горизонтъ; она растетъ и въ длину и въ ширину, она все ярче и ярче, и предметы все опредѣленнѣе обрисовываются предъ вами, выходя изъ мрака. Заря отражается въ Волгѣ, зарумянивая ея воду, туманъ поднимается.

Но вотъ первые лучи солнца блеснули изъ за горизонта, яркіе, свѣтлые, блестящіе. Быстро взбѣжали они на небо и быстро окунулись въ Волгу, мгновенно зажегши ее яркой огненной полосой по всему видимому пространству. И что за чудная жизнь вдругъ воскресла и закипѣла вокругъ васъ!... Вы затаили предъ этимъ явленіемъ свое дыханіе, вы съ трепещущимъ сердцемъ созерцали его, вы были безмолвны и неподвижны, хотя и бодрствовали. Въ такомъ же напряженномъ ожиданіи оставалась и вся природа: и вдругъ какъ будто электрическая искра пробѣжала по всему существу ея. Вотъ жаворонокъ высоко взвился къ небесамъ, и громкая трель его разсыпалась въ безмѣрномъ пространствѣ и вслѣдъ затѣмъ тысячи разнообразныхъ мелодическихъ напѣвовъ чуднымъ хоромъ огласили воздухъ. Вотъ откуда-то донеслись до васъ однообразные полузаунывные, полу-веселые, родные звуки рожка. Вотъ въ двухъ, трехъ мѣстахъ всплеснулась вокругъ васъ вода, и сквозь нее блеснула матовая чешуя рыбы, какъ будто и водное царство искало живительной теплоты и свѣта. Вотъ легкій вѣтерокъ пробѣжалъ по зеркальной поверхности Волги, унося съ нея ночную дремоту; онъ задѣлъ легкимъ крыломъ своимъ прибрежный лѣсъ, и онъ какъ будто встрепенулся отъ сна и шелестомъ листьевъ своихъ тихо проговорилъ свое слово въ общей утренней пѣснѣ природы. Тонкая струя дыма поднялась изъ трубы

избы, за ней другая, и вся деревня проснулась предъ вашими глазами для новыхъ трудовъ. А вотъ откуда-то издалека долетѣлъ до вашего слуха звукъ колокола, призывающій къ утренней молитвѣ, и молитва, сладкая, восторженная, полная искреннихъ слезъ и умиленія, согрѣваетъ вашу душу.

Вмѣстѣ съ зарей проснулись и наши гребцы. Лѣниво разстались они съ своимъ сномъ, умыли холодной водой свои лица, положили на востокъ нѣсколько земныхъ поклоновъ съ теплой молитвой на устахъ, посмотрѣли, можетъ быть и безсознательно, но равно увлекаемые общимъ чувствомъ природы, на восходящее солнце, на оживающую природу и снова обратились къ своему дѣлу. Но врядъ ли безсознательно любовались они прекрасной картиной утренней зари и разсвѣта. Вотъ прислушайтесь къ этой простой пѣснѣ, которою они сопровождаютъ свой утренній трудъ.

— „Эй, ребята! верховая: молись Богу, поднимай паруса"! слышится голосъ лоцмана. И десять дюжихъ рукъ берутся за веревки, прикрѣпленныя къ тяжелому парусу, и парусъ, скрипя, равномѣрно поднимается подъ пѣсню бурлаковъ:

Зоренька занялась,
А я млада поднялась,
Взглянемся вдругъ,
Да ухъ!
Вотъ не шелъ, пошелъ —
Да ухъ! и т. д.

Въ этомъ простомъ припѣвѣ къ труду гребцовъ такъ и слышится нѣжная ласка ихъ простой души къ той природѣ, которая такъ близка имъ! ...

И лодка наша снова полетѣла по теченію и попутному вѣтру, и снова забурлила вода подъ ея носомъ, и снова замелькали чудныя картины волжскихъ

береговъ. Эти картины подъ утреннимъ небомъ, при радостномъ свѣтѣ только что взошедшаго солнца, еще очаровательнѣе, еще великолѣпнѣе. — Мимо васъ несется деревня съ дымящимися трубами, съ горящими отраженіемъ солнца стеклами оконъ, и ярко блещущимъ крестомъ сельской колокольни. По плоскому скату берега, покрытому густой зеленью травы, въ картинномъ безпорядкѣ бродитъ стадо, жадно поглощая увлаженную росою зелень. Всѣми радужными цвѣтами играетъ солнце, отражаясь въ милліонахъ капель росы, висящихъ на широкихъ вѣтвяхъ деревьевъ. Вся природа какъ будто улыбается вамъ; каждая краска ея ярче, жизнь ея легче и свободнѣе подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей, еще только теплыхъ и живительныхъ, но не палящихъ. Воздухъ до такой степени чистъ и ароматенъ, что вы не можете достаточно надышаться имъ. А Волга? Посмотрите на нее! Впереди и сзади васъ на всемъ видимомъ пространствѣ бѣгутъ суда, обгоняя другъ друга. Всѣ они, освѣщенныя солнцемъ, съ блестящими шпилями, съ развѣвающимися флагами, вооруженныя бѣлыми какъ снѣгъ парусами, кажутся существами живыми, какими-то чудовищными птицами, которыя, распустивъ свои бѣлыя крылья, крѣпкой грудью своею разрѣзываютъ упругія волны. Эти огромныя птицы цѣльными стаями, караванами, несутся мимо васъ или остаются за вами, производя за собою слѣдъ на водѣ, слѣдъ измѣнчивый, невѣрный: онъ расширяется и мельчаетъ по мѣрѣ того какъ вы удаляетесь, онъ колышется, играетъ всѣми возможными цвѣтами, описываетъ огромные круги и .... исчезаетъ. Это слѣдъ жизни славнаго человѣка: сначала онъ глубокъ и тѣсенъ, потомъ онъ становится шире, разнообразнѣе, ярче, но въ то же

время мельче, и, наконецъ, эта обширность совершенно поглощаетъ его. Но поверхность воды, изглаживая слѣдъ, оставленный на ней, уничтожаетъ его совершенно, а слѣдъ жизни человѣка, уничтожаясь для глазъ, живетъ въ тысячахъ другихъ проявленій, въ тысячѣ новыхъ формъ!...

Лодка наша, увлекаемая теченіемъ и силою вѣтра, несется всё впередъ и впередъ; вода по прежнему бурлитъ подъ ея носомъ, и гребцы, спокойно разлегшись на палубѣ, съ удовольствіемъ любуются на упруго-надутый вѣтромъ парусъ, освобождающій ихъ отъ тяжкихъ трудовъ. Но между тѣмъ солнце высоко взошло уже надъ горизонтомъ и сіяетъ во всемъ своемъ блескѣ, хотя и не жжетъ еще всѣмъ жаромъ лучей своихъ. Время подвигается къ полудню, и жизнь полна движенія; наши гребцы, отъ нечего дѣлать, раза три пообѣдали. Весело смотрѣть на природу, когда солнце свѣтитъ, и тепло, и радостно на небѣ чистомъ, ясномъ, не затемняемомъ ни однимъ облачкомъ, когда природа живетъ полною жизнію и человѣкъ трудится, не скучая и не тяготясь трудомъ своимъ. Но еще веселѣе въ эту пору дня ѣхать по Волгѣ, дышать свѣжимъ и прохладнымъ, еще нераскаленнымъ отъ солнца воздухомъ, любоваться игрою лучей солнечныхъ въ голубыхъ волнахъ воды или быстро смѣняющимися береговыми картинами, гдѣ уже ясно и отчетливо обрисовывается каждый предметъ и каждая краска ярко горитъ своимъ собственнымъ цвѣтомъ.

Но посмотрите вдаль: тамъ виднѣется уже Кострома. Вотъ мало-по-малу обрисовываются стѣны Ипатьевскаго монастыря съ его серебряными главами, этого драгоцѣннаго памятника русской славы.

Когда-то давно, во времена моего дѣтства, я

имѣлъ случай быть въ скромномъ дворцѣ, или, лучше сказать, келіи Михаила Ѳеодоровича и до сихъ поръ не могу забыть того глубокаго впечатлѣнія, которое произвелъ онъ на меня. Съ особеннымъ участіемъ обѣгалъ я эти маленькія уютныя комнатки съ изразцовыми изукрашенными печами, останавливался и внимательно разсматривалъ старинныя, весьма не пышныя, съ высокою спинкою кресла, стоявшія въ одной изъ комнатъ дворца, и воображеніе мое, тогда еще такъ пылкое, рисовало мнѣ величавый образъ царственнаго юноши, голосомъ всей Россіи призываемаго на царство, и любящее лицо матери, уступающей сына пользѣ отечества. Снаружи дворецъ раскрашенъ, по старинному обычаю, разноцвѣтными треугольниками въ видѣ шахматной доски. Лѣтъ пять или шесть назадъ онъ былъ подновленъ. Ипатьевскій монастырь построенъ на берегу Волги, при самомъ впаденіи въ нее Костромы. Общій видъ монастыря съ Волги весьма красивъ; но зрѣлище становится еще очаровательнѣе и величественнѣе, когда, во время весенняго разлива Волги и Костромы, монастырь бываетъ окруженъ водой со всѣхъ почти сторонъ, и съ своими башнями, бастіонами и стѣнами кажется какъ бы пловучимъ замкомъ, построеннымъ на водѣ. Но вотъ мы поровнялись и съ самой Костромой.

Кострома расположена на лѣвомъ луговомъ берегу Волги. Главное украшеніе Костромы, если смотрѣть на нее съ Волги, — это прекрасное, величественное зданіе собора съ его изящною колокольней, позлащенными главами и высокими каменными стѣнами, служившими нѣкогда укрѣпленіемъ: построенный на самомъ высокомъ и видномъ мѣстѣ берега, соборъ Костромскій царствуетъ, такъ сказать, надъ всѣмъ

городомъ. Впрочемъ, кромѣ собора, ничто не привлечетъ вашего вниманія на набережной Костромы, хотя вся она покрыта исключительно одними каменными зданіями: вы не увидите здѣсь той чистоты, того праздничнаго характера, съ которымъ встрѣчаетъ васъ ярославская набережная; одинъ только восточный край Костромы, гдѣ берегъ поднимается уступами и покрытъ довольно красивыми зданіями, представляетъ нѣкоторую картинность. Съ этой стороны примыкаетъ къ Костромѣ, отдѣляясь отъ нея небольшою рѣчкою, Черною, Татарская Слобода, съ принадлежащею къ ней рощею, которая также называется Татарскою. Слобода эта, по наружному виду своему, представляетъ изъ себя обыкновенную русскую деревню, съ тѣмъ только различіемъ, что среди ея избъ высится не церковь, увѣнчанная крестомъ, но убогая деревянная татарская мечеть. Здѣсь, въ этой слободѣ, живутъ истые татары, сохранившіе свой народный костюмъ и языкъ, хотя и научившіеся довольно чисто говорить по-русски. Промыселъ мужчинъ въ этой слободѣ — рыболовство и промѣнъ лошадей, а женщинъ — пряденье и бѣленье нитокъ, которыя онѣ продаютъ въ городѣ. Любопытенъ этотъ бѣдный обломокъ цѣлаго, нѣкогда мощнаго народа, обломокъ, который уцѣлѣлъ и держится не распространяясь и не уменьшаясь среди народности, совершенно ему чуждой: замѣчательно, что въ продолженіе многихъ вѣковъ этого близкаго сосѣдства элементъ татарскій такъ свѣжо сохранился не только въ языкѣ и костюмѣ, но и въ бытѣ, въ наружности и домашнихъ обычаяхъ. При всемъ этомъ татары слободы часто въ весьма пріязненныхъ и безпрестанныхъ отношеніяхъ съ костромскими горожанами, и вамъ нерѣдко бы удалось слышать самую задушев-

ную бесѣду между ними гдѣ-нибудь на лавкѣ у воротъ постоялаго двора или въ трактирѣ за тремя парами чаю: и какъ рѣзко тогда выдается скулистая, большею частію рябоватая, съ маленькими глазами и приплюснутымъ носомъ, фигура, въ бѣломъ кафтанѣ, среди открытыхъ, бѣлыхъ чистыхъ лицъ русскаго человѣка, обыкновенно въ синей одеждѣ. Также рѣзко бросаются въ глаза физіономія и оригинальный костюмъ татарки, свободно прогуливающейся въ базарный день на толкучемъ рынкѣ среди русскихъ торговокъ. — Татарская сосновая роща есть любимое мѣсто прогулокъ костромитянъ низшаго класса.

Быстро, на всѣхъ парусахъ, какъ говорится, проѣхали мы мимо Костромы, и разговоръ нашъ о татарахъ кончается уже далеко за городомъ. Оба берега Волги внизъ отъ Костромы весьма красивы и разнообразны, тѣмъ болѣе, что и лѣвый берегъ теряетъ уже свой луговой характеръ, и по преимуществу, напротивъ, поднимается такими же высокими холмами и часто отвѣсными песчаными утесами, какъ и правый. Оба эти берега весьма населены и изобильно покрыты лѣсомъ. Деревни, села, усадьбы, лѣса и пахотныя поля, смѣняясь весьма часто, очаровательно разнообразятъ картину, и вы ни на минуту не оторвете отъ нея вашихъ глазъ.

Но вотъ на крутомъ поворотѣ вѣтеръ пересталъ быть попутнымъ, и наши гребцы, опустивши парусъ, принимаются за длинныя весла, которыми дѣйствуютъ, стоя на палубѣ. Вслѣдъ за тѣмъ раздается неизбѣжная спутница ихъ трудовъ — заунывная, нескончаемая пѣсня. Понятна и любезна всякому русскому нехитрая, но искренняя пѣсня народа: прямо изъ сердца пѣвца вытекаетъ она и льется прямо въ душу слушателя. Вотъ уныла она и грустна, но грустью

тихою, спокойною, не ропщущею, не порывистою; вотъ мелодична и тиха она, какъ любящее, доброе, близкое къ природѣ сердце, вотъ молодцовата и удала, какъ юность, какъ первые порывы молодой души, и вотъ проста и безыскусственна, какъ отраженіе простой и безыскусственной жизни русскаго поселянина!... На Волгѣ русская пѣсня принимаетъ особенный характеръ: она большею частію здѣсь заунывна, монотонна, напѣвъ ея всегда почти подлаженъ подъ мѣрный шагъ бурлака, идущаго бичевой, или подъ столько же мѣрный ударъ веселъ о поверхность воды. И этотъ напѣвъ такъ всегда вѣренъ и согласенъ, что бурлаки опредѣляютъ пройденное ими пространство числомъ пропѣтыхъ пѣсенъ. Любопытно было бы собрать волжскія пѣсни; но это не совсѣмъ легко: сохраняя одинъ и тотъ же мотивъ, бурлацкая пѣсня безконечно варіируется въ словахъ, потому что она поется всегда хоромъ, и пѣвцы, сходясь съ разныхъ сторонъ, изъ разныхъ губерній, часто или совсѣмъ не знаютъ словъ пѣсни и только подлаживаютъ свои голоса подъ общій хоръ, или знаютъ ихъ отрывочно, отдѣльными куплетами, и во время самаго пѣнія вставляютъ цѣлыя мѣста своего изобрѣтенія, такъ что, если бы вы попросили одного изъ пѣвцовъ повторить слова пѣсни только что пропѣтой, въ которой онъ участвовалъ, онъ не могъ бы удовлетворить вашему желанію. Нѣкоторыя пѣсни такъ и дышатъ жизнію, такъ и кажется, что онѣ не выдуманы, не сочинены, а сложились сами собою, безъ приготовленія, во время самаго пѣнія: вотъ хоть бы эта простая пѣсенка, въ которой какъ будто отражается сожалѣніе бурлака о покинутомъ имъ семействѣ, о разрозненной жизни, которую онъ ведетъ съ нимъ, и желаніе пре-

кратить наконецъ это состоянiе и зажить снова своимъ домкомъ:

Пора намъ, хозяюшка,
Завестися домикомъ:
Купимъ коровушку,
Коровушка: мыкъ, мыкъ!
Купимъ мы телушку,
Телушка то: брыкъ, брыкъ!
Купимъ лошадушку:
Лошадушка: иго, го, го!
Купимъ мы гусиню:
Гусиня то: го, го, го!
Купимъ мы уточку:
Уточка съ носка плоска,
Купимъ мы курочку:
Курочка по сѣнюшкамъ похаживаетъ!
Зернышко по зернышку поклевываетъ. и т. д.

Вообще трудно подслушать слова бурлацкой пѣсни, когда она поется хоромъ, но мотивъ ея говоритъ объ ея содержанiи. И какъ чудно разносится этотъ мотивъ при закатѣ солнца въ тишинѣ всей природы, когда всякiй звукъ слышится издалека и сливается съ другимъ въ очаровательную гармонiю! Много говоритъ тогда душѣ эта заунывная, монотонная пѣсня, которою неутомимый труженикъ Волги облегчаетъ трудъ свой, и много смысла понимаете вы въ одномъ ея мотивѣ, хотя и не разбираете словъ!..

Давно уже слушаете вы пѣсню нашихъ гребцовъ, но она безконечна. Къ первой приплетается вторая, за ней слѣдуетъ третья, и вы задумались подъ эти грустные мотивы, и вамъ самимъ становится наконецъ грустно отъ нихъ. Вы забылись; но вдругъ двѣ холодныя капли воды, упавшiя одна на вашу руку, другая на козырекъ вашей фуражки, пробуждаютъ васъ изъ задумчивости; машинально поднимаете вы голову, смотрите вверхъ, и новая капля падаетъ уже

вамъ на лицо, а вслѣдъ за тѣмъ замѣчаете, что вѣтеръ, бывшій сначала вамъ попутнымъ, а потомъ боковымъ, совершенно измѣнилъ свое направленіе и дуетъ вамъ прямо въ лицо. Вмѣстѣ съ тѣмъ небо покрылось мелкими, но постепенно густѣющими облаками, солнце потеряло свою яркость, и капли дождя падаютъ все чаще и чаще, а вѣтеръ крѣпнетъ все болѣе и болѣе.

— Экъ вдругъ завернуло! сказалъ одинъ изъ гребцовъ. А какъ, было, хорошо стояло! Ишь ты!

— Эка парень! прибавилъ другой.

— То-то я давно смотрю: стали облачка набѣгать, да и вѣтеръ-то свихнулся сразу; съ боку, да въ носъ! Не даромъ все обливало.

— Ничего: скоро прочистится!

— Нѣтъ, не скоро, а дождикъ будетъ авантажный! Взглянь-ко хорошенько на небо! порѣшилъ лоцманъ. И вслѣдъ затѣмъ онъ, а за нимъ и гребцы, стали надѣвать на себя мѣховые полушубки, единственную защиту русскаго мужика противъ холода и противъ жара, и противъ дождя.

Въ самомъ дѣлѣ, опытный глазъ нашелъ бы въ небѣ и на землѣ что-то такое, предвѣщавшее обильный и продолжительный дождь. Съ каждой минутой небо становилось угрюмѣе, хмурилось, какъ будто сердилось на что; солнце почти скрыло свои лучи, и дождь поминутно усиливался. Галки стаями перелетали съ одного берега на другой, и ласточки съ своимъ визгливымъ крикомъ шныряли надъ самой водой. А тамъ на юго-востокѣ, откуда дулъ вѣтеръ, небо было какъ то особенно мрачно, и какъ будто вдали раздавались глухіе раскаты грома. Дождь уже не позволяетъ вамъ больше быть на открытомъ воздухѣ. Скройтесь подъ палубу; вы долго бодрство-

вали, и тамъ, подъ тихій, хотя немного и усиленный плескъ волнъ, подъ слабое качаніе лодки и мѣрные удары дождевыхъ капель, вы скоро и сладко уснете. Дѣйствительно, сонъ мгновенно слетѣлъ на ваши усталыя вѣки, но вдругъ вы пробуждаетесь не болѣе, какъ чрезъ четверть часа самаго глубокаго, пріятнаго сна. Дурно засмоленная крыша вашей лодки не могла больше противиться сильному дождю, и сквозь щели ея во многихъ мѣстахъ образовались очень тонкіе ручейки воды, которые сначала падали какъ-бы нерѣшительно, капля по каплѣ, и вотъ наконецъ заструились съ полной рѣшительностію. Одинъ изъ такихъ ручейковъ пришелся прямо надъ вашимъ лицомъ и самымъ невѣжливымъ образомъ пролился за галстухъ; просыпаясь отъ глубокаго сна такимъ неожиданнымъ образомъ, вы видите предъ собою весьма оживленную дѣятельность. Всѣ ваши спутники, вооружившись кто деревянной, кто чайной чашкой, а кто даже просто ложкой, стаканомъ, или чѣмъ нибудь въ этомъ родѣ, подставляютъ ихъ подъ безпрестанно умножающіеся подъ вѣроломной кровлей ручьи воды. Чтобы защитить отъ нихъ себя и свои вещи, вы видите даже, какъ одинъ изъ вашихъ спутниковъ старается употребить въ дѣло узкогорлую бутылку, тщетно подставляя ея отверстіе подъ прихотливый потокъ, безпощадно льющійся мимо бутылки къ нему на руки. Вы замѣчаете вмѣстѣ съ тѣмъ, что, когда вы ложились спать, здѣсь было гораздо свѣтлѣе и что въ короткое время вашего сна вдругъ смерклось. Но вотъ вдругъ блеснула молнія, и почти одновременно съ ней раздался ударъ грома, вслѣдъ затѣмъ въ кровлю вашу еще сильнѣе сталъ бить дождь, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличилась и течь сквозь нее, и вы, завернувшись

въ шинель, спѣшите вонъ изъ подъ этой безполезной защиты. Но какъ быстро и страшно перемѣнились декорацiи въ продолженiе вашего сна! Почти вся юго-восточная половина неба покрылась тѣмъ мрачнымъ темно-синимъ или почти чернымъ облакомъ, которое за полчаса назадъ только выплывало еще изъ подъ горизонта. Остальная часть неба менѣе мрачна, но почти сплошь покрыта мелкими, густыми, постоянно сплачивающимися между собою или прилипающими къ черной массѣ облаками. Изъ этой массы вылетаютъ молнiи: иныя изъ нихъ мгновенно скрываются въ ближайшемъ облакѣ, иныя вьются зигзагами въ самой тьмѣ массы, иныя, быстро прокатившись спиралью въ пространствѣ между тучей и землей, падаютъ въ Волгу, и, кажется, слышишь шипѣнiе отъ потухающаго въ волнахъ пламени. Замѣтно было, что туча двигалась бокомъ по правому берегу Волги, несмотря на то, что направленiе вѣтра требовало прямого движенiя, вдоль рѣки и на лѣвый берегъ ея; но какъ будто какая-то непреодолимая сила сдерживала тучу, какъ будто генiй ея и генiй Волги вступили въ борьбу между собою и послѣднiй не пускалъ перваго въ свои предѣлы. Солнце скрылось. Темнота сдѣлалась такая, какая бываетъ въ самыя позднiя сумерки, при самомъ облачномъ небѣ, хотя до сумерекъ еще было далеко. Дождь падалъ частыми, крупными каплями, какъ говорится, лилъ изъ ведра, усиливаясь послѣ каждаго удара грома и ослабѣвая предъ нимъ. Сквозь этотъ дождь берега Волги представлялись какъ будто прикрытыми темнымъ газомъ и еще сверхъ того самой частой сѣткой. Самая рѣка, въ которую безпрестанно падали новыя и новыя капли дождя, возмущая ея поверхность, между тѣмъ какъ порывы сильнаго вѣтра

вздымали на ней бѣлые, клубящіеся пѣной, валы, **барашки**, по мѣстному выраженію, — рѣка издавала какой-то глухой, неопредѣленный шумъ, какъ будто выражая внутреннее негодованіе свое и готовность вступить въ отчаянную борьбу. Съ каждой минутой буря усиливается. При самомъ появленіи своемъ на палубѣ лодки вы еще видѣли нѣкоторыя суда, обрадованныя попутнымъ вѣтромъ и съ поднятыми парусами бѣгущія къ вамъ на встрѣчу; но прихотливое, безпрестанно измѣняющееся, порывистое направленіе вѣтра и постоянно усиливающаяся буря пугаетъ ихъ, и они робко опускаютъ свои крылья и жмутся къ берегу, выбирая удобное мѣсто, чтобы причалить и переждать непогоду. Но вотъ какая-то дерзкая лодка, не больше вашей, несется быстро, лавируя по вѣтру.

— Что онъ о двухъ, что ли, головахъ? замѣчаетъ нашъ лоцманъ, хотя самъ тоже еще не бросилъ якоря.

И въ самомъ дѣлѣ смѣлое судно подвергалось опасности. Вѣтеръ легко игралъ его парусомъ, и вдругъ при неожиданномъ порывѣ съ такою силою ударилъ въ парусъ, что плохія веревки, привязывавшія его къ борту, перервались въ двухъ или трехъ мѣстахъ, и лодку быстро повернуло набокъ, а парусъ заколыхался и забился въ воздухѣ трепетно и неровно, какъ раненая птица своими крыльями. Бортъ лодки былъ почти наравнѣ съ водой, и жадная волна просилась за него. Всѣ находившіеся въ лодкѣ бросились сначала удерживать, потомъ опускать паруса и рады были, когда, послѣ многихъ общихъ усилій, успѣли пристать къ берегу.

— Не говорилъ-ли я? съ самодовольною улыбкою спрашиваетъ нашъ лоцманъ, указывая на спасшуюся лодку.

— А не остановиться ли и намъ? спрашиваемъ мы его въ свою очередь.

— Ничего, намъ въ упоръ дуетъ! отвѣчаетъ онъ самонадѣянно.

Но сейчасъ только испуганные чужою опасностію и ободренные нашимъ предложеніемъ поднимаются изнутри лодки тонкіе, визгливые голоса нашихъ спутницъ, умоляющіе остановиться. Послѣ нѣсколькихъ возраженій нашъ лоцманъ наконецъ соглашается, тѣмъ болѣе, что приближается ночь, а буря, кажется, не стихаетъ. Наша лодка останавливается у небольшого перелѣска, который сбѣгаетъ по горѣ прямо къ берегу. За этимъ лѣскомъ виднѣется небольшая деревенька, расположенная на самой вершинѣ горы.

Смеркается, темнѣетъ еще болѣе. Буря ревётъ все сильнѣе; удары молній и грома чаще, ярче и громче, дождь хлещетъ на васъ, какъ изъ ведра, и уже тщетны всѣ предосторожности, чтобы остановить вторженіе его подъ палубу, лодка хоть и у берега и на якорѣ, но не совсѣмъ внѣ опасности. Посмотрите, валы поднимаются все выше и выше стѣною, вѣтеръ можетъ сорвать лодку съ якоря, такъ не лучше ли вамъ попросить на бурную ночь убѣжища въ ближайшей деревушкѣ, благо встрѣтилась она такъ кстати. Тамъ примутъ васъ радушно, уступятъ самый теплый уголъ, накормятъ чѣмъ Богъ послалъ, и если возьмутъ за гостепріимство какой-нибудь гривенникъ, то развѣ только въ знакъ благодарности, а не какъ плату. Но только помните, что если вы, согрѣтые теплой избой крестьянина, крѣпко уснете и не явитесь во время, а между тѣмъ буря утихнетъ, появится солнце и подуетъ попутный вѣтеръ, то васъ не станутъ дожидаться и не дадутъ вамъ знать, но уѣдутъ, не спросивши даже о васъ. Если

же вы случайно позабудете какую нибудь-вещь, и лоцманъ лодки знаетъ, кто вы, или, по крайней мѣрѣ, гдѣ можно васъ найти, то не бойтесь: при первомъ удобномъ случаѣ эта вещь будетъ вамъ доставлена. Не считайте также большой потерей и того, что ваша лодка уѣдетъ безъ васъ; чрезъ полчаса появится другая, и если услышитъ вашъ крикъ съ берега и пойметъ его, и притомъ если бѣгъ ея не очень скоръ, съ удовольствіемъ пришлетъ за вами свой маленькій челночекъ или завозенку и приметъ васъ на свою палубу. И такъ смѣло ступайте ночевать въ ближайшую деревеньку.

Видали ли вы вблизи крестьянскую избу небогатой приволжской деревни Костромской губерніи? Вглядитесь въ нее. Не хитра и не богата ея наружность: сложенная изъ толстыхъ бревенъ, покрытая соломой, иногда съ черною печью, она только тремя маленькими окошечками, въ которыя съ трудомъ пролѣзетъ курица, смотритъ на міръ Божій. Съ одной стороны, обыкновенно лѣвой, примыкаетъ къ ней крытый соломою дворъ, съ другой незатѣйливое, почти совсѣмъ открытое крылечко, которое зимой заносится снѣгомъ. Но не думайте, чтобы за этими стѣнами скрывалась совершенная нищета, напротивъ: большею частью вы встрѣтите тамъ мирное довольство и спокойную жизнь. Причина вся тутъ въ томъ, что нашъ крестьянинъ не любитъ выходить изъ быта, въ которомъ жилъ его отецъ и дѣдъ, и часто въ подобной избушкѣ живетъ такой мужичекъ, у котораго по Волгѣ ходитъ одна или двѣ расшивы.

Постучитесь въ окно ближайшей избы.

— Ась! кто тута? спрашиваетъ васъ женскій голосъ, сквозь отодвинутую половину окна.

Вы просите ночлега. Вамъ отвѣчаютъ односложнымъ: „ну!“ и вслѣдъ затѣмъ окошечко тотчасъ затворяется. Въ этомъ односложномъ звукѣ у нашихъ крестьянъ заключается много смысловъ, смотря по тому, какъ оно сказано. Это „ну!“ выражаетъ иногда ласку, привѣтъ, участіе, въ другой разъ совершенное равнодушіе, иногда даже презрѣніе, негодованіе. Но на этотъ разъ оно такъ сказано, что вы смѣло можете войти въ избу. По шаткой лѣстницѣ крылечка вы входите въ сѣни, оттуда налѣво низкая дверь въ избу, а если мужичекъ зажиточенъ, то направо должна быть такая же низкая дверь въ чуланъ или комнатку, гдѣ стоятъ кросна, или станъ съ основой полотна или миткаля, и другія хозяйственнныя принадлежности, и гдѣ вамъ, вѣроятно, какъ гостю, укажутъ лѣтомъ ночлегъ прохладный, но полный мухъ и имъ подобныхъ непріятныхъ насѣкомыхъ. Эта комнатка называется сѣнникомъ.

Вы должны какъ можно ниже наклоняться, чтобы пройти въ дверь избы и потомъ еще нѣсколько шаговъ идти, не разгибая спины, потому что иначе ударитесь головой въ полати, которыя находятся на аршинъ или на три четверти отъ потолка, и тянутся надъ самымъ входомъ отъ печи до противоположной стѣны. Нехитро и внутреннее убранство и устройство крестьянской избушки. По всѣмъ четыремъ стѣнамъ ея тянутся широкія лавки. Параллельно съ ними и въ такомъ же разстояніи отъ потолка, какъ полати, расположены широкія же полки. На этихъ полкахъ помѣщается почти весь домашній скарбъ крестьянина, на нихъ же въ которомъ нибудь изъ переднихъ угловъ поставленъ вверхъ ногами единственный столъ, снимаемый оттуда только въ случаѣ дѣйствительной въ немъ необходимости, какъ, на-

примѣръ, для обѣда, ужина, — и то не всегда. Направо отъ входа, какъ вы уже замѣтили, помѣщается печка и занимаетъ болѣе четверти всей избы. Съ наружной стороны печи, рядомъ съ лѣсенкой на нее, прислонена маленькая деревянная пристройка съ дверцами, голубецъ, который служитъ чѣмъ то въ родѣ подвала или погреба. Недалеко отъ печки подъ рукой у стряпающей хозяйки маленькій шкапчикъ, гдѣ и хранится вся несложная и немногочисленная кухонная посуда: двѣ деревянныхъ чашки, десятокъ ложекъ и два или три ножа. Противъ печки, направо же, въ уровень съ полками, дѣлаются еще одни маленькія палатки, на которыхъ помѣщаются остальныя принадлежности деревенскаго хозяйства: горшки, чугуны, плошки, въ которыхъ пекутъ хлѣбы, и т. п. Въ лѣвомъ, главномъ углѣ, какъ водится, прибито тябло съ тремя образами безъ кіотовъ и окладовъ, но предъ ними теплится теперь, ради грозы, маленькая, желтаго воску, свѣча, и каждый день, можетъ быть, льется самая усердная, самая горячая молитва. Вотъ деревенская небогатая изба Костромской губерніи со всѣми ея аттрибутами. Конечно, въ ней нѣтъ ничего похожаго на тѣ хорошенькіе, почти городскіе и часто каменные дома, которые вы видѣли, проѣзжая по Волгѣ, въ нѣкоторыхъ богатыхъ селахъ, хоть бы, напримѣръ, въ Овсяникахъ, Ярославской губерніи: тамъ вы найдете нѣсколько чистыхъ, обитыхъ обоями комнатъ, съ окнами довольно большого размѣра и съ модными во всю раму стеклами; тамъ вамъ подадутъ чистый большой самоваръ и сносный для села чайный приборъ, тамъ, пожалуй, сдѣлаютъ вамъ нѣсколько блюдъ, конечно не очень гастрономическихъ, но за то тамъ вы должны будете за все это заплатить въ три-дорога

и, можетъ быть, встрѣтите неучтивость, а здѣсь васъ накормятъ и напоятъ всѣмъ, что есть, что Богъ послалъ, приласкаютъ, приголубятъ, какъ умѣютъ, и, можетъ быть, даже обидятся, если вы станете платить. Что же лучше? ... Всякому свое! ...

Если бы вы вошли въ эту бѣдную избушку въ ясный лѣтній день поутру или въ полдень, или, однимъ словомъ, пока еще свѣтло, вы никого бы въ ней не нашли, кромѣ развѣ одной дряхлой старухи, которая, не сходя съ печи, доживаетъ остатокъ мирной жизни своей; всѣ остальные члены семьи въ полѣ на работѣ или гдѣ нибудь подальше. Какъ только смеркнется и работать сдѣлается неудобно, вся семья возвращается домой и, поужинавъ вареными грибами, особенно въ урожайный на нихъ годъ, ложится спать, не зажигая огня, чтобы завтра встать на работу еще до зари. Зимою совсѣмъ иначе: тогда вся семья почти не выходитъ изъ избы, зажигаетъ огонь еще въ третьемъ часу по полудни, и усаживается за работу: старикъ ковырять лапоть, а молодые парни и бабы прясть пряжу. Эта вечерняя работа большею частью происходитъ тихо, безмолвно, такъ что въ избѣ только и слышно, что трескъ горящей лучины, воткнутой въ желѣзный свѣтецъ, да визгъ быстро крутящагося веретена, да развѣ плачъ ребенка въ люлькѣ, качаемой ногою одной изъ пряхъ. Впрочемъ иногда эта молчаніе или эта вялая бесѣда оживляется пѣсней или даже превращается въ нескончаемую болтовню и смѣхъ, если въ избу забѣгутъ на посѣдки двѣ-три чужія дѣвки или забредетъ какой-нибудь разговорливый гуляка-парень.

Въ настоящее время, хоть и лѣто, но по случаю непогоды въ избѣ картина почти зимняго вре-

мени. Принужденный дождемъ и бурей рано кончить свою полевую работу, мужичекъ поневолѣ зажегъ лучину и принялся починивать сѣти, а бабы хлопотать по своему домашнему хозяйству. При вашемъ входѣ оказалась жизнь и движеніе на полатяхъ: оттуда свѣсилось нѣсколько маленькихъ головокъ, которыя лукаво переглядываются, кивая на васъ.

— Здравствуйте, православные!

— Здорово, голубчикъ! И вамъ уступаютъ безмолвно передній уголъ, и если вы неразговорчивы или не расположены говорить, то также безмолвно или самыми короткими фразами предложатъ вамъ ужинъ, уложатъ васъ спать и на завтра простятся, не спросивши даже, кто вы и какъ къ нимъ попали. Но если, напротивъ, вы разговорчивы, любезны, если лицо ваше доброе, рѣчь простая и вообще вы располагаете къ откровенной бесѣдѣ, то мужичекъ съ вами охотно станетъ калякать, хоть цѣлый вечеръ. И вы, конечно, воспользуетесь этимъ.

— Эка погода! спасибо что пустили, добрые люди.

— Ну! нешто мы жиды, что ли? Вѣдь крещеные, чай. А ужъ не говори: эка воля Божья! Кажись экой давно не бывало!

— Да, а вотъ мнѣ на Волгѣ было привелось ночевать въ этакую то бурю.

— Что ты, родимый, ужъ какое теперь дѣло на Волгѣ! Теперь бурла́ченкамъ-голубчикамъ, такъ и тѣмъ, чай, туго пришлось, — отозвалась старуха хозяйка. Не хошь ли, родной поись чего?

— Нѣтъ, тетушка, а вотъ нельзя ли бы какъ самоварчикъ промыслить: промокъ весь!

— Нѣту, батюшка, какой у насъ самоваръ! На

селѣ, вонъ, есть у попа, да далеко идти-то въ эку власть Божью! А вотъ, родимый, яишенки не хошь ли спеку, или молочка твоей милости?

Вы изъявляете согласіе, и старуха быстро приводитъ въ исполненіе ваше желаніе, распоряжаясь двумя молодыми женщинами, вѣроятно своими невѣстками. Между тѣмъ вы обращаетесь къ старику.

— Что, любезный, видно рыболовствомъ промышляете?

— Нѣтъ, кормилецъ! Не то, чтобы промышляю, а такъ, знашь, по своей охотѣ, иной разъ по праздникамъ, подуришь маленько!

— А много у васъ рыбы?

— Какое, батюшка, много! Съ кажиннымъ годомъ все меньше, плохъ нынече становится ловъ.

— Что же, развѣ прежде лучше былъ?

— Какъ же не лучше, кормилецъ! Какъ припомнишь лѣтъ десятка за полтора, или за два: стерляди-то, бывало, ни во что. По полтинѣ продавали въ городѣ полуаршинныхъ. А лещей, судаковъ, щукъ и говорить нечего: такія выпадали, что ну! А нынѣ что? Совсѣмъ стерлядей нѣтъ; въ городъ, иной разъ поѣдешь, по двугривенному да по четвертаку четвертныхъ продаютъ, а полуаршинныхъ и по два цѣлковыхъ, и по три! Да что: нынче ужъ и ярославскіе рыбаки индо до Юрьевца ѣздятъ скупать рыбу-то. Да и вся рыба стала дороже, всякой рыбы стало меньше!

— Отчего же это, старичекъ?

— Отчего? Кто знаетъ власть — волю Господню? Развѣ можно человѣку ее произойти? Самъ ты знаешь, кормилецъ. А вѣстимо, и то сказать: не мудрено и перевестися рыбѣ! ...

— Почему же это, дружокъ?

Вы замѣчаете, что мужичекъ скрываетъ какую-то заднюю мысль, которую не рѣшается высказать.

— Какъ почему? Если разсудить по глупому человѣческому разуму, хоть бы эти машины . . . нечистое дѣло . . . бусурманское! . . .

— Что же такое?

— Какъ что? Вотъ ты ѣхалъ по Волгѣ, такъ, чай, видѣлъ ее, ну, что идетъ? Будто путно идетъ? Ни людей, ни веселъ, ни паруса не видно, а бѣжитъ! Словно, нечистый, прости Господи, сидитъ внутри: дымъ вальмя валитъ, искры такъ и сыплются, какія-то колеса вертятся, точно по землѣ ѣдетъ, тутъ хоть уши затыкай. Не мудрено рыбѣ разбѣжаться! . . .

— Да, вѣдь, ты говоришь, старикъ, что рыбы стало меньше десятка полтора лѣтъ назадъ.

— Да, батюшка. Вѣстимо, прежде больше было!

— А, вѣдь, машины то всего лѣтъ шесть стали ходить? . . .

— Ну, да ужъ оно все такъ къ умаленью шло! Видно, власть Божья такая! — А вы, батюшка, изъ посадскихъ, что-ли?

Этотъ вопросъ — начало вашего сближенія, и вы должны отвѣчать опредѣленно.

— А это, старикъ, невѣстки твои, что ли?

— Вѣстимо, кормилецъ!

— Гдѣ же сыновья-то?

— А одинъ въ Питеръ по веснѣ ушолъ, разнощичаетъ тамъ, а другой въ бурлакахъ ходитъ.

— Что же выгоднѣе?

— Ну, извѣстно, батюшка, въ Питерѣ другое дѣло совсѣмъ! Такое ли дѣло въ Питерѣ, какъ на Волгѣ? Совсѣмъ не то положеніе: нынѣ и бурлацкое дѣло послѣднее.

— Отчего же ты обоихъ ихъ не посылаешь въ Питеръ?

— Да ужъ такъ, батюшка, какъ-то, по привычкѣ что ли, малому-те? Сыздавна ужъ привычку такую взялъ.

— Ну, а зимой-то, что же вы дѣлаете? Промысла нѣтъ въ вашей сторонѣ никакого?

— Какъ, родной, не быть! Зимой прядемъ, бабы полотна ткутъ, миткали. А вонъ верстъ пять, десять подальше, тамъ лѣсная сторона, такъ тамъ горшки жгутъ, посуду деревянную дѣлаютъ, — ну, берденщики есть, кто деготь гонитъ. Ты говори: тоже, вѣдь, всякой пить ись хочетъ: надо копѣйку зашибить, а гдѣ ее возьмешь, сложа-то руки?

Но въ это время разговоръ вашъ прерывается приготовленнымъ для васъ ужиномъ, а потомъ разостланная на полатяхъ шуба предлагаетъ вамъ себя вмѣсто мягкаго ложа, и ваша усталость не пренебрегаетъ ею: вы ложитесь, подъ вой вѣтра, запутавшагося въ трубѣ печки, подъ шумъ дождя, глухо стучащаго въ соломенную кровлю, скоро и крѣпко засыпаете, изрѣдка только инстинктивно вздрагивая при сильномъ ударѣ грома.

Крѣпокъ вашъ сонъ, но непродолжителенъ. Тысячи мелкихъ, презрѣнныхъ, но тѣмъ не менѣе самыхъ неуступчивыхъ враговъ, разбудятъ васъ вмѣстѣ съ первыми лучами солнца. Быстро слѣзаете вы съ полатей внизъ и никого не находите въ избѣ. Удивляясь довѣрчивости крестьянъ, вы спѣшите взглянуть въ маленькое окошечко и видите, къ своему особенному удовольствію, что погода совершенно прояснилась и ваша лодка еще не отчалила. Выходя изъ избы, вы внимательно осматриваетесь, надѣясь встрѣтить кого-нибудь изъ хозяевъ, чтобы сказать имъ

спасибо, за ихъ радушіе, но видите только одного мальчишку, который голыми своими ножонками бродитъ въ лужѣ, образованной вчерашнимъ дождемъ.

— Мальчикъ, ты не изъ этой ли избы?

— Да. А тебѣ на што? спрашиваетъ онъ васъ, полуотворачиваясь и прикрываясь спущеннымъ рукавомъ своей рубашки.

— А гдѣ твой тятя или мама?

— Всѣ на полѣ. А тебѣ на што?

— На, вотъ отдай имъ эту деньгу: они тебѣ купятъ пряникъ.

Мальчикъ нерѣшительно смотритъ на васъ, утирая рукавомъ носъ.

— Что же не берешь: возьми, дурачекъ.

Мальчишка съ веселой улыбкой, но все еще нерѣшительно, любуется на блестящую монету, потомъ быстро вырываетъ ее изъ вашихъ рукъ и, забрызгавши васъ грязью, съ громкимъ смѣхомъ, выскакиваетъ изъ лужи и бѣжитъ къ другому мальчишкѣ, также единственному хозяину сосѣдняго дома, показывать подарокъ.

Вы смотрите на небо, на Волгу, на землю, и не вѣрите глазамъ своимъ: нѣтъ и слѣда вчерашней бури, только потемнѣвшіе песчаные, прежде свѣтло-желтые берега, да крупныя капли воды, дрожащія на деревьяхъ и играющія всѣми радужными цвѣтами, да мокрый еще парусъ мимо плывущаго судна, напоминаютъ о вчерашнемъ дождѣ. Но за то солнце смотритъ на васъ какъ-то ярче, воздухъ, вдыхаемый вами, несравненно благовоннѣе, пѣніе птицъ веселѣе и благозвучнѣе, деревья зеленѣе, самая Волга течетъ какъ будто горделивѣе, торжествуя одержанную надъ враждебной стихіей побѣду. Чудное зрѣлище представляетъ вамъ Волга, когда вы любуетесь на нее

съ высокаго крутого ея берега: противоположный берегъ, видимый на огромное пространство, въ одну общую картину сливаетъ разнообразные виды, расположенные во всю длину его. Волга медленно и плавно течетъ подъ самыми вашими ногами, вдали сливаясь съ горизонтомъ; тысячи разнообразныхъ судовъ бороздятъ ее въ разныхъ направленіяхъ, составляя съ нею нѣчто цѣлое, живущее одною жизнію, и мысль теряется въ этомъ огромномъ видимомъ пространствѣ, и думаешь видѣть предъ собою чудо или обманъ зрѣнія. Дивная, великолѣпная Волга, какъ не любить тебя!

И вотъ вы опять мчитесь по ея гладкому спокойному лону, и снова попутный вѣтеръ надуваетъ вашъ парусъ, опытный лоцманъ обѣщаетъ къ полудню пріѣхать въ Кинешму, если не измѣнится вѣтеръ.

Вотъ посмотрите, направо виднѣется заштатный городокъ — Плесъ. Какъ красивъ онъ! Множество разнообразныхъ деревянныхъ домиковъ, и между ними два или три большіе каменные, расположенные у подошвы высокой горы, а на самой вершинѣ этой горы высятся Божіи храмы, вознося свои кресты къ самому небу. Вся эта картина окружена вмѣсто рамы густымъ темнымъ лѣсомъ. Въ этомъ городкѣ есть жизнь, движеніе; небольшая пристань доказываетъ, что онъ ведетъ торговые обороты хлѣбомъ.

Верстахъ въ тридцати отъ Кинешмы есть нѣсколько мелей, грядъ и большихъ подводныхъ кряжей. Пестрый столбъ съ флагомъ на берегу и нѣсколько плавающихъ по поверхности воды бочекъ указываютъ эти мѣста и самые глубокіе фарватеры рѣки. Если лоцманъ вашъ опытенъ, то онъ легко проведетъ вашу лодку, въ противномъ случаѣ, она непремѣнно или ударится о камень или засядетъ на

мель, и это можетъ быть опасно въ той мѣрѣ, какъ быстръ будетъ ходъ лодки; если она бѣжала съ парусомъ, то немудрено, что проломитъ при ударѣ свое дно и что въ немъ образуется течь; или же вы будете должны испытать неудовольствіе пробыть часа два на одномъ и томъ же мѣстѣ, слушая неистовые крики, брань, и видя нечеловѣческія усилія вашихъ гребцовъ, по-поясъ залѣзшихъ въ воду, чтобы столкнуть судно. Но хотя вашъ лоцманъ и опытенъ, тѣмъ болѣе онъ считаетъ не лишнимъ опустить паруса и посадить на носъ лодки одного изъ гребцовъ съ наметкой въ рукахъ. Наметка эта — жердь длиною сажени въ полторы, на которой въ разныхъ разстояніяхъ навязаны веревки, она замѣняетъ для нашей лодки морской лотъ. И такъ вы благополучно переправились черезъ эти мели, снова подняли парусъ и пустились въ путь со скоростію вѣтра. Далѣе, за этими мелями, вы замѣчаете, что на томъ и другомъ берегу количество помѣщичьихъ усадебъ увеличивается по мѣрѣ приближенія къ городу; всѣ онѣ съ ихъ выкрашенными дикой краской домами, украшенными неизбѣжными колоннами, балконами и мезонинами, съ бѣлыми трубами и красными крышами, картинно расположены на берегу и какъ бы приготовляютъ васъ ко встрѣчѣ съ городомъ. А вотъ, наконецъ, на не крутомъ, дугообразномъ поворотѣ рѣки виднѣется и самая Кинешма — цѣль нашего путешествія.

1851 г.

Уѣздный городокъ Кинешма.

Въ 1851 году.

Кинешма, на Волгѣ, съ пристанью, на прекрасномъ мѣстоположеніи, имѣетъ полотняныя фабрики, торговый городъ.

(См. Краткую Всеобщую Географію К. Арсеньева, стр. 172).

Издали, съ Волги, Кинешма представляется большимъ каменнымъ замкомъ, построеннымъ на высокомъ берегу озера, потому что городокъ этотъ кокетливо выставляетъ на набережную всѣ лучшія свои каменныя зданія, а Волга простирается въ этомъ мѣстѣ въ ширину почти до 400 саженъ. Первое благопріятное впечатлѣніе, производимое этимъ городкомъ издали, не уменьшается, но еще увеличивается, когда ваша лодка, скользя по поверхности глубокой въ этомъ мѣстѣ Волги, останавливается прямо противъ него. Передъ вами крутой правый берегъ Волги, на вершинѣ его высится бѣлая масса собора, прекрасная архитектура котораго невольно привлечетъ ваше вниманіе; рядомъ съ нимъ въ одну линію виднѣются два большіе каменные корпуса присутственныхъ мѣстъ, нѣкоторыя другія церкви и частные дома. У подножія этого крутого берега, въ небольшой, но привольной, глубокой пристани стоитъ довольно много судовъ для того, чтобы дать намъ самое выгодное понятіе о торговлѣ уѣзднаго городка

Здѣсь съ развивающимися флагами спокойно качаются на волнахъ не только барки и расшивы, но даже двѣ или три машины коневодныя, какъ вѣрный признакъ значительныхъ купеческихъ капиталовъ, находящихся въ оборотахъ хлѣбной торговли. Эта пристань, наполненная судами, придаетъ еще новую красоту, новый колоритъ мѣстности. Главная и лучшая часть города расположена между двумя рѣчками при впаденіи ихъ въ Волгу: текущая съ восточной стороны называется по имени городка Кинешемкой, текущая съ западной—Казакой. Изъ этого вы заключаете, что городокъ расположенъ на полуостровѣ и не ошибаетесь въ своемъ заключеніи, но не весь городъ, а только большая часть его, потому что за Кинешемкой находится его зарѣчье и за Казакой принадлежащая къ городу Ямская слободка. На углу, образованномъ впаденіемъ Кинешемки въ Волгу, на самомъ берегу послѣдней, вы замѣчаете церковь Успенія Божіей Матери, которая, красуясь на высокомъ, покрытомъ зеленью холмѣ, со всѣхъ сторонъ окруженная кудрявыми деревьями, составляетъ прекрасное зрѣлище, много прибавляющее къ общему пріятному впечатлѣнію, производимому видомъ городка. Съ другой стороны Ямская слободка, живописно раскинувшись, не по крутому, но тѣмъ не менѣе картинному, берегу Волги, увеличиваетъ красоту мѣстоположенія. Вы залюбовались бы этимъ небольшимъ городкомъ, подъѣзжая къ нему черезъ Волгу въ часъ солнечнаго восхода или заката, когда заря покрываетъ всѣ прибрежныя зданія своимъ пурпурнымъ плащомъ и особеннымъ блескомъ сіяютъ кресты Божіихъ храмовъ, или ночью, когда при полусвѣтѣ мѣсяца и звѣздъ всѣ предметы, покрывающіе берегъ, какъ бы тонутъ во觉 мракѣ, и одно лишь

зданіе собора съ его высокой колокольней, въ неясныхъ чертахъ, обрисовывается предъ вами.

Вотъ лодка наша, пробравшись между судами, пристаетъ наконецъ къ берегу. Поспѣшимъ на берегъ, осмотримъ этотъ городокъ во всѣхъ его особенностяхъ.

О мѣстоположеніи города вы уже имѣете нѣкоторое понятіе, по тому виду, которымъ онъ поразилъ васъ, когда вы подъѣзжали къ нему по Волгѣ. Но въ самомъ городѣ и его окрестностяхъ есть такія точки, съ которыхъ вамъ представятся еще болѣе восхитительныя зрѣлища, которыя не часто создаетъ природа Великороссіи. Одна изъ такихъ точекъ — это съ набережной города и ея такъ называемаго бульвара. Оттуда вы видите подъ своими ногами широкую въ 400 саж. рѣку, которая медленно, спокойно и величаво катитъ свои голубыя волны. Противоположный гористый берегъ представляетъ самую разнообразную картину. Вотъ нѣсколько помѣщичьихъ домовъ съ прилежащими къ нимъ усадьбами виднѣются среди роскошной обстановки деревъ, вотъ нѣсколько сельскихъ церквей или всею массою своею обрисовывающихся на горизонтѣ, или только крестами своими виднѣющихся изъ за густого темнаго лѣса, а тамъ дальше въ оригинальномъ безпорядкѣ разбросаны по склонамъ горы рощи, перелѣски, перемежающіеся разноцвѣтными полосами, то темною только что вспаханнаго поля, то зеленою цвѣтущаго луга, то желтою спѣющей жатвы. Среди этого оригинальнаго безпорядка природы, въ такомъ же безпорядкѣ разбросаны хижины родныхъ дѣтей ея — поселянъ. Посмотрите — вонъ эта деревенька какъ будто прячется за частый березникъ и робко выглядываетъ изъ за него, а вонъ другая взбѣжала

на самую вершину холмистаго берега и кривою линіей изогнулась по неровной его поверхности, а тамъ дальше третья только прислонилась къ горѣ, растягиваясь по ея скату и какъ будто придерживаясь за игольчатыя вѣтви сосноваго лѣса, прикрывающаго ее своею тѣнью, а за ней вдали одинокая среди гладкаго ровнаго поля размахиваетъ своими крыльями мельница-толчея ... Чудная панорама!

Идя по берегу Волги мимо города, мы дойдемъ до угла, образуемаго впаденіемъ въ Волгу Казаки. Остановимтесь здѣсь: это одно изъ любимыхъ мѣстъ, откуда кинешемскіе мечтатели любуются на природу. Вы на довольно высокомъ крутомъ холмѣ: съ правой стороны у васъ широкая Волга, подъ ногами устье Казаки съ тремя или четырьмя барками; противъ васъ по ту сторону рѣчки, у подножія довольно высокаго холма, разстилается Ямская слободка, а вершина этого холма вѣнчается двумя старыми толстыми разросшимися вязами; налѣво же, извиваясь зигзагами, прихотливо струится между своими крутыми берегами Казака. Вотъ спряталась она отъ вашихъ глазъ подъ тѣнью густого кустарника, сбѣжавшаго по скату берега къ самой водѣ и прикрывшаго ее своими вѣтвями, вотъ вдругъ блеснула серебряною полосой, а тамъ дальше у шумящаго колеса водяной мельницы разлилась широкимъ прудомъ, живописно обсаженнымъ купами деревьевъ и покрытаго ближе къ берегамъ болотными травами и цвѣтами. Лѣвый берегъ Казаки менѣе гористъ, какъ будто изъ подражанія берегамъ Волги, и покрытъ лугами и пажитями, напротивъ, правый высокъ, крутъ и совершенно скрытъ отъ глазъ густо разсаженнымъ на немъ ельникомъ и соснякомъ. Нужно ли говорить, что рѣчка эта не судоходна: картина, рисую-

щаяся у васъ передъ глазами, объясняетъ это; вотъ корова самоувѣренно и флегматично переходитъ черезъ нее почти въ самомъ устьѣ, крестьянинъ въ своей телѣжонкѣ свободно переѣзжаетъ черезъ нее, не обмачивая въ воду струпицъ колесъ, а вотъ два купающіеся мальчика тщетно стараются погрузиться въ воду, хотя ростъ каждаго изъ нихъ немного побольше аршина. Стоящія въ устьѣ барки ничего не доказываютъ, потому что они не въ силахъ двинуться ни шагу вверхъ по рѣчкѣ и принадлежатъ Волгѣ, а не ей. Съ другого противоположнаго берега Казаки видъ на Кинешму также не лишенъ красоты и оригинальности. Перейдемте же черезъ рѣчку по мельничной насыпи и, выбравши самую выгодную точку, взглянемте на городъ. Съ одной стороны вы видите на горѣ каменную ограду городского кладбища съ его небольшою церковью, съ его кудрявыми зеленѣющими деревьями, а съ другой высится передъ вами одинъ изъ самыхъ старинныхъ храмовъ города, церковь Вознесенія, между ними крутой песчаный обрывистый берегъ Казаки, по которому изгибается широкая дорога, а еще лѣвѣе, въ небольшомъ пространствѣ, обрамленномъ берегами рѣчки, какъ бы черезъ широкое окно, виднѣется Волга съ несущимися по ней судами и синѣющимъ вдали берегомъ.

Теперь мы сдѣлаемъ переходъ чрезъ весь почти городъ, чтобы посмотрѣть на него съ другой стороны, изъ-за рѣки Кинешемки; но не бойтесь, это дѣло весьма нетрудное, потому что протяженіе города, между двумя самыми отдаленными точками его, не болѣе версты. И такъ, пройдя всю главную улицу города — Московскую, миновавъ площадь его, мы подойдемъ къ рѣкѣ Кинешемкѣ. Что-

бы перейти чрезъ нее, есть нѣсколько путей: насыпь мельницы, небольшіе мосточки, образованные изъ тоненькихъ жердочекъ, поставленныхъ въ воду козелками, на которыя постлано нѣсколько тесинокъ, или наконецъ большой мостъ, составляющій главный путь для сообщенія города съ его зарѣчьемъ. Кинешемка немного побольше и поглубже Казаки, но весной она широко разливается, особенно выше города, гдѣ лѣвый берегъ ея весьма плоскъ, и тогда потопляетъ не только мельницу и большой мостъ, но даже и прибрежныя городскія зданія. Тогда для сообщенія черезъ нее нѣтъ другого средства, какъ на лодкахъ, перевозящихъ и конныхъ, и пѣшихъ. Но теперь лѣто, и мы смѣло можемъ идти по любому изъ помянутыхъ путей сообщенія. Чтобы скорѣе достигнуть цѣли, мы пойдемъ чрезъ легкіе мосточки, называемые здѣсь вообще переходами. Прежде всего намъ бросается въ глаза красивый видъ противоположнаго берега рѣки. Близъ самой Волги онъ обставленъ довольно нарядными домами, между которыми виднѣются даже каменные. Далѣе вы видите огромныя каменныя зданія прежде существовавшихъ, но нынѣ упраздненныхъ уже полотняныхъ фабрикъ. А тамъ еще далѣе маленькіе, стоящіе въ одиночку, среди зелени, домики, окна въ два или въ три. И все это разбросано такъ живописно, такъ небрежно, все это кругомъ въ зелени! Перейдя черезъ рѣку, вы должны будете подниматься, придерживаясь за деревянныя перила, по лѣсенкѣ, вырытой въ горѣ. Этотъ путь приведетъ васъ въ старую сосновую рощу — къ любимому мѣсту гулянья кинешемскихъ обитателей, къ зданію, которое, вѣроятно, заинтересуетъ ваше любопытство. Оно стоитъ въ этой рощѣ, хотя и недалеко отъ города,

но довольно уединенно. Архитектура его напоминаетъ вамъ обыкновенную деревенскую часовню, но въ самомъ дѣлѣ она весьма оригинальна и своеобразна. Зданіе это весьма уже ветхо; стѣны его кругомъ исписаны разными стихами и изреченіями, преимущественно направленными противъ раскольниковъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ этого зданія, носящаго въ городѣ названіе кельи, вы видите другое, построенное весьма недавно и представляющее изъ себя простую деревенскую избушку. Между ними три надгробные простые памятника, кругомъ нѣсколько кустовъ малины, нѣсколько грядокъ съ овощемъ, и все это обнесено старою, какъ и самое зданіе, деревянною оградой и густою чащей сосновой рощи, также старой, хотя и не дряхлой. Чудное спокойствіе царствуетъ въ этомъ мѣстѣ, несмотря на то, что оно близко отъ города. Это спокойствіе нарушается только лишь шелестомъ древесныхъ вѣтвей, да жужжаніемъ насѣкомыхъ. Прекрасный воздухъ вы вдыхаете здѣсь, наполненный смолистыми благовонными испареніями сосенъ: и отсюда-то, равно какъ и изъ ближайшихъ мѣстъ, представляется то прекрасное зрѣлище, которымъ мы хотимъ полюбоваться. Но прежде зайдемте въ келью. Много десятковъ лѣтъ назадъ одинъ кинешемскій мѣщанинъ, побуждаемый религіознымъ чувствомъ, искалъ уединенія; но онъ, можетъ быть, не въ силахъ былъ въ то же время разстаться съ своимъ роднымъ городомъ, и вотъ инстинктъ указалъ ему самое прекрасное мѣсто, гдѣ онъ могъ вполнѣ предаваться уединенной молитвѣ, жить почти пустынникомъ и въ то же время каждую минуту видѣть тотъ городъ, въ которомъ онъ родился, жилъ и состарѣлся. Онъ-то и построилъ то оригинальное зданіе, которое поразило васъ. Внутри оно также странно

расположено, какимъ кажется и снаружи. Направо отъ входа въ нижнемъ этажѣ маленькая комнатка, въ которую пробивается свѣтъ только сквозь одно небольшое окошечко, остальное составляютъ темныя сѣни. Ветхая и не прямая лѣсенка ведетъ васъ на верхъ; тамъ двѣ тоже весьма маленькія комнатки, одна изъ нихъ представляетъ въ маломъ видѣ внутренность церкви со всѣми ея принадлежностями; въ маленькой низенькой двери, ведущей въ эту комнатку, врѣзано небольшое стекло призматической формы, черезъ которое всѣ внутренніе предметы комнаты кажутся въ радужной игрѣ цвѣтовъ. Это отдѣленіе, какъ и все зданіе, было построено самимъ отшельникомъ. Противъ этой комнатки — другая, столь же маленькая, украшенная множествомъ образовъ и картинъ духовнаго содержанія; она очевидно была мѣстомъ отдыха или спокойнаго размышленія и молитвы отшельника.

Впослѣдствіи мѣсто этого перваго пустынника замѣнили другіе, и ихъ-то тѣла покоятся подъ тѣми надгробными камнями, которые мы видѣли. Во вновь построенной избушкѣ живетъ въ настоящее время старичокъ, и каждый почти день можно видѣть его сгорбившуюся отъ лѣтъ фигуру съ посохомъ въ рукѣ, когда онъ идетъ на молитву въ соборъ: ни зимняя мятель и стужа, ни осенняя грязь и непогода, ничто не останавливаетъ старика! Но посмотрите: какая очаровательная картина представляется ему, лишь только выйдетъ онъ изъ небольшой рощи, которая окружаетъ его жилище. Весь городъ съ его церквами и домами виденъ какъ на ладони: можно указать каждое зданіе, назвать каждую церковь. Съ правой стороны рамой ему служитъ все та же красавица Волга, съ лѣвой — густой сосновый боръ,

разросшійся позади самаго города, а со стороны, обращенной къ вамъ, подножіе того пологаго холма, по которому онъ раскинутъ, охватывается какъ лентой, спокойною въ своемъ теченіи, ровною въ своей ширинѣ, Кинешемкою. Эта панорама мѣняетъ свою обстановку съ каждымъ шагомъ, который вы дѣлаете, какъ будто вы перемѣняете стекла, черезъ которыя смотрите на нее: то большое пространство Волги обрисуется передъ вами, то на далекомъ протяженіи видна извивающаяся Кинешемка, а Волга почти скрывается за деревьями, лишь изрѣдка проблескивая сквозь ихъ чащу; одинъ лишь только городъ виденъ во всемъ его объемѣ.

Наконецъ вы знакомы съ городомъ. Но чтобы дать вамъ понятіе объ его окрестностяхъ, мы взглянемъ еще на одну картину. Мы пойдемъ въ тотъ сосновый лѣсъ, который лежитъ позади города, или боръ, какъ его здѣсь называютъ. По извѣстнымъ намъ тропинкамъ мы должны будемъ пройти чрезъ него около версты. Ваше вниманіе уже утомилось однообразіемъ этихъ вѣковыхъ, частыхъ деревьевъ, которыя тянутся такъ долго по обѣимъ сторонамъ нашей дороги, но за то тѣмъ поразительнѣе эффектъ картины, которая вдругъ и неожиданно разовьется передъ вами. Лѣсъ нисколько не разрѣдѣлъ, но вдругъ и онъ, и ваша тропинка, прекратились, у крутого обрыва голой песчанной горы. Вы смотрите внизъ. Тамъ разстилается обширная зеленая долина: по ней прихотливо вьется та же Кинешемка голубою лентой, обведенною какъ бордюромъ, мелкимъ, но густымъ кустарникомъ, растущимъ только по ея берегамъ.

Но эта рѣчка вдругъ встрѣтила препону на своемъ пути въ мельничной плотинѣ и разлилась широкимъ,

почти правильно круглымъ озеркомъ, и тамъ дальше, стекая въ узкія ворота мельницы, съ шумомъ крутитъ ея колеса и потомъ снова течетъ ровною голубою лентой. Гулъ отъ мельничныхъ колесъ доходитъ до вашего слуха, лелѣя его своей неопредѣленною гармоніей, особенно сладкой и понятной въ тѣ минуты, когда все безмолвствуетъ въ окружающей васъ природѣ. Далѣе за рѣкою долина измѣняетъ свой видъ, и переходитъ въ холмистыя возвышенности, которыя окружаютъ ее и съ лѣвой стороны. На этихъ неровностяхъ раскидано въ самомъ живописномъ безпорядкѣ нѣсколько деревенекъ съ ихъ неизбѣжными атрибутами. Вотъ черная полоса вспаханнаго пара врѣзалась въ нѣжную зелень луга и уперлась въ кудрявый мелкій кустарникъ. Рядомъ съ ней красуется цѣлый холмъ, покрытый спѣющею золотою жатвой, которая, какъ будто потоки растопленной мѣди, ручьями сбѣгаетъ съ краевъ его и течетъ среди зеленыхъ или чернѣющихъ пространствъ невоздѣланнаго поля. Дальше невысокій, но ярко-зеленый перелѣсокъ березняка пересѣкъ цѣлое море жатвы, и кажется онъ вамъ оазисомъ среди песчаной пустыни. А вонъ пыльная дорога вьется среди изгородей поля; она идетъ или въ лѣсъ, или въ поле, или въ сосѣднюю деревню; медленнымъ шагомъ, едва двигая ноги, тащится по ней крестьянская лошадка, влача тяжелый возъ какого-то жита, или скачетъ она презабавнымъ курцъ-галопомъ, понукаемая сидящею на ней верхомъ босоногою дѣвчонкой. И самая рѣчка не лишена нѣкоторой жизни: вотъ два или три стада ищутъ отрады отъ жгучаго лѣтняго жара въ холодныхъ струяхъ ея, и флегматичныя коровы и добродушныя овцы, забравшись по горло въ воду, равнодушно смотрятъ на чудную картину, не созна-

вая, конечно, какъ много онѣ содѣйствуютъ ея красотѣ ... Направо отъ васъ долину ограждаетъ продолженіе той же песчаной возвышенности, на которой стоите вы, и въ этой оградѣ есть своя прелесть. Смотрите: вотъ оборвалась она весьма крутымъ утесомъ, вотъ выбѣжалъ изнутри ея песчаный гребень, какъ будто контръ форсъ въ каменныхъ укрѣпленіяхъ, тамъ дальше запала внутрь темною полосою глубокая осыпь, еще дальше полукругомъ изгибается по ней, идя вверхъ, ровно вырѣзанная дорога и скрывается въ чащѣ лѣса. Въ иныхъ мѣстахъ эта возвышенность въ скатахъ своихъ остается совершенно голою, обнаженною, въ другихъ украшена отъ вершины до основанія или высокими прямыми соснами, или прихотливо искривленными елями, или колючимъ мелкимъ кустарникомъ. Не правда ли, что все это кажется вамъ миніатюрнымъ отрывкомъ изъ видовъ Швейцаріи? Но эта долина, очаровательная днемъ, при яркомъ сіяніи солнца, наполнитъ вашу душу еще большимъ восторгомъ, когда вы взглянете на нее вечеромъ при солнечномъ закатѣ, когда всѣ цвѣта природы получаютъ новыя силы, новую прелесть, или въ темныя сумерки и даже ночью, когда даль сливается съ небосклономъ въ темный непроницаемый мракъ, и ярко блестятъ среди этого мрака зажженные въ деревняхъ огоньки, когда луна высоко всплываетъ на небо, серебритъ поверхность рѣки, освѣщаетъ ближайшіе предметы и придаетъ имъ блѣдный, матовый колоритъ, когда все тихо въ природѣ, и чудною гармоніей говоритъ вашему слуху гулъ мельничнаго колеса ...

Теперь, когда вы познакомились съ мѣстностью города, считаю не лишнимъ сообщить нѣсколько данныхъ о его историческихъ памятникахъ и преда-

ніяхъ. Но ихъ немного. Время основанія города неизвѣстно: была ли тутъ прежде деревенька или какая-нибудь рыбачья слобода, образовалось ли изъ нея въ послѣдствіи торговое мѣстечко, село, возведено ли наконецъ это село въ степень городка, сначала заштатнаго, а потомъ и уѣзднаго, или Кинешма не проходила этихъ ступеней іерархіи, но прямо родилась городомъ — все это покрыто мракомъ неизвѣстности. Мѣстные изслѣдователи говорятъ, что въ лѣтописяхъ нашихъ имя Кинешмы встрѣчается только въ XV столѣтіи. Съ открытія губерній Кинешма причислена къ губерніи Костромской. Событія первой половины семнадцатаго вѣка оставили послѣ себя незыблемый памятникъ въ сердцѣ самого города. На площади его, близъ Казанской или Крестовоздвиженской церкви, вы видите каменную часовню, представляющую собою форму островерхаго шатра и увѣнчанную позлащеннымъ крестомъ. Надъ желѣзными рѣшетчатыми дверями ея вы замѣчаете голубую доску съ какою то надписью. Вотъ содержаніе этой надписи: „Въ 1609 году разорена Кинешма при воеводѣ Ѳедорѣ Бабарыкинѣ паномъ Лисовскимъ, и сія часовня устроена надъ избіенными. Начальная сшибка была въ двухъ верстахъ отъ города, гдѣ и водруженъ крестъ. Въ 26-й день мая, т. е. въ день событія, каждогодно совершается здѣсь панихида, по преданію предковъ“. По источникамъ болѣе достовѣрнымъ, это событіе должно быть отнесено къ 1608 году. Городъ оказалъ сильное сопротивленіе непріятелямъ, и потому могъ быть взятъ только приступомъ, причемъ многіе изъ жителей погибли самою мучительною смертію. Той же участи подверглись жены и дѣти. Первоначальная стычка, какъ сказано выше, происходила въ двухъ верстахъ

отъ города въ извѣстномъ уже намъ сосновомъ бору. Жители города съ благоговѣнiемъ останавливаются предъ ветхимъ деревяннымъ крестомъ, поставленнымъ на этомъ мѣстѣ. Тутъ же по близости находился, говорятъ, и непрiятельскiй станъ, между тѣмъ какъ станъ защитниковъ города лежалъ на другой, противоположной сторонѣ, на правомъ берегу рѣки Кинешемки, близъ извѣстной уже намъ пустыньки. На томъ и другомъ мѣстѣ, указываемомъ преданiемъ, отрыто нѣсколько древняго оружiя, въ чемъ думаютъ видѣть фактъ, подтверждающiй достовѣрность преданiя.

Часовня, поставленная надъ тѣлами убитыхъ, составляетъ для жителей мѣсто особеннаго благоговѣнiя. Ни одинъ изъ нихъ, отправляясь въ путь, или возвращаясь изъ него, не проѣзжаетъ мимо часовни, чтобы не зайти въ нее и не прочитать свою молитву просьбы или благодарности предъ древнимъ массивнымъ распятiемъ. И какое отрадное чувство должно наполнять душу молящагося кинешенца, когда онъ распростирается на кирпичномъ полу часовни, надъ прахомъ неизвѣстныхъ, но тѣмъ не менѣе славныхъ подвигомъ и смертiю, своихъ предковъ! Хотя на вышеупомянутой нами надписи и сказано, что панихида въ память убiенныхъ совершается въ часовнѣ 26-го мая, но народный обычай перенесъ это торжество на послѣднюю среду предъ Вознесеньевымъ днемъ. Среда, торговый день въ городѣ, созываетъ огромное число крестьянъ изъ окружныхъ деревень, и они съ вѣрою и усердiемъ молятся за упокой убiенныхъ. Нѣкоторыя женщины, какъ бы въ ознаменованiе печали по усопшимъ, повязываютъ въ этотъ день свои головы бѣлыми платками. Часовня эта принадлежитъ Крестовоздвиженской церкви, имѣетъ очень много

усердствующихъ вкладчиковъ и богомольцевъ, поэтому доставляетъ значительный доходъ церкви. По середамъ въ ней обыкновенно совершается нѣсколько молебновъ усердными крестьянами, которые даже издалека приносятъ своихъ больныхъ малолѣтнихъ дѣтей, чтобы у подножія креста испрашивать имъ исцѣленія и здоровья. Въ недавнее время часовня эта изнутри и снаружи обновлена и исправлена; но деревянный крестъ, поставленный за мѣстѣ побоища, довольно ветхъ и отъ времени почти разрушился. Нѣкоторые изслѣдователи предполагаютъ, что городъ былъ прежде обнесенъ землянымъ валомъ и сухимъ рвомъ, слѣды которыхъ еще и теперь примѣтны, по мнѣнію ихъ, на высокой набережной города. Впрочемъ туземные жители затеряли память объ этомъ древнемъ украшеніи, своего города, и то мѣсто, гдѣ нѣкогда проходилъ вѣроятно ровъ, называютъ попросту оврагомъ. Вотъ всѣ историческія данныя, которыя извѣстны относительно Кинешмы, вотъ всѣ преданія, сохранившіяся въ памяти жителей; все остальное о прошедшей жизни городка покрыто мракомъ неизвѣстности, а потому мы по необходимости должны обратиться къ современному его состоянію.

Жителей въ городкѣ считается въ настоящее время слишкомъ $3^1/_2$ тысячи душъ мужескаго пола. Все это народонаселеніе располагается въ 300 домахъ съ небольшимъ, изъ числа которыхъ около 40 каменныхъ, остальные деревянные. Вобще видъ городка веселенькій, чему много помогаютъ Волга и двѣ другія рѣчки, такъ прихотливо украшающія и разнобразящія его мѣстоположеніе. Къ тому же онъ не стѣсненъ; умѣетъ выставить на видъ свои лучшія зданія и спрятать гдѣ-нибудь сзади въ слободахъ и переулкахъ необходимые въ уѣздныхъ городахъ такъ называемые

домики и лачужки. Немногочисленныя улицы его широки и прямы, и всѣ онѣ сходятся на площади. Послѣдняя почти вся кругомъ обставлена каменными зданіями и тремя церквами: Крестовоздвиженской (въ простонародіи — Казанской), Воскресенской (въ простонародіи — Никольской) и Благовѣщенской. Послѣдняя изъ нихъ существуетъ слишкомъ 160 лѣтъ. Лучшее въ городѣ зданіе — это его прекрасный соборъ. Онъ помѣщенъ, какъ уже было сказано, на высокомъ берегу Волги, и состоитъ изъ двухъ храмовъ — холоднаго во имя Успенія Божіей Матери, довольно древней постройки, и теплаго во имя Святой Троицы, недавно воздвигнутаго. Послѣдній весьма красивой архитектуры, и вмѣстѣ съ высокою, стоящею совершенно отдѣльно, колокольнею, весьма эфектно обрисовывается на берегу, когда смотришь на него съ Волги. Всѣхъ храмовъ въ городѣ, считая въ томъ числѣ соборы и церковь кладбища, девять. Самая древняя изъ нихъ, вѣроятно, Вознесенская, что вы легко отгадываете по ея архитектурѣ; впрочемъ совершенно точныхъ свѣденій въ этомъ отношеніи, за неимѣніемъ данныхъ, мы сообщить не можемъ. Церковь Вознесенія нѣкогда принадлежала къ дѣвичьему монастырю, въ настоящее время упраздненному. Лучшими каменными домами должны считаться два казенные корпуса, поставленные на набережной, почти рядомъ съ соборомъ, и старинный огромный домъ купцовъ Талановыхъ. Нельзя не упомянуть также о зданіяхъ прежде существовавшихъ полотняныхъ фабрикъ купцовъ Грязновыхъ, Талановыхъ и Звѣрковыхъ. Говорятъ, нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, въ этихъ зданіяхъ дѣятельно происходила фабрикація фламскихъ полотенъ и равендуку. Въ настоящее время это производство уже не суще-

ствуетъ, и обширныя, но пустыя и полуразрушенныя зданія уныло напоминаютъ прежнюю, кипѣвшую въ нихъ дѣятельность. Впрочемъ и теперь еще они много служатъ къ украшенію города, и помѣщаясь на высокомъ берегу Кинешемки, среди окружающей ихъ зелени, представляютъ весьма красивую картину. Въ одномъ изъ этихъ зданій въ настоящее время помѣщена городская больница. — По дорогѣ отъ Волги къ центру города вы замѣтили бы три большіе каменные корпуса, въ которыхъ помѣщаются городскія лавки, и которые вообще называются рядами. Само собою разумѣется, что большая часть этихъ лавокъ не занята въ обыкновенное время и открывается только во время ярмарокъ. Самая значительная торговля въ городѣ хлѣбная, а потому и лавки преимущественно заняты хлѣбнымъ товаромъ. Но кромѣ каменныхъ лавокъ, на самомъ берегу Волги, построено еще нѣсколько деревянныхъ, которыя называются обыкновенно балаганами, и въ которыхъ также торгуютъ хлѣбомъ. Сверхъ того вы замѣчаете еще рядъ деревянныхъ лавокъ, наполненныхъ разнаго рода товаромъ, и въ зданіяхъ, принадлежащихъ Крестовоздвиженской церкви, еще нѣсколько каменныхъ, такъ что по всему этому, согласитесь, вы непремѣнно должны будете составить самое выгодное понятіе о торговлѣ городка, въ которомъ съ небольшимъ три тысячи жителей. Но объ этомъ послѣ, а теперь не хотите ли пройтись по городу, чтобы имѣть какое нибудь общее впечатлѣніе о его жизни и дѣятельности?

Впрочемъ вы человѣкъ заѣзжій. Вамъ, я думаю, давно ужъ хочется отдохнуть, и вы ищете глазами гостинницы, гдѣ бы могли остановиться, спросить чаю или поскорѣе броситься, если и не на мягкую, то по крайней мѣрѣ, опрятную постель. Милости просимъ. Здѣсь

есть гостинница съ вывѣской, на которой написано: вновь открытая гостинница, хотя открыта она безъ малаго пятнадцать лѣтъ назадъ. Эта гостинница похожа на всѣ прочія, существующія въ уѣздныхъ городахъ. Деревянная, выкрашенная дикою краской, съ балкономъ, на которомъ красуется помянутая вывѣска, съ неизбѣжнымъ мезониномъ, она въ архитектурѣ своей имѣетъ впрочемъ нѣкоторыя особенности. Взгляните на ея роскошный, хотя нѣсколько грязный входъ прямо съ улицы. Широкая, почти въ длину всего наружнаго фасада, лѣстница въ шесть или семь приступковъ, съ верхней площадки которой поднимаются четыре деревянныя, не существующаго еще ордена, колонны, поддерживающія балконъ, эта лѣстница представляетъ что-то такое ... не знаю, что именно, но что то такое ... не принадлежащее къ обыкновенному типу гостинницъ уѣздныхъ городовъ. Войдите. Прямо предъ вашими глазами буфетъ, довольно грязный, налѣво — комната съ обыкновенными некрашеными столами, покрытыми, впрочемъ, салфетками, которыя, напротивъ, черезъ-чуръ разукрашены разными пятнами — слѣдами трактирнаго гостепріимства; направо — то же самое. Вы спрашиваете себѣ отдѣльной комнаты. — Здѣсь нѣтъ никакихъ комнатъ-съ! — отвѣчаетъ вамъ господинъ въ фартукѣ, съ весьма живыми манерами и съ весьма длинными, гладко примазанными масломъ волосами. Пожалуйте на постоялый дворъ. Тамъ могите найдти и комнату, а здѣсь комнаты не отдаются.

Такимъ образомъ вы догадываетесь, что это не гостинница, а трактиръ, который только такъ, немножко своевольно, назвался гостинницею. Впрочемъ проѣзжающіе господа иногда останавливаются здѣсь, чтобы, пока перемѣняютъ лошадей, напиться

чаю, съѣсть порцію селянки, въ которой самые главные матеріалы составляютъ говядина и перецъ, чтобы съ удовольствіемъ отвѣдать стерляжьей ухи, дѣйствительно вкусной и свареной изъ живой, только что наловленной въ Волгѣ, рыбы. Главные же посѣтители этого трактира: какой-нибудь закутившій господинъ, вѣчно-пьяный мастеровой, охотникъ позабавиться чайкомъ лавочникъ, получившій на чай, и любитель хорошей компаніи ямщикъ, и преимущественно зажиточные посѣтители середныхъ, т. е. торговыхъ дней, окружныя синія чуйки и пуховыя, немного помятыя и взъерошеныя шляпы. Дубленый, а тѣмъ болѣе простой овчинный полушубокъ не любитъ посѣщать эту гостинницу: онъ еще не совсѣмъ привыкъ къ чаю и хоть пивалъ его съ пріятелемъ чашекъ по двадцати за-разъ, но предпочитаетъ гостепріимство сосѣда и соперника трактиру, выбѣжавшаго на самую площадь и залихватски подбоченившагося на скатѣ пригорка, примирителя ссорющихся и возмутителя дружбы—питейнаго дома. Вы идете отыскивать постоялый дворъ; онъ не далеко, и вамъ его тотчасъ укажутъ. Крытый темный дворъ скроетъ вашъ экипажъ, а самимъ вамъ отведется комната за весьма умѣренную плату — двугривенный или четвертакъ въ сутки. Въ этой комнатѣ вы найдете все, что находятъ обыкновенно во всѣхъ нумерахъ постоялыхъ дворовъ: столъ красный, исцарапанный ножемъ, рѣзавшимъ какія-нибудь часто сопровождающія путешественника холодныя яства, стѣны, исписанныя отъ нечего дѣлать карандашемъ, приготовленнымъ для записки приходовъ и расходовъ; двѣ картинки, изображающія какихъ-то полководцевъ съ цѣлою баталіею, происходящею подъ ихъ ногами среди ужасной тучи дыма; далѣе два-три калѣки-стула, раз-

шатавшаяся безъ тюфяка кровать, и иногда, для разнообразiя, изразцовая лежанка. Изъ окна такой комнаты вы видите или улицу, почти постоянно пустую, а влѣво часть Волги съ несущимиѥся по ней судами, или единственную городскую площадь. Отдохните же пока теперь, а завтра взглянете на городъ: кстати же завтра—середа, день базарный.

.... По обычаю всѣхъ путешественниковъ, дѣйствительныхъ и фантастическихъ, которымъ должно дѣлать различныя наблюденiя, или которымъ суждено ночевать въ нумерѣ постоялаго двора, вамъ не спится, и вы оставляете свою, скрипящую при каждомъ движенiи, кровать съ первымъ появленiемъ солнечныхъ лучей. По тому же обычаю вы съ озабоченнымъ видомъ раскрываете окно. Разумѣется, на васъ тотчасъ пахнетъ свѣжiй, отрадный утреннiй воздухъ, и вы съ наслажденiемъ вдыхаете его своими легкими. Вы смотрите изъ своего окна на городъ и ждете впечатлѣнiй. Окна вашей комнаты выходятъ, безъ всякаго сомнѣнiя, на то пространство, на которомъ вы хотите дѣлать свои наблюденiя ... Въ настоящемъ случаѣ вы видите въ нихъ небольшую городскую площадь. На срединѣ площади вы замѣчаете нѣсколько крестьянскихъ телѣгъ, которыя съѣхались сюда еще до зари и привезли сюда разные продукты деревенской промышленности и сельскаго хозяйства. Съ каждой минутой количество этихъ телѣгъ увеличивается вновь прiѣзжающими. Лѣниво здороваются между собой знакомые мужички, еще лѣнивѣе чешутъ свои затылки и только однимъ киванiемъ головы перебрасываютъ свои шляпы съ одного уха на другое. Русскiй людъ не разговорчивъ, когда бываетъ занятъ какимъ-нибудь дѣломъ или приготовляется къ нему. Городъ еще не прос-

нулся, и мужички, только-что пріѣхавшіе, отпрягаютъ своихъ лошадей или, развязавши только супонь ихъ хомутовъ, даютъ имъ по охапкѣ сѣна, и потомъ, разложивши и приготовивши къ продажѣ свой товаръ, усаживаются или на своей телѣгѣ, или на колесѣ ея, или просто на землѣ, и начинаютъ жевать привезенный изъ дому ячный колобъ или конецъ ржаного пирога съ лукомъ, лишь только изрѣдка перикидываясь какими-нибудь отрывочными фразами. Но вотъ раздался ударъ колокола къ заутрени, повторился въ другой церкви и во всѣхъ остальныхъ. Мужички перекрестились. Въ городѣ оказалось движеніе. Вотъ медленно поплелась въ церковь старушка; вотъ, громко хлопнувши калиткой, выбѣжала хлопотливая мѣщанка и мелкою рысцой пустилась на базаръ, чтобы пораньше захватить все нужное; вотъ что-то стала она торговать у мужичка, и нескончаемымъ источникомъ полилась ея бойкая, визгливая рѣчь, въ которой слова, казалось, гнались одно за другимъ и старались опередить другъ друга; вотъ съ шумомъ распахнулись обѣ половинки воротъ господскаго дома, неподвижно остановилась среди ихъ заспанная, неумытая физіономія кучера, апатично посмотрѣла во всѣ стороны, почесала затылокъ, зѣвнула, перекрестилась на одну изъ церквей и лѣнивымъ шагомъ скрылась изъ глазъ внутри двора, а черезъ нѣсколько минутъ снова явилась, стоя на роспускахъ сзади пустой бочки, которая страшно грохотала, подпрыгивая по мостовой: неистово подергивалъ возжами заспанный кучеръ и безъ жалости погонялъ бѣдную, находившуюся въ его распоряженіи животину, а потому и скоро скрылся изъ вашихъ глазъ. Но вотъ на мѣсто его черезъ площадь, по направленію къ лавкамъ, потянулось нѣ-

сколько очевидно купеческихъ жирныхъ лошадей запряженныхъ въ роспуски съ сидящими на нихъ молодцами, которые вѣроятно должны будутъ перевозить изъ лавокъ на мельницу кули несмолотаго еще хлѣба. Вотъ пробѣжала калачница съ корзинкой, полной калачей особенной формы, напоминающей турка, сидящаго съ поджатыми подъ себя ногами. Потомъ изъ всѣхъ улицъ, по направленію къ площади, потянулись весьма разнообразныя фигуры: то въ видѣ стараго краснаго салопа, то въ видѣ какого-то капота или душегрѣйки, то въ видѣ шинели, чуйки, длиннаго или болѣе короткаго сюртука. Все это спѣшило покупать, все это начинало торговаться, кричать, перебивать другъ у друга покупку, такъ что спокойная недавно площадь превратилась въ какое-то шумное побоище.

Шумная дѣятельность рынка около полудня начинаетъ мало по малу ослабѣвать, потому что въ это время почти всѣ жители города успѣли закупить все для себя нужное, и кумушки-мѣщанки, главныя виновницы базарнаго шума, возвращаются домой съ своими покупками, которыя иногда стоятъ не болѣе 5 коп. асс., но отняли у нихъ нѣсколько часовъ времени. Эти кумушки теперь развѣ гдѣ-нибудь на перекресткѣ еще остановятся потолковать другъ съ другомъ, потужить о своихъ горяхъ, посудачить своихъ знакомыхъ и весь людъ городской. По заведенному порядку, въ права покупателей на базарѣ съ 12 часовъ вступаютъ городскіе торговцы, которые скупаютъ все что осталось у мужичковъ не распроданнаго, для того, чтобы послѣ въ дни небазарные перепродать съ барышемъ непредусмотрительнымъ хозяевамъ, прогулявшимъ дешевыя цѣны на базарѣ. Около двухъ часовъ мужички собираются

по домамъ, но въ это время ихъ физіономіи совершенно измѣнились: изъ угрюмыхъ они сдѣлались свѣтлыми и улыбающимися, изъ молчаливыхъ—крайне разговорчивыми, изъ враждебныхъ или по крайней мѣрѣ равнодушныхъ необыкновенно нѣжными. Это значитъ, что мужички успѣли уже побывать въ гостепріимномъ домикѣ, который рано по утру такъ привѣтливо подмигивалъ имъ своимъ полуоткрытымъ окномъ. Въ немъ давно уже и шумно и весело, и дикіе нескладные звуки распѣваемой въ немъ пѣсни доходятъ даже до вашего слуха. Впрочемъ все то, что вы видѣли — картина миніатюрная. Лѣтомъ мужичекъ занятъ полевою работой, для него дорога каждая минута, а потому онъ неохотно ѣдетъ на базаръ въ городъ, но зимою уже никакъ и ничто не удержитъ его въ этотъ день дома. Зимою, въ среду, вся городская площадь бываетъ заставлена санями, и остается лишь весьма тѣсное пространство для проѣзда. Зимою каждый крестьянинъ хоть что нибудь да везетъ въ городъ на продажу. Тогда вы увидите на базарѣ цѣлыя горы корзинъ, корытъ, лукошекъ, рѣшетъ, ситъ и проч., цѣлые возы горшковъ и разной глиняной посуды; далѣе сѣно, дрова, разнаго рода хлѣбъ и пр. и пр., однимъ словомъ, по русской пословицѣ, всякаго жита по лопатѣ. Есть нѣкоторыя середы, какъ напр. на святкахъ, на масленицѣ, во время ярмарокъ, называемыя гулящими: на нихъ съѣзжаются уже не столько съ цѣлію продавать и покупать, сколько ради гулянья. Въ эти середы пріѣзжаютъ погулять, т. е. выпить, пощелкать орѣшковъ, пожевать пряниковъ, и новобрачные: мужъ въ своей синей чуйкѣ, подвязанной краснымъ кушакомъ, жена въ самомъ лучшемъ штофномъ сарафанѣ, въ шелковой душегрѣйкѣ, въ кокошникѣ, который по-

крывается на золотѣ платкомъ, или просто повязанная французскимъ двуличневымъ платомъ. Вотъ тогда вѐсело посмотрѣть на кинешемскій базаръ, и картина его представится вамъ въ настоящихъ своихъ размѣрахъ.

Вы хотите знать покороче самый городъ и выходите на улицу. Но прежде всего вамъ нужно замѣтить, что городъ построенъ на грунтѣ весьма песчаномъ, такъ что одна изъ его улицъ, по причинѣ особеннаго избытка песка, называется просто Песочной. Впрочемъ и на многихъ другихъ улицахъ ваша нога будетъ глубоко тонуть въ пескѣ. Вы идете. Вездѣ тихо, пусто, небо ясно; солнце еще не жжетъ. По естественному чувству вы направляете свои шаги на берегъ Волги. Вотъ вы поровнялись съ соборомъ, проходите чрезъ его ограду и выходите на берегъ Волги. Издалека долетаетъ до вашего слуха заунывный мотивъ бурлацкой пѣсни. Вамъ хочется сѣсть, полюбоваться и задуматься. Немного въ сторонѣ на набережной вы замѣчаете что-то въ родѣ распланированнаго или проектированнаго сада: какъ будто назначены дорожки, разставлены въ разныхъ мѣстахъ вѣхи, обозначены столбиками мѣста, гдѣ должны быть лавочки. Но, подходя ближе, вы убѣждаетесь, что ошиблись. Это не проектированный только, но уже разрушившійся садъ, это — бульваръ, какъ называютъ его въ городѣ. Нѣсколько лѣтъ назадъ, одинъ любитель общественныхъ удовольствій задумалъ устроить на набережной Волги бульваръ. Для исполненія этой мысли, какъ слѣдуетъ, обнесли назначенное мѣсто оградой, обрѣзали дорожки, построили лавочки, стали сажать деревья. Но почему-то предпріятіе не увѣнчалось успѣхомъ. Деревья не захотѣли рости и оставили вмѣсто себя

однѣ лишь тоненькія жердочки, которыя вы и приняли за вѣхи, лавочки разсыпались, ограды развалились, дорожки покрылись мягкою муравой, конечно гораздо болѣе красивою, нежели щебень и песокъ, которыми усыпали было ихъ. Вмѣсто сада образовалось тучное пастбище. А прежде бывало здѣсь любило гулять кинешемское общество, любило сидѣть на полукруглой лавочкѣ, подъ сѣнію тогда еще вѣтвистыхъ акацій, любило прогуливаться по аллеямъ, тогда еще исправно обсаженныхъ юными березками, любило останавливаться на одной главной аллеѣ, предъ высокою, вошедшею уже въ полную силу березой, которая, по волѣ судебъ, высилась на самой срединѣ дорожки и, хотя нѣсколько стѣсняла ее и служила не малымъ препятствіемъ для гулявшихъ, но тѣмъ не менѣе была и украшеніемъ всего бульвара. Эта береза окружена лавкой, на которой отдыхали старшіе изъ гуляющихъ, между тѣмъ какъ въ то же время младшіе, вскакивая на эту скамейку, любили отыскивать на стволѣ березы цифру 1824, которая была вырѣзана тѣмъ, кто посадилъ ее, и означала годъ водруженія дерева на новой почвѣ. Иногда въ былые годы устраивались здѣсь гулянья: высшее общество городка на собственныя деньги предлагало себѣ угощеніе, доставало музыкантовъ и, любуясь своею очаровательною Волгой, прохлаждаясь мороженымъ и разными питьями, ходило взадъ и впередъ по главной аллеѣ, весело бесѣдовало и даже, сбрасывая обычный этикетъ, отъ души потѣшалось горѣлками и разными тому подобными невинными играми. Вечеромъ, въ такіе дни, бульваръ иллюминовали, что, какъ разсказываютъ очевидцы, составляло очаровательное и величественное зрѣлище ... Но не только на этомъ бульварѣ останавливаются воспоминанія

кинешемцевъ о былыхъ лѣтнихъ удовольствіяхъ. Они показали бы вамъ одно мѣсто за рѣкой Кинешемкой, недалеко отъ знакомой уже вамъ сосновой рощи и находящейся въ немъ пустыньки, гдѣ на открытой, полянѣ, окруженной зеленью, на краю высокой горы, откуда виденъ весь городъ и Волга и Кинешемка, возвышался нѣкогда деревянный воксалъ. Весело было тогда городу: весь онъ собирался сюда въ извѣстные дни и въ то время, какъ высшее общество танцовало въ воксалѣ, остальное водило хороводы, качалось на качеляхъ, веселыми разнообразными группами усаживалось на полянѣ, съ запасомъ разныхъ вкусныхъ лакомствъ. Вообразите же себѣ эту оживленную картину, и вы поймете то чувство сожалѣнія, съ которымъ кинешемецъ вспоминаетъ объ этомъ минувшемъ удовольствіи, и ту любовь, съ которою онъ повторяетъ имя особы, умѣвшей возбудить это общее веселье ... Теперь уже и слѣдовъ не осталось отъ этого воксала: года два или три назадъ стояли тутъ по крайней мѣрѣ столбы, врытые въ землю, на которыхъ было основано зданіе, а теперь и ихъ нѣтъ, ушли ли они въ землю, или понадобились кому-нибудь на новую постройку ... неизвѣстно. Былое удовольствіе на этомъ мѣстѣ напоминается лишь изрѣдка въ лѣтніе праздники, и преимущественно въ Духовъ и въ день Всѣхъ Святыхъ, когда все почти кинешемское народонаселеніе стекается сюда, какъ на любимое мѣсто своихъ прогулокъ. Разнообразное общество ходитъ степенно по полянѣ и сосѣдней съ нею рощѣ, заходитъ къ отшельнику, вызываетъ его на бесѣду, и часто, усѣвшись кругомъ его на зеленой травѣ, слушаетъ простую, но складную и умную рѣчь старика. Иногда и въ простые дни цѣлыя семейства пріѣзжаютъ сюда напиться чаю.

Выбираютъ въ рощѣ самое тѣнистое и удобное мѣсто, садятся въ кружокъ, и на сцену является неизбѣжный самоваръ ... Любите ли вы смотрѣть на дружную семью, усѣвшуюся гдѣ-нибудь въ лѣску, подъ сѣнію древесъ, кушать свой чай? ... Не знаю какъ вы, но для меня это зрѣлище представляетъ особенный интересъ. Воздухъ душистъ и прохладенъ, самоваръ какъ-то особенно шуменъ и болтливъ, всѣ лица какъ-то добродушны и веселы, бесѣда беззаботна и текуча ... Право, очень хорошо! А если ко всему этому чудесный видъ на окрестность, умная рѣчь хорошаго разскащика, или, какъ здѣсь часто бываетъ, складная бесѣда старика, отъ которой такъ отрадно на душѣ и легко на сердцѣ ... Не мудрено, что кинешемцы любятъ ѣздить съ чаемъ за рѣку. Но для кинешемца вездѣ чудесное гулянье. Впрочемъ бульваръ свой онъ рѣдко посѣщаетъ, можетъ быть потому, что онъ обманулъ его ожиданія. Были неоднократно попытки привести дорожки въ надлежащій видъ, но впрочемъ безуспѣшно: работа шла обыкновенно весьма медленно, и случалось не разъ, что пока освобождали отъ травы послѣднюю половину дорожки, на первой, очищенной, вновь выростала зеленая мурава.

Бульваръ, равно какъ и остальная набережная Волги бываетъ особенно оживленъ, наполненъ народомъ и представляетъ мѣсто живого любопытства весною, когда Волга начинаетъ снимать свою зимнюю оболочку, когда идетъ ледъ. Глухой шумъ и, по временамъ, страшный трескъ доходитъ до вашего слуха, лишь только вы приблизились къ берегу рѣки. Сначала вы видите, какъ ледъ двигается, какъ бы огромною сплошною массой; потомъ эта ледяная движущаяся масса разбивается на огромные куски: они

какъ бы борются между собою, сталкиваются, съ шумомъ и трескомъ расшибаются на мелкія части; послѣднія скучиваются, растутъ цѣлыми горами, надвигаясь одна на другую, но вотъ новая огромная масса врѣзывается въ эту гору, разрушаетъ ее, разбрасываетъ ее съ необычайною силой, или срѣзывая ея вершину, несетъ ее на своемъ хребтѣ, и тогда вамъ кажется, что какое-нибудь чудовище, выставивъ изъ воды лишь одну свою громадную спину, какъ перышко подняло на ней цѣлую гору льда и тѣшится своею силой. Но смотрите: вдругъ огромныя массы льда стѣснились въ берегахъ, ледъ сперся — образовался заторъ. Движущаяся масса льда разорвалась на двое: верхняя остановилась, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла; нижняя, уклекаемая неудержимою силой, скрылась изъ глазъ и, освободивъ поверхность рѣки, дала ей снова увидѣть Божій свѣтъ, котораго она не видала цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ. Но не надолго. Въ верхней части движеніе продолжается: массы льда напираютъ сзади; большія или топятъ меньшія въ пучинѣ, или взбрасываютъ ихъ одну на другую, образуя какъ бы высокую насыпь или мостъ поперекъ всей Волги. Но вотъ наконецъ этотъ барьеръ не въ силахъ болѣе удерживать напора заднихъ льдинъ: съ шумомъ прорывается онъ и съ неистовствомъ, съ неимовѣрною быстротой несутся снова ледяныя массы, и снова закрываютъ свѣтъ отъ взоровъ Волги. А вотъ, взгляните — печальная, грустная картина: неосторожный хозяинъ не успѣлъ поставить въ безопасное мѣсто свою барку или расшиву; ледъ сорвалъ ее съ каната и затянулъ въ свою средину. Колеблясь, робко, какъ будто со страхомъ, движется она среди мелкихъ кусковъ льда, облѣпившихъ ее со всѣхъ

сторонъ: и напрасно надѣется хозяинъ спасти ее отъ погибели, напрасно отчаяннымъ голосомъ молитъ о спасеніи неосторожный, бывшій на баркѣ въ то время, какъ ее увлекло силой льда — нѣтъ доступа, и никакая человѣческая сила ничего не можетъ теперь сдѣлать. Есть одна надежда на спасеніе, но и она не вѣрна: соскочить на ледъ и перепрыгивать со льдины на льдину, рискуя каждую минуту оборваться, оступиться, быть сшибену и потомъ раздавлену, изувѣчену ... о, страшное предпріятіе! и только близость смерти неизбѣжной, ужасной, можетъ дать твердость броситься на другую смерть, по крайней мѣрѣ нѣсколько болѣе отдаленную. И вотъ несчастный рѣшился: онъ соскочилъ на льдину, онъ колеблется, теряетъ равновѣсіе... Вы—весь вниманіе, чрезъ вашу душу проходятъ всѣ ощущенія несчастнаго, у васъ захватило дыханіе, вы молитесь за него, вы протягиваете къ нему руку, забывая, что сотни такихъ рукъ не выручатъ его, вы кричите, зовете, ободряете его, забывая, что вокругъ несчастнаго такой шумъ, что онъ не могъ бы услышать и тысячи голосовъ ... Увы, онъ скрылся отъ вашихъ глазъ, онъ потонулъ, все кончено! ... Но нѣтъ — это огромная льдина прошла не вдалекѣ отъ несчастнаго и заслонила его собою. Вотъ онъ опять вамъ виденъ, онъ уже ближе къ берегу, и снова ужасъ борется въ вашей душѣ съ надеждою. Еще нѣсколько минутъ страха, сомнѣнія .... и вы отдыхаете. Онъ спасенъ, говорите вы своему сосѣду. Вы радуетесь этому, какъ будто спасенный былъ вашъ родной братъ; и тогда только вы понимаете, какъ люди близки между собою ... А между тѣмъ барка давно сокрушилась: большія массы льда крѣпко сжали ее, и она разсыпалась, какъ будто была построена

изъ тростника и щепокъ. Кстати посмотрите на противоположный берегъ. Видите ли вы тамъ, на самомъ верху горы, прямо противъ города, небольшую деревеньку?... Она называется Олекино. Мужички ея такъ привыкли къ водѣ, или лучше сказать къ Волгѣ, что рѣшатся перевезти васъ чрезъ нее и осенью, когда слабые холода покрыли рѣку самою хрупкою корой, которая трещитъ и даже проламывается при каждомъ шагѣ, и весною, когда двинулся ледъ. Они переправятъ васъ или пѣшкомъ, или въ экипажѣ, или на лодкѣ, смотря по времени года и возможности; они отваживаются на такой подвигъ даже тогда, когда, повидимому, не представляется къ тому никакой возможности. А между тѣмъ олекинцы, если берутся, всегда успѣваютъ въ своемъ предпріятіи, и несчастій или неудачъ въ этомъ дѣлѣ почти никогда не случается. Перевезти же чрезъ Волгу во время затора на лодкѣ или перейти чрезъ нее въ это время по льду — дѣло самое обыкновенное, и на него пускаются даже и не олекинцы. Впрочемъ какъ не вспомнить словъ Гоголя: „Эхъ, русскій человѣкъ не любитъ умирать своею смертію!"

Эфектъ движенія льда не менѣе поразителенъ и на рѣкѣ Кинешемкѣ. Такъ какъ рѣчки, впадающія въ Волгу, вскрываются прежде, нежели послѣдняя, и большею частію довольно быстро и неожиданно, поэтому и не всегда успѣваютъ принять къ этому времени надлежащія предосторожности. Вслѣдствіе этого ледъ въ своемъ движеніи почти всегда разрушаетъ мельничныя плотины, и часто поднимаетъ лодки и барки, которыя хранятся въ устьѣ рѣчки, или на ея берегу. Но ледъ Волги еще не тронулся и твердою стѣной встрѣчаетъ ледяныя массы Кинешемки. Съ силой напираютъ послѣднія на эту стѣ-

ну, но сила ихъ немощна; онѣ разрушаютъ въ дребезги все, что увлекаютъ съ собою, онѣ нарастаютъ громадными, безобразными кучами, среди которыхъ вы замѣчаете обломки и развалины того, что они увлекли въ своемъ стремленіи. Ужасенъ шумъ, съ которымъ напираютъ льдины одна на другую, и поразительна сила, движущая эти огромныя массы, разрушающая ихъ на мелкіе куски и воздвигающая изъ нихъ цѣлыя горы!.. Смотря на эту картину, вы спрашиваете сами себя: неужели это та Кинешемка, которая въ другое время года такъ невинна, что не въ силахъ погубить никакого живаго существа, и такъ скромна, что не замутитъ своей воды и при самыхъ сильныхъ вѣтрахъ и непогодахъ?...

Изъ всѣхъ вышеприведенныхъ очерковъ и картинъ вы можете составить себѣ самое безошибочное понятіе, что кинешемское общество и лѣтомъ можетъ проводить время не скучая, въ безпрестанныхъ прогулкахъ по очаровательнымъ мѣстностямъ, гдѣ имѣетъ возможность вполнѣ наслаждаться природой и вдохновляться ея поэтическими красотами. Но по правдѣ сказать: кинешемское общество скучаетъ лѣтомъ и съ нетерпѣніемъ ждетъ зимы. Тогда оно оживаетъ, тогда начинаются вечера, собранія, -ремитъ оркестръ, пылаютъ стеариновыя свѣчи, экипажи безпрестанно перекрещиваютъ городъ въ разныхъ направленіяхъ, и единственная галантерейная лавка, съ помощію весьма немногихъ другихъ лавокъ, предлагающихъ вамъ, рядомъ съ красными деревенскими платками, сѣренькій тарлатанъ и толстое отъ 6 руб. ассигн. сукно, не въ силахъ уже удовлетворить развивающихся требованій цивилизованной жизни.

Торговля Кинешмы, намъ кажется, достаточно

опредѣляется слѣдующими цифрами: Въ городѣ и его уѣздѣ въ настоящее время считается: 3 почетные гражданина, 11 купцовъ второй гильдіи и 50 — третьей. Главная торговля, которою занимается городъ — хлѣбная, и потому хлѣбомъ наполнена большая часть лавокъ; въ оборотахъ этой торговли находятся сотни тысячъ. Въ городской пристани на Волгѣ, лѣтомъ, вы замѣтили уже большую коноводную машину, нѣсколько мокшановъ, расшивъ и барокъ: все это употребляется для той же хлѣбной торговли. Нѣкоторые изъ купцовъ покупаютъ хлѣбъ въ зернѣ и потомъ превращаютъ его въ муку на своихъ собственныхъ мельницахъ, которыя вообще называются — крупчатками. Торговля такъ называемымъ краснымъ товаромъ, т. е. сукнами, шелковыми, бумажными и шерстяными матеріями, весьма ограничена, такъ что не въ силахъ удовлетворить потребностей города, и въ нѣкоторые середные торговые дни, а также и на ярмарки, съ этимъ товаромъ пріѣзжаютъ иногородные купцы, между которыми самое видное, если не самое важное, мѣсто занимаютъ судиславцы, т. е. торговцы заштатнаго городка Костромской губерніи — Судиславля. Вообще городокъ не въ силахъ удовлетворять всѣхъ потребностей своихъ жителей, а потому ярмарки составляютъ его важное и необходимое условіе.

Въ Кинешмѣ бываютъ двѣ ярмарки: одна въ іюнѣ мѣсяцѣ менѣе значительная, которая продолжается около недѣли, другая — Воздвиженская, которая начинается 14-го сентября и тянется вплоть до октября мѣсяца. На этихъ ярмаркахъ между прочимъ важную роль играетъ торговля продуктомъ собственной промышленности города и его уѣзда. Промышленная дѣятельность эта весьма хорошо выражается

самымъ гербомъ городка, на которомъ изображены два свертка полотенъ. Въ самомъ дѣлѣ, большая часть рукъ въ городѣ и его уѣздѣ занята полотнянымъ производствомъ. Такъ въ городѣ почти каждая мѣщанка,—въ то время, какъ мужъ ея занятъ какою-нибудь мелкою торговлею или какимъ-нибудь ремесломъ, — употребляетъ все свое время преимущественно на то, что прядетъ пряжу, ткетъ изъ нея полотна, бѣлитъ ихъ и потомъ продаетъ. Въ уѣздѣ, почти въ каждой деревенской избѣ, вы найдете нѣсколько рукъ, если не постоянно, то по крайней мѣрѣ въ свободное отъ другихъ трудовъ время, занятыхъ этимъ же производствомъ, и въ Кинешемскомъ уѣздѣ вы можете прослѣдить это производство отъ самаго простаго грубаго стана и самаго толстаго холста до сложной машинной фабрикаціи и самаго тонкаго, камчатнаго столоваго бѣлья, обратившаго на себя вниманіе даже на всемірной выставкѣ (въ производствѣ г. фонъ Менгдена).

Само собою разумѣется, что фабриканты продаютъ свои произведенія извѣстнымъ лицамъ и въ большомъ количествѣ, но для мелочныхъ производителей городскія ярмарки, на которыхъ они могутъ сбывать полотна, представляютъ большую важность, вслѣдствіе чего на каждой изъ этихъ ярмарокъ есть опредѣленные дни, въ которые производится сбытъ полотенъ, называемый обыкновенно новиннымъ боромъ. Процессъ этого бора весьма интересенъ.

Для покупки полотенъ пріѣзжаютъ на ярмарки окружные купцы, преимущественно вичужскіе [1];

---

[1] Вичуга — помѣщичье, весьма богатое и промышленное село Кинешемскаго уѣзда. Многіе изъ крестьянъ его имѣютъ огромные капиталы и записаны въ гильдіи.

для продажи ихъ собираются издалека крестьяне, пріѣзжая иногда верстъ за 30 и болѣе. Купцы располагаются въ лавкахъ, продавцы съ своими коробками гдѣ-нибудь около нихъ или на площади. Часовъ въ 10 утра торгъ начинается: купцы открываютъ свои лавки, и крестьяне, взявъ на головы куски полотенъ, осаждаютъ своихъ покупщиковъ Поднимается страшная толкотня, суматоха, но въ ней не теряются ни продавцы, ни покупщики: первые, держа свой товаръ надъ головою, преусердно толкаются съ соперниками, чтобы подойти поближе къ купцу, который, взгромоздясь на скамейку или даже прилавокъ, съ одного взгляда опредѣляетъ цѣну холсту или новинѣ. Эта цѣна рѣшительная и послѣдняя, какъ говорятъ они: неизбѣжной убавки и прибавки не бываетъ тогда. Впрочемъ глазъ купца такъ опытенъ, знаніе цѣнности продаваемой вещи такъ опредѣленно, что онъ рѣдко ошибается въ цѣнѣ, и крестьянинъ съ полнымъ довѣріемъ уступаетъ ему свой товаръ. При этомъ дѣятельность купцовъ необыкновенно жива: посмотрѣть, оцѣнить смѣрять полотно, разсчитать сколько слѣдуетъ за платить за него денегъ и отдать ихъ — все это дѣло одной минуты. Кто при этомъ выигрываетъ: продающій или покупающій? Это зависитъ не столько отъ ихъ совѣсти, сколько отъ случая, потому что при множествѣ продавцовъ и той быстротѣ торговли, о которой мы говорили, — ошибки неизбѣжны, хотя и рѣдки. Новины извѣстной мѣры въ ширину (около 4 вершковъ) продаются кусками, круглыми свертками, въ которыхъ обыкновенно всегда полагается 22 аршина, и потому ихъ покупаютъ не мѣряя. Здѣсь, разумѣется, можетъ быть иногда обманъ, со стороны продавцовъ, но надобно сказать къ чести

ихъ, эти обманы рѣдки и никогда, по крайней мѣрѣ, не бываютъ значительны. Новинный боръ продолжается обыкновенно до двухъ или трехъ часовъ по полудни. На другой день послѣ этого на сцену являются городскіе мѣщане, исключительно занимающіеся производствомъ полотенъ: они также предлагаютъ самыя тонкія изъ нихъ на продажу тѣмъ же купцамъ, но уже не столько съ цѣлію непремѣнно, за что бы ни стало, сбыть свой товаръ, сколько съ намѣреніемъ узнать цѣны на него въ настоящемъ году. Эти цѣны они узнаютъ, разумѣется, приблизительно, потому что въ продолженіи перваго дня бора, всѣ купцы уже н а б р а л и с ь, какъ выражаются мѣщане, т. е. накупили себѣ столько товара, сколько имъ нужно, слѣдовательно и даютъ цѣны дешевыя, но тѣмъ не менѣе разсмотрятъ товаръ на свободѣ съ большимъ вниманіемъ, и оцѣнятъ его, хотя и дешево, но какъ знатоки дѣла. А по этимъ даннымъ продавцы уже и дѣлаютъ свои соображенія о тѣхъ цѣнахъ, которыя имъ можно будетъ назначать за свой товаръ на нижегородской ярмаркѣ, на которую кинешемскіе мѣщане большею частію отправляютъ продавать свои полотна. Всѣхъ покупщиковъ на новинномъ бору бываетъ иногда до 20 человѣкъ, продавцовъ же можно положить на каждаго изъ нихъ приблизительно до 30 или 40 человѣкъ. Новинный боръ составляетъ рѣзкую особенность кинешемскихъ ярмарокъ, но, можетъ быть, вы желаете поближе и покороче познакомиться съ ихъ ф и з і о н о м і е й. Она незамысловата, незатѣйлива и весьма похожа на физіономію ярмарокъ въ другихъ уѣздныхъ городкахъ. — Самая значительная ярмарка въ Кинешмѣ—сентябрьская, воздвиженская, а потому все то, что мы будемъ говорить о ней, будетъ

столько же относиться и къ іюньской, только въ меньшихъ размѣрахъ.

Предварительно, на площади города и всѣхъ его площадкахъ, обозначаются центральныя точки будущаго ярмарочнаго движенія и гулянья — строятся питейные дома, балаганы для пріѣзжихъ купцовъ и для разныхъ увеселительныхъ представленій. До 17-го числа сентября ярмарка еще не открывается, купцы еще только раскладываются и приготовляются къ ярмаркѣ. Наканунѣ 14-го числа въ городѣ собирается много народа и преимущественно женщинъ изъ окружныхъ деревень для того, чтобы помолиться празднику; но послѣ обѣдни этого дня всѣ расходятся по домамъ, и гулянья въ тотъ день не бываетъ. 17-го числа поутру служатъ молебенъ въ рядахъ города, послѣ чего ярмарка открывается новиннымъ боромъ; флагъ, вывѣшенный на высокомъ шестѣ, водруженномъ въ каменный столбъ, на площади, означаетъ это открытіе ярмарки и колышется въ воздухѣ до самаго ея окончанія. Дня черезъ три все въ полномъ разгарѣ и движеніи. Много народа на площади: здѣсь два балагана привлекаютъ общее вниманіе. Одинъ изъ нихъ деревянный или, лучше сказать, лубочный, вѣроятно, похожій на тотъ лубяный, который строила себѣ хитрая лиса въ извѣстной Русской сказкѣ, другой — холстинный. На каждомъ изъ нихъ висятъ картины съ фантастическими изображеніями того, что представляется въ самыхъ балаганахъ. Около этихъ балагановъ постоянно толпится любопытный и веселый народъ. Кромѣ этихъ увеселительныхъ балагановъ, въ Кинешму на ярмарки пріѣзжаютъ иногда различныя панорамы, восковыя фигуры съ непремѣннымъ изображеніемъ Соломонова суда, на которыя съ такимъ жаднымъ

любопытствомъ и безсознательнымъ страхомъ смотрятъ маленькія дѣти. Заглядываютъ сюда также, хотя и изрѣдка, волтижеры съ своею неизбѣжною маленькою лошадкой, кушающею у стола, и со столько же неизбѣжною пятилѣтнею дѣвицей Розой или Амаліей, которая дѣлаетъ на сѣдлѣ различныя па и представляетъ иногда амура съ крылышками, и, наконецъ, съ заключительнымъ скаканьемъ черезъ обручи, сабли, пирамиды изъ людей и фейерверки.— Всѣ эти зрѣлища съ удовольствіемъ посѣщаются юнымъ поколѣніемъ Кинешмы, вызывая иногда сочувствіе и отъ болѣе зрѣлаго. Тутъ же, рядомъ съ описанными балаганами, высятся горы рѣпчатаго лука, благоуханныя испаренія котораго на далекое пространство заражаютъ воздухъ. Далѣе, около городскихъ рядовъ, открывается нѣсколько на скорую руку построенныхъ лавокъ съ разнымъ товаромъ. Нѣкоторыя изъ нихъ заняты хрустальною, фарфоровою, фаянсовою и просто глиняною посудой, среди которой непремѣнно красуется нѣсколько фигурокъ изъ фарфора, изображающихъ или турка съ трубкою, или какую-нибудь дѣву, надѣвающую чулокъ на ногу, либо весьма граціозную пару, танцующую польку и пр., однимъ словомъ — такихъ фигурокъ, которыми такъ любитъ украшать свои письменные столы холостая молодежь и о которыхъ всегда невыгодно отзываются супруги, находя ихъ въ кабинетахъ своихъ мужей. Далѣе двѣ или три лавки съ куклами. Толпа дѣтей съ маменьками или няньками постоянно наполняетъ ихъ: одинъ ребенокъ показываетъ на миніатюрный барабанъ, другой тянется къ самому барабанщику, готовому ударить въ свой инструментъ по первому желанію покупателя, третій требуетъ большой деревянной лошади, и родитель-

ская любовь, видя въ сынѣ будущаго храбраго наѣздника, покупаетъ лошадь, а четвертому чрезвычайно приглянулся медвѣдь, прыгающій на заднихъ лапахъ съ своею неизбѣжною спутницей — козой; лавки съ куклами бываютъ всегда полны народа и широкою рукой ведутъ свою торговлю. Далѣе вы находите одну галантерейную лавку изъ Костромы и одну съ чаемъ и сахаромъ изъ Ярославля. Судиславцы, о которыхъ мы уже говорили, всегда являются съ своимъ красным товаромъ. Иногда появляется и фортунка, особенный родъ лоттереи, гдѣ деревянный шарикъ бѣгаетъ по вращающемуся горизонтальному кругу, раздѣленному на полосы, изъ которыхъ одни занумерованы и доставляютъ выигрышъ, другія не даютъ его. Шарикъ, упадая на ту или другую линію круга, указываетъ выигрышъ или проигрышъ. Эта фортунка — необходимая принадлежность всѣхъ губернскихъ и большей части уѣздныхъ ярмарокъ. Купцы, которые рядомъ съ торговлей занимаются и этимъ промысломъ, владѣютъ особенною способностью въ выгодномъ свѣтѣ располагать свой товаръ такъ, что, когда вы входите въ такую лавку, гдѣ находится фортунка, вы непремѣнно захотите попробовать счастья и понадѣетесь выиграть за гривенникъ какой-нибудь серебряный подсвѣчникъ, или дорогую лампу, или роскошную чайную чашку, а выйдетъ что вмѣсто ихъ достанется вамъ или круглая табакерка съ пастушкой, нарисованною на ея крышкѣ, которая служила подножіемъ подсвѣчника, или палочка сургуча, которая скрывалась какъ-то незамѣтно подъ лампой, или крошечная фарфоровая собачка, которая покоилась на днѣ роскошной чашки, перекинувши чрезъ ея бортъ свой билетикъ съ нумеромъ. Но тѣмъ не менѣе многихъ

увлекаетъ эта игра на счастье, и многіе часто довольно дорого платятся своимъ кошелькомъ за это увлеченіе.

Сверхъ товаровъ, занимающихъ лавки, многое продается на открытомъ воздухѣ, на рогожкахъ, подъ кровомъ одного неба: такъ напр. деревянная посуда, простая глиняная, а также красная глиняная посуда, такъ называемая — балахнинская[1] и пр. въ этомъ родѣ. О столикахъ и шатрахъ, на которыхъ и подъ которыми производится продажа разныхъ сластей, необходимыхъ при каждомъ народномъ сборищѣ, считаемъ излишнимъ говорить.

Ни одна изъ лавокъ, ни одна изъ рогожекъ, ни одинъ изъ шатровъ и столиковъ не остаются безъ покупателей. Все городское и уѣздное населеніе заботится о томъ, чтобы запастись на цѣлый годъ всѣмъ тѣмъ, чего нельзя достать въ обыкновенное время. Въ городъ съѣзжается большая часть помѣщиковъ: иные изъ нихъ оставляютъ свои усадьбы на все время ярмарки и поселяются въ городѣ. Тогда-то въ одной цѣлой и оживленной картинѣ вы можете подмѣтить особенности помѣщичьей жизни, изучить ее въ оригинальности языка, наружности экипажей и костюмовъ.

Первое воскресенье въ ряду дней ярмарочныхъ называется гулящимъ. На этотъ праздникъ крестьяне съѣзжаются въ городъ весьма издалека, и вся площадь, все пространство, занятое ярмарочными зданіями, наполняется народомъ — веселымъ, счастливымъ, беззаботнымъ, Русскимъ народомъ, который хочетъ повеселиться на славу. Всякій мужичекъ, всякая баба захватываютъ съ собою изъ дому какое-

---

[1] Отъ Балахны, города Нижегородской губерніи, въ которомъ эта посуда преимущественно производится.

нибудь произведеніе своихъ трудолюбивыхъ рукъ съ тѣмъ, чтобы продать его, и на вырученныя деньги—погулять, а потому въ этотъ день можно купить все чрезвычайно дешево. Этимъ случаемъ пользуются нѣкоторые спекуляторы изъ купцовъ: они становятся у разныхъ въѣздовъ въ городъ и скупаютъ у подъѣзжающихъ крестьянъ все, что только они везутъ съ собой на продажу: грибы, сушеные и соленые, масло коровье, деревенскаго производства холстинки и пр. Все это достается имъ менѣе, чѣмъ въ половинную цѣну. Въ гуляньѣ этомъ принимаютъ участіе и кинешемскіе посадскіе, т. е. мѣщане, ихъ жены и дочки. Каждая дѣвушка, каждая молодица, старается заработать себѣ къ этому дню лишнюю копейку, и даже не считается въ грѣхъ и въ оскорбленіе, если, ради этого гулянья, дочка у матери и сноха у свекрови утаитъ нѣсколько аршинъ холста, или нѣсколько повѣсмъ[1] льна или двѣ или три пасмы ($^1/_5$ часть мота) пряжи. Послѣ полудня, когда весь привезенный крестьянами товаръ уже проданъ, начинается настоящее гулянье. Веселый людъ смотритъ на паяцовъ, забавляется и хохочетъ отъ всей души. Впрочемъ, характеръ гулящаго воскресенья въ дальнѣйшихъ чертахъ его мы уже знаемъ. Во время ярмарки бываетъ только гораздо живѣе, шумнѣе, веселѣе; но надъ всѣмъ этимъ шумнымъ говоромъ толпы поднимается одинъ визгливый, раздирающій уши, пискъ и визгъ деревянныхъ и глиняныхъ дудокъ, которыми добрые крестьяне надѣляютъ вмѣстѣ съ пряниками своихъ ребятишекъ. Весело, беззаботно гуляетъ русскій мужичекъ. Любитъ онъ веселую пировню подъ открытымъ небомъ, любитъ

[1] Повѣсмо льна — столько, сколько можно захватить въ руку, иначе горсть отрепаннаго льна.

шумную рѣчь, полюбовную въ самой ссорѣ. Всю суму свою вытрясетъ онъ на гуляньѣ, ничего не оставитъ за душою, да вѣдь за то и на душѣ-то у него нѣтъ ни одной задней мысли: все открыто и чисто. — Ночь спускается на городъ, и лавки закрываются, а шумная толпа еще веселится, и напрасно силится проводить ее домой строгій блюститель порядка. „Не замай насъ, говорятъ ему, сегодня гулящее воскресенье. Завтра ужъ сюда, не бось, не пріѣдемъ". Темнота на улицахъ, и свѣчи горятъ въ домахъ, и площадь опустѣла, а на выѣздкахъ, у привлекательныхъ зеленыхъ елокъ, еще стоятъ десятки телѣгъ, и совершается послѣднее веселое прощанье. А тамъ заломитъ мужичекъ свою шапку, бросится въ телѣгу, запоетъ пѣсню, потомъ всхрапнетъ, а лошадка ужъ знаетъ свое дѣло и привезетъ хозяина прямо къ его дому.

Не смотря на большой съѣздъ помѣщиковъ, во время ярмарки, въ городѣ никогда не бываетъ общественныхъ удовольствій, то есть собраній, вечеровъ и танцевъ. Причину этому мы не можемъ полагать ни въ чемъ другомъ, кромѣ того, что хлопотливыя хозяйки и заботливыя маменьки совершенно поглощены въ это время различными, многочисленными закупками, да къ тому же тогда еще не окончилась рабочая пора въ деревняхъ: слѣдовательно, до танцевъ ли тутъ? Во многихъ домахъ впродолженіе всей ярмарки часто цѣлый день не сходитъ со стола самоваръ, потому что безпрестанно пробуются разные сорты чая, выбираемаго для годового запаса.

Къ воздвиженской ярмаркѣ въ Кинешму привозятся Волгою въ большомъ количествѣ яблоки, апельсины и лимоны. Вообще Волга есть главный путь, по которому доставляется въ Кинешму большая часть

необходимыхъ для нея продуктовъ. Волга же непосредственно доставляетъ Кинешмѣ разнаго рода вкусную рыбу: стерлядей, лещей, судаковъ, щукъ, ершей, налимовъ и пр. А потому въ Кинешмѣ есть нѣсколько промышленниковъ, исключительно занимающихся рыболовствомъ. Впрочемъ въ послѣднее время ловъ рыбы замѣтно уменьшился, и рыба вздорожала, однако и теперь ту стерлядь, за которую напримѣръ въ Москвѣ платятъ 10—20 цѣлковыхъ, въ Кинешмѣ можно купить за 2—4 р. сер., а живую, только что изловленную стерлядку, въ четверть аршина длиною, и теперь можно купить въ Кинешмѣ за 5 к. сер. Вообще, сравнительно, рыба здѣсь весьма вкусна и дешева, но въ 60 верстахъ ниже, подъ Юрьевцемъ, ловъ ея еще значительнѣе и она еще дешевле. — Прочіе продукты хозяйства сельскаго или просто хозяйства самой природы въ Кинешмѣ можно пріобрѣтать весьма дешево, какъ-то: различныя лѣсныя и полевыя ягоды, грибы, дичь, дрова, коровье масло, сѣно и солому, и самый хлѣбъ. Все это родится въ изобиліи въ Кинешемскомъ уѣздѣ и привозится въ городъ въ большомъ количествѣ. Кинешемскія хозяйки попотчуютъ васъ, столичный житель, такими вкусными отварными въ уксусѣ грибами, такими вареньями и наливками, какихъ вы, вѣроятно, никогда не кушали и никогда не достанете ни въ одномъ изъ вашихъ magazins des comestibles и кондитерскихъ. Угодно-ли я перечту вамъ всѣ, какіе родятся и потребляются въ Кинешмѣ грибы и ягоды? Послушайте: многихъ названій вы, можетъ быть, даже никогда и не слыхали. Грибы: бѣлые, сѣрые, боровики, рыжики, грузди, свинари, иначе губы, или отварушки, сыроѣжки, иначе поплавки, маслята, волнушки, валуи, матрешки, дуняхи, и ран-

нею весной — сморчки и стройки — грибы весьма вкусные, хотя и не совсѣмъ безопасные для здоровья. Опенки не въ чести и не въ ходу, потому что для вкуснаго приготовленія ихъ требуется большое искусство. Ягоды: самая первая и ранняя — земляника, потомъ черника, малина, костеника, гонобобель; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уѣзда ежевика, поленика и морошка, далѣе — черемуха, рябина, брусника, клюква. Есть еще весьма рѣдкая, попадающаяся въ маломъ количествѣ, весьма мелкая, сладкая безъ кислоты, ягода — медовка.

Мы уже не упоминаемъ о ягодахъ садовыхъ, болѣе или менѣе общеизвѣстныхъ. Ягоды и грибы продаются чашками, лукошками и корзинками почти за ничто. Сушеные и соленые грибы продаются вѣсомъ или мѣрою. Въ урожайный годъ сушеные бѣлые грибы продаются по 15 к. сер. за фунтъ и даже дешевле: ведро мелкихъ соленыхъ груздей стоитъ до 30 к. сер., а свинарей — около 20 к. сер. Дичи въ Кинешемскомъ уѣздѣ весьма много. Въ городѣ можно напр. купить въ извѣстное время года пару хорошихъ крупныхъ рябчиковъ за 8 к. сер., самаго большого жирнаго зайца за 5 к. сер. Масло коровье въ хорошіе годы продается за фунтъ по 10 к. сер., но иногда доходитъ и до 15 к. Кинешемскій уѣздъ можетъ быть отнесенъ къ лѣсистымъ уѣздамъ Костромской губерніи, а потому и дрова въ городѣ дешевы: сажень березовыхъ продается около 4 р. 50 к. асс., а осиновыя стоятъ половину. Сѣно въ Кинешмѣ продается большею частію возами, а не на-вѣсъ, такъ что возъ, пудовъ въ 20, стоитъ рублей 5 асс. Хотя уѣздъ Кинешемскій не можетъ похвалиться плодородіемъ своей почвы, но между тѣмъ хлѣбъ въ зернѣ, привозимый въ городъ кресть-

янами, продается не дорого и особенно овесъ, который если покупать на базарѣ, по мѣстному выраженію — узлами, т. е. въ розницу, по мелочи, изъ разныхъ рукъ, обходится въ покупкѣ отъ 3 до 3 р. 50 коп. асс. четверть. Кинешма терпитъ лишь одинъ недостатокъ, недостатокъ въ хорошей говядинѣ. Черкаской говядины въ городѣ невозможно достать ни за какія деньги, продается лишь обыкновенная и весьма дешево; но она не такъ вкусна. За то большое изобиліе и дешевизна телятины. Обыкновеннаго теленка можно купить по 5 к. асс. за фунтъ, хорошаго, жирнаго — по 3 к. сер., а самаго лучшаго, какой только тамъ возможенъ, шестинедѣльной пойки, по 4 и 5 к. Впрочемъ надобно замѣтить, что здѣсь нельзя достать такой телятины, какою мы лакомимся въ столицахъ, платя баснословныя цѣны, которымъ ни за что не повѣритъ постоянный уѣздный житель.

1852 г.

Ловъ красной рыбы

въ Саратовской губ.

Отошелъ ловъ бѣлорыбицы, жереха, вешней стерляди, провалили тучи бѣшанки, волжской сельди, и селедца, какъ ее обыкновенно здѣсь называютъ, и затѣмъ рыболовство на Волгѣ въ Саратовской губерніи на нѣсколько времени пріостановилось. Волга въ полномъ разливѣ: быстро прибываетъ вода; не по днямъ, а по часамъ растетъ этотъ богатырь. Все выше и выше лѣзетъ на высокія крутыя горы праваго берега; смѣло, широко и свободно разливается по раздольнымъ, привольнымъ лугамъ лѣваго. На 10, на 12, на 15 верстъ разлилась она въ иныхъ мѣстахъ, и даже острый глазъ рыбака съ одного берега не видитъ другаго. Рыболовъ знаетъ, что въ это время красная рыба идетъ изъ моря въ Волгу, чтобы покормиться ея прѣсною водою; но взять рыбы ничѣмъ нельзя: очень глубока и быстра вода. Въ это время рыбакъ приготовляется къ будущему лову, посматриваетъ на Волгу и ждетъ, когда она пойдетъ на убыль. Вотъ наконецъ вода перестаетъ прибывать, но и не убываетъ: вода задумалась! говоритъ рыбакъ.

Объ эту пору обыкновенно приходитъ Троицынъ день — ловецкій праздникъ. Хозяинъ, снявшій воды (рыбакъ), покупаетъ водки нанятой имъ

артели рабочихъ, которые вообще называются ловцами. Погулявши порядкомъ на берегу, ловцы садятся въ лодки и съ пѣснями катаются по Волгѣ. На этотъ день обыкновенно рыбацкія лодки, по возможности, разукрашиваются флагами, лентами; хозяинъ, съ гостями выѣзжаетъ кататься на своихъ нарядныхъ косныхъ. Бока, носъ, корма, весла у послѣднихъ раскрашены разными красками; постройка ихъ легкая и удобная: длинныя, узкія съ приподнятымъ высоко носомъ, онѣ легко скользятъ по водѣ въ тихую погоду, мгновенно поворачиваются на ходу и смѣло разсѣкаютъ волны своей острой грудью. Весело смотрѣть на это ловецкое гулянье. При иномъ многолюдномъ селеніи лодокъ тридцать разсыпается по широкому раздолью Волги. На одной весла приподняты къ верху, и лодка, предоставленная теченью, едва покачиваясь, медленно плыветъ внизъ по Волгѣ; тамъ нѣсколько лодокъ снялись гоняться; низко наклоняются гребцы, напрягая свои широкія груди и мощные члены, дружно взмахиваютъ веслами, и, какъ птицы, летаютъ ихъ легкіе челны при веселомъ гиканьи и подзадаривающихъ крикахъ; здѣсь двигается цѣлый хороводъ лодокъ: въ каждой изъ нихъ несутся пѣсни, сливающіяся въ одинъ стройный хоръ родныхъ сердцу звуковъ. Никогда не разберешь словъ пѣсни, не поймешь о чемъ поетъ этотъ разгулявшійся людъ, но чуткое сердце съ любовью внимаетъ роднымъ напѣвамъ, и чувствуешь, что веселится здѣсь русскій народъ и поетъ русскія пѣсни. Къ сожалѣнію съ каждымъ годомъ этотъ ловецкій праздникъ теряетъ свой старинный характеръ, и въ иныхъ мѣстахъ рыбакъ помнитъ только то, что въ Троицынъ день онъ долженъ погулять, т. е. напиться до пьяна.

Въ этотъ же день въ иныхъ мѣстахъ хозяева водъ запродаютъ наѣзжающимъ рыбнымъ торговцамъ рыбу и икру будущаго лова.

Мало по малу вода начинаетъ сбывать и, лишь только представляется малѣйшая возможность, ловцы спѣшатъ поселиться на тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ удобнѣе производить ловъ красной рыбы, и то мѣсто, гдѣ живутъ рыбаки цѣлое лѣто, обыкновенно называютъ **станомъ**.

Для лова красной рыбы необходимо песчаное, ровное дно, и потому всѣ станы располагаются на пескахъ и вслѣдствіе той же причины, преимущественно на лѣвомъ берегу Волги, кажется болѣе песчаномъ. Иногда еще только небольшой клочокъ песка обнажился изъ-подъ воды, кругомъ его плещутъ волны, а ловцы уже поселяются на нихъ. Но не думайте, чтобъ для этого нужны были какія-нибудь особенныя сооруженія: простой русскій человѣкъ очень неприхотливъ и не взыскателенъ. Взглянувши на ловецкій станъ, никто бы не подумалъ, что здѣсь живетъ человѣкъ цѣлую половину года: терпитъ и солнечный зной, и жаръ, и сырость, а подъ конецъ осени и стужу.

Подъѣзжая къ стану, вы увидите нѣсколько лодокъ, причаленныхъ къ берегу; кое-какъ изъ тальника [1] сдѣланные шалашики, **тогорки**, т. е. треножникъ изъ трехъ жердочекъ, съ привязанными къ нему котелками, въ которыхъ варится пища; плетеныя изъ того же тальника, особеннаго рода, въ видѣ усѣченнаго конуса, корзины съ крышками

[1] **Тальникъ**, **талы** — особеннаго рода растеніе изъ породы ивъ, растущее по волжскимъ островамъ и въ степяхъ, тонкими, высокими и гибкими прутьями. Изъ него же дѣлаются въ степныхъ, безлѣсныхъ мѣстахъ плетни, заборы и т. п.

(чечни) въ водѣ, для мелкой рыбы, и такія же чечни на берегу — для храненія немногочисленныхъ хозяйственныхъ припасовъ; котелъ, врытый въ землю, подъ которымъ вѣчно дымится огонекъ и въ которомъ варятся дубовые прутья и дубовая кора для дубленія снасти и сѣтей; груды осокоровой коры для выдѣлки поплавковъ; среди всей этой обстановки, нѣсколько группъ ловцевъ, изъ которыхъ одни вяжутъ сѣти, другіе точатъ крючья снастей, третьи изъ тальника плетутъ самоловки для ловленія мелкой рыбы или вырѣзываютъ поплавки къ сѣтямъ; кругомъ нагой песокъ, на которомъ торчатъ, развѣ только одни тонкіе, гибкіе прутья таловъ, да вода, да небо надъ головами, — вотъ общая картина ловецкаго стана.

Пока вода еще не совсѣмъ сбыла, ловца не безпокоятъ по крайней мѣрѣ хоть мошки, но вмѣстѣ съ убылью воды, ихъ появляется такое множество, что онѣ тучами носятся надъ головой, покрываютъ все лице, лѣзутъ въ глаза, въ носъ, въ ротъ; кусаютъ безъ милосердія. Впрочемъ рыбакъ остается къ нимъ почти нечувствителенъ, говоритъ только: „Экъ ея, поганой мошки, сколько показалось!“ И ограничиваетъ свою защиту развѣ только тѣмъ, что на ночь устраиваетъ себѣ пологъ: втыкаетъ въ песокъ, согнутыя дугой, двѣ три хворостинки, и обтягиваетъ ихъ холстомъ, дѣлая себѣ такимъ образомъ родъ кибитки, подъ которую надобно залѣзать на четвереинькахъ.

Есть, правда, защита отъ мошки — сѣтка, пропитанная дегтемъ или скипидаромъ, которая надѣвается на голову, но ловецъ и къ ней не прибѣгаетъ. На иномъ стану вы замѣтите нѣсколько лодокъ, стоящихъ въ сторонѣ отъ другихъ, и нѣсколько

ловцевъ, живущихъ отдѣльно, но принадлежащихъ тому же стану, и ловящихъ рыбу вмѣстѣ съ прочими: это ловцы подрядные или на-уколъ. Всякій хозяинъ, снявшій воды, имѣетъ у себя работниковъ — ловцевъ, которые обязаны ловить рыбу отъ вскрытія до замерзанія Волги, и которые поэтому называются вселѣтними. Они нанимаются къ хозяину за извѣстную плату, и, не имѣя своихъ, производятъ ловъ хозяйскими рыболовными снарядами.

Другіе ловцы, напротивъ, покупаютъ у хозяина право ловить въ его водахъ красную рыбу на своихъ лодкахъ и своими снарядами. Хозяину выгодно имѣть лишнія, рабочія руки, а ловцу всегда нужны деньги, отсюда и происходитъ такое условіе: хозяинъ даетъ ловцу извѣстную сумму, обыкновенно 200 руб. ас., съ тѣмъ, чтобы ловецъ уплачивалъ эти деньги наловленной имъ рыбой, по условленной цѣнѣ съ пуда; эта-то сумма и называется уколъ, а ловцы, нанявшіеся такимъ образомъ — ловцами на уколъ.

При такомъ наймѣ ставится непремѣннымъ условіемъ, чтобы ловецъ никому, кромѣ хозяина, не продавалъ пойманной имъ рыбы. Притомъ, если ловецъ переловитъ уколъ, т. е. цѣнность пойманной имъ рыбы будетъ превышать уколъ, то за лишнюю рыбу хозяинъ обязанъ заплатить ему, если же не доловитъ, то остается должнымъ хозяину. Обыкновенно, весьма рѣдко случается, чтобы ловецъ на-уколъ уплатилъ рыбою всю сумму въ 200 р. асс., которую онъ спѣшитъ забрать у хозяина ради своихъ домашнихъ нуждъ, а пойманную рыбу, также, ради нуждъ, позволяетъ себѣ продавать мимо хозяина, въ другія руки, за болѣе дорогую цѣну.

Незаловленныя въ теченiе года деньги обращаются въ долгъ ловца; но хозяинъ, нанимая его на слѣдующiй годъ, опять долженъ выдать ему 200 р. асс., которые снова не уплачиваются, и такимъ образомъ долгъ на нѣкоторыхъ ловцахъ въ нѣсколько лѣтъ возрастаетъ до значительной суммы, иногда до 1000 руб. Разумѣется, ловецъ и умретъ съ этимъ долгомъ. При опредѣленiи цѣны на рыбу, осетръ ставится въ особенной цѣнѣ — высшей, бѣлуга, севрюга, (шеврига, какъ ее называютъ саратовскiе ловцы),—въ низшей, наприм., пудъ осетра 3 р. сер., а севрюги и бѣлуги 2 р. сер. Иногда ловцы на уколъ составляютъ изъ себя артель, и снимаютъ ловъ красной рыбы на цѣломъ участкѣ воды; тогда берутъ на себя и ловъ стерляди; но такiе случаи весьма рѣдки, и бываютъ только тамъ, гдѣ частный владѣлецъ водъ, производя самъ торгъ рыбою, не производитъ лова ея. Но въ Саратовской губернiи, въ тѣхъ предѣлахъ, гдѣ красноловъ въ большомъ размѣрѣ, весьма мало водъ, составляющихъ частную собственность, а больше принадлежащихъ казеннымъ, удѣльнымъ дачамъ и городскимъ обществамъ: такiя воды обыкновенно отдаются съ торговъ, и рыбакъ, снявшiй ихъ, находитъ больше выгоднымъ ловить стерлядь въ извѣстное только время года, и посредствомъ вселѣтнихъ работниковъ

Пока вода еще не сбыла до такой степени, чтобы представлять возможность лова сѣтями, ловцы ставятъ снасти по займищамъ и полоямъ. Займищемъ называется вообще мѣсто, занимаемою водою во время половодья; полой — самый разливъ воды по ровнымъ луговымъ мѣстамъ лѣваго берега. Неохотно признается ловецъ, что онъ ловитъ рыбу

снастями, подозрительно и недовѣрчиво посмотритъ на человѣка остриженнаго, обритаго и въ нѣмецкомъ платьѣ, который будетъ просить его показать, какъ ловится рыба снастью; иной, пожалуй, запрется и скажетъ, что такого снаряда вовсе не существуетъ, а если и былъ онъ прежде, такъ нынче запрещенъ и никѣмъ не употребляется. И потому-то очень недружелюбно смотрятъ ловцы на незнакомаго посѣтителя ихъ стана, пока снасти приводятся ими въ порядокъ и еще не опущены въ воду, Снасть — вещь запрещенная и находится подъ строгимъ преслѣдованіемъ полиціи. Она бываетъ двухъ родовъ: крупная или пучковая, которою ловятъ красную рыбу, и мелкая или шашковая, для лова стерлядей. Послѣдняя, какъ болѣе употребительная, составляетъ единственное орудіе лова стерляди въ иныхъ мѣстахъ, а слѣдовательно и единственное средство къ прокормленію рыбака. Крупныя снасти, для красной рыбы, устраиваются такимъ образомъ; изъ пеньки крутится длинная, толстая веревка (хребтина); къ ней въ извѣстномъ разстояніи одна отъ другой привязываются тонкія веревки (поводцы), къ которымъ прикрѣпляются крючки, формою похожіе на уды, — съ длиннымъ и острымъ жаломъ но безъ надрѣза, какой обыкновенно бываетъ въ удахъ. Снасти варятся въ отварѣ дубовой коры и молодыхъ вѣтвей дуба, — дубятся для того, чтобъ не скоро портились отъ сырости; дубъ окрашиваетъ ихъ въ черную краску, отчего и произошло названіе черныхъ снастей, или короче: черноснастокъ. Къ концамъ хребтины прикрѣпляются на двухъ толстыхъ веревкахъ (относахъ) четырехъ-лапые якорьки (кошки), которые дѣлаются, для дешевизны, изъ четырехъ деревянныхъ крючковъ съ помѣщен-

нымъ среди ихъ камнемъ, дающимъ кошкѣ надлежащую тяжесть. Снасть опускается на самое дно, кошки держатъ ее на одномъ и томъ же мѣстѣ, а чтобы хребтина не ложилась по дну и всплывала къ верху, оставляя черезъ то поводцы въ висячемъ положеніи, для того на нее вздѣвается черезъ 5, 8, 10 крючковъ по нѣскольку (обыкновенно пять) поплавковъ, сдѣланныхъ изъ осокоровой коры и называющихся вообще балберками. Рядъ такихъ поплавковъ, сидящихъ на хребтинѣ рядомъ, одинъ за другимъ, называются пучкомъ, отсюда и самая снасть носитъ названіе пучковой. Чтобы означить мѣсто, гдѣ лежитъ снасть, въ одной изъ отногъ, на длинной веревкѣ, привязывается наплавъ — деревянный шестъ, или просто толстая палка, которая и плаваетъ по водѣ.

Устройство мелкой снасти, употребляемой для лова стерляди, точно такое же, какъ и крупныхъ, но съ тѣмъ только различіемъ, что въ первой привязывается крючекъ къ поводцу, чернымъ волосянымъ силкомъ, и отъ каждаго крючка вверхъ на особенномъ силкѣ привязывается маленькій поплавокъ, который называется шашка, а оттуда и самая снасть получила названіе шашковой. Такъ какъ шашки здѣсь замѣняютъ балберки, то послѣднія уже не надѣваются на хребтину. Длина хребтины, а слѣдовательно и число крючковъ, навязываемыхъ на нее зависитъ отъ мѣстныхъ удобствъ лова: въ иныхъ мѣстахъ бываетъ больше, въ другихъ меньше, но каждая отдѣльная хребтина съ поводцами и кошками, опущенная въ воду въ крупной снасти, называется счалъ, а въ мелкой — перетяга.

Не осмѣливаюсь доказывать совершенную безвредность употребленія снастей для лова красной

рыбы и стерляди, но рѣшаюсь лишь представить нѣкоторые факты и соображенія, говорящіе въ пользу этого мнѣнія. Говорятъ, что рыба, пойманная крючкомъ снасти, и потомъ сорвавшаяся и ушедшая въ воду, получаетъ рану, которая разбаливается, загниваетъ, убиваетъ раненую и заражаетъ здоровыхъ;— эта рыба снятая съ крючка снасти, не можетъ долго жить, скоро засыпаетъ, и будучи посолена, развиваетъ тотъ смертельный ядъ, о жертвахъ котораго такъ часто слышно. Но еслибы раненая рыба скоро умирала, то рыбопромышленникамъ не было бы никакой выгоды ловить ее снастями, потому что, какъ извѣстно, цѣнность уснувшей рыбы, не стоитъ половины противъ цѣнности живой; если же промышленникъ, въ самомъ дѣлѣ, по недостатку соображенія и строгаго разсчета, теряетъ свои выгоды, то самъ себя и наказываетъ. Заражаетъ или не заражаетъ раненая рыба здоровую — доказать мудрено, но по крайней мѣрѣ въ садкахъ, куда вмѣстѣ сажаютъ красную рыбу, пойманную сѣтью и снятую съ крючка, не замѣчено такого явленія, а напротивъ бывали многіе примѣры, что рана совершенно заростала и рыба выхаживалась, дѣлалась столько же здоровою, какъ и другія. Можетъ быть, раненое мѣсто рыбы при соленьи дѣйствительно способствуетъ развитію яда, но уже кажется доказано, что главная причина его — въ дурномъ способѣ посола и маломъ количествѣ соли. Все это относится къ красной рыбѣ; что же касается до стерляди, то, кажется, еще не было примѣра, чтобы раненая стерлядь причинила какой-нибудь вредъ здоровью, хотя въ Саратовской губерніи по крайней мѣрѣ половина всей стерляди, употребляемой въ пищу мѣстными жителями, ловится снастью. Напротивъ, мнѣ извѣстно что изъ ста

стерлядей, пойманныхъ крючками и посаженныхъ въ прудъ, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, уснуло только четыре.

Въ иныхъ водахъ красную рыбу ловятъ снастями только въ займищахъ и полояхъ во время весенняго разлива, когда рыба идетъ на луга покормиться — пожировать, по ловецкому выраженію, и когда она мечетъ икру — наростится [1]. Затѣмъ ловъ рыбы снастями прекращается. Въ другихъ водахъ, смотря по удобству, ловятъ совмѣстно и сѣтями, и снастями. Снасть въ такомъ случаѣ ставится на тихихъ и не очень глубокихъ водахъ, около песка и преимущественно на приверхахъ, т. е. при оконечностяхъ островов.

Красная рыба сначала идетъ вверхъ, противъ теченія воды; тогда она называется ходовая, а также жаркая, потому что ходъ ея совпадаетъ съ самыми сильными іюньскими и іюльскими жарами. Воды тогда въ Волгѣ бываетъ вдоволь, рыба вездѣ находитъ себѣ и глубь, и прохладу. Но по мѣрѣ убыли воды, рыба ищетъ себѣ глубокихъ мѣстъ, идетъ внизъ по теченію и переходитъ, перекатывается изъ ямы въ яму; тогда она называется покатною. И та, и другая, заходя въ тихія воды, попадаетъ на снасти. Снасть ставится поперекъ Волги, спинкой крючковъ противъ теченія, поводцы и крючи играютъ въ водѣ, рыба идетъ спокойно между ними, но стоитъ ей только сдѣлать неосторожное движеніе, едва дотронуться до одного изъ крючковъ, онъ подыграется и вопьется въ рыбу своимъ острымъ жаломъ; ужаленная рыба начинаетъ биться, взмахнетъ хвостомъ и новое жало подхва-

[1] Ловцы знаютъ, что севрюга мечетъ икру на правомъ берегу Волги, въ камняхъ, осетеръ — на луговой сторонѣ.

титъ его: тогда уже нѣтъ ей возможности сорваться и уйти, она плѣнница счастливаго ловца.

Тамъ, гдѣ есть возможность производить ловъ сѣтями и въ то же время ставить снасти, существуютъ и лодки двухъ сортовъ: плавныя для сѣтей и снастныя. Разница между ними только въ одномъ названіи и предназначеніи; устройство одинаковое.

Страшный врагъ снастей не законъ, ихъ запрещающій, а огромные, чудовищные плоты, цѣлые пловучіе острова, двигающіеся въ извѣстное время по волжскимъ водамъ Саратовской губерніи. Они, глубоко сидя въ водѣ, уносятъ иногда безвозвратно всѣ тысячи крючковъ, которые встрѣчаются на дорогѣ, и путешествіе такихъ плотовъ всегда горе для владѣльца снастей.

Снасть обыкновенно кладется и не вынимается изъ воды въ теченіе цѣлой недѣли, хотя и перебирается каждый день. При переборкѣ снасти, ловецъ, подъѣзжая къ поплаву, ищетъ въ водѣ снасть имѣющеюся нарочно для этого кошкою и найдя ее ложится грудью на край лодки, перебираетъ хребтину руками и подвигается такимъ образомъ — вмѣстѣ съ лодкой съ одного конца снасти до другаго. По истеченіи недѣли снасть вынимается изъ воды, сушится, подтачиваются притупившіеся и заржавѣвшіе крючки, на мѣсто вынутой кладется другая. Совершенно новая, не бывшая въ дѣлѣ и еще не выдубленная снасть называется гольё.

Не смотря на значительное употребленіе снасти, ими не добывается и четвертой доли красной рыбы сравнительно съ тѣмъ количествомъ, которое ловится сѣтями — самоплавами. Ловъ сѣтями вообще называется плавня. Самоплавъ состоитъ изъ двухъ сѣтей, помѣщенныхъ одна за другою, крупной —

рѣшь, спереди, и мелкой — частикъ, сзади, изъ которыхъ первая вдвое крупнѣе второй. Обѣ онѣ вяжутся на одну веревку — подбора, а потомъ собираются на другую — посадная. При вязаньи сѣти употребляются только два инструмента: деревянная большая игла, на которой намотана нить — иглица, и дощечка, на которую сажаютъ петлю, и которая опредѣляетъ величину петли или глаза — полка. Стѣна сѣти много уменьшается въ длину, когда соберется на посадную, вышина стѣны бываетъ отъ сажени до 4-хъ аршинъ. Посадныхъ двѣ: верхняя и нижняя; на верхнюю надѣваютъ поплавки, опять тѣ же балберки, только гораздо меньшей величины, нежели въ снастяхъ; на нижнюю, для тяжести — свинцовыя гайки. Самоплавъ состоитъ изъ двухъ половинокъ, каждая изъ нихъ отъ 120 до 170 саженъ въ длину. Судя по удобству мѣстности ловятъ иногда одной половинкой, но большею частью обѣими, сшитыми вмѣстѣ. Къ каждому концу сѣти привязывается, для тяжести по камню, а отъ верхнихъ концовъ идутъ двѣ веревки — отноги, изъ которыхъ къ одной причаленъ поплавокъ, боченокъ, выкрашенный въ черную краску, и называющійся куре́нь, а другая совершенно свободная и назначается для того, чтобы причалить сѣть къ лодкѣ. Сѣть дубится корьемъ въ желтую краску. Вмѣсто рѣши употребляется иногда еще болѣе крупная сѣть — глазунъ.

Приготовивши такимъ образомъ самоплавъ, ловецъ укладываетъ его на палубу своей лодки такимъ образомъ, чтобы удобнѣе было спускать его въ воду, сыпать. Плавныя лодки не велики: сажени двѣ длины отъ носа до кормы и четвертей 6—7 ширины въ борту. Средняя часть лодки покрыта палубой,

на которую и укладывается сѣть. На лодкѣ всегда два гребныхъ весла и одно правильное, въ видѣ лопатки, съ желѣзнымъ острымъ наконечникомъ; есть также мачта, которая, по надобности, можетъ вставляться и выниматься, парусъ и бечева. На каждой лодкѣ непремѣнно должно быть два рабочихъ: самъ ловецъ, который въ то же время называется кормщикомъ, потому что въ его рукахъ правильное весло, и весельникъ, обыкновенно мальчикъ, иногда лѣтъ 10, сынъ, племянникъ ловца, имѣющій впослѣдствіи самъ сдѣлаться ловцемъ и теперь уже добывающій себѣ трудовую копѣйку.

Ловцы отправляются на ловъ по-очередно, и, смотря по обилію рыбы, иногда одинъ, иногда двое вдругъ, причемъ одинъ держится берега, а другой плыветъ стрежнемъ, т. е. главнымъ теченіемъ воды.

— Дементьевъ! Твой что-ли чередъ-отъ? — кричитъ прикащикъ, находящійся на стану и наблюдающій за ловомъ. Его сейчасъ отличишь по нарядной цвѣтной рубашкѣ и плисововому картузу, среди прочихъ рабочихъ въ синихъ пестрядныхъ рубахахъ и такихъ же портахъ, часто продырившихся и не зашитыхъ.

— Мой, отвѣчаетъ Дементьевъ.

— Такъ чего зѣвать? Петруха-то ужъ подымается. Плыви!

Полдень. Въ воздухѣ знойно и тихо. Солнце свѣтитъ всѣмъ своимъ блескомъ и палитъ всей своей огненной силой. Песокъ раскалился до такой степени, что непривычная голая нога не выдержитъ его; а ловецъ, усталый и пригрѣтый солнышкомъ, съ голыми ногами и руками, нѣжится и дремлетъ на этой раскаленной лежанкѣ. Призывъ къ работѣ поднялъ

его, и онъ бодро сѣлъ въ лодку вмѣстѣ съ своимъ маленькимъ помощникомъ. Оттолкнулись отъ берега, отплыли на нѣсколько саженъ, ловецъ начинаетъ ссыпать сѣть: вотъ булькнулъ камень, шлепнулся и закачался на водѣ курень, мальчикъ гребетъ все прочь отъ берега; сѣть сошла вся въ воду, булькнулъ туда же и другой камень, ловецъ привязалъ отногу къ кормовой части лодки и легъ ничкомъ на палубу, поглядывая на курень; весельникъ пересталъ грести. Лодка сама собой тихо поплыла по теченію. Волга не шелохнется, ни малѣйшею рябью не подернется ея широкое, свѣтлое лоно, только искрится и рдѣетъ отъ солнечныхъ лучей. Но ловецъ уже не дремлетъ, мурлычетъ себѣ подъ носъ пѣсню, или молчитъ, поглядывая на курень. Если курень на водѣ, значитъ сѣть идетъ правильно, ни за что не задѣвая, но чуть онъ скрылся, значитъ сѣть за что нибудь зацѣпилась. Весельникъ отъ нечего дѣлать зѣваетъ по сторонамъ, или строгаетъ балберки изъ кусковъ осокоревой коры, которая хранится подъ палубой лодки. Но вотъ проплыли извѣстное разстояніе, дошли до извѣстной примѣты, показывающей конецъ плаву, ловецъ поднимается на ноги, надѣваетъ кожаный фартукъ, запонъ, отвязываетъ отногу, начинаетъ вытаскивать сѣть—подниматься. Струи воды льются съ мокрой сѣти на его запонъ и голыя ноги. Сначала быстро идетъ дѣло, но вдругъ начинаетъ что-то, какъ будто подергивать и тянуть изъ рукъ сѣть, ловецъ сталъ выбирать ее медленно и осторожно. Весельникъ настораживаетъ вниманіе, любопытство и ожиданіе невольно возбуждаются даже въ равнодушномъ и привычномъ къ подобному зрѣлищу.

Вдругъ ловецъ быстро скакнулъ съ палубы на

дно судна и перекинулся чрезъ бортъ лодки: значитъ попалась рыба; зоркій, привычный глазъ его видитъ ее на глубинѣ аршина въ водѣ.

— Осетришко маненькой! проговорилъ ловецъ, какъ-бы отвѣчая на собственное любопытство и ожиданіе. Осетръ проскочилъ было сквозь рѣшь, но завязъ въ частикѣ, хватился было назадъ, да нельзя голова назадъ не проходитъ, вильнулъ хвостомъ, и вовсе запутался въ передней крупной сѣти.

— Малъ, а боекъ! вишь ты, какъ закатался, проговорилъ ловецъ, освобождая осетра отъ сѣтей. — Тавань, тавань, Ванюшка, — обратился онъ къ весельнику, напоминая, чтобъ тотъ не давалъ лодкѣ подвигаться внизъ, а билъ веслами такъ, чтобъ лодка держалась на одномъ мѣстѣ.

Распутавши осетра, онъ тотчасъ же закуканивалъ его, т. е. продѣвалъ крѣпкую бичевку черезъ ротъ и жабры рыбы и привязывалъ ее къ лодкѣ, опуская въ воду. Затѣмъ снова принялся вытаскивать сѣть. Опять что-то потянуло внизъ, но уже не такъ, какъ давеча.

— Надо быть карша! промолвилъ рыбакъ, и дѣйствительно вытащилъ въ сѣти дровяную корягу.

— Ишь ты! проговорилъ онъ, продолжая работу, — недаромъ давѣ курень прятался. Ладно еще, сѣть не порвало.

Можетъ быть другую и третью рыбу вытащитъ ловецъ и довольный, спокойный, возвращается въ станъ, помогая грести весельнику, своимъ широкимъ, загребистымъ правильнымъ весломъ.

Любо-бы было жить на свѣтѣ ловцу, какъ бы всегда стояла такая погода, да выходилъ такой счастливый ловъ; да то лихо, что часто бываетъ совсѣмъ другое.

Вечерѣетъ. Солнце садится въ широкую Волгу, давая отъ себя по ней огненную полосу, позолотился и загорѣлся западъ, а на востокѣ поднимаются темныя облака. Потянулъ и зашумѣлъ низовой вѣтеръ. Заморосилъ мелкій, но частый дождикъ, быстро окунулось въ Волгу красное солнце, мгновенно погасъ западъ, и вмѣсто огненной полосы заходили по Волгѣ бѣлые, кудрявые барашки, благо привольно и раздольно имъ бѣгать.

Зашумѣло на Волгѣ, заплескáла волна на берегъ, начали покачиваться и лодки, стоявшія у берега, подталкиваемыя ею. Поднялъ свой маленькій парусъ и, спокойно управляя весломъ, какъ птица летитъ къ своему стану, кончивши свой плавъ, ловецъ.

— Ну-ка, тебѣ, Дементьевъ, твой чередъ! говоритъ опять прикащикъ. — Еще успѣешь, пока не больно развело ... Сплывешь разокъ пока ... А то, пожалуй, на всю ночь раздуетъ.

— Что еще теперь не плыть! спокойно отвѣчаетъ Дементьевъ, отправляясь въ лодку съ обыкновеннымъ спокойствіемъ и готовностью, сопровождаемый своимъ маленькимъ гребцомъ.

Опять по прежнему оттолкнулись отъ берега и поплыли въ средину, выбрасывая сѣть; вся работа, шла, какъ въ полдень, когда было такъ тихо и знойно, но теперь уже не слышно, какъ булькнулъ въ воду камень, какъ шлепнулся курень, лодка качалась, словно колыбель въ рукахъ сердитой матери, съ гнѣвомъ и бранью убаюкивающей своего безпокойнаго ребенка; нужно много привычки, чтобы крѣпко стоять на ногахъ при этой качкѣ, и еще справлять работу; малосильный весельникъ долженъ истощать послѣднія силы, чтобы дать лодкѣ надле-

жащее направленіе. Но, по прежнему, высыпана и привязана къ лодкѣ сѣть, только ловецъ не легъ какъ давеча, на палубѣ, а зоркими глазами слѣдя за куренемъ, котораго не разсмотрѣлъ бы ни за что непривычный глазъ, сѣлъ въ корму и только поеживался подъ проливнымъ уже дождемъ, да изрѣдка взглядывалъ подозрительно на небо.

— А, видно, не сплывешь добромъ: смотри захватитъ шутиха! промолвилъ онъ про себя. И въ самомъ дѣлѣ проплыть нужно больше версты при противномъ вѣтрѣ, — собрать сѣть, подняться ... Ну, подняться недолго; поставивъ парусъ, стрѣлой долетишь, да до того времени пройдетъ добрый часъ.

А между тѣмъ вѣтеръ все крѣпче и крѣпче, валъ поднимается словно гора, и какъ резиновый мячикъ прыгаетъ лодченка, а дождь такъ и хлещетъ, сухой нитки не остается на тѣлѣ ... Ну, и куреня не видно: не разсмотрятъ его даже и зоркіе рыбачьи глаза.

— Нѣтъ, Ванюшка, видно подниматься: что тутъ! до грѣха!

Но волна такъ расходилась, лодку такъ качаетъ и подбрасываетъ, что и привычная нога ловца не держится на маленькой и скользкой палубѣ. Нѣсколько разъ скользитъ и падаетъ онъ съ нея, пока успѣетъ вытащить сѣть. А тутъ пришло такъ, что хоть и работу бросать и думать только о томъ, какъ бы Богъ пособилъ живу добраться до твердой земли. Волна вдругъ хлеснула черезъ бортъ и залила лодку въ половину.

— Держи, держи, Ванюшка! что ты, пострѣлъ, кричитъ ловецъ.—Зачѣмъ повернулъ? совсѣмъ зальетъ! Держи! ...

— Да радъ бы держать, тятька, да силъ моихъ нѣтъ: всѣ рученьки повывертѣло ...

— Ахъ, ты пострѣлъ! ... а! ... держи, дурашка! держи, родненькій ... Ну, не долго! ничего! всего саженъ пятокъ! Курень знать. Держи, дружокъ. Ну, ладно, совсѣмъ! Давай поди весла! Полѣзай въ корму ... Ну, ничего! говоритъ ловецъ, одобряя мальчишку, который началъ было уже хныкать. Но пока онъ беретъ весло изъ рукъ сына, новый ударъ волны повернулъ лодку и налилъ водою по самые края.

— Отливай, проворнѣй, отливай! кричитъ ловецъ, съ неестественными усиліями гребя къ берегу.

— Да чѣмъ отливать-то? Плицы-то нѣтъ [1].

— Говорилъ, пострѣлъ, завсегда бери плицу, говорилъ ... Ну, картузомъ, отливай, картузомъ. Эка, захватила окаянная, прости Господи!

Только спокойствіе духа, смѣлость и опытность спасаютъ ловца. Онъ пристаетъ къ берегу, быстро выскакиваетъ и держитъ обѣими руками лодку, чтобы не отшибла ее волной, пока мальчикъ ставитъ мачту, и разматываетъ бичеву. А потомъ оба они еще бредутъ къ своему стану, мокрые и измученные, таща за собою лодку. И не высохши, не обогрѣвшись, завертываются въ шубы и спятъ крѣпкимъ сномъ, тотчасъ-же позабывъ объ опасности, какъ только она миновалась. На другой день теплое, свѣтлое солнышко ихъ высушитъ и согрѣетъ. Никто какъ Богъ: Онъ вымочитъ, Онъ и высушитъ! говоритъ русскій человѣкъ.

Въ настоящемъ случаѣ еще можно упрекнуть

---

[1] Плица—деревянный ковшъ, въ видѣ совка, для отливанія воды.

ловца за то, что онъ, по свойственной русскому человѣку безпечности и неосторожности, добровольно подвергается опасности, или обвинить прикащика за то, что онъ больше заботится о выгодахъ своего хозяина, нежели о здоровьи и безопасности работника. Но бываютъ и такія обстоятельства, гдѣ не спасетъ никакая осторожность, предусмотрительность и заботливость.

Слыхали ли вы о полосахъ на Волгѣ? Это вихри, которые, совершенно неожиданно и безъ всякихъ предзнаменованій на небѣ и въ воздухѣ, врываются на Волгу черезъ глубокіе и длинные буераки или бараки, какъ ихъ здѣсь называютъ, во множествѣ прорѣзывающіе гористый правый берегъ, — и вихри эти бороздятъ, вздымаютъ бурными волнами, до появленія ихъ иногда совершенно гладкую, поверхность Волги. Эти полосы страшны не только для рыбацкихъ лодокъ, но и для большихъ судовъ, когда они идутъ парусами. Налетая съ боку, ударяя въ судно и парусъ не по тому направленію, котораго они держались, полоса можетъ оборвать парусъ, перешибить рею или райну, какъ она вообще называется на волжскихъ судахъ; при сильномъ порывѣ даже опрокинуть судно.

Легко представить, каково бываетъ положеніе ловецкаго челна, попавшаго въ полосу. Иногда самый легкій вѣтерокъ, едва замѣтной рябью подергиваетъ Волгу. Ловецъ спокойно плыветъ съ своею сѣтью, вынимаетъ ее, кончаетъ свое дѣло, и, если вѣтерокъ ему попутный, разставляетъ парусъ, чтобы подняться до стана. Всякая хилинка (самый легчайшій вѣтерокъ) въ силахъ надуть его парусъ и дать лодкѣ движеніе. Спокойно плыветъ ловецъ. Вдругъ страшный порывъ вѣтра со стороны бьетъ

въ его парусъ, кладетъ лодку на-бокъ, парусъ полощется въ воздухѣ, мгновенно вскипѣвшая волна хлещетъ черезъ бортъ. Еще мгновенье — лодка опрокинется вверхъ дномъ. Одно спасенье тогда, сильнымъ и ловкимъ ударомъ правильнаго весла поставить лодку по направленію полосы, тогда она со всей своей силой подхватитъ ее и вынесетъ на противоположный берегъ. Но движеніе волны бываетъ при этомъ иногда такъ сильно, сопротивленіе воды такъ велико, что правильное весло, при усиліи ловца поворотить лодку, переламывается, какъ лучинка, и тогда ... тогда ловецъ надѣйся только на то, что онъ плаваетъ, какъ рыба ... Не дальше, какъ нынѣшній годъ, былъ такой печальный случай, можетъ быть и, безъ сомнѣнія, не одинъ. Опрокинуло лодку, въ которой былъ ловецъ съ своимъ маленькимъ весельникомъ, роднымъ сыномъ. Мальчикъ уцѣпился за край лодки, и полѣзъ было на дно ея; но волна сшибла его. Онъ почти захлебнулся и пошелъ ко дну. Отецъ схватилъ сына и поплылъ. Далеко было до берега, не меньше версты. Мудрено плыть среди волнъ, управляясь съ ними только одною рукою и таща другою потерявшаго сознаніе, захлебнувшагося, утопающаго сына. Проплылъ ловецъ нѣсколько саженъ: силы стали ему измѣнять. Одрябшая, оцѣпенѣвшая рука не въ силахъ была держать тяжелой ноши, невольно раскрылась и выпустила ее. Сынъ пошелъ ко дну. Отецъ собралъ силы, нырнулъ въ воду, снова поймалъ его, можетъ быть уже мертваго, поплылъ, но снова потерялъ силы, а затѣмъ память и сознаніе. Что было дальше: какъ опустилъ изъ рукъ сына, какъ спасся, онъ не помнитъ, не знаетъ. Придя въ сознаніе, онъ увидѣлъ себя лежащимъ на берегу, усталымъ и какъ бы раз-

битымъ, руки и ноги болѣли такъ, какъ будто вывернуты были изъ своихъ мѣстъ, сильно саднѣло нижнюю губу, дотронулся рукой — кровь: при напряженіи, при усиліяхъ спастись, онъ самъ, того не сознавая, до ранъ искусалъ нижнюю губу зубами. Едва стало силъ подняться на ноги, и ловецъ прямо пошелъ къ начальству виниться, что не спасъ — далъ утопиться родному сыну ...

Издали отъ лѣваго берега, можно еще разсмотрѣть приближеніе полосы. Надъ правымъ берегомъ показывается облако пыли, вздымаемое вихремъ. Когда полоса влетитъ на Волгу, пыль нѣсколько минутъ стоитъ еще въ воздухѣ.

Любопытное зрѣлище представляетъ Волга въ это время. Черезъ всю ширину свою, широкой лентой, полосой, вздымается она шумными волнами, кипитъ, брызжетъ пѣной, между тѣмъ, какъ въ ту и другую сторону, отъ этой волнующейся полосы, лежитъ свѣтлая, голубая гладь спокойной рѣки. Проходитъ нѣсколько минутъ, облако пыли давно уже разсѣялось, вихрь пролетѣлъ и потерялъ свою силу въ широкомъ раздольѣ лѣваго берега Волги, и вскипяченная имъ полоса воды какъ будто остываетъ: пропадаетъ пѣна валовъ, тише становятся волны, расходятся широкими кругами и постепенно исчезаютъ. Но иногда вслѣдъ за полосами разыгрывается на Волгѣ и настоящая буря, вторгаясь изъ степей, лежащихъ за высокой стѣной праваго берега.

И молодцы же выходятъ изъ всѣхъ этихъ бѣдъ и опасностей. Я имѣлъ счастіе познакомиться съ однимъ ловцомъ, спасшимъ во время страшной бури 8 человѣкъ. Этому удальцу уже лѣтъ 60 отъ роду, если не болѣе. Зовутъ его Макаръ Семенычъ Крюковъ, по происхожденію онъ мѣщанинъ города

Камышина. Не боюсь оскорбить скромность почтеннаго старика, называя его имя, потому что, вѣроятно, не дойдетъ до него мой разсказъ.

Подробности этого обстоятельства очень интересны, представляя съ одной стороны удаль и самоотверженiе русскаго человѣка, а съ другой ... съ другой стороны, къ сожалѣнiю, совершенно иныя черты. Но не даромъ говоритъ русская пословица: „въ семьѣ не безъ урода!“

Стояло время сырое и холодное. Неожиданно и быстро разыгралась и забушевала буря на Волгѣ, настигла, подхватила и опрокинула лодку, въ которой переѣзжали чрезъ Волгу восемь человѣкъ пассажировъ, при трехъ гребцахъ. Гребцы тотчасъ же пошли ко дну, пассажиры успѣли ухватиться за лодку, которая была не мала, и всѣ влѣзли на дно ея. Опрокинулась лодка ближе къ правому берегу, слѣдовательно очень далеко отъ лѣваго, гдѣ былъ на своемъ станѣ Макаръ Семенычъ, и на тотъ случай одинъ только, съ маленькимъ весельникомъ. По невозможности производить ловъ, отъ нечего дѣлать, старикъ посматривалъ на бурную, но родную, всегда милую ловцу, Волгу. Черная, черная, ходенемъ-ходила она по волѣ разгулявшагося вѣтра. Но не смотря на дальнее разстоянiе, не смотря на вѣтеръ, дождь и темныя волны, Макаръ Семенычъ разсмотрѣлъ на нихъ какую-то еще болѣе темную точку.

— Чтобы это такое могло быть? думаетъ онъ. Карша не карша,—толкуетъ онъ съ своимъ гребцомъ,—развѣ лодку гдѣ оторвало съ причалу, такъ и то ровно не похоже! Сталъ напрягать зрѣнiе, всматриваться: ровно бы люди копошатся. Вотъ набѣжала волна, на минуту пропала черная точка, опять явилась и закачалась среди валовъ; смотритъ: какъ будто опять

задвигались около нея и на ней человѣческія фигуры.

— Парень, да вѣдь это, надо быть, лодку опрокинуло, знать люди на днищѣ-то! говоритъ Крюковъ.

— Полно, дѣдушка, гдѣ тутъ знать! вишь ты, ровно сумерки пришли ... Чай карша какая ни на есть, а либо-что.

— Молчи, парень, люди! Знать, что люди гинутъ ... Не говори, коли не изъ Сомянаго кто ѣхалъ, да кувырнуло.

И сѣлъ Макаръ Семенычъ въ свою лодку и поплылъ къ едва-замѣтному черному пятну, поплылъ одинъ, не смотря на всѣ убѣжденія гребца не идти на смерть.

— Какъ же ты рѣшился, Макаръ Семенычъ? невольно спросилъ я, слушая его разсказъ. Вѣдь ты могъ потонуть.

— Ну, что дѣлать-то, положился на волю Божью. То подумалъ: я, молъ, старикъ, пожилъ на свѣтѣ довольно, дѣтки на возрастѣ, ну, потону: все Господь во что ни на есть поставитъ, что не далъ людямъ на своихъ глазахъ гинуть. А можетъ Господь и вынесетъ: у Него, Владыки, всего много, можетъ сподобить и душу человѣческую соблюсти...

Тяжело было старику управляться съ разъяренной рѣкой: то подхватитъ его лодку волна и играетъ ею и тѣшится, подбрасывая на своемъ бѣломъ гребнѣ, и вдругъ, какъ мячикъ, перекидываетъ къ своей сосѣдкѣ; то разступятся волны и лодка летитъ, какъ бы въ бездну, темную, мрачную, страшную: кругомъ стѣною поднимаются волны и кажется что сойдутся онѣ надъ головою, какъ челюсти чудовища, и поглотятъ смѣльчака, что дерзнулъ съ ними вступить въ борьбу ... Но не падаетъ ду-

хомъ старикъ, не зажимаетъ глазъ отъ страха, не ослабѣваетъ рука, и снова вылетаетъ лодка на поверхность воды. Вотъ она ближе и ближе къ цѣли. Макаръ Семенычъ уже видитъ несчастныхъ, цѣпляющихся за дно лодки и истощающихъ послѣднія свои усилія. И они завидѣли своего избавителя. Положеніе ихъ ужасно. Опрокинутая лодка колеблется, то тѣмъ, то другимъ краемъ опускаясь въ воду, и увлекая за собою несчастливцевъ; они скользятъ, обрываются, снова карабкаются на дно, волна то и дѣло окатываетъ ихъ съ ногъ до головы, и силится оторвать отъ послѣдней защиты, — руки и ноги окоченѣли отъ стужи, исцарапаны, избиты, всѣ въ крови; промокшіе до костей, оцѣпенѣвшіе, измученные, они съ каждой минутой теряютъ послѣднія силы, съ каждой секундой ждутъ смерти… Вопли, крики, стоны, молитвы, обѣщанія раздаются навстрѣчу избавителя. Макаръ Семенычъ наконецъ возлѣ нихъ, но тутъ то и предстоитъ главная задача: какъ удержаться на одномъ мѣстѣ, какъ пересадить въ лодку несчастныхъ? Волна безпрестанно отшибаетъ его, утопающіе всѣ вдругъ готовы броситься къ нему. — „Вотъ что, братцы!“ — кричитъ имъ Макаръ Семенычъ, кое какъ уцѣпившись за опрокинутую лодку, — коли вы всѣ вдругъ полѣзете ко мнѣ, такъ и себя перетопите, и меня. Либо полѣзай по одному, либо брошу всѣхъ и уѣду.

Перебираясь къ каждому порознь, онъ пересаживалъ ихъ поочередно, и каждый изъ нихъ благодарилъ его, давалъ обѣщанія и забывалъ о товарищахъ, помня только о себѣ, боясь только собственной смерти, торопилъ его скорѣй ѣхать къ берегу. Наконецъ всѣ были пересажены, лодка огрузла, но никто не былъ въ силахъ помогать ловцу; опять

только надѣясь на одного Бога и еще съ большею опасностью поплылъ старикъ къ своему стану — и Богъ помогъ ему: онъ добрался благополучно.

Оказалось, что между спасенными были купцы, производившіе торговлю солью, и везшіе съ собой большія деньги [1]. Вотъ пристали мы къ берегу, разсказывалъ Макаръ Семенычъ, — привелъ я ихъ въ шалашишко свой, развелъ имъ теплину. Такъ тутъ двое не то, чтобы отогрѣваться, а пeрвò вытащили деньги, да принялись сушить, по всему шалашу разложили мокрыя бумажки. Таково денегъ много, таково много, что я и не видывалъ. Нечего грѣха таить, согрѣшилъ, подумалъ, глядя на нихъ, что не оставятъ, молъ, и меня старика отъ эдакихъ денегъ за мою послугу, — хоть, молъ, сотню другую да дадутъ. И думаю себѣ: „ну, молъ, сподобилъ Господь и душу соблюсти, можетъ и на дѣтокъ что заработалъ.“ Вотъ они пообогрѣлись маненько и деньги пообсохли: начали они ихъ собирать, да укладывать въ бумажники. Я стою, смотрю, да помалчиваю. Вотъ одинъ перебиралъ, перебиралъ руками деньги-то, вынулъ бумажку въ десять цѣлковыхъ, да и далъ мнѣ: „на, говоритъ, тебѣ, старикъ, покорно благодарю. Это, говоритъ, господа, я за себя ему жертвую; что, молъ вы, чѣмъ вамъ угодно поблагодарить?“ Тѣ позамялись. Тотъ говоритъ: „мы, говоритъ, послѣ тебя, старика, не забудемъ“; другой: говоритъ „мы къ губернатору поѣдемъ за тебя просить, чтобы тебя къ медали представилъ;“ а одинъ, ни съ того, ни съ сего, такъ и взъѣлся на меня: „что ты, говоритъ, обобрать что ли насъ

---

[1] Черезъ Камышинъ идетъ вся соль, вырабатываемая въ Элтонскомъ озерѣ. Напротивъ Камышина на лѣвомъ берегу Волги лежитъ пристань, гдѣ соль перегружается съ фуръ на суда для доставленія въ Камышинъ

хочешь, поборъ, что ли съ насъ сдѣлаешь? Эдакъ добрыя дѣла не дѣлаются!“ Такъ мнѣ это слово стало прискорбно, такъ прискорбно, что ровно онъ меня ножемъ по сердцу. Чтожъ вѣдь? Я же съ нихъ ничего не просилъ и не требовалъ. Взялъ я эти десять цѣлковыхъ, да тому купцу, что далъ мнѣ ихъ, и отдалъ назадъ: „на, говорю, возьми, не надо мнѣ.“ — „Нѣтъ, говоритъ, старикъ, возьми: это я тебѣ отъ своей доброй души жертвую.“ „Не надо, я говорю, не возьму. Я вѣдь съ васъ ничего не просилъ, не желаю я, чтобы вы меня попрекали, что я васъ обобрать хотѣлъ. Богъ съ вами: не изъ-за вашихъ денегъ я хлопоталъ.“ Такъ воротилъ деньги и не взялъ: очень уже мнѣ стало прискорбно. Тутъ они всѣ и заговорили въ голосъ: „да мы, говорятъ, послѣ тебя не оставимъ, не безпокойся, говорятъ, старикъ, и къ медали, говорятъ, тебя представимъ.“ „Ладно, молъ, ничего мнѣ не надо. Божье дѣло, Божья и награда, только недобрымъ словомъ меня не обзовите! ...“ Я ихъ и въ городъ самъ перевезъ.

— Ну, чтоже? дали они тебѣ что-нибудь послѣто? спросилъ я.

Старикъ усмѣхнулся.

— Да, дали, много пожертвовали, проговорилъ онъ съ добродушной улыбкой. — Такъ и слухъ о нихъ запалъ, голубчикъ мой. А привелось мнѣ быть въ В., а купецъ-то, что десять-то цѣлковыхъ давалъ, тамошній. Дай, думаю, зайду къ нему: хоть посмотрю, молъ, что будетъ.

— Ну, чтоже? спросилъ я нетерпѣливо.

— Ничего, велѣлъ водки поднести, три гривенника вынесъ, да ступай, говоритъ, старикъ, и впредь заходи, а сегодня, чу, мнѣ некогда! — отвѣчалъ

Макаръ Семенычъ, сопровождая слова свои опять той-же добродушной улыбкой.

— Ну, а медаль что?

— А насчетъ медали, видно, дѣло затѣяли: въ судъ меня требовали. Вѣстимо, оно лестно, что царская милость. Не знаю, что Богъ дастъ.

И не мало, можетъ быть, подобныхъ подвиговъ совершается каждогодно на всемъ протяженіи Волги, но они остаются неизвѣстными. Вода — какъ бы вторая жизненная стихія ловцевъ. Они совершенно освоились и сроднились съ нею; страхъ воды имъ непонятенъ, они не знаютъ этого чувства.

У каждаго хозяина-рыбопромышленника, снимающаго большія воды, непремѣнно есть водолазы, для очищенія дна отъ каршей. Во время весенняго разлива, внизъ по теченію, плыветъ множество вѣтвей, корней, отрубковъ, похищенныхъ полою водою въ лѣсныхъ прибрежныхъ пространствахъ Волги; иногда цѣлое изсохшее дерево, подмытое водою съ корнями и вѣтвями, уноситъ теченіемъ. Эти древесныя коряги вообще называются каршами. Часто пресыщаясь водою, онѣ тонутъ, падаютъ на дно и замываются пескомъ, оставаясь опасными не только для рыболовства, но и для судоходства, потому что суда, случается, натыкаются на нихъ, пробиваютъ бокъ, или днище, и тонутъ. Когда рыболовная сѣть задѣваетъ за такую каршу и запутывается, тотчасъ ловецъ дастъ знать водолазу, и онъ, перебираясь руками по посадной, спускается на дно рѣки, и тамъ, придерживаясь ногами за сѣть, той же сѣтью, или веревкой опутываетъ каршу такимъ образомъ, чтобы ее можно было вытащить, затѣмъ опять поднимается вверхъ. При этомъ водолазъ не употребляетъ никакихъ способствующихъ снарядовъ, не смотря на то, что дол-

женъ иногда опускаться на глубину восьми саженъ и быть въ водѣ впродолженіе нѣсколькихъ минутъ. Онъ надѣется только на привычку и свои богатырскія силы. На неслишкомъ глубокихъ мѣстахъ водолазъ дѣлаетъ свое дѣло шутя, но на большихъ глубинахъ и особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вода быстрая, — трудъ его такъ тяжелъ, что иногда отъ напряженія бросается кровь изъ носа, всего же болѣе устаютъ руки, грудь и портится зрѣніе. Случается, что водолазъ возвращается на поверхность воды совершенно обезсиленный, — такъ что находящіеся на лодкѣ должны его подхватить, чтобъ не дать ему утонуть. Не всегда съ одного раза успѣваетъ водолазъ исполнить свое дѣло: иногда онъ нѣсколько разъ поднимается вверхъ, чтобы, пораздышавшись, отдохнувши, запастись воздухомъ, снова опуститься на дно и приняться за оставленную работу. Случается, что вся карша зарылась въ песокъ, опутать ее сѣтью или веревкой нѣтъ никакой возможности, а между тѣмъ изъ нея торчитъ сучокъ, каждый разъ останавливающій сѣть: въ такомъ случаѣ водолазъ — ввертываетъ въ каршу буравъ, чтобы на немъ уже вытащить ее... Вообще трудъ водолаза очень тяжелъ и разрушителенъ для здоровья; но все переноситъ русскій человѣкъ, чтобы заработать лишнюю копѣйку... И его же, этого вѣчнаго труженика, укоряютъ въ лѣни и безпечности! Не подумайте впрочемъ, чтобъ водолазъ получалъ очень много за свой трудъ: самое большое жалованье его за работу, на большомъ пространствѣ снятыхъ хозяиномъ водъ, доходитъ до 100 рублей серебромъ въ лѣто, если же онъ при этомъ ловецъ, то получаетъ прибавку.

На одномъ стану я встрѣтилъ водолаза, который

работалъ на хозяина за 40 руб. сер. Хотя онъ здѣсь былъ обманутъ, но стоитъ замѣтить это обстоятельство, какъ характеризующее отношенія ловцовъ къ хозяину. Крайне нуждаясь въ деньгахъ, водолазъ занялъ 100 руб. ассигн. у своего хозяина, у котораго обыкновенно нанимался каждогодно. Весной, при наймѣ рабочихъ водолазъ явился къ своему хозяину для заключенія условія. Тотъ объявилъ ему, что онъ нанялъ его еще зимой за 40 руб. сер. и 100 асс. далъ впередъ тогда же. А между тѣмъ сосѣднiй рыбакъ предлагалъ ему 120 руб. сер. Ловецъ было заспорилъ, предлагалъ немедленно заплатить свой долгъ, но хозяинъ не согласился, и водолазъ долженъ былъ покориться.

— Что же ты, братецъ, не жаловался? спросилъ я водолаза, возмущенный его разсказомъ.

— Да какъ я пойду жаловаться-то на него? Мужикъ-то онъ богатый: гдѣ мнѣ съ нимъ тутъ тягаться! Ну, а и твоя возьметъ, такъ развѣ онъ послѣ не прижметъ тебя: насъ-то много, а онъ здѣсь одинъ; извѣстно, есть другiе хозяева, да все охота поближе къ домамъ-то своимъ, да къ семьямъ-то... Ну, да и по привычкѣ ровно какъ: и ребята все свои, все назнати... Такъ ужъ и остался; ну, пусть Господь за меня съ него взыщетъ.

— А на слѣдующiй годъ, чай, уже не наймешься къ нему, этакому мошеннику?

— Вѣстимо бы не надо наниматься-то къ нему? Не знаю, какъ ужъ Господь приведетъ.

Этотъ водолазъ поразилъ меня своею скромностью, уступчивостью и необыкновеннымъ добродушiемъ, которыя тѣмъ болѣе бросались въ глаза, что принадлежали человѣку исполинскаго тѣлосложенія и неимовѣрной физической силы. Притомъ онъ

былъ весельчакъ и первый пѣсельникъ между всѣми ловцами своего стана. Вообще водолазы отличаются крѣпкимъ тѣлосложеніемъ: главное условіе для нихъ— сила и широкая, высокая грудь, съ мощными легкими. Замѣчательно, что водолазы никогда не открываютъ въ водѣ глазъ и дѣлаютъ свое дѣло только ощупью. Само собою разумѣется, что главная работа водолаза — только при началѣ лова, весной, пока дно не очищено; потомъ онъ почти свободенъ, — оттого всѣ водолазы въ тоже время и ловцы.

Каждый день, кромѣ праздниковъ, продолжается ловъ. Пойманную рыбу тотчасъ же сажаютъ въ садки, а въ иныхъ мѣстахъ сначала въ заструги, или колдыбани, гдѣ рыбѣ даютъ нѣсколько дней поотдохнуть, а потомъ пересаживаютъ въ садки. Застругами, или колдыбанями называются ямы въ береговыхъ пескахъ, въ которыхъ послѣ весенняго разлива остается вода, а также и заливчики въ пескахъ, которые перегораживаютъ, чтобы запереть для рыбы выходъ въ Волгу. Заструги годятся только большія и глубокія, т. е. тѣ, въ которыхъ вода не скоро нагрѣвается, чтобы рыбѣ было гдѣ гулять и она не уснула отъ духоты. Къ нимъ прибѣгаютъ особенно на станахъ, отдаленныхъ отъ садковъ, но большею частью сажаютъ рыбу прямо въ послѣдніе. Садки бываютъ двухъ родовъ: естественные или озера и искусственные — пруды, вырытые нарочно для этой цѣли на проточныхъ ручьяхъ или ключахъ, и деревянные, огромные срубы, опущенные въ самую Волгу. Озера и пруды считаются болѣе удобными, нежели деревянные садки. Въ послѣднихъ рыба болѣе тощаетъ и чаще снетъ, но не вездѣ есть естественные садки, не вездѣ есть возможность вырыть

пруды, а потому необходимость часто заставляетъ прибѣгать къ деревяннымъ садкамъ.

Каждый ловецъ на уколъ, сажая свою рыбу въ садокъ, кладетъ на нее и свою особенную замѣтку: одинъ обрѣзываетъ два уса, другой три, третій обрубаетъ плавильное перо и т. п. По этимъ замѣткамъ впослѣдствіи узнаютъ, кѣмъ рыба поймана, что необходимо знать при разсчетѣ съ хозяиномъ.

Въ садкахъ рыба сидитъ до первыхъ зимнихъ морозовъ: тогда она вынимается изъ нихъ, морозится и отправляется въ Москву. Изъ озеръ и прудовъ рыба зимою высаживается неводомъ: для этого черезъ нѣсколько маленькихъ прорубокъ пропускаютъ неводъ подъ ледъ и тамъ ведутъ его чрезъ весь садокъ къ большой проруби, въ которую неводъ и вытаскивается. Въ иныхъ мѣстахъ, лежащихъ по близости къ Саратову, рыба сидитъ въ садкахъ и удобныхъ застругахъ до октября мѣсяца; тогда пріѣзжаютъ саратовскіе купцы, покупаютъ ее и увозятъ въ прорѣзяхъ[1] въ городъ, гдѣ и продаютъ для мѣстнаго употребленія.

Въ это же время производится и приготовленіе икры, также для отправки въ Москву; въ прочее время лова, она приготовляется трехъ сортовъ: малосольная, паюсная и средняя между ними, по крѣпости засола, межеумокъ. При этомъ замѣчается такое различіе въ цѣнахъ на икру: такъ какъ лѣтомъ происходитъ только мѣстная продажа и сохраненіе малосольной икры затруднительно, то и цѣнность икры опредѣляется количествомъ соли, такъ

1 Прорѣзъ — судно, которое, черезъ нарочно сдѣланныя на днищѣ его дыры, наполняется водою и служитъ для перевоза по Волгѣ живой рыбы.

что, напр., въ Царицынѣ, весною, малосольная икра стоитъ въ иной годъ около 10 к. сер., межеумокъ отъ 15 и до 20, а паюсная 30 к. сер.; напротивъ, зимою цѣна измѣняется обратно, и паюсная становится дешевле малосольной.

Красной рыбы солится на продажу въ Саратовской губерніи незначительное количество и только для мѣстнаго употребленія. Лѣтомъ солится только уснувшая. Промышленники находятъ болѣе выгоднымъ пускать рыбу въ продажу свѣжею. Главный ловъ красной рыбы Саратовской губерніи производится въ Царицынскомъ уѣздѣ, въ Камышинскомъ менѣе, въ Саратовскомъ и выше: въ Волскомъ и Хвалынскомъ, сравнительно, ловъ уже можетъ быть названъ весьма незначительнымъ. Эта разница въ количествѣ улова замѣчается тотчасъ при первомъ взглядѣ на снаряды, употребляемые ловцами. Напримѣръ, въ Царицынскомъ уѣздѣ вы увидите только самоплавы и снасти, потому что ловцу некогда и невыгодно прибѣгать ни къ какимъ другимъ способамъ лова: всякой другой рыбы, кромѣ красной, онъ гнушается, не дорожитъ даже сомомъ, разсчитывая на избытокъ осетровъ, бѣлугъ и севрюгъ. Въ Камышинскомъ уѣздѣ, напротивъ, вы уже замѣтите въ иныхъ мѣстахъ другое устройство самаго самоплава, вы увидите, что онъ состоитъ изъ двухъ частей: собственно самоплава, въ которомъ, впрочемъ, сѣти мельче, и пришитаго къ нему въ одну стѣну — глазуна.

Такое устройство дано ему для того, чтобы вмѣстѣ съ красной рыбой, которую смотря по величинѣ будетъ ловить глазунъ, въ сѣтяхъ удерживалась и мелкая, такъ называемая частиковая рыба, т.-е. судакъ, щука, лещь, сазанъ, налимъ, и пр.

Здѣсь вы замѣтите въ большомъ употребленіи сомовники и увидите клоченье сома.

Сомовники имѣютъ форму снасти, только съ тѣмъ различіемъ, что у нихъ одинъ конецъ хребтины держится въ водѣ кошкой, а другой пускается по теченію; на крючки же или уды насаживается мелкая рыба (моль), ракушка, лягушки, которыя и служатъ приманкой для сомовъ, хватающихъ ихъ ртомъ, какъ обыкновенная рыба удочку съ наживленнымъ на нее червякомъ. Правда, употребляются самовники и ниже по Волгѣ, только не тѣми ловцами, которые занимаются исключительно красноловомъ, а развѣ ловятъ ими гдѣ-нибудь въ волошкахъ крестьяне, за незначительную плату купившіе себѣ въ нихъ право временнаго лова стерляди. Тѣмъ болѣе настоящій ловецъ красной рыбы не будетъ тратить времени на клоченье сома. Съ лодки, выѣхавшей на извѣстное разстояніе отъ берега, пускается сомовая уда, наживленная той же приманкой, которая употребляется и въ сомовникахъ. Рыбакъ одной рукой держитъ веревку или силокъ, къ которому привязана уда, а другою бьетъ по водѣ (клочетъ) особенною деревяшкою, изъ вяза или яблони, сдѣланною въ видѣ изогнутаго ножа съ кружкомъ въ концѣ (клокъ), производя черезъ то звукъ, похожій на тотъ, который дѣлаетъ сомъ, и который привлекаетъ его къ приманкѣ.

Вообще количество улова красной рыбы уменьшается по мѣрѣ возвышенія по Волгѣ. Очевидно, что главная причина такого явленія заключается въ томъ, что низовые ловцы не пропускаютъ рыбы вверхъ. Но достоинство водъ, относительно улова, на извѣстномъ пространствѣ, часто измѣняется; однѣ воды дѣлаются лучше, другія портятся. Причина

этому лежитъ въ связи съ измѣненіемъ волжскаго фарватера. Главнымъ условіемъ лова красной рыбы служитъ ровное, песчаное дно, но оно часто портится. Фарватеръ Волги въ Саратовской губерніи измѣняется всего болѣе отъ притока вешней воды изъ балокъ, которая несетъ и бревна, и кусты; засаривая воду въ одномъ мѣстѣ, усиливаетъ бѣгъ ея въ другомъ. При этомъ всѣ видоизмѣненія береговъ отражаются на днѣ Волги. Напримѣръ: Царицынскаго уѣзда при с. Проссейкахъ, нѣсколько лѣтъ назадъ, были пески, очень удобные для ловли рыбы. Потомъ вдругъ пески испортились, образовались ямы, и ловъ совершенно прекратился, воды потеряли свое достоинство и цѣнность. Спустя нѣсколько лѣтъ опять воды поправились, и вотъ по какой причинѣ: подъ казачьей станицей, лежащей выше Проссейки, есть займище, которое прежде было покрыто лѣсомъ и вода не подмывала песчанаго берега; но лѣсъ вырубили, вода стала подмывать берегъ и скатывать его песокъ на Проссейскіе пески, которые мало по малу такимъ образомъ заравняла и исправила—и ловъ сталъ по прежнему хорошъ и удобенъ. По общему голосу ловцовъ, рыбы въ Саратовской губерніи ловится съ каждымъ годомъ меньше, но, можетъ быть, это уменьшеніе только кажущееся, вслѣдствіе безпрестанно возрастающаго числа рыбопромышленниковъ; несомнѣнно, что рыба дорожаетъ съ каждымъ годомъ. „Было времечко, говорилъ мнѣ одинъ ловецъ подъ Камышиномъ, сказывалъ батюшка: изловили на ихъ стану бѣлугу, что на нынѣшнія деньги стоила бы рублей 300, и привезли къ коменданту, а онъ далъ за нее полведра вина, такъ еще довольны остались!“

Всѣ ловцы жалуются на заколы, или запоры, ко-

торые продолжаютъ устраиваться рыбопромышленниками въ гирлахъ Волги, и не пускаютъ рыбу вверхъ, такъ что попадаетъ здѣсь только та рыба, которая успѣетъ пройти во время полой воды поверхъ заколовъ, или та, которая идетъ гирлами, открытыми для судоходства и не запертыми только ради этой причины. „А много ли полѣзетъ рыбы, говорятъ они, туда, гдѣ ходятъ пароходы?.. извѣстно, рыба боится шума, вотъ вся и достается астраханскимъ“.

Не говорю, какъ очевидецъ, но всѣ саратовскіе рыбопромышленники увѣряютъ въ одинъ голосъ, что заколы постоянно существуютъ и теперь, хотя строго запрещены закономъ и дѣйствительно вредятъ рыбному промыслу, сосредоточивая его въ рукахъ немногихъ: свободными отъ заколовъ, по словамъ очевидцевъ, остаются только тѣ волжскія гирла, по которымъ ходятъ суда; но само собою разумѣется, что рыба избираетъ себѣ путь по водамъ болѣе спокойнымъ и не возмущаемымъ движеніемъ судовъ, а тѣмъ болѣе пароходовъ.

Ловецъ красной рыбы Саратовской губерніи не знаетъ въ ней вкуса, никогда не употребляя ея въ пищу: такъ дорожитъ онъ ею! Пища его иногда бываетъ очень скудна. Во время хода стерляди, онъ не ѣстъ иной ухи, кромѣ стерляжьей, и его вкусная каша, кавардакъ, варится тогда на стерляжьемъ жиру; но въ иное время онъ бываетъ доволенъ и ухой изъ судака или густерки, мелкой костлявой рыбы.

Русскій человѣкъ и здѣсь не прихотливъ; есть— такъ и слава Богу, а нѣтъ — такъ онъ не горюетъ.

Ловцы сами должны заботиться о своемъ пропитаніи, употребляя на это свой досугъ, котораго

очень мало; поэтому они ставятъ перетяжки для стерляди, судачники для судака и самоловки для густеры; и тѣмъ ограничиваютъ всѣ свои заботы о пропитаніи. Попадется что-нибудь, онъ счастливъ и поѣстъ сладко, а неудача — и хлѣбомъ довольствуется съ какой-нибудь жиденькой ушицей.

Судакъ въ Саратовской губе́рніи называется вообще судокъ, а потому и снарядъ, которымъ ловится онъ, называется судошникомъ. Устройство его точно такое же, какъ сомовника, съ тѣмъ только различіемъ, что онъ гораздо меньше размѣромъ и короче, спускается съ берега и причалива́ется на берегу къ шесту или палкѣ; на уды наживляется мелкая рыбка (моль, малета, молева).

Самоловки — конусообразныя плетенки изъ тальника, съ вогнутымъ внутрь основаніемъ, въ серединѣ котораго горло какъ въ воронкѣ. Это горло намазываютъ хлѣбомъ и ставятъ самоловку на быстрыхъ водахъ.

Ловцы вообще славятся искусствомъ варить уху и кавардакъ. Надъ дымящейся теплиной ставится деревянный треножникъ (шагарки), къ которому на двухъ крючьяхъ подвѣшиваются котелки. Въ одномъ варится уха, въ другомъ засыпано просо съ небольшимъ количествомъ воды. По мѣрѣ того, какъ изъ стерляди, положенной для ухи очень щедрою рукою, выкипаетъ жиръ, его снимаютъ и кладутъ въ кашу, заботясь впрочемъ о томъ, чтобы и уха оставалась жирна. Потомъ вынимаютъ нѣсколько жирныхъ частей уварившейся стерляди, растираютъ ее ложкой, затѣмъ смѣшиваютъ съ кашей и даютъ ей поджариться на огнѣ до-красна. Приготовивъ кушанье, ловецъ сливаетъ бульонъ ухи въ особенную чашку, крошитъ въ нее хлѣбъ и такимъ обра-

зомъ придаетъ бульону кислоту. Рыбу изъ ухи ѣстъ особенно. Если нѣтъ стерляди, то замѣняютъ ее густерой, приготовляя уху и кашу такимъ же образомъ. Иногда жарятъ прямо на огнѣ на палочкахъ, на шашлыкахъ, какъ говоритъ ловецъ, особенной породы мягкую рыбу — сапачъ и синьгу.

Ловцы, по общему обычаю русскихъ рабочихъ людей, составляютъ изъ себя артель и ѣдятъ изъ общей чаши. Нельзя похвалить ихъ за чистоплотность: доска, которая валяется въ пескѣ, служитъ имъ столомъ; котелъ, чашки, и ложки никогда дочиста не вымыты; грязная рука безъ посредства вилки лѣзетъ въ котелъ — въ этомъ, конечно, ихъ вина. Но уже ничѣмъ нельзя защититься имъ отъ песку, который иногда вздымается вѣтромъ въ то время, какъ они приготовляютъ себѣ пищу, летитъ въ котелъ и въ чашку, и потомъ весело хруститъ на здоровыхъ русскихъ зубахъ.

1857 г.

Рѣка Керженецъ.

Пишу къ вамъ изъ гнѣзда раскольниковъ-старообрядцевъ, изъ мрачныхъ хвойныхъ лѣсовъ, съ крутого берега извилистой, прихотливой въ своемъ теченіи, рѣки Керженца. Эта рѣка принадлежитъ почти исключительно Нижегородской губерніи, Семеновскому уѣзду. Лѣса, покрывающіе берега Керженца и его притоковъ, кормятъ большую часть населенія цѣлаго уѣзда. Столичный или степной житель съ трудомъ представитъ себѣ и пойметъ ту глушь и дичь, которая царствуетъ въ здѣшнихъ лѣсахъ даже теперь, въ настоящее время, когда постоянная рубка и пожары сильно разрѣдили прежнія непроходимыя лѣсныя чащи, привольныя мѣста для медвѣдей, оленей, раскольниковъ и дѣлателей фальшивой монеты, давшихъ самому Семенову свою особенную мѣстную пословицу: „хорошъ городъ Семеновъ, да въ немъ денежка мягка!“

Изъ большого, бойкаго села Воскресенскаго на Ветлугѣ я вздумалъ проѣхать въ Хохалы, деревню, гдѣ помѣщается лѣсничество Лыковской дачи, прилежащей Керженцу и его притокамъ. Проѣхавши одну станцію по большой торговой дорогѣ отъ Воскресенскаго въ Семеновъ, для сокращенія пути мы свернули на проселокъ и ѣхали верстъ 25 непрерывнымъ лѣсомъ, не встрѣчая ни одного селенія.

Всѣ крестьяне Лыковской волости занимаютса исключительно рубкою лѣса, который потомъ вяжутъ въ плоты и сплавляютъ ихъ до устья Керженца, впадающаго въ Волгу. Это ихъ единственный промыселъ, принятый ими въ наслѣдство отъ дѣдовъ и прадѣдовъ, и затѣмъ они не знаютъ никакого другого, кромѣ охоты, которою впрочемъ занимаются очень немногіе. Въ своемъ единственномъ промыслѣ они дошли до совершенства, и хотя, повидимому, не много нужно искусства, чтобы срубить и обтесать дерево, но нельзя не полюбоваться, съ какой необыкновенной чистотою, посредствомъ одного топора, снимается кора съ дерева: поверхность его остается такъ гладка, какъ у восковой свѣчи, ни зарубки, ни затесинки, — все бревно какъ будто отполировано.

По берегамъ Керженца и по близости къ нему всѣ крупныя, большемѣрныя деревья уже повырублены и въ настоящее время рубка идетъ по притокамъ, рѣчкамъ Черной и Вишнѣ, отъ селеній верстъ на 20 и на 30. Рубка лѣса, какъ извѣстно, производится зимою, и потому все мужское населеніе деревень, занимающихся этимъ промысломъ, какъ только промерзнутъ болота и установится хорошій зимній путь, переселяется въ лѣса и живетъ тамъ до вскрытія рѣкъ въ зимницахъ: въ деревняхъ остаются только бабы, да ребятишки. Здѣшній крестьянинъ радъ ранней и морозной зимѣ, ибо чѣмъ длиннѣе зима, тѣмъ больше времени для работы, дающей средства существованія. Нынѣшняя зима, теплая и перемѣнчивая, пугала лѣсорубовъ.

Мы пріѣхали въ Хохалы около 10-го декабря и узнали, что только дня за два крестьяне имѣли возможность перебраться въ лѣса, и то только самые

заботливые и отважные, потому что болота еще не промерзли. Мнѣ хотѣлось на мѣстѣ видѣть рубку и жизнь этихъ лѣсныхъ дикарей. Не обинуясь оставляю это названіе за здѣшними обитателями: мнѣ удалось быть въ мѣстахъ не менѣе лѣсныхъ и глухихъ на Ветлугѣ, но тамъ болѣе жизни, болѣе движенія, болѣе предпріимчивости и коммерческихъ оборотовъ; тамъ строятся большія суда — бѣляны, на которыхъ сплавляются лѣсныя издѣлія до Дубовки, и рѣдкій изъ тамошнихъ крестьянъ не сплывалъ внизъ по Волгѣ; здѣшній же крестьянинъ, напротивъ, кромѣ своихъ лѣсовъ, своей Черной и Керженца, ничего не видалъ и не знаетъ: единственное окошко, чрезъ которое онъ разъ въ годъ смотритъ на остальный міръ Божій — село Лысково, близъ котораго Керженецъ впадаетъ въ Волгу, и капиталисты котораго скупаютъ лѣсъ, срубленный руками лыковскаго мужика.

Лѣсничій нашелъ мнѣ извощика, который брался довезти къ зимницамъ на Черной, но признавался, что былъ тамъ всего одинъ разъ и дорогу плохо помнитъ. Отъѣхавъ верстъ пять отъ Хохалъ, мы нашли деревню, отъ которой слѣдовало поворотить въ лѣсъ и ѣхать имъ до мѣста. Крестьяне этой деревни большею частью уже отправились на свой зимній промыселъ. Мы зашли въ избу одного крестьянина, зимницу котораго хотѣли отыскать въ лѣсу. Избы въ здѣшнихъ мѣстахъ снаружи очень ненарядны: три маленькія окошка, изъ которыхъ среднее больше крайнихъ, соломенная крыша и никакихъ рѣзныхъ украшеній, ни вычурныхъ затѣйливыхъ полотенецъ, подъ крышей, ни рѣзнаго гребня по коню, ни кочетовъ, ни рѣзьбы на воротахъ; зато лѣсъ пошелъ на постройку крѣпкій, массивный,

и внутри, въ избѣ, просторъ и приволье. У каждаго сколько-нибудь зажиточнаго крестьянина двѣ избы: одна лѣтняя, другая зимняя и сверхъ того еще третья — черная для кормленія скотины; дворъ обнесенъ здоровымъ бревенчатымъ заборомъ и сверхъ того надѣланы просторные хлѣвы для коровъ и овецъ. Съ перваго взгляда виденъ избытокъ лѣса. Чистота въ избѣ поразительная, особенно въ лѣтней, которая и смотритъ веселѣе и свѣтлѣе, потому что въ ней и окна побольше. Въ избѣ насъ встрѣтила старшая хозяйка, женщина лѣтъ за пятьдесятъ, бойкая, живая, но ласковая и добродушная. Послѣ первыхъ же привѣтствій она засуетилась, чтобы насъ чѣмъ-нибудь поподчивать: подала ситника и меду, очень невзрачнаго и нечистаго на видъ, но необыкновенно вкуснаго и душистаго. Здѣшній медъ добывается изъ бортей, а не изъ ульевъ. Вы знаете что такое улей: вѣроятно, имѣете понятіе и о борти. Въ деревѣ дѣлается продольная дыра, выдалбливается сердцевина, и образуемая такимъ образомъ пустота назначается для помѣщенія пчелъ; затѣмъ продольную выемку снова закрываютъ деревянной вставкой, оставляя лишь маленькую скважину для входа и выхода пчелъ. Борти эти помѣщаются обыкновенно высоко отъ земли, и чтобы защитить отъ медвѣдя, который часто производитъ въ нихъ опустошенія, подъ ними дѣлаются деревянныя полати, которыя впрочемъ, говорятъ, рѣдко устаиваютъ предъ усиліями медвѣдя. Борти запрещены въ казенныхъ лѣсахъ лѣснымъ уставомъ, изъ предосторожности отъ пожаровъ, на томъ основаніи, что при добываніи меду изъ бортей пчелъ выкуриваютъ дымомъ. Предосторожность, разумѣется, ни въ какомъ случаѣ не мѣшаетъ, но, какъ мнѣ объяснили,

эта мѣра, увеличивая объемъ лѣснаго устава, не уменьшаетъ количества бортей въ казенныхъ лѣсахъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, хозяйка предложила намъ остатковъ отъ праздника Николина дня — браги необыкновенно кислой и еще болѣе кислаго, способнаго замѣнить уксусъ, сыченаго, или моренаго меда. Послѣдній напитокъ, извѣстный также подъ именемъ пьянинькаго кваску (имя, подъ которымъ онъ скрывается отъ преслѣдованія акцизно-откупнаго коммисіонерства) — искаженіе тѣхъ старинныхъ русскихъ медовъ, которыми славились наши предки. У старовѣровъ онъ и до сихъ поръ въ большомъ ходу. Я слыхалъ, что хорошо приготовленный онъ имѣетъ такое свойство, что съ одного стакана человѣкъ непривычный совершенно теряетъ способность движенія, хотя не лишается памяти и сознанія. Здѣсь я не могъ его пить, даже пробовать, вслѣдствіе необыкновенной кислоты, но отвѣдывалъ его въ селѣ Спасскомъ Васильсурскаго уѣзда, и тамъ же узналъ способъ его приготовленія. Ведро или два воды до сладости сытятъ медомъ, вливаютъ въ боченокъ, кладутъ туда же кружку дрожжей и ставятъ эту смѣсь на печку. Въ боченкѣ происходитъ сильное броженіе, и дня въ три или четыре сыта совершенно окисляется до вкуса уксуса; тогда ее опять насыщаютъ до сладости медомъ и опять оставляютъ боченокъ на печи. Повторяя одинъ и тотъ же процессъ нѣсколько разъ по вкусу и желанію получаютъ сыченый медъ. Тотъ, который я пилъ въ Спасскомъ, имѣлъ сладкокислый вкусъ и видъ мутнаго полпива; опьяняющее свойство его я не испытывалъ, потому что не могъ выпить болѣе одной рюмки, но она не произвела на меня никакого особеннаго впечатлѣнія. Полагаю впрочемъ, что и этотъ медъ былъ неис-

куснаго, или дурного приготовленія, потому что сопровождавшій меня человѣкъ болѣе, нежели я, любознательный, не нашелъ, чтобы пьянинькой квасокъ имѣлъ то свойство, которое ему приписываютъ.

Мужъ и сынъ нашей гостепріимной хозяйки уже отправились въ лѣсъ.

— Ну, какъ же вы, бабушка, такъ и живете цѣлую зиму безъ мужиковъ? спросилъ я.

— Такъ и живемъ, кормилецъ.

— Чай, вѣдь тошно тоже иной разъ?

— А что за тошно: безъ этого нельзя: хлѣбъ себѣ добываютъ.

— Ну, да въ праздники-то, я думаю, пріѣзжаютъ?

— Нѣтъ, развѣ исхарчатся, такъ за харчами пріѣдутъ.

— Ну, а ты ѣздишь ли къ нимъ когда?

— А вотъ что ни живу—не бывала и не знаю, что у нихъ тамъ за зимницы такія.

— Такъ ты и дороги туда не знаешь?

— И не знаю, и дороги не знаю, кормилецъ, сказать тебѣ всю правду.

— Какъ же, братецъ, ты бы разспросилъ когонибудь о дорогѣ-то, обратился я къ ямщику.

— Да кого спросить-то?.. чай, и такъ не спутаемся: дорога-то одна.

— Вѣстимо одна! подтвердила старуха.

Между тѣмъ въ избу вошелъ сѣдой, какъ лунь, приземистый, широкоплечій старикъ, знакомый г. Л., который сопровождалъ меня въ этой поѣздкѣ. Старикъ подсѣлъ къ намъ, и у насъ завязалась бесѣда. Дѣдушкѣ по его счету было уже много за 80-ть лѣтъ, но онъ былъ еще бодръ, свѣжъ, словоохотливъ, и только глаза да ноги отказывались служить ему.

— А то бы я не отсталъ отъ людей, говорилъ онъ, не сталъ бы сидѣть около бабъ, коли свои ребята въ лѣсу. Было времячко, не было мнѣ супротивника: всякаго побарывалъ, даромъ что ростомъ-то маленекъ, такихъ кряжей сламывалъ...

По мистическому настроенію старика, разговоръ незамѣтно обратился у насъ къ порченымъ.

— Мало-ли этой пакости бываетъ. Да вотъ у меня невѣстку испортили: начало бабу ломать, корчить. Да я зналъ, чьи это промыслы, прямо пошелъ къ Акулинѣ. Слушай, я говорю, ты — баба, ты у меня съ невѣстки сними, а то вотъ я образомъ образуюсь, коли не снимешь, я тебя застрѣлю. Вотъ образовался, — смотри же.

— Ну, что же?

— Облегчилась, перестало ломать.

— Ну, а если бы не сняла, неужто бы, дѣдушка, въ самомъ дѣлѣ и застрѣлилъ бы?

— Застрѣлилъ бы! быстро и рѣшительно отвѣтилъ старикъ. В-вотъ! Неужто бы за этакую Богу отвѣтъ далъ? Пожалуй, этакъ она сколько бы народа перепортила. Старъ человѣкъ, говорю, передъ Богомъ: пристрѣлилъ бы, да и пошелъ суду бы себя объявилъ.

Короткій зимній день приходилъ къ концу, наступалъ вечеръ, а намъ предстояло проѣхать еще верстъ 20, такихъ верстъ, о которыхъ русскій человѣкъ говоритъ въ шутку, что они узенькія, да длинныя, и которыя мѣряла баба клюкой, да и махнула рукой.

— Вотъ ты дѣдушку спросилъ бы о дорогѣ-то, сказалъ я ямщику.

— Вѣдь, чай, дѣдушка, по Черновской тропѣ есть ужъ ѣзда-то? спросилъ нашъ возница.

— Какъ, чай, не быть!

— То-то.

Больше ямщикъ не разспрашивалъ, и мы, распрощавшись со старикомъ и доброй хозяйкой, отправились въ путь. Сначала дорога шла полемъ, гдѣ ямщикъ искалъ все поворота направо въ лѣсъ, потомъ дѣйствительно поворотилъ направо; но, проѣхавши версты двѣ лѣсомъ, объявилъ, что врядъ ли туда ѣдемъ, и все-таки ѣхалъ впередъ, не останавливаясь.

— Такъ зачѣмъ же ты ѣдешь, коли не туда? Лучше воротиться назадъ, да взять проводника.

— Да вишь ты, тутъ была сосна на самомъ поворотѣ, такая еще развѣсистая; я все и смотрѣлъ ее, да нѣтъ сосны то, видно срубили, что ли ... А я все ее-то и смотрѣлъ и вижу, что не тутъ ѣдемъ.

— Ну, такъ нечего и ѣхать: ворочайся назадъ въ деревню. Ямщикъ неохотно повиновался и, пока мы ѣхали до деревни, все осматривался кругомъ и искалъ пропавшей сосны. Уже совсѣмъ стемнѣло и въ деревнѣ зажглись огни, когда мы подъѣхали къ ней.

Здѣсь ямщикъ предлагалъ лучше переночевать, чтобы съ утра ѣхать, но я хотѣлъ непремѣнно видѣть жизнь въ зимницахъ вечеромъ, когда рабочіе всѣ возвращаются изъ лѣса, гдѣ они проводятъ весь день. Взявши въ деревнѣ провожатаго съ тѣмъ, чтобы онъ намъ показалъ только поворотъ въ лѣсъ, гдѣ дорога одна, опять оборотили лошадей. Поворотъ былъ указанъ, и провожавшій намъ растолковалъ, что какъ въѣдемъ въ лѣсъ и минуемъ осѣкъ, то есть изгородь, отдѣляющую лѣсъ отъ поля, такъ и поворачивали бы влѣво, а ни направо, ни прямо не ѣздили, а тамъ ужъ, какъ поворотишь влѣво, дорога одна.

— Да тамъ извѣстно ужъ дорога одна! согласился ямщикъ.

— А ты, слушай, Кузьма Васильичъ, замѣтилъ нашъ провожатый, ты тамъ около крестовъ-то вправо не бери, а прямо поѣзжай.

— Ладно, отвѣчалъ ямщикъ и, поспѣшно подобравши возжи, прикринулъ на лошадей.

Я предвидѣлъ, что безъ путаницы дѣло не обойдется, и хотя не совсѣмъ было благоразумно пускаться ночью въ лѣсъ съ ямщикомъ, не знающимъ дороги, но, надѣясь на сметку и счастье русскаго человѣка, или, сказать откровеннѣе, самъ разсчитывая на русское авось, ни на минуту не задумался и не поколебался ѣхать. И до сихъ поръ не знаю, тутъ ли мы ѣхали, но тащились мы необыкновенно долго. Ночь настала темная: ни мѣсяца, ни звѣздочки на небѣ, покрытомъ густыми облаками, изъ которыхъ къ утру полилъ проливной дождь. Дорога шла лѣсной просѣкой до такой степени узкой, что сани наши, въ которыхъ съ трудомъ можно было помѣститься двоимъ, едва проходили между деревьями, а въ иныхъ мѣстахъ и вовсе завязали такъ, что мы должны были выходить изъ нихъ и ставить ихъ бокомъ, чтобы протащить какимъ-нибудь образомъ. Въ другихъ мѣстахъ они задѣвали за пни, торчащіе среди дороги. Лошади, запряженныя гусемъ, т. е. одна за другою, безпрестанно спотыкались за валежникъ и сухія деревья, лежавшія поперекъ дороги. — Въ одномъ мѣстѣ мы попали въ болото еще не промерзшее, и лошади вязли по-брюхо. Мужикъ здѣсь ѣздитъ на своихъ маленькихъ узенькихъ дровешкахъ: ему какъ-бы нибудь только пробраться къ мѣсту работы, а объ исправленіи дороги думать некогда. Наконецъ вотъ примѣта: кресты, о которыхъ говорилъ мужикъ. Зна-

читъ, попали все-таки туда, куда нужно; и половину дороги проѣхали. Здѣсь мы не поворотили ни направо, ни налѣво, а поѣхали прямо, помня данный совѣтъ. Кресты ... Здѣсь только, въ Семеновскомъ уѣздѣ, узналъ я объ этомъ особенномъ, трогательномъ обычаѣ русскаго человѣка, и не умѣю сказать: есть ли онъ гдѣ въ другихъ мѣстахъ нашего отечества, въ чемъ, конечно, нельзя сомнѣваться, какъ и въ томъ, что этотъ обычай великой древности. Тамъ, гдѣ пересѣкаются двѣ дороги, на каждомъ перекресткѣ русскій человѣкъ привыкъ налагать на себя крестное знаменіе, и нерѣдко на перекресткахъ большихъ дорогъ вы видите часовенки или просто деревянные кресты, какъ напоминовеніе этого святого христіанскаго и стариннаго русскаго обычая. А здѣсь, въ лѣсной глуши, нѣтъ такого перекрестка, на которомъ не стоялъ бы крестъ и иногда не одинъ. Кто же ихъ ставитъ? Здѣсь считается святымъ дѣломъ въ родѣ тайной милостыни или никому невѣдомаго приношенія въ церковь Божію, втайнѣ отъ всѣхъ, даже отъ домашнихъ, срубить крестъ и ночью поставить его на перекресткѣ, дабы вызвать на молитву остановившагося на распутіи и послужить тѣмъ Богу живому.

Мнѣ разсказывалъ мѣстный лѣсничій: однажды съ ружьемъ бродилъ онъ по лѣсу своего лѣсничества. Ему было извѣстно, что въ этомъ лѣсу рубки не производилось, а между тѣмъ вдругъ онъ слышитъ стукъ топора. Идетъ на него и въ глуши, далеко отъ дороги и лѣсной опушки, находитъ крестьянина обтесывающаго только-что срубленное имъ дерево. Лѣсничій принялъ его за самовольнаго порубщика и, разумѣется, тутъ же далъ ему острастку, ибо, какъ извѣстно, самовольныя порубки строжайше запрещены. Крестьянинъ молчалъ. Но къ счастію лѣсничій былъ

человѣкъ разсудительный, и его не могло не удивить, что мужикъ вздумалъ воровать лѣсъ въ цѣльной нетронутой рощѣ и притомъ вдали отъ своего селенья, и въ такой чащѣ, откуда и вывозка деревъ была почти невозможна, тогда какъ то же самое онъ могъ бы сдѣлать въ другомъ мѣстѣ съ полнымъ удобствомъ. Это заинтересовало лѣсничаго.

— Что тебѣ вздумалось воровать лѣсъ именно здѣсь? спросилъ онъ мужика.

— Нашъ, батюшка, грѣхъ: на томъ милости просимъ, — уклончиво отвѣчалъ мужикъ.

— Да Богъ тебя проститъ: одно дерево не бѣда, только ты вѣдь зналъ, что въ этой рощѣ не рубятъ и что здѣсь скорѣе попадешься; что же тебѣ вздумалось?

— Что дѣлать-то? ужъ помилуйте! Такъ глупость наша.

Мужикъ видимо не хотѣлъ сказать настоящей причины.

Лѣсничій не могъ добиться толку и, приказавши виновному оставить дерево, пошелъ прочь отъ него. Мужикъ повалился въ ноги и сталъ просить, чтобы лѣсничій никому не сказывалъ, что видѣлъ, а дерево позволилъ бы взять ему, и наконецъ признался, что онъ далъ обѣтъ поставить крестъ, и, чтобы люди не видали его труда, нарочно ушелъ въ это мѣсто.

А между тѣмъ мы все ѣдемъ и ѣдемъ очень долго; къ счастью еще стояло тепло, а то пришлось бы плохо. Оказалось, что дорога была вовсе не одна, хотя мы и ѣхали прямо: часто встрѣчались просѣки, направо и налѣво, по которымъ столько же было удобно ѣхать, какъ и по той, которую мы избирали для своего пути. Начали попадаться срубленныя деревья. Ямщикъ сходилъ, осматривалъ ихъ и возвращался съ

увѣренностью, что ѣдемъ все такъ, къ зимницамъ, если даже и сбились съ кратчайшей дороги.

— Почему же ты это знаешь?

— А бревна комлями туда лежатъ.

И я узналъ, что срубленное бревно кладется комлемъ, т. е. толстымъ своимъ концемъ въ ту сторону, куда его слѣдуетъ вывозить: вывозятъ же бревна на рѣчку, гдѣ вяжутъ въ плоты и гдѣ по близости должны быть зимницы. Наконецъ запахло дымомъ, пріѣхали мы къ рѣчкѣ, увидѣли цѣлые вороха бревенъ, но зимницъ не видали: дорога отъ рѣчки шла и направо и налѣво. Ямщикъ и человѣкъ сидѣвшій на козлахъ, сошли, начали бродить около того мѣста, гдѣ мы остановились, ища зимницъ и оглашая воздухъ дикими криками, которыми надѣялись пробудить отъ сна и вызвать лѣсныхъ обитателей. Но напрасно они бродили, напрасно охрипли кричавши: зимницъ не нашли, и отчаянные ихъ вопли: „эй-вы! мужики! ... ау! ... есть ли кто? ...“ умирали въ сыромъ, туманномъ воздухѣ безъ отзыва, даже безъ эха.

Хотя было тепло и мы не озябли, но продрогли порядкомъ, потому что воздухъ былъ проницательно-сыръ и насъ завалило снѣгомъ, падавшимъ съ древесныхъ вѣтвей во время восьми или семичасоваго странствованія среди лѣсной чащи.

Положеніе наше становилось довольно щекотливо: съ полчаса стояли мы на одномъ мѣстѣ, не зная, въ которую сторону двинуться. Запахъ дыма наносило со всѣхъ сторонъ и онъ не могъ быть нашимъ путеводителемъ.

— Что же дѣлать-то? невольно спросилъ я ямщика, стоявшаго въ раздумьи.

Онъ, ни слова не отвѣчая, съ рѣшительнымъ

движенiемъ сѣлъ на козлы и направилъ лошадей налѣво.

— Развѣ сюда? Отчего же не направо?

— Сюда надо! убѣдительно отвѣчалъ ямщикъ, и съ этой минуты я былъ почти увѣренъ, что дѣйствительно сюда надо. Мнѣ припоминалась тогда такая же сцена, но совершенно при другой обстановкѣ, и я подивился, какъ русскiй человѣкъ, куда его ни поставь, вездѣ одинаковъ и вездѣ вѣренъ своему характеру.

Не дальше, какъ нынѣшнимъ лѣтомъ, странствуя по Саратовской губернiи, я пробирался съ береговъ Волги Царицынскаго уѣзда на Иловлу. Точка, къ которой я направлялся, было село Саламатино. Мнѣ оставалось до него двѣ станцiи. Ѣхалъ я проселками на обывательскихъ, или повинныхъ, какъ ихъ называютъ въ иныхъ мѣстахъ. Какъ теперь вижу, когда я спросилъ въ деревнѣ, гдѣ слѣдовало перемѣнить лошадей, десятскаго, передо мной предстала баба съ сердитымъ выраженiемъ лица и со словами: „я десятской! что надо“? и когда я объявилъ ей свое требованiе, она тотчасъ же подняла первую, валявшуюся на землѣ палку и, вооружась ею, какъ знакомъ своего достоинства, тою же палкой указала мнѣ хату, на хозяинѣ которой лежала очередь справлять гоньбу, и затѣмъ безъ вѣсти пропала. Я вошелъ въ указанную хату и, къ моему огорченiю, узналъ, что хозяинъ уѣхалъ за сѣномъ. Правда, онъ скоро явился съ огромнѣйшимъ возомъ, но очень неблагосклонно принялъ гостя и, вѣроятно, мнѣ долго привелось бы ожидать лошадей, еслибъ я не догадался предупредить его, что плачу прогоны, а если онъ поторопится, то дамъ и на водку. Тогда тотъ же хозяинъ сталъ совсѣмъ другой человѣкъ:

возъ, который надо было куда-то къ мѣсту свалить, мигомъ полетѣлъ на землю тутъ же, гдѣ стоялъ; лошадь, которую надо было покормить, оказалась сытою; другая, за которою надо было бѣжать чуть ли не за двѣ версты, вдругъ какъ изъ земли выросла; ямщикъ превесело улыбался мнѣ, выѣзжая за околицу.

— А что, баринъ, спрашиваетъ онъ меня, коли мнѣ теперь тебя везти до Таловки, да тамъ сдать, такъ до Соломатина тебѣ будетъ верстъ пятьдесятъ, а коли бы я тебя прямо провезъ степью, такъ всего бы было верстъ тридцать.

— Такъ что же? вези, братецъ, прямо: тѣмъ лучше.

— А ты за всѣ бы отдалъ?

— Разумѣется, отдамъ съ удовольствіемъ.

— Сколько же придется?

Я ему разсчиталъ.

— Ничего бы можно, да только дороги-то не знаю: не бывалъ я.

— Ну, такъ, братецъ, нечего и дѣлать, коли дороги не знаешь и не бывалъ никогда по этой дорогѣ.

— Да оно степью какая дорога, и слѣда-то нѣтъ, не то что: извѣстно, прямо поѣзжай... А нечто развѣ ѣхать?

— Да если надѣешься доѣхать, такъ отчего же? съ Богомъ!

— Да это какъ не доѣхать: не куда денемся. И остановился онъ въ раздумьи, и вдругъ, ни съ того ни съ сего хлеснулъ лошадей и ударился въ степь.

И точно такъ же, какъ теперь, ѣхали мы, долго ѣхали, но безъ всякой дороги, безъ всякой примѣты,

а такъ прямо, куда глазъ глядитъ, и такъ же какъ теперь застигла насъ ночь. Но тогда я не безпокоился и не думалъ о томъ, — пріѣдемъ мы къ мѣсту или заблудимся и должны будемъ ночевать въ степи. Меня утомили пустыя, голыя, сѣрыя, покрытыя полынью и выжженныя солнцемъ степныя прибрежья Волги Царицынскаго уѣзда, и я радъ былъ провести ночь въ той зеленой степи, которою ѣхалъ. Послѣ знойной, пыльной атмосферы, которою дышалъ цѣлый мѣсяцъ, я съ жадностью глоталъ свѣжій, нѣсколько студеный, сыроватый и напоенный благоуханными испареніями травы воздухъ, лежавшій надъ зеленымъ моремъ, которое колыхалось вокругъ меня. Мнѣ было такъ хорошо, легко и отрадно смотрѣть въ голубое звѣздное небо и во всю безграничную разстилавшуюся вокругъ меня гладь и вслушиваться въ гармоническую тишину, но не безмолвіе спящей степной природы, — ту тишину, которой, казалось, не нарушали, но съ которою сливались и топотъ лошадей, и легкій скрипъ колесъ, катившихся, какъ по ковру, по мягкой травѣ. Весело мнѣ было бодрствовать мыслью и сердцемъ въ ту минуту, когда красоты Божьяго зданья закрываются сномъ предъ милліонами глазъ...

Не знаю, что думалъ мой возница, а ѣхалъ все прямо, кажется и звѣздами не повѣряя своего пути. Но вотъ мы наконецъ уперлись въ большую торную дорогу и какъ разъ на распутьи: одна вѣтвь дороги шла вправо, другая влѣво. Ямщикъ мой не зналъ этой дороги и пріостановился въ раздумьи.

— Ну, куда же ѣхать? невольно спросилъ я.

— Знамо, направо! отвѣчалъ ямщикъ и поѣхалъ направо.

— Да вѣдь ты не бывалъ здѣсь? Ну, а

если дорога-то намъ налѣво, куда же мы пріѣдемъ?

— Куда больше пріѣхать? пріѣдемъ въ Саламатино! возразилъ онъ съ полной увѣренностью. И дѣйствительно мы пріѣхали въ Саламатино.

Такъ и теперь: я не напрасно повѣрилъ словамъ лѣсного ямщика; запахъ дыма сталъ обдавать насъ все сильнѣе, потомъ сквозь мракъ ночи замерцалъ огонекъ, — то былъ огонекъ въ зимницахъ.

— Пріѣхали! торжественно сказалъ ямщикъ, останавливая лошадей.

Начали окликать находившихся въ зимницѣ, но утомившійся на работѣ народъ спитъ крѣпко, и мы насилу могли вызвать хозяина. Оказалось впрочемъ, что до той зимницы, въ которой мы предполагали ночевать, было съ добрую версту, но это не бѣда: намъ указали дорогу, и мы скоро добрались до ночлега.

Въ темнотѣ ночи я не могъ разсмотрѣть наружнаго вида зимницы, замѣтилъ только, что мы остановились передъ небольшимъ и невысокимъ зданіемъ. Черезъ окошко, или, попросту сказать, дыру въ аршинъ величиною, которая служила окномъ и входомъ, свѣтился яркій огонь съ теплины, разложенной внутри зимницы, и густыми клубами вылеталъ дымъ. Привѣтливо манилъ къ себѣ этотъ ярко пылавшій внутри землянки огонекъ и обѣщалъ отраду нашимъ прозябшимъ членамъ.

Я спѣшилъ пробраться къ нему, но съ непривычки это было не совсѣмъ легко: долго приноравливался я какъ бы пролѣзть черезъ дыру, служившую входомъ, пока не догадался, что сначала надобно просунуть одну ногу, за ней другую, и потомъ, по возможности согнувшись, вдвинуться внутрь всѣмъ тѣломъ.

Поступивши такимъ образомъ, я очутился внутри зимницы, но въ ту же минуту долженъ былъ присѣсть, потому что подъ потолкомъ стоялъ дымъ, захватывалъ дыханіе и невыносимо ѣлъ глаза. Почти ползкомъ сталъ я пробираться по земляному полу тѣсной зимницы, отыскивая какое-нибудь помѣщеніе; отыскалъ у стѣны маленькій древесный отрубокъ и сѣлъ на немъ около очага. Пріятная теплота огня и сухость воздуха мгновенно согрѣла меня, дымъ струился надъ головою, не касаясь ея; я протеръ глаза, изъ которыхъ текли слезы, и свободно уже могъ наблюдать предстоящую картину.

Въ землѣ вырывается яма около аршина глубиною и сажени двѣ квадратныхъ въ окружности. Въ нее запускается соотвѣтствующій мѣрою бревенчатый срубъ вышиною въ ростъ человѣка. Пола не настилается, потолокъ же выводится изъ бревенъ нѣсколько сводомъ. Въ одной стѣнѣ, вплоть надъ землей, прорубается окно или вѣрнѣе дверь, какъ уже разсказывалъ, около аршина величиною.

Лазейка эта имѣетъ створчатыя дверцы размѣромъ въ вышину на четверть меньше противъ самаго отверстія, для того, чтобы, когда они затворены, оставался свободный выходъ для дыма поверхъ дверецъ, и въ то же время загражденъ былъ притокъ холоднаго воздуха снаружи, чрезъ что зимница очень скоро нагрѣвается даже отъ малаго количества дровъ. — Къ стѣнѣ противоположной входу, черезъ всю зимницу, дѣлаются нары около сажени шириною. На аршинъ отъ нихъ, ближе къ двери, устраивается очагъ слѣдующимъ образомъ: дѣлается небольшой срубъ въ аршинъ вышиною и аршина полтора шириною и наполняется до краевъ землею.

Этотъ очагъ замѣняетъ печь, на немъ всю ночь

непрерывно горитъ огонь, нагрѣвая своею теплотою и дымомъ убогую хату, на немъ же варится пища. Вотъ общій внутренній видъ и устройство зимницы. — На другой день утромъ я разсмотрѣлъ, что по бокамъ зимницы придѣлываются хлѣвы для лошадей довольно просторные, и, кажется, даже болѣе удобные, нежели то помѣщеніе, которое устроилъ человѣкъ для себя. Все это убогое зданіе покрыто одной кровлей, которая выступаетъ, впередъ его, навѣсомъ; подъ нимъ хранится сѣно для корма лошадей.

Въ зимницѣ, которую мы избрали своимъ ночлегомъ и которая принадлежала мужу доброй хозяйки, угощавшей насъ медомъ, я увидѣлъ человѣкъ шесть, лежавшихъ на нарахъ. Нары были покрыты грязными рогожами, овчинные полушубки служили изголовьемъ, дырявые сѣрые зипуны — одѣяломъ, грязныя лапти и онучи висѣли надъ головами на закоптѣлыхъ жердяхъ и валялись между лежавшими. Потолокъ, стѣны, два котелка, въ которыхъ варится пища, были покрыты копотью на палецъ. Лица хозяевъ были черны отъ грязи и дыма. Когда я черезъ четверть часа пребыванія въ зимницѣ дотронулся до лица платкомъ, то увидѣлъ, что и на мнѣ уже лежалъ слой копоти. И въ этомъ дыму, въ этой тѣснотѣ, грязи и копоти можетъ жить русскій человѣкъ большую половину жизни!...

Старшій хозяинъ зимницы былъ высокій, тощій, костлявый старикъ лѣтъ 80-ти. Онъ лежалъ съ краю и не измѣнилъ своего положенія при нашемъ приходѣ, даже не привсталъ. Сынъ его, такой же высокій, но широкоплечій здоровый мужикъ, лѣтъ подъ 50, съ добрымъ лицомъ и длинной рыжей бородой, поднялся съ мѣста и встрѣтилъ насъ, какъ хозяинъ. Остальные, лежавшіе на нарахъ, были ра-

ботники хозяина. Они молча посматривали на насъ; но мы знали, чѣмъ развязывается языкъ русскаго человѣка, и приказали принести изъ саней большую бутыль, взятую нарочно съ этою цѣлью. Впрочемъ, къ крайнему моему удивленію и удовольствію, ни старикъ-хозяинъ, ни его сынъ, ни двое работниковъ не хотѣли даже попробовать вина, несмотря на всѣ наши убѣжденія. Спутникъ мой, знавшій всѣхъ здѣшнихъ крестьянъ, послалъ звать ихъ изъ сосѣднихъ зимницъ, но пьющими оказались только трое или четверо; между ними особенно отличался бывшій ратникъ, сначала очень забавлявшій, а потомъ надоѣвшій мнѣ своими разсказами о томъ, какъ они стояли съ дружиною въ Хохлахъ.

Въ здѣшнихъ мѣстахъ мало пьютъ водки, и въ праздничныя гулянья ограничиваются больше брагой и хмѣльнымъ медомъ.

Мало-по-малу завязалась оживленная бесѣда. Не отвергнувшіе нашего угощенія уже затѣвали пѣсню, но и прочіе, видя нашу простоту и радушіе, бросили осторожность и повели откровенный разговоръ; одинъ только нашъ старикъ-хозяинъ оставался молчаливъ и, какъ видно, недоволенъ совершавшеюся передъ его глазами пирушкой.

— Вотъ пить, да гулять, такъ, пожалуй, на всю ночь рады, а работать такъ насъ нѣтъ! брюзжалъ старикъ.

— Небось, мы на все поспѣемъ, возражалъ ратникъ. Во какъ, бывало, у насъ ротный...

— Ладно, ротный. Знай про себя: слыхали!

— Что, видно, братъ, дѣдушка-то не любитъ вамъ давать воли: не даетъ лѣниться-то! сказалъ я.

— Да ему что, сполагоря: отъ него только и есть, что ну, да проворнѣй!... До свѣта подыметъ,

соснуть не дастъ, а самъ-отъ не больно за топоромъ-то кланяется, только понукаетъ людей, да покрикиваетъ!... отозвался одинъ изъ работниковъ.

— Ладно! поживи съ мое, да поломайся съ мое, а тутъ и говори, — сердито возразилъ старикъ.

— Да мнѣ-то что? все едино: я не на него работаю, на себя, продолжалъ ратникъ. Пущай ты,— обратился онъ къ одному парню, — ты коренной работникъ, на жалованьи, а я что вывезъ, за то и денежки получилъ.

Въ это время человѣкъ подавалъ мнѣ трубку.

— Да ты уголекъ подай ему, обратился къ нему ратникъ. Какъ мы, бывало, въ походѣ или въ Хохлахъ, у насъ эти трубки... сколько! Все уголькомъ раскуривали.

— Ну, ребята, давай запоемъ нашу ратницку... Я начну... слушай.

-- Ну, зазѣвалъ! сердито промолвилъ старикъ, непріязненно посматривая на расходившагося ополченца. — Деньги забирать али орать, такъ мастеръ, а къ работѣ — нѣтъ.

Я попросилъ сына старика растолковать мнѣ, на какихъ условіяхъ работаетъ на него ратникъ и прочіе его работники.

— У насъ, видишь ты, какой порядокъ заведенъ: вотъ я теперь знакомство веду съ лыковскими торговцами, это по нашей лѣсной части. Вотъ я у нихъ тамъ у котораго ни-на-есть деньги и забираю, тамъ пятьсотъ ли, тысячу ли рублей, да вотъ этакимъ и раздаю: кому 60, кому 70 ассигнаціями; ему деньги нужны, въ домъ ли, на подушны ли, а достать не начемъ, вотъ онъ и забираетъ впередъ, а тутъ зиму-то на меня и заработываетъ: рубитъ. Тамъ весна придетъ, какая цѣна на лѣсъ обнару-

жится, сколько бревенъ кто вырубитъ, по тому его и разсчитываю. А то какъ работника нанимаю на всю зиму, на счетъ того: ужъ онъ дѣлай, что велю...

— Какъ ты говоришь, какая цѣна обнаружится? Развѣ работникъ не дѣлаетъ съ тобой напередъ условія: почемъ ему получать съ бревна?

— Да какъ онъ сдѣлаетъ условіе? Я и самъ-то не знаю, какая цѣна откроется, это ужъ какъ лыковскіе купцы какую цѣну назначатъ.

Такимъ образомъ вся лыковская волость или, лучше сказать, весь лѣсной промыселъ по Керженцу — жертва монополіи капиталистовъ села Лыскова.

Ни у одного изъ крестьянъ лыковской волости нѣтъ на столько денежныхъ средствъ и предпріимчивости, чтобы производить выдѣлку лѣса на собственный счетъ и потомъ, сплавивши плоты до устья Керженца, или ниже по Волгѣ, продать ихъ по вольной цѣнѣ. Болѣе зажиточный, больше семейный или смышленый крестьянинъ идетъ въ Лысково къ лѣсопромышленнику и проситъ у него денегъ, обѣщаясь весною выставить ему примѣрно такое-то количество бревенъ. Лѣсопромышленинъ даетъ ему денегъ безъ всякихъ условій, но за то весною, когда плоты пригнаны и когда крестьянинъ проситъ окончательной раздѣлки, онъ по соглашенію съ такими же другими лѣсопромышленниками, также имѣющими своихъ должниковъ, назначаетъ произвольную цѣну и, разумѣется, получаетъ лѣсъ крайне дешево.

Точно также и крестьянинъ, забиравшій деньги непосредственно отъ лѣсопромышленника и такимъ же точно порядкомъ раздававшій впередъ другимъ бѣднѣйшимъ, малосемейнымъ и менѣе его смышленымъ крестьянамъ, при окончательной раздѣлкѣ старается скрыть настоящую цѣну, которую получилъ

отъ хозяина, и наровитъ разсчитать своихъ работниковъ подешевле. Однимъ словомъ, въ этой торговлѣ взаимное довѣріе основано на обманѣ и взаимный обманъ на довѣріи: я тебѣ вѣрю деньги, потому что ты даешь мнѣ возможность обмануть тебя и получаешь возможность обмануть другого, и я тебѣ позволю меня обманывать за то, что ты довѣряешь мнѣ деньги и тѣмъ даешь возможность обмануть другого. Почти къ такой формулѣ можно привести отношенія лѣсопромышленниковъ по Керженцу. Разумѣется, при этомъ, гдѣ капиталистъ обманываетъ бѣдняка на рубли, тамъ бѣднякъ обманываетъ своего бѣднѣйшаго собрата на копѣйки. И эта зависимость рабочихъ рукъ отъ капиталистовъ и произволъ послѣднихъ въ опредѣленіи цѣнности труда у насъ въ Россіи встрѣчается не только здѣсь, но весьма часто. Укажу только одинъ примѣръ, но, полагаю, довольно рѣзкій.

Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ у насъ есть такъ называемыя бумажныя фабрики. Хозяева ихъ, купцы-капиталисты, покупаютъ бумажную пряжу, разматываютъ ее, приводятъ въ форму основы и утока и затѣмъ раздаютъ по деревнямъ на дома крестьянъ для тканья канифасовъ, китаекъ и т. п. Крестьянинъ ткетъ, забираетъ у хозяина впередъ деньги, но до извѣстнаго срока, иногда въ теченіе цѣлаго года, не знаетъ по какой цѣнѣ онъ работаетъ и почемъ хозяинъ заплатитъ ему за трудъ. — Разумѣется, всѣ фабриканты очень единодушно желаютъ уменьшенія задѣльной платы, и дѣло приходитъ къ такому результату, что всѣ капиталисты становятся милліонерами, а плата за трудъ зависитъ отъ произвола, а иногда совершенно не вознаграждаетъ работника.

— Сколько же можетъ выработать въ зиму мужикъ съ одною лошадью? спросилъ я нашего хозяина.

— Да ретивый рублей сто на ассигнаціи замотаетъ черезъ зиму-то.

— Что же вы дѣлаете лѣтомъ?

— Лѣтомъ, извѣстно, около дома: хлѣбопашествомъ занимаемся, да хлѣбъ-то у насъ больно плохо родится: семьи-то не прокормишь... Плохіе наши достатки!... Только зима-то и кормитъ. Да вотъ нонѣ какая стоитъ: Микола прошелъ, а мы только что въ лѣсъ-отъ выѣхали. Вотъ зимушней зимой, нечего сказать, благодаренье Богу, поработали, а нонѣ плохо.

Зима въ иныхъ краяхъ — отдыхъ для крестьянина, время лѣни и лежанья на печи, а здѣсь — это самая работящая, самая страдная пора. И здѣшній мужичекъ ждетъ ея и любитъ ее, какъ свою кормилицу, несмотря на кровавый потъ, на всѣ лишенія и страданія, съ которыми добываетъ свой насущный хлѣбъ! Онъ охотно разстается и со своей семьей и съ чистой просторной избой, съ радостью идетъ въ эту дымную, курную лачугу, для того, чтобы выработать средства существованія.

— А вѣдь, чай, тошно иной разъ по семьѣ? спросилъ я своего собесѣдника.

— Ничего не тошно! вдругъ отозвался старикъ.

— Какъ, дѣдушка, неужто не подумается о домѣ? Ну, ты вотъ старикъ, ты нажился со своей старухой; а вотъ тутъ молодыя ребята, у нихъ жены, чай, остались, тоже, чай, грустится.

— Вотъ, есть о чемъ! безъ бабы лучше... Ну ихъ!... Отъ нихъ никакого прока нѣтъ. — На-смерть ихъ не люблю.

— Что ты, дѣдушка, за человѣкъ? сказалъ я со смѣхомъ: — водки ты не пьешь, бабъ не жалуешь: что же ты любишь?

— Что люблю? хлѣбъ, — рѣзко отвѣчалъ старикъ. — А въ бабахъ пути нѣтъ: я вотъ со второй живу. Сказать тебѣ: я на крестинахъ былъ у теперешней-то моей хозяйки. — А лучше безъ нихъ, завсегда скажу, что лучше.

— Да будетъ вамъ орать-то, обратился онъ къ развеселившимся, не умолкавшимъ пѣсенникамъ. — Ишь, складъ-отъ какой! Ложились бы спать, а то завтра продрыхните.

— Да ты бай, бай свое! возразилъ ратникъ. Вотъ кабы дѣдушка Петръ былъ, тотъ бы господъ позабавилъ: тотъ бы и выпить не отсталъ и пѣсенку бы завелъ, даромъ что старикъ. А вотъ, братцы, какъ въ Хохлахъ, такъ тамъ пѣсни совсѣмъ не эки, что у насъ. Вотъ нѣтъ дѣдушки Петра, вотъ бы мы съ нимъ...

Это имя дѣдушки Петра уже поминалось не первый разъ. — Между сторонними посѣтителями зимницы былъ и его сынъ, который также отказался отъ предлагаемой чарки и промолвилъ:

— Вотъ кабы батюшка былъ, онъ бы выпилъ, ужъ и съ вами бы побаялъ.

— Ужъ бы, братъ, дѣдушка Петръ, ужъ тотъ бы, братъ, выпилъ и господъ бы уважилъ! подтвердило нѣсколько голосовъ.

— Надо полагать, что этотъ дѣдушка Петръ старикъ веселый, говорунъ и балясникъ, и человѣкъ, видно, бывалый. — Гдѣ же онъ?

— А онъ ушелъ на лыжахъ верстъ за семь, проминать дорогу черезъ болото. — Гдѣ болото худо промерзло и только сверху застыло, такъ тамъ дѣ-

душка будетъ прорубать, чтобы болото глубже замерзло и дорога для возки бревенъ сдѣлалась удобна. — Тамъ есть старая, брошенная зимница, онъ и ночуетъ въ ней одинъ-одинешенекъ.

— Видно, этотъ дѣдушка не только лясы точить, а и работать мастеръ?

— И! да онъ за троихъ молодыхъ сработаетъ, даромъ что старъ! подтвердило нѣсколько голосовъ.

Жаль, что не привелось мнѣ видѣть дѣдушки Петра.

— Скажи, пожалуйста, обратился я къ своему собесѣднику, — зачѣмъ вы строите такія дымныя, грязныя зимницы; не лучше ли бы построить избушку съ печью?

— Нѣтъ, изба съ печью будетъ не сподручна. Вѣдь, цѣлый день мы въ лѣсу, зимница стоитъ пустая, настынетъ; пріѣдешь, перезябнешь, печку надо растапливать, когда еще растопится, закроешь ее, днемъ-то изба настыла, сырость пойдетъ, да угаръ. А тутъ пріѣхалъ: огонь запалилъ, зимница-то мигомъ нагрѣется, и самъ вокругъ огонька-то обогрѣешься, и одежа просохнетъ, ни сырости, ни угару нѣтъ, — важно. Опять цѣлую ночь около огонька лежишь; къ лошадямъ ли сходить, сейчасъ огонь есть; уѣдешь утромъ-то, загребешь уголья, ночью пріѣхалъ, еще огонекъ-отъ все держится, только разгреби, да вздуй. А избу—нѣтъ, никакъ невозможно по нашей работѣ.

— Развѣ вы цѣлый день не пріѣзжаете въ зимницу?

— А какъ же? цѣлый день въ лѣсу. Вотъ утромъ всталъ, пообѣдалъ, да и на работу, вечеромъ пріѣхалъ,—ужина.

— А днемъ ничего и не ѣдите?

— Да когда ѣсть-то? Нѣтъ, не ѣдимъ.

— И хлѣба не берете съ собой?

— Нѣту. Да какъ его брать-то? Морозы-то пойдутъ, замерзнетъ такъ, что и не угрызешь.

— Что же вы ѣдите?

— Что? Хлѣбъ, щи варимъ, когда съ забѣлой; молоко хлебаемъ, коли есть; ну, кашу когда.

— А вотъ теперь, въ постъ?

— А вотъ посмотри ужо̀, станемъ обѣдать. Что въ постъ-отъ? Хлѣбъ, да горохъ варимъ, когда кашицу съ грибами,—болотники у насъ прозываются: да, правда, рѣдко же кашицу-то, все больше горохъ хлебаемъ.

Между тѣмъ кое-кого изъ нашего общества уже сталъ одолѣвать сонъ; спутники мои, пригрѣтые огонькомъ, давно уже храпѣли; изъ числа четырехъ пѣсенниковъ осталось только двое на сценѣ, и тѣ, кажется, допѣвали послѣднюю пѣсню, покачиваясь и съ полузакрытыми глазами. Я видѣлъ, что во снѣ нуждался и мой собесѣдникъ, и я посовѣстился долѣе отрывать его отъ этого не послѣдняго блаженства для работящаго человѣка, да и мои глаза какъ-то тяжело смотрѣли на свѣтъ. Устроившись какъ могъ удобнѣе на нарахъ, я думалъ уснуть, но напрасно: и пѣсни утихли, и дольше всѣхъ бодрствовавшій ратникъ замолкъ, съ послѣднимъ воспоминаніемъ о Хохлахъ уткнулся головой въ стѣну и захрапѣлъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ сидѣлъ, и всѣ спали кругомъ, и меня сильно клонило ко сну, но явились тысячи новыхъ и такихъ докучныхъ собесѣдниковъ, что сонъ бѣжалъ отъ глазъ, какъ я ни призывалъ его. — Съ завистью посматривая на сладко спящихъ сосѣдей, съ мучительной головной болью, развлекая себя лишь подкладываніемъ дровъ въ те-

плину, да наблюденіемъ за струями дыма, вившагося подъ потолкомъ, провелъ я эту безпокойную ночь, и, когда часы показали пять, я разбудилъ старика и заботливо предупредилъ его, что скоро будетъ свѣтать, и я полагаю, что имъ пора готовить себѣ обѣдъ. Къ моему величайшему удовольствію старикъ со мной согласился, разбудилъ сына и работника и самъ сталъ обуваться. Работникъ сначала съ зажженной лучиной сходилъ задать корма лошадямъ, потомъ сплеснулъ себѣ водою лицо и руки, послѣ чего они показались мнѣ еще грязнѣе, перекрестился на маленькій мѣдный образокъ, висѣвшій у входа, снялъ одинъ изъ котелковъ, налилъ въ него воды, всыпалъ гороху, покрылъ крышкой и, прицѣпивши деревяннымъ крюкомъ къ жерди, повѣсилъ его надъ огнемъ. Затѣмъ онъ взялъ другой котелъ и началъ класть въ него что-то изъ мѣшка.

— Что это такое? спросилъ я его.

— Гуньба.

— Что?

— Гуньба, земляная рѣпа.

— Что за земляная рѣпа? Покажи-ко, братъ

Оказалось, что это былъ просто картофель. Работникъ залилъ его водою и поставилъ къ огню варить. Далѣе я видѣлъ, какъ онъ досталъ валявшуюся гдѣ-то мутовку и, поплевавши на ладони, началъ ею мѣшать горохъ. Пока и то и другое кушанье варилось, одинъ за другимъ поднялись со сна и прочіе работники.

Проснулся и нашъ ратникъ, но уже угрюмый и молчаливый...

Когда варево было готово, хозяева усѣлись вокругъ котла и принялись обѣдать; сначала ѣли горохъ, потомъ вареный картофель съ хлѣбомъ и

солью. Старикъ ѣлъ съ большимъ аппетитомъ, несмотря на свою худобу, и я готовъ былъ повѣрить, что онъ точно больше всего на свѣтѣ любитъ хлѣбъ. Замѣчательно, что здѣсь нѣтъ артели: хотя работникъ, забиравшій у хозяина деньги впередъ, и живетъ въ его зимницѣ, но пищу каждый себѣ приготовляетъ особенно.

Пообѣдавши, всѣ, по приказанію старика, стали запрягать лошадей, и, чуть стало свѣтать, уѣхали въ лѣсъ на работу. Зимницы никогда не запираются, и не бывало примѣра, чтобы изъ нихъ что-нибудь пропало: правда, не на что и покорыститься. Мы тоже собрались въ обратный путь. Недалеко отъ зимницы встрѣтили нашихъ знакомцевъ и пріостановились, чтобы попрощаться съ ними. Лица у всѣхъ такъ были грязны и закоптѣлы, какъ у угольщиковъ, но и при дневномъ свѣтѣ я ни на одномъ не замѣтилъ сердитаго или недовольнаго выраженія: всѣ смотрѣли добродушно, весело и привѣтливо. Сердитый и брюзгливый вчера старикъ, здѣсь, въ лѣсу, оказался весельчакомъ и говоруномъ.

— Будете проѣзжать нашей-то деревнею, заѣзжайте опять къ намъ, сказалъ старикъ: — да слушай, баринъ, прибавилъ вчерашній ненавистникъ женщинъ, приклоняясь ко мнѣ съ лукавой улыбкой: пугни старуху-то мою; скажи, что, молъ, и меня, и сына подъ судъ отдать. Ничего, пошути, молви. Пусть ихъ тамъ думаютъ что будетъ.

Онъ вызвался даже проводить насъ и указать кратчайшій путь. Дорогой болталъ безъ умолку: видно было, что лѣсъ, въ которомъ старикъ провелъ всю свою жизнь, веселилъ и оживлялъ его. Онъ разсказывалъ про своего дѣдушку, который нѣсколько десятковъ лѣтъ провелъ отшельникомъ въ этомъ

самомъ лѣсу и умеръ на сто сороковомъ году, указывалъ и мѣсто, гдѣ была хижина старца.

Какъ видно, пустынникъ былъ зараженъ расколомъ, потому что полиція сильно его преслѣдовала; его брали и представляли къ архіерею, но старецъ такъ былъ хилъ и изнуренъ годами, постомъ и молитвой, что архіерей, по словамъ разсказчика, ужаснулся; думалъ, что къ нему привезли мертвое тѣло, и велѣлъ отпустить его.

Замѣтя мое любопытство, съ которымъ я обо всемъ разспрашивалъ, старикъ обратилъ мое вниманіе на бревна, связанныя въ плотъ. Плоты здѣсь сбираются небольшіе, для удобства сплава по извилистому неширокому Керженцу. Берутся двѣ длинныя слѣги, или толстыя жерди, поперекъ ихъ накатываютъ рядъ бревенъ; потомъ сверхъ этого ряда противъ каждой нижней длинной слѣги накладываютъ по двѣ короткихъ, но такой мѣры, чтобы концы ихъ, покрывая весь рядъ бревенъ, сходились вмѣстѣ; затѣмъ сначала связываютъ деревянными кольцами внѣшніе концы нижней и двухъ верхнихъ слѣгъ, а потомъ крѣпко стягиваютъ между собою внутренніе концы каждыхъ двухъ верхнихъ слѣгъ,— и плотъ готовъ.

Кольца вьются изъ молодыхъ березокъ довольно оригинальнымъ образомъ. Березку около дюйма толщиною распариваютъ на огнѣ и когда она дойдетъ до извѣстной степени гибкости, тогда ее, еще горячую, одинъ беретъ въ руки за тонкій конецъ и крѣпко держитъ, а другой за толстый и закручиваетъ около перваго. Такимъ образомъ березка получаетъ такую гибкость, что послѣ того легко свивается въ кольцо. Ко вскрытію воды всѣ вырубленныя бревна уже свезены къ рѣкѣ и свя-

заны въ плоты. Полая вода поднимаетъ ихъ и уноситъ внизъ по теченью.

Когда ни одного уже плота не осталось на мѣстѣ, тогда рабочіе изъ сухоподстойныхъ деревъ сплачиваютъ особенный плотъ, называемый харчевымъ, и на немъ отправляются вслѣдъ за уплывшими для того, чтобы сопровождать ихъ до самой пристани: столкнуть съ мѣста, если плотъ остановился, вновь собрать и связать, если какимъ-нибудь образомъ разобьется. Въ этомъ путешествіи тоже не мало труда и лишеній. Часто надо бываетъ лѣзть въ холодную весеннюю воду, чтобы столкнуть плотъ съ мели; нерѣдко надо употреблять въ дѣло воротъ, или ходить на трубку, какъ выражаются лѣсопромышленники, если плотъ такъ крѣпко засѣлъ въ береговой песокъ, что его нельзя стащить никакимъ другимъ средствомъ. Въ послѣднемъ случаѣ поступаютъ такимъ образомъ: врываютъ на берегу въ землю перпендикулярно освобожденное отъ сучьевъ бревно, на которое надѣваютъ нарочно приготовленную трубу, сдѣланную также изъ дерева, сердцевина котораго вынута; потомъ весь плотъ обвязываютъ канатомъ, одинъ конецъ этого каната привязываютъ къ толстому рычагу, посредствомъ котораго и начинаютъ завивать канатъ около трубки. Этотъ-то способъ и называется ходить на трубку. Путешествіе на харчевомъ плотѣ продолжается нѣсколько недѣль, и потому рабочіе на все это время запасаются провизіей. На немъ устраивается шалашъ и постоянно горитъ теплина. На ходу онъ ничѣмъ не управляется и плыветъ по произволу воды; употребляются лишь одни шесты для того, чтобы оттолкнуться отъ берега или пристать къ нему.

Такъ живетъ лѣсной дикарь въ суровой нуждѣ,

въ вѣчной нуждѣ, и тяжелой, мало вознаграждаемой работѣ! И, знать, очень тяжекъ его трудъ и велика забота о насущномъ хлѣбѣ, что, несмотря на постоянную жизнь среди природы, такъ располагающую къ мистицизму, воображеніе его спитъ крѣпкимъ сномъ: здѣсь нѣтъ никакихъ повѣрій, по крайней мѣрѣ я не могъ добиться ни отъ кого никакого представленія даже о лѣшемъ. Нельзя полагать, чтобы народъ, живущій въ лѣсной глуши, былъ чуждъ суевѣрія и языческихъ преданій, но ему некогда думать о такихъ вещахъ, нѣтъ досуга для воображенія. Зато нужда развиваетъ корыстныя желанія, и здѣсь сильна вѣра въ клады; изъ устъ въ уста переходятъ разсказы, изъ рукъ въ руки какія-то записки, въ которыхъ указываются примѣты для отысканія кладовъ; здѣсь много крестьянъ, у которыхъ кладоисканіе превратилось въ какую-то болѣзнь.

Въ Хохлахъ я встрѣтилъ одного изъ такихъ записныхъ кладоискателей. Съ полнымъ убѣжденіемъ разсказывалъ онъ, что знаетъ три мѣста, гдѣ лежатъ клады, что всѣ примѣты, которыя онъ узналъ отъ старыхъ людей и изъ списковъ, какъ разъ указываютъ на эти мѣста.

— Отчего же ты не можешь взять ни одного клада?

— По слабости своей. На одинъ кладъ я ходилъ съ братомъ; всѣ примѣты подошли. Сказано было: вотъ въ этакомъ мѣстѣ стоитъ сосна; на ней написаніе, — точно нашли сосну, и написаніе было; только что время прошло довольно, дерево выросло, кора разлѣзлась, какія слова были написаны, — не разберешь. Отъ этой сосны пройди 50 шаговъ по солнечному восходу, будетъ три ямы — все такъ:

знать, что были три ямы, только что, извѣстно, времени много прошло, ихъ и землей занесло, и водой замыло, знакъ одинъ остался, что были ямы. Отъ середней ямы земляный змѣй; — куда носомъ показываетъ, тутъ рой. Точно: изъ земли ровно бы змѣй, насыпь такая. Все вышло, какъ быть. Когда станешь рыть, будетъ большой камень въ землѣ, а подъ этимъ камнемъ кладъ. Что же ты думаешь? вотъ передъ истиннымъ Богомъ говорю: стали рыть, дорылись до камня. Тутъ, какъ дорылись до камня, вдругъ меня зашатало, голова въ круги пошла и объ землю меня ударило. Не снесъ... Говорю брату: бросай все, пойдемъ домой. Живота своего стало жаль.

И странное дѣло! Издалека, за сотни верстъ приходятъ сюда отыскивать кладовъ. Цѣлыя деревни вполнѣ убѣждены, что на ихъ земляхъ, вотъ въ такомъ-то мѣстѣ, зарытъ кладъ, и когда узнаютъ, что изъ чужихъ селеній выискиваются смѣльчаки взять этотъ кладъ, вооружаются и преслѣдуютъ ихъ во время поисковъ, боясь, чтобы сокровище не досталось въ чужія руки. Общее преданіе говоритъ, что во время-оно на Керженцѣ жили разбойники, которые выѣзжали на Волгу грабить суда и награбленныя сокровища зарывали въ землю, — эти-то сокровища и таятся кладами до счастливаго. А случай поддерживаетъ преданіе и общую въ него вѣру. Какой-то крестьянинъ, по словамъ того же кладоискателя, дѣйствительно нашелъ кладъ, „ужъ это не то, что съ чужого голоса говорю, объяснялъ онъ, самъ своими глазами видѣлъ казну — серебряныя старинныя деньги, самъ вымѣнивалъ въ Макарьевской на нынѣшнія“.

Первоначальные поселенцы Семеновскаго уѣзда

были бѣглые раскольники. Глухіе лѣса, начинавшіеся отъ самаго берега Волги и идущіе вверхъ на сѣверъ непрерывной грядой, были для нихъ желаннымъ убѣжищемъ и надежнымъ защитникомъ отъ преслѣдованій. И до сихъ поръ Семеновскій уѣздъ можетъ считаться по преимуществу раскольничьимъ, хотя и есть цѣлыя волости, не зараженныя расколомъ. Въ Семеновскомъ уѣздѣ множество урочищъ, пользующихся особеннымъ священнымъ уваженіемъ старообрядцевъ. Такъ свѣтло озеро или Святое озеро, въ которомъ по убѣжденію раскольниковъ не можетъ потонуть никакая живая тварь, вода котораго освящаетъ тѣло и укрѣпляетъ здоровье. Рядомъ съ нимъ гора Кутежъ, внутри которой будто-бы скрывается монастырь, и избранные могутъ даже слышать иногда благовѣсть къ богослуженію. Указываютъ на мѣсто, гдѣ епископъ Питиримъ, самъ бывшій сначала раскольникомъ, имѣлъ каѳедру, съ которой проповѣдывалъ своимъ оставленнымъ братіямъ слово Божіе, вступалъ съ ними въ состязаніе, а непокорныхъ будто бы предавалъ казни на висѣлицахъ, тутъ же поставленныхъ. Рѣка Керженецъ по преимуществу раскольничья: по ней и по близости ея расположено множество раскольничьихъ скитовъ, мужскихъ и женскихъ, хотя по ней же живутъ и наши добрые знакомцы, Лыковской волости мужички, которыхъ, къ счастію, не коснулись соблазны раскола. Скиты эти въ настоящее время, благодаря заботливости правительства, уже утратили свое прежнее значеніе: одинъ или два изъ нихъ обращены въ единовѣрческіе монастыри, иные вовсе оставлены, другіе обезлюдились. Въ одномъ изъ нихъ, женскомъ, мнѣ удалось побывать вмѣстѣ съ г. Л., который имѣлъ знакомую какую-то мать Иринархію.

Скитъ состоитъ изъ нѣсколькихъ обителей, или отдѣльныхъ обиталищъ, и въ наружномъ видѣ своемъ представляетъ обыкновенную деревню. Въ каждой обители есть начальница, какъ бы игуменья или настоятельница, которая и принимала къ себѣ въ былое время молодыхъ дѣвицъ или старухъ, жаждавшихъ спасительнаго уединенія отъ суеты мірской и монашескаго житія. Богатыя, разумѣется, приносили съ собою большіе вклады и посвящали себя исключительно молитвѣ; бѣдныя находились въ послушаніи, т.-е. въ услуженіи у матушки-игуменьи и ея богатыхъ приживалокъ. Почти при каждой такой обители находилась моленная, уставленная по всѣмъ стѣнамъ образами. Мать Иринархія была настоятельницею одной изъ такихъ обителей. Когда мы подъѣхали къ ея дому, г. Л. предупредилъ меня, что намъ придется долго стучаться, пока отопрутъ: осторожныя отшельницы сначала постараются высмотрѣть кто пріѣхалъ, и если гость опасный, то припрятать все, что не желаютъ онѣ показать постороннему любопытству. Такъ и случилось: довольно долго возились мы то у одного, то у другого крылечка (а такихъ крылечковъ очень много во всякой обители) пока послышался за дверями голосъ: „кто тутъ“? Когда Л. назвалъ себя, то двери тотчасъ отворились, явилась суетливая старуха и повела какими-то темными корридорами въ келью къ матушкѣ.

Мать Иринархія оказалась очень тучной дѣвицей среднихъ лѣтъ, въ сарафанѣ и въ большомъ платкѣ на головѣ. Я отрекомендовался проѣзжимъ петербургскимъ купцомъ, причемъ матушка объявила, что и она бывала въ Петербургѣ. Въ непродолжительномъ времени, по поводу разговора объ умаленіи

велелѣпія часовенъ скитскихъ, разсматривая предложенную мнѣ опись образамъ, отобраннымъ изъ часовни матери Иринархіи, я усмотрѣлъ, что оная мать называется въ описи крестьянской дѣвкой Ириной Васильевой; но какъ всѣ предстоящія, и весь скитъ, и всѣ знающіе именуютъ ее матушкой Иринархіей, то я и оставляю за нею это имя, не входя въ разсужденіе, откуда и по какому праву пріобрѣла она его.

Келья, въ которой приняла насъ мать Иринархія и которая была ея собственнымъ помѣщеніемъ, состояла изъ большой чистой комнаты, раздѣленной двумя перегородками, сходившимися подъ прямымъ угломъ, на три части, изъ которыхъ одна была какъ бы прихожая, другая служила пріемной или гостиной, третья — спальнею. Вездѣ была опрятность и чистота, рѣзко бросавшіяся въ глаза. Въ пріемной стояли столъ и нѣсколько стульевъ, въ переднемъ углу кіота со множествомъ образовъ, разумѣется, старинныхъ, на стѣнахъ висѣло нѣсколько картинъ: двѣ изображали царей или великихъ князей древней Руси, о чемъ можно заключить по ихъ одѣянію, двѣ — событія изъ недавно минувшей войны. Во всѣхъ этихъ комнатахъ ничто не напоминало о расколѣ ихъ обитателей, кромѣ развѣ пелены подъ кіотой, на которой вышитъ осьмиконечный крестъ: ни лѣстовокъ (раскольничьихъ четокъ), ни подручниковъ, ни старинныхъ книгъ Св. писанія не было видно, — все это, я увѣренъ, на всякій случай было припрятано ради нашего пріѣзда.

Мать Иринархія, успокоенная знакомымъ лицомъ Л. и моимъ бородатымъ благообразіемъ, а равно и одѣяніемъ нѣсколько стариннорусскаго характера, приняла насъ очень благосклонно, захлопотала объ

угощеніи, тотчасъ же послала за матерью Анной. Зачѣмъ было послано за послѣднею, я и до сихъ поръ понять не могу, но мать Анна явилась въ лицѣ высокой, сухощавой женщины. Явилось и угощеніе, принесенное той самой суетливой старухой, которая отперла намъ дверь и была, вѣроятно, въ услуженіи или на послушаніи у матушки Иринархіи, почему и держалась больше въ первой, замѣняющей переднюю, комнаткѣ. Угощеніе было очень разнообразное: закипѣлъ самоваръ, рядомъ съ нимъ на столѣ поставлена была водка, орѣхи каленые, соленые огурцы и рыжики, моченыя яблоки. Искусствомъ соленья и моченья скиты славятся. Я не умѣю навѣрно сказать: употребляютъ ли сами скитянки чай, который въ иныхъ сектахъ считается тяжкимъ грѣхомъ, такъ какъ кто пьетъ чай, тотъ отчаяваетъ для себя Царство Небесное, и держатъ его только для мірскихъ посѣтителей, но по крайней мѣрѣ вмѣстѣ съ нами не пили чаю ни мать Иринархія, ни матушка Анна, и были очень довольны, когда Л. вызвался самъ разливать этотъ грѣшный напитокъ. Мудрено мнѣ вамъ передать нашу бесѣду. Цѣль моего посѣщенія была получить позволеніе осмотрѣть устройство обители и снять планъ ея, и потому я старался по возможности поддѣлаться и заслужить расположеніе матушекъ. Онѣ видѣли во мнѣ человѣка, если не единомыслящаго съ ними, то по крайней мѣрѣ такого, который на стези ко спасенію, какъ выразился обо мнѣ одинъ раскольникъ на томъ основаніи, что ношу бороду и волосы стригу въ кружокъ, и съ которымъ можно говорить до извѣстной степени откровенно. По этимъ причинамъ онѣ описывали мнѣ прежнее благолѣпіе своихъ часовенъ, со слезами разсказывали о томъ, какъ у

нихъ безчинно обирали иконы и прочія часовенныя украшенія, безъ всякаго благоговѣнія къ святынѣ связывали кучами и укладывали на возы, какъ потомъ возвратили одну изъ иконъ безъ серебрянаго вѣнца, которымъ былъ украшенъ ликъ, какъ изгнали всѣхъ обитательницъ скита, не приписанныхъ къ тому уѣзду, гдѣ онъ находится, и, умалчивая, разумѣется о томъ, что среди нихъ было много безпаспортныхъ и бродягъ, сѣтовали на то, что имъ, оставшимся старухамъ, на закатѣ дней ихъ, воспрещенъ выходъ изъ скита даже для свиданія съ родственниками. При этомъ я замѣтилъ, что когда одна изъ разсказывавшихъ матушекъ начинала плакать, то и другая матушка закрывала глаза платкомъ и выжимала слезы, въ ту же минуту спѣшила захныкать и старуха, остававшаяся за перегородкой въ прихожей. А когда, въ отвѣтъ на какое-то ихъ сѣтованіе, поддерживая свою роль, я сказалъ только два слова: „Богъ милостливъ", — обѣ матушки какъ бы по командѣ поднялись со своихъ мѣстъ и совершенно неожиданно съ громкимъ плачемъ бросились мнѣ въ ноги, въ то же мгновеніе вылетѣла изъ-за перегородки и также повалилась къ моимъ ногамъ старуха-послушница. Я, разумѣется, смутился и вдругъ не понялъ, что это былъ знакъ христіанскаго смиренія, смутился тѣмъ болѣе, что у хозяйки была вывихнута нога и такъ болѣла, что она встала съ постели только ради нашего пріѣзда и едва переступала по комнатѣ, опираясь на костыль.

Приподымая старуху съ полу, я просилъ объяснить мнѣ причину этого незаслуженнаго мною земнаго поклона.

— На утѣшительномъ словѣ благодаримъ, отвѣчали онѣ, хныкая.

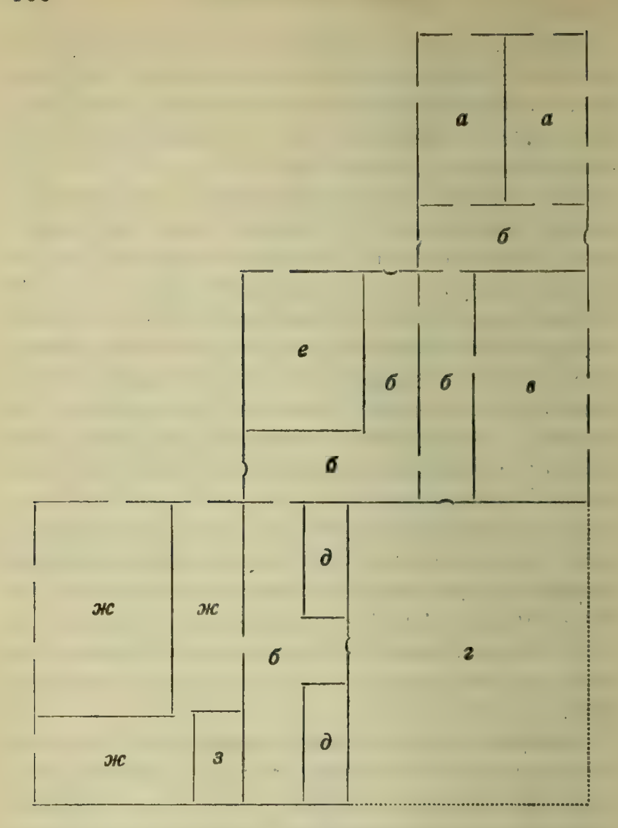
Были и искреннія слезы горя у этихъ старухъ, но были такія, которыя ясно доказывали, что плакать въ приличныхъ случаяхъ для нихъ дѣло столь же легкое и привычное, какъ справлять извѣстное число поклоновъ, по правилу.

Въ теченіе моей непродолжительной бесѣды я успѣлъ замѣтить, что обѣ старухи были умны, хитры и осторожны, но мать Иринархія говорливѣе и простодушнѣе, а мать Анна молчаливѣе, скрытнѣе и подозрительнѣе. Можетъ быть, наша бесѣда была бы гораздо откровеннѣе и обильнѣе для меня свѣдѣніями, еслибъ не присутствіе г. Л., который, хотя и знакомый и пріятель, а все-таки бритоусъ и чиновникъ. Но я достигъ своей цѣли — мнѣ позволили съ большимъ удовольствіемъ осмотрѣть всю обитель. Вотъ планъ ея.

Надъ кельей игуменьи двѣ свѣтелки, въ которыхъ прежде, во время благосостоянія скитовъ, вѣроятно, обитали молодыя дѣвицы-скитянки: тамъ не было теперь никакой мебели, но на окнахъ висѣли еще кисейныя занавѣски, надъ келарней весьма чистый чердакъ и также свѣтелка, замѣняющая чуланъ.

Келарнею здѣсь называется кухня, или стряпущая и столовая въ то же время, гдѣ собирались за трапезу всѣ скитянки обители. Здѣсь мы встрѣтили босоногую старуху, повязанную платкомъ по староверски, съ двумя распущенными сзади концами, — это была стряпка, или кухарка.

Изъ прилагаемаго плана вы видите, что немалую часть обители занимаютъ сѣни или корридоры, и ваше вниманіе конечно обратитъ множество выходовъ. Откуда происходитъ такой характеръ постройки, — остатокъ ли это преданья о располо-

а келья, *б* сѣни, *в* келарня, *г* дворъ, *д* чуланъ, *е* моленная, *ж* келья игуменьи, *з* печь.

женіи старинныхъ русскихъ домовъ съ частыми переходами, или образовался вслѣдствіе разсчитаннаго удобства спрятаться и убѣжать, въ случаѣ преслѣдованія полиціи, чему раскольники часто подвергаются? Но какъ бы то ни было, не только

въ этой обители, но, сколько я слышалъ, и во всѣхъ прочихъ, и во многихъ домахъ раскольниковъ случалось мнѣ замѣтить эту особенность постройки. Изъ прилагаемаго плана вы можете видѣть также, что, по мѣрѣ увеличенія числа обитателей, къ обители дѣлались пристройки съ надлежащими помѣщеніями: такъ здѣсь сначала обитель ограничивалась только тѣмъ пространствомъ, которое теперь занимаетъ келарня и моленная, а потомъ уже пристроены кельи игуменьи и двѣ другія.

Прощаясь, хозяйка подарила мнѣ шелковый поясокъ, на которомъ выткана молитва: „Да воскреснетъ Богъ". Работа отличная, и ею также славятся женскіе скиты. Нечего говорить, какъ всѣ раскольники, а особенно скитскіе, убѣждены въ святости своихъ вѣрованій, убѣждены безсознательно и тѣмъ болѣе упрямо. Нѣтъ средствъ растолковать имъ, что хоть бы эти самовольно-основанные скиты, дающіе прибѣжище бродягамъ и безпаспортнымъ, суть нарушеніе гражданскаго порядка и такъ сказать неповиновеніе правительству. Нѣтъ доводовъ, которыми бы можно объяснить имъ, что удаленіе изъ скитовъ незаконно въ нихъ обитавшихъ есть справедливая мѣра правительства, устраняющая безпорядки: они видятъ въ этой мѣрѣ только гоненіе и считаютъ себя мучениками вѣры. Не могутъ понять старообрядцы, напримѣръ, по Рогожскому кладбищу, ненавидящіе Преображенскихъ, что правительство равно строго преслѣдуетъ злоупотребленія какъ тѣхъ, такъ и другихъ. Видя преслѣдованія Преображенскихъ, Рогожскіе готовы, пожалуй, счесть это преслѣдованіе необходимымъ, а когда дѣло коснется до нихъ самихъ, сѣтуютъ и принимаютъ прекращеніе зла среди нихъ за религіозное гоненіе, которое и

переносятъ, какъ мученическій вѣнецъ. И странно: ясно понимая уклоненія отъ чистоты евангельскаго ученія, заблужденія, искаженія и зло въ другихъ сектахъ, ни одна секта не можетъ возвыситься до самосознанія и самоосужденія. Видя въ себѣ только все истинное, законное и доброе, не хочетъ и мысли допустить о возможности зла. Напримѣръ весь околотокъ скажетъ, что скитскія обитательницы вели себя не совсѣмъ скромно, но когда я замѣтилъ объ этомъ одному старовѣру той же секты, что и скитяне, то онъ готовъ былъ принять присягу, что это дѣло невозможное и небывалое. Онъ, напротивъ, мнѣ разсказывалъ о своемъ отцѣ, который умеръ въ глубокой старости, велъ жизнь строго религіозную, стоялъ на молитвѣ такъ долго, что получилъ гнойныя раны на ногахъ, въ теченіе всего великаго поста ѣлъ только восемь разъ и предсказалъ день и часъ своей смерти; разсказывалъ и о другомъ старообрядцѣ, жителѣ скита, который, чтобы заглушить въ себѣ позывы плоти, самъ нанесъ себѣ глубокую рану въ ногу, постоянно растравлялъ ее и жилъ въ страданіяхъ 13 лѣтъ. Развѣ это не подвижники? спрашивалъ онъ меня. А когда я возражалъ ему указаніемъ на многія извѣстныя мнѣ злоупотребленія и искаженія ихъ секты, онъ отвѣчалъ мнѣ или недовѣрчивой улыбкой, или молчаніемъ, или тѣмъ, что и они живутъ не на-обумъ, а по книгамъ тоже.

Кстати я вспомнилъ объ этомъ старовѣрѣ. Онъ принадлежалъ къ тому краю, о которомъ идетъ рѣчь, и потому нѣсколько словъ о немъ не будутъ не у мѣста. Этотъ человѣкъ былъ въ молодости такимъ искуснымъ борцомъ, что однажды побороль одного за другимъ 117 человѣкъ бурлаковъ, чему, разумѣется, приводилъ свидѣтелей; въ возмужаломъ воз-

растѣ онъ умѣлъ истратить 200 тысячъ руб. асс.,— все свое достояніе, на отыскиваніе золотой руды, которой, разумѣется, не нашелъ: имѣлъ какой-то заводъ, который сгорѣлъ; въ настоящее время онъ бодрый, крѣпкій, коренастый старикъ, промышляющій печеньемъ бѣлыхъ хлѣбовъ и бубликовъ. Однимъ словомъ, это человѣкъ бывалый, много видалъ на своемъ вѣку, сталкивался съ разными людьми и вслѣдствіе этого не такой суровый фанатикъ, какъ другіе раскольники; но и для него, какъ для другихъ старообрядцевъ, сила доводовъ, основанныхъ на самостоятельномъ мышленіи, свободное разсужденіе не существуетъ. Разъ какъ-то мы долго бесѣдовали и нечувствительно увлеклись въ споръ, который послѣ одного моего представленія вдругъ былъ прерванъ такою сентенціею моего противника: да и то сказать, ваше благородіе, развѣ мы спорили?.. мы только что изъ пустаго въ порожнее переливаемъ. А вотъ какъ я жилъ въ Москвѣ у И. А. Г., да ѣздилъ я съ нимъ къ М. П. П.: вашъ М. П., вѣдь ужъ извѣстно, ученый человѣкъ, и нашъ И. А. начетникъ не малый; вотъ у нихъ такъ настоящіе споры бывали: какъ, бывало, что скажетъ И. А., такъ М. П. справится въ книгѣ, — есть, и М. П. что скажетъ, И. А. тоже въ книгу посмотритъ, есть ли?.. Да такъ, бывало, цѣлую ночь. Вотъ такъ спорили, усладительно было послушать, а мы что толкуемъ: я ученія малаго, книгъ при насъ нѣтъ...

— Ну, что же? Кто кого переспорилъ, М. П. или И. А?..

— Да никто никого не смогалъ: спорятъ, спорятъ, да такъ и разойдутся.

Печатная буква для раскольника не только законъ, но и весь разумъ, начало и конецъ человѣ-

ческаго мышленія, и притомъ только та буква, которую онъ находитъ въ своихъ старыхъ книгахъ. Всякую новую книгу онъ считаетъ бѣснованіемъ ума, желающаго ниспровергнуть святость истины. И потому въ дѣлѣ вѣры онъ не позволитъ себѣ ни малѣйшаго размышленія и никогда не повѣритъ и не пойметъ, что кто-либо изъ его собратій могъ оставить расколъ и обратиться по убѣжденію; онъ будетъ видѣть въ этомъ или соблазнъ дьявола, или простой житейскій разсчетъ, или малодушіе. И въ этомъ отношеніи мы готовы согласиться съ раскольниками: всѣ они обращаются только вслѣдствіе внѣшнихъ обстоятельствъ; но важность въ томъ, что, освободившись изъ-подъ гнета, налагаемаго на умъ расколомъ, они получаютъ свободу мыслить и начинаютъ мало по малу сознавать свои заблужденія. Въ этомъ случаѣ учрежденіе единовѣрческихъ церквей—мѣра великой мудрости правительственной; но эта мѣра только тогда прямо и быстро будетъ достигать цѣли, если будетъ обращено строгое вниманіе на выборъ священниковъ для единовѣрческихъ церквей, которые бы сознавали свое настоящее назначеніе, а иначе единовѣрческіе храмы будутъ только ширмами, за которыми заблужденія раскольниковъ еще долго станутъ скрываться отъ глазъ правительства.

Однажды тотъ же самый раскольникъ, о которомъ я разсказывалъ, встрѣтился у меня съ своимъ согражданиномъ, недавно обращеннымъ въ единовѣріе. Единовѣрецъ смѣло гнушался надъ заблужденіями оставленнаго имъ раскола и съ полнымъ, повидимому, убѣжденіемъ защищалъ единовѣріе, очевидно желая вызвать на споръ противника. Долго молчалъ раскольникъ, отворотившись отъ него и

скрывая злобу, наконецъ не выдержалъ и быстро подошелъ къ единовѣрцу.

— Трынь, трынь, трынь, передразнивалъ онъ его. Ну, что ты трещишь, благо орать даютъ волю. Развѣ отецъ-то твой глупѣе тебя былъ, а какой онъ вѣры держался, ну-ка скажи?

Единовѣрецъ нѣсколько смутился этимъ возраженіемъ и не находилъ вдругъ отвѣта.

— То-то, съ достоинствомъ прибавилъ раскольникъ, — нынче дѣти-то умнѣе отцовъ стали!

— А что же, развѣ не бываютъ дѣти умнѣе отцовъ? спросилъ я его.

— Не знаю, насъ что-то этому не учили; развѣ нынче стали учить! съ усмѣшкой отвѣтилъ раскольникъ.

— Ну, послушай, если бы каждый сынъ былъ глупѣе своего отца, такъ на свѣтѣ-то давно жили бы одни пошлые дураки. Ну-ка разсуди, правду ли я говорю.

— Не знаю, отвѣчалъ сектантъ послѣ непродолжительнаго молчанія, и затѣмъ, какъ бы стараясь избѣгнуть соблазнительной бесѣды, сталъ поспѣшно собираться домой.

1857 г.

Съ Ветлуги.

(Изъ путевыхъ замѣтокъ.)

Подъ именемъ Ветлуги разумѣется въ народѣ не только извѣстная сплавная рѣка, впадающая въ Волгу и знаменитая своими лѣсными прибрежьями, но и весь прилегающій къ ней край, къ которому принадлежитъ почти весь Макарьевскій уѣздъ Нижегородской губерніи и Ветлужскій-Костромской. Весь этотъ край до сихъ поръ еще богатъ лѣсами, и жители его до сихъ поръ почти исключительно занимаются лѣсной промышленностью. Рубка лѣса, постройка сплавныхъ судовъ, сплавъ плотовъ, сидка смолы и дегтя, тканье рогожъ и плетенье цыновокъ,—вотъ что кормитъ всю Ветлугу. Лѣсъ—единственный кормилецъ и поилецъ здѣшняго крестьянина: въ немъ онъ живетъ, съ нимъ выплываетъ на свѣтъ Божій, посредствомъ него наживаетъ копѣйку, богатѣетъ и выходитъ въ купцы, черезъ него сходится съ чужими людьми, учится барышничать, плутовать и обманывать. Рѣка Ветлуга есть главная артерія, пульсъ всего ветлужскаго края: она собираетъ результаты крестьянскаго труда, обогащаетъ или разоряетъ, возбуждаетъ дѣятельность или корыстолюбіе: и потому близ́ъ ея береговъ и на ней ветлужанинъ боекъ, уменъ, предпріимчивъ, хитеръ и плутоватъ; чѣмъ дальше отъ нея въ лѣсную глушь, тѣмъ онъ добрѣе, просто-

душнѣе, но тупѣй и неповоротливѣй. Самое бойкое мѣсто на Ветлугѣ село Воскресенское, въ которомъ живутъ главные капиталисты-лѣсопромышленники ветлужскаго края Нижегородской губерніи.

Изъ Нижняго въ это село дорога идетъ черезъ городъ Семеновъ. Это одинъ изъ тѣхъ незначительныхъ, малоизвѣстныхъ городковъ, которыхъ тысячи разсыпаны по святой Руси. Заброшенный въ глушь и дичь, запертый кругомъ лѣсами, внѣ всякихъ путей сообщенія, безъ всякой видимой связи съ остальнымъ міромъ, онъ живетъ въ одиночку, тихо и безмолвно, какъ отшельникъ. Пустынно и безлюдно на его двухъ-трехъ улицахъ, обставленныхъ скромными, деревянными домиками, скучна и однообразна его жизнь; но онъ что-нибудь да дѣлаетъ, что-нибудь да даетъ остальному міру; онъ много лучше тысячи другихъ своихъ товарищей, которые только и живутъ затѣмъ, чтобы былъ въ нихъ городничій, судья, да земскій исправникъ, съ своими причтами. Семеновъ одинъ изготовляетъ десятки милліоновъ деревянныхъ ложекъ, которыми русскій простой людъ хлебаетъ свое варево; онъ-же высылаетъ и тѣ огромныя деревянныя чашки, изъ которыхъ каждая, для цѣлой семьи или для цѣлой артели, замѣняетъ пока весь столовый приборъ. Окрестные крестьяне „бьютъ баклуши“, то есть вырубаютъ изъ дерева первоначальную, грубую, форму ложки, въ Семеновѣ мастера окончательно ихъ отдѣлываютъ: вытесываютъ, обтачиваютъ ручки и красятъ. Отсюда вы узнаете, что и бить баклуши не совсѣмъ безполезное дѣло, что и этимъ можно добывать себѣ кусокъ хлѣба. Само собою разумѣется, что не одинъ Семеновъ исключительно занимается выдѣлкой ложекъ: многія села его уѣзда имѣютъ тотъ же про-

мыселъ, но тѣмъ не менѣе Семеновъ въ этомъ случаѣ занимаетъ первое и главное мѣсто. Семеновскіе промышленники почти монополисты въ торговлѣ щепнымъ товаромъ (т. е. ложками, чашками и пр. въ этомъ родѣ). Лучшая деревянная посуда—кленовая и липовая; но ни клена, ни липы нѣтъ около Семенова, зато много въ Васильсурскомъ уѣздѣ, по Сурѣ, гдѣ крестьяне также занимаются этимъ издѣліемъ. Семеновскіе промышленники ѣздятъ туда, и скупаютъ весь щепной товаръ, изготовленный мѣстными жителями; а для того, чтобъ отправить его по принадлежности, они отыскиваютъ такія мѣста на Волгѣ, по близости устья Суры, которыя бы дольше понимало водой (пойма), покупаютъ эти мѣста у владѣльцевъ, строятъ тутъ дома и магазины для складки товара, образуютъ родъ пристани, дѣлаютъ маленькія лодки—челноки; дождавшись полой воды, весною, нагружаютъ ихъ товаромъ, и перевозятъ къ большимъ судамъ, для дальнѣйшей отправки.

Мнѣ случилось быть въ Семеновѣ у одного изъ торговцевъ щепнымъ товаромъ, и хотя видно было, что обычаи и привычки цивилизаціи извѣстны ему только по наслышкѣ, хотя половину одной изъ пріемныхъ и парадныхъ комнатъ его дома занимала огромнѣйшая постель съ горою пуховиковъ, чуть не до потолка, за ситцевымъ, пестрымъ занавѣсомъ, хотя онъ подчивалъ водкой изъ высокихъ бокаловъ, и съ чувствомъ собственнаго достоинства и родительской гордости рекомендовалъ обратить вниманіе на висѣвшую на стѣнѣ шитую и шерстью, и шелкомъ, а преимущественно золотымъ и серебряннымъ бисеромъ, картину, изображавшую какой-то ландшафтъ и созданную искусствомъ его дочери,—несмотря на все это, торговля его идетъ прекрасно и, говорятъ, не

на одинъ десятокъ, если не на сотню тысячъ рублей. Разумѣется, и въ этой торговлѣ не безъ грѣха: скупщикъ, имѣющій въ рукахъ капиталъ, и ведущій личное сношеніе съ лѣсничими, постоянно прижимаетъ производителя. Въ видахъ сбереженія лѣса заведенъ такой порядокъ, что производитель долженъ брать у лѣсничаго билетъ на вырубку лѣса въ казенныхъ дачахъ, скупщикъ, покупая товаръ на базарахъ, беретъ у производителей, вмѣстѣ съ товаромъ и эти билеты, которые потомъ, при отправкѣ товара, и представляетъ лѣсничему. По этимъ билетамъ лѣсничій и повѣряетъ товаръ у скупщика, считая число коробовъ, въ которыхъ заключается извѣстное количество товара. Если у продавца окажется товара больше, нежели сколько слѣдуетъ по представленнымъ билетамъ, то впредь, до окончанія слѣдствія и рѣшенія дѣла, взыскивается съ него, по стоимости товара, 90 к. сер. съ 1 руб. и деньги отправляются въ Опекунскій Совѣтъ. Затѣмъ, если по окончаніи дѣла продавецъ не окажется виновенъ въ противозаконной порубкѣ лѣса, то деньги ему возвращаются, если же окажется виновнымъ, то, не возвращая денегъ, взыскивается еще новый штрафъ. Порядокъ, какъ видите, очень строгій! И взысканіе съ виновныхъ также очень строгое! .. Но зачѣмъ же невинный ничѣмъ не вознаграждается за удержанный у него капиталъ, который, въ торговомъ оборотѣ, могъ бы принести ему не 4 процента Опекунскаго Совѣта, а втрое, вчетверо, можетъ быть, даже впятеро больше, что̀ закономъ не воспрещается, а между тѣмъ лѣсничій имѣетъ возможность постоянно подозрѣвать скупщика, потому что на то количество товара, которое выдѣлано не изъ казеннаго, а помѣщичьяго лѣса, билетовъ никакихъ нѣтъ. Отсюда происходитъ

то, что скупщики, изъ опасенія строгаго взысканія по законамъ со стороны блюстителей казеннаго интереса—лѣсничихъ, постоянно притѣсняютъ производителей, у которыхъ билеты не на все количество изготовленнаго товара,—и даютъ цѣну, какую хотятъ, и иногда самую ничтожную, особенно если лѣсничій строгъ. А производителямъ нѣтъ возможности выйти изъ этой бѣды, изъ этого зависимаго положенія. Я вамъ объясню почему: положимъ, что который-нибудь изъ производителей вздумаетъ дѣлать всѣ свои ложки и чашки изъ казеннаго лѣса, и именно такое количество, за которое онъ заплатилъ пошлину и на которое получилъ билетъ; въ такомъ случаѣ онъ непремѣнно долженъ взять дороже за свой товаръ, потому что казенный лѣсъ продается несравненно дороже помѣщичьяго. Ну, говорю, положимъ, что онъ рѣшился на это, а кто бы поручился ему, что другой его товарищъ не сдѣлаетъ половину своего товара изъ помѣщичьяго лѣса, т. е. изъ такого, который продается дешевле и, слѣдовательно, будетъ имѣть возможность продавать вдвое дешевле его и даже получать нѣкоторую выгоду и при той ничтожной цѣнѣ, которую назначитъ ему скупщикъ? .. Что тутъ дѣлать? .. Пить-ѣсть надобно, ребятишки хлѣба просятъ, начальство подати требуетъ ... Поневолѣ и отложитъ честь въ сторону и станетъ покупать лѣсъ изъ помѣщичьихъ дачъ, хотя бы ихъ и не было вовсе по сосѣдству ... И выйдетъ, пожалуй, что баклуши бить иногда дѣло вовсе не выгодное ...

Но мы въ Семеновѣ проѣздомъ, останавливаться дольше незачѣмъ, поѣдемте въ Воскресенское, на Ветлугу, а чтобы сократить нѣсколько семидесяти верстное разстояніе, я вамъ разскажу пока, дорогой, о томъ, какъ у насъ тщательно заботятся о сбере-

женіи лѣсовъ. Однажды на лѣса Нижегородской губерніи напалъ опасный врагъ такъ называемая: сосновая пяденица (falaena dionutra), объѣдающая хвой на деревѣ, послѣ чего оно сохнетъ и погибаетъ. Сосновая пяденица плодится чрезвычайно быстро, такъ что въ теченіе недолгаго времени было охвачено ею пространство лѣса въ нѣсколько тысячъ десятинъ. Мѣстные лѣсничіе, донося объ этой бѣдѣ начальству, просили, по невѣдѣнію своему, указанія, что имъ дѣлать, какія принять мѣры къ истребленію лютаго своего соперника. Ученый лѣсничій (есть такая должность, которая именно такъ и называется), справившись съ нѣмецкими руководствами, предложилъ слѣдующія мѣры: выпускать въ лѣсъ свиней, поѣдающихъ яички пяденицы, которыя она кладетъ въ мохъ у корня дерева, и обвязывать каждое дерево, на которомъ появилась пяденица, паклей, насыщенной скипидаромъ ... А пяденица гуляла въ лѣсу на пространствѣ нѣсколькихъ тысячъ десятинъ! .. Дорога идетъ все лѣсомъ и невольно мысль обращается къ нему ... Вонъ большія поруби, вонъ молодижникъ, по прекрасному выраженію народа, а вотъ и густая, нетронутая вѣковая роща ... Не помѣщичій ли это лѣсъ? .. Знаете ли вы, что есть заколдованныя помѣщичьи дачи? .. Иная роща вся-то на какихъ-нибудь тридцати-сорока десятинахъ, каждый годъ являются къ помѣщику лѣсопромышленники за покупкою на вырубъ изъ нея бревенъ, каждый годъ помѣщикъ дозволяетъ лѣсопромышленникамъ вырубать у себя по нѣсколько тысячъ деревъ, и даетъ въ этомъ свидѣтельство, а дача все цѣла, точно къ ней никогда и не прикасалась человѣческая рука ... А? .. Отгадайте-ка эту загадку ... объясните это волшебство! ..

Но изъ важныхъ, если не изъ главныхъ, причинъ противозаконныхъ порубокъ казеннаго лѣса есть та, что цѣна за казенный лѣсъ назначена несоразмѣрно высокая, такъ что лѣсопромышленники, ведя честную торговлю изъ казенныхъ лѣсовъ, не получили бы никакой выгоды. И если говорятъ, что для прекращенія взяточничества необходимо увеличить жалованье чиновникамъ, то для прекращенія воровства въ казенномъ лѣсу необходимо дешевле продавать его ... А слыхали ли вы, что мѣстныя лѣсничества обязаны продать въ годъ непремѣнно извѣстное количество лѣса, т. е. непремѣнно выручить извѣстную сумму съ продажи лѣса, и что если эта сумма не выручается, то начальство дѣлаетъ за это выговоры и подвергаетъ наказаніямъ подлежащія власти, не принимая, въ этомъ случаѣ, къ уваженію даже такое оправданіе, что, дескать, рады бы продавать, да не покупаютъ? .. Но довольно ... Все это мимоходомъ, по дорогѣ на Ветлугу ...

Въ первый разъ я подъѣзжалъ къ Воскресенскому ночью, въ зимнее время. Дорога шла по самой рѣкѣ Ветлугѣ, лѣсистые берега ея окаймляли дорогу и тянулись однообразнымъ ландшафтомъ, монотонно звенѣлъ колокольчикъ, равномѣрно и однозвучно раздавались скрипъ полозьевъ и удары копытъ лошадиныхъ о снѣгъ; мнѣ хотѣлось дремать, но вдругъ глазъ мой былъ пораженъ совершенно неожиданнымъ зрѣлищемъ: вдали показалось большое трехъ-этажное зданіе, все горѣвшее огнемъ. Послѣ пустынныхъ, однообразныхъ картинъ, которыя сопровождали путь, это зрѣлище производитъ дѣйствительный эффектъ. Могло же случиться, что въ эту глушь, въ эти лѣса судьба закинула какого-то англичанина, который здѣсь, въ Воскресенскомъ, вздумалъ устроить бумаго-

прядильную фабрику, выписалъ для нея машины изъ Англіи и освѣтилъ зданіе газомъ. Фабрика устроена отлично, бумагу выдѣлывалъ на ней англичанинъ высокаго достоинства, завелъ-было даже легкій, мелкосидящій пароходикъ для отправки своего товара на Нижегородскую ярмарку, но тѣмъ не менѣе дѣло на фабрикѣ шло плохо: англичанинъ отличный механикъ, любитъ и знаетъ свое производство, но не имѣетъ капитала, плохой купецъ, не знаетъ русскихъ обычаевъ и не имѣетъ, какъ говорятъ, хозяйственныхъ способностей. Фабрика работала, большею частью, по заказу для казанскихъ купцовъ, но часто стояла безъ дѣла. Англичанину стоило большого труда найти рабочихъ на фабрику: непривычное дѣло не нравилось ветлужскому народу, занятому испоконъ вѣка однимъ лѣснымъ промысломъ. Дѣла находились въ такомъ плохомъ положеніи, что англичанинъ былъ почти въ необходимости закрыть свое заведеніе. Но въ недавнее время одинъ изъ воскресенскихъ купцовъ рѣшился вступить въ компанію съ фабрикантомъ, присоединивши свой капиталъ, смѣтку и изворотливость къ знаніямъ англичанина: дѣло, говорятъ, пошло весьма успѣшно, съ большой выгодой, но пряжа уже вырабатывается гораздо низшихъ сортовъ противъ прежняго. Впрочемъ, эта фабрика есть явленіе случайное въ этомъ краю, не обусловливаемое ни мѣстными удобствами, ни потребностями. Всѣ здѣшніе купцы-капиталисты занимаются исключительно лѣсною торговлею.

Подъ Воскресенскимъ на Ветлугѣ пристань. Каждую зиму здѣсь строится нѣсколько бѣлянъ, огромныхъ, сплавныхъ судовъ, которыя весною нагружаются смолой, дегтемъ, углемъ, дровами, тёсомъ, вообще лѣснымъ товаромъ всякаго рода и сплавляются внизъ

по Волгѣ въ Саратовъ и преимущественно въ Дубовку, потому что главный торгъ Ветлуга ведетъ съ землею Войска Донскаго. Весною, какъ только открывается ледъ и разливается полая вода, вся Ветлуга покрывается почти сплошь плотами однорядными, двурядными, грузовыми, изъ которыхъ послѣдніе доходятъ длиною до 120 саженъ. Въ то же время спускаются и эти громадныя суда — бѣляны, похожія больше на пловучіе острова, нежели на суда. Иныя бѣляны доходятъ размѣромъ въ длину до 33 саженъ, шириною до 12 саженъ, и до 8 аршинъ вышиною или глубиною отъ днища до борта. Постройка очень проста и несложна. Изъ толстыхъ брусьевъ сплачивается совершенно плоское днище, на него кладутъ копони и ставятъ стойки (накурки), поперемѣнно одинъ за другимъ, кладутъ поперечныя балки (азды), потомъ по копонямъ и накуркамъ снаружи прибиваются толстыя доски, причемъ дѣлается развалъ въ бортѣ на 9 четвертей шире днища. При этой постройкѣ носъ и корма имѣютъ одинаковую ширину. На суднѣ ставятся двѣ мачты, изъ которыхъ одна только исполняетъ свое назначеніе, а другая ставится лишь для вида. Судно приводится въ движеніе силою теченія воды, но при сильныхъ, попутныхъ вѣтрахъ поднимается и парусъ. Требуемое направленіе при сплавѣ дается бѣлянѣ, во первыхъ, рулемъ, саженъ въ 7 длины, въ которомъ точка прикрѣпленія къ судну называется *сапогомъ*, а длинное бревно, приводящее руль въ движеніе и находящееся въ рукахъ у лоцмана,—*губою*; во вторыхъ, двумя веслами, лежащими у носа судна на толстомъ бревнѣ (огнивѣ): весла эти просто-на-просто еловыя бревна длиною до 11 саженъ, и называются *поносными ёлками*. Наконецъ, если оба

эти снаряда не помогаютъ, и судно, напримѣръ, прибиваетъ къ берегу,—въ такомъ случаѣ, чтобы дать судну надлежащее направленіе, завозятъ якорь, бросаютъ его и по немъ вырыскиваютъ. Такихъ якорей два и называются они рысковыми; третій, употребляемый для причаливанія судна, называется становымъ. Въ носовой части бѣляны устраивается льяло для откачиванія воды, состоящее изъ восьми помпъ. Въ носовой же части помѣщаются якоря и канаты, и судно идетъ большею частью впередъ кормою.

Замѣчательно искусство, съ которымъ грузится на бѣляны тёсъ. Начиная со дна, на нѣсколько вершковъ выше борта, тёсъ укладывается правильной полѣнницей, въ которой вершина равна основанію, при этомъ оставляется свободный проходъ среди судна; затѣмъ тёсъ продолжаютъ укладывать въ видѣ усѣченной пирамиды, поставленной на свою вершину съ обращеннымъ къ верху основаніемъ. Грузъ такого рода называется бунтомъ. Въ этой укладкѣ мастера руководятся только практическою опытностію. Между тѣмъ, отъ укладки зависитъ цѣлость судна: если бунтъ выведенъ невѣрно, судно можетъ разломиться. Обыкновенно водоливъ въ то же время и укладчикъ. Надобно замѣтить вообще, что бѣляны вятскія строятся гораздо прочнѣе и изъ лучшаго лѣса, но ветлужане лучше, нежели вятчане, умѣютъ укладывать бунтъ, такъ что на Вятку даже нарочно приглашаютъ и нанимаютъ ветлужскихъ мастеровъ-укладчиковъ. По прибытіи на мѣсто и разгрузивши, бѣляну продаютъ. Въ Дубовкѣ купившій бѣляну ее разбираетъ и отправляетъ на фурахъ въ Качалинскую станицу, гдѣ она опять собирается и сплавляется по Дону до извѣстнаго пункта, гдѣ снова

разбирается, и составлявшія ее доски, брусья и проч. идутъ на разныя подѣлки.

Рогожа съ Ветлуги идетъ по преимуществу на Нижегородскую ярмарку и отчасти въ низовыя приволжскія пристани. Мочало для рогожъ, за недостаткомъ липъ, получается бо̀льшею частію изъ Казанской и Вятской губерніи. Многія деревни на Ветлугѣ занимаются исключительно тканьемъ рогожъ, но въ Воскресенскомъ есть рогожная фабрика, принадлежащая бывшему крестьянину, теперь купцу П. Рогожи ткутся на станахъ, похожихъ на обыкновенные ткацкіе станы. Въ нихъ есть бердо, но такого устройства, что одна мочалина идетъ между зубьями его, а другая продѣвается сквозь самый зубъ. Посредствомъ подножки бердо опускается и поднимается, опуская и поднимая ряды основы, причемъ, посредствомъ большой деревянной иглы, замѣняющей челнокъ, пропускается черезъ раздвинутые ряды утокъ и прибивается деревянною лопаточкой. Двое рабочихъ, иногда дѣтей, ткутъ рогожу, третій, взрослый, сортируетъ мочало: болѣе прочное, лучшее, идетъ на основу, худшее—въ утокъ. Трое рабочихъ могутъ выткать до 12 рогожъ въ сутки. Когда вся рогожа выткана, ее срѣзываютъ, и концы основы заплетаютъ.

Цыновки ткутся инымъ образомъ. Станъ для цыновки и основа ея имѣютъ положеніе вертикальное, и мочала, идущія на утокъ, продѣваются руками черезъ каждый рядъ основы и прибиваются бердомъ, сквозь каждую спицу котораго пропускаются мочалины основы и которое ходитъ, опускаясь и поднимаясь внизъ и вверхъ. Продѣваніе утка руками замедляетъ дѣло. П. сообщилъ мнѣ, что придумалъ бердо, при которомъ можно бы было ткать цыновку

такимъ образомъ, чтобы утокъ пропускался иглою, и тогда дѣло пошло бы вдвое скорѣй.

— Отчего же вы не заведете хоть одинъ такой станъ, хоть для пробы?—спросилъ я его.

— Да, вѣдь, мы цыновками не занимаемся; однѣ рогожи дѣлаемъ. Въ здѣшнемъ краю, по Ветлугѣ, всѣ перестали дѣлать цыновки—не выгодно. Теперь цыновки дѣлаютъ только на Вяткѣ.

— Хорошо. Но, вѣдь, и тамъ продѣваютъ утокъ руками, слѣдовательно, работа медленная и дорогая; а если бы вы завели станъ по вашему изобрѣтенію, то могли бы пустить цыновки въ продажу гораздо дешевле вятскихъ, и сбытъ былъ бы вѣрный и дѣло выгодное ...

— Да, это точно-съ. Заняться-то все некогда.

— Да хоть бы для пробы завели одинъ станъ.

— Точно, что хоть бы одинъ станъ завести на пробу, да заняться-то все некогда!—заключилъ изобрѣтатель.

Не такова ли судьба и большей части русскихъ изобрѣтеній? Напрасно говорятъ, что русскій человѣкъ умѣетъ только подражать. Напротивъ, мы, кажется, богато одарены и способностью изобрѣтенія, но мы не довоспитались еще до умѣнія прилагать наши изобрѣтенія къ дѣлу; къ тому же, мы отъ природы очень лѣнивы и вслѣдствіе того склонны къ рутинѣ; наконецъ, мы слишкомъ самоувѣренны, высокомѣрны и въ то же время стыдливы и боязливы къ насмѣшкѣ при неудачѣ, какъ дѣти. По всему этому народъ нашъ или смотритъ на всякое новое изобрѣтеніе, какъ на игрушку, забаву для препровожденія времени: „вотъ нечего дѣлать-то!“ говоритъ онъ о всякомъ, дѣлающемъ какой-нибудь новый опытъ; или боится приложить къ дѣлу свою соб-

ственную, иногда очень умную, выдумку, опасаясь, что опытъ не удастся и будутъ надъ нимъ смѣяться цѣлый вѣкъ, да еще и кличку дадутъ по этому; бываетъ и такъ, что въ извѣстномъ какомъ-нибудь случаѣ наша природная, русская смѣтка поможетъ намъ выдумать такую штуку, которая не пришла бы другому въ десятки лѣтъ, и употребимъ мы ее въ дѣло и сдѣлаемъ въ этомъ только настоящемъ случаѣ — мудреное, почти невѣроятное дѣло, и порадуемся, похвастаемъ, а потомъ и забудемъ, и не подумаемъ воспользоваться этой самой штукой въ тысячѣ подобныхъ случаевъ. Напримѣръ, я зналъ въ с. Золотомъ, Саратовской губерніи, одного крестьянина, который придумалъ какое-то немаловажное упрощеніе въ механизмѣ пароходовъ; и на что же онъ употребилъ результатъ своей мозговой работы? Онъ сдѣлалъ своими руками маленькій, аршинный пароходъ, на который пошли въ дѣло и труба изъ самовара, и мѣдный кранъ отъ него, сдѣлалъ, — и пускаетъ этотъ пароходъ по праздникамъ на Волгу для потѣхи ребятишекъ и взрослыхъ, которые смотрятъ, удивляются, смѣются и говорятъ: „Вотъ выдумалъ! пришло же въ голову! нечего тебѣ дѣлать-то!“ Я упрашивалъ этого крестьянина заявить свое изобрѣтеніе, просилъ написать о немъ (онъ грамотный). Отвѣтъ на эти убѣжденія былъ почти тотъ же что и здѣсь въ Воскресенскомъ: „надо-бы, надо все это сдѣлать, да вотъ нѣкогда приняться, торговлишкой перебиваюсь“. Я оставилъ этому крестьянину свой адресъ, чтобы онъ могъ воспользоваться имъ, когда ему случится свободное время, но вотъ уже прошло съ тѣхъ поръ нѣсколько лѣтъ, и мои убѣжденія, конечно, давно позабыты.

При этомъ я невольно припоминаю въ разныхъ

углахъ Россіи простыхъ мужичковъ, отличающихся необыкновенными механическими способностями. Въ Ворсмѣ я зналъ мѣщанина Птицына, который въ одно и то же время и кузнецъ, и мѣдникъ, и серебряныхъ дѣлъ мастеръ, и рѣзчикъ; наружность его поражаетъ своею выразительностью и благородствомъ, несмотря на то, что онъ, какъ множество талантливыхъ русскихъ людей, — горькій пьяница. Въ Костромской губерніи, Юрьевскаго уѣзда, есть мужичекъ, который самымъ простымъ способомъ перевозитъ съ одного мѣста на другое цѣлые деревянные дома, со всѣмъ что въ нихъ есть, не трогая ни одного бревна сруба, ни одного кирпича въ печахъ. Онъ же, самоучкой, строитъ мельницы и маслобойни. Въ томъ же уѣздѣ жилъ раскольникъ, старикъ, недавно умершій: самоучкой же онъ выучился дѣлать стѣнные часы и даже сдѣлалъ одни серебряные, до послѣдняго колеса и винтика, все самъ, своими руками. Послѣдніе годы жизни этотъ старикъ ударился въ собираніе разныхъ камешковъ, казавшихся ему рѣдкими и необыкновенными. Замѣчательно, что въ этомъ отыскиваніи и собираніи рѣдкостей онъ видѣлъ дѣло серьезное, даже общеполезное. „60 лѣтъ, — говаривалъ онъ мнѣ: — служилъ я своимъ помѣщикамъ, теперь подъ конецъ жизни, хочу служить царю: собрать и показать ему, какія есть богатства въ его землѣ“. Само собою разумѣется, что всѣ труды, хлопоты и денежныя траты старика, не имѣвшаго ни малѣйшаго знанія въ минералогіи, были совершенно безплодны. Въ г. Семеновѣ, о которомъ шла рѣчь въ началѣ этой статьи, между прочимъ, я зашелъ на чугунный заводъ. Всѣмъ этимъ заводомъ заправлялъ какой то дядюшка Кузьма, мѣщанинъ въ истертой истасканной поддевкѣ, невзрачный на видъ,

но съ большимъ, открытымъ лбомъ. Подъ единственнымъ, исключительнымъ руководствомъ этого дядюшки Кузьмы выстроенъ заводъ; имъ лично обучены на немъ всѣ работники: и формовщики, и литейщики ... И много, много подобныхъ личностей я могъ бы указать моимъ читателямъ, но, вѣроятно, каждый изъ нихъ, сколько-нибудь присматривавшійся къ русской жизни и къ русскому человѣку, знаетъ десятки подобныхъ примѣровъ, притомъ же намъ пора въ ветлужскіе лѣса, жизнь которыхъ мы такъ неумѣстно оставили для совершенно посторонней имъ дѣятельности. Здѣсь въ ходу и въ дѣлѣ только одинъ топоръ, который, впрочемъ, отлично дѣлаетъ свое дѣло: и рубитъ деревья, и строитъ суда одинъ, развѣ изрѣдка призывая къ себѣ на помощь изъ всѣхъ механическихъ орудій только долото, пилу, да рубанокъ.

Въ Макарьевскомъ уѣздѣ, Нижегородской губерніи, верстахъ въ тридцати отъ Воскресенскаго, тянутся корабельныя рощи съ великолѣпными, громадными лиственницами. Въ извѣстные сроки, по назначенію морского начальства, въ этихъ рощахъ производится рубка. Въ Казанской и Симбирской губерніяхъ есть цѣлыя татарскія деревни, казенная повинность которыхъ состоитъ въ рубкѣ корабельныхъ рощъ. Эти лѣсорубы носятъ названіе лошмановъ. Они бываютъ пѣшіе съ топорами, которые рубятъ деревья, и конные, обязанность которыхъ состоитъ только въ вывозѣ бревенъ. Есть деревья замѣчательныя по своей величинѣ: чтобы вывести иное изъ нихъ къ Дерегу, необходимо иногда до 50 и болѣе лошадей. нля рубки ихъ нужны и умѣнье, и снаровка, и опытбость. Дѣло начинается съ того, что въ рощу, въ которой предназначена рубка, высылаются впередъ

развѣдчики. Они должны пріискивать въ лѣсу опредѣленное количество деревъ извѣстной мѣры въ отрубѣ. Найденное количество деревъ, предназначенныхъ къ срубкѣ, называется пріискомъ. Когда пріискъ сдѣланъ, деревья отмѣчены, тогда высылаются сначала лошманы пѣшіе. Это бываетъ обыкновенно зимою. Рубка начинается. Въ ней есть своя поэтическая сторона. Мнѣ посчастливилось быть очевидцемъ этого зрѣлища. Предварительно осматриваютъ дерево, которое должно рубить, и разсчитываютъ, по какому направленію оно должно упасть. Опытный глазъ опредѣляетъ это направленіе и по количеству сучьевъ на той или другой сторонѣ дерева, и по направленію вѣтра. Принимается въ разсчетъ и удобство вывозки бревна къ мѣсту сплава. Потомъ, смотря по толщинѣ дерева, къ нему отряжается то или другое количество топоровъ. Вокругъ иного, вѣкового великана, пережившаго десятки поколѣній людей, становится нѣсколько лошмановъ. Они помѣщаются такъ, чтобы большее количество топоровъ рубило съ той стороны, на которую должно упасть дерево. По данному приказанію топоры начинаютъ сверкать. Мѣрно и ровно раздаются удары. Нѣкоторое время спокойно и неподвижно стоитъ гигантъ, какъ бы съ презрѣніемъ посматривая на пигмеевъ, дерзнувшихъ нарушить его вѣковое спокойствіе. Потомъ замѣчается легкое сотрясеніе въ сучьяхъ, какъ бы дрожь отъ чувствуемой боли пробѣгаетъ по членамъ дерева. Между тѣмъ, удары сыплются за ударами, потъ катится съ лица работающихъ, вершина дерева начинаетъ колебаться, зорко слѣдитъ за нимъ надсмотрщикъ, раздается слабый, болѣзненный скрипъ. „Прочь!“ кричитъ громовымъ голосомъ надзиравшій, лошманы быстро отскакиваютъ въ сторону,

дерево начинаетъ качаться, какъ будто дѣлая послѣднія, безполезныя усилія чтобы встать, выпрямиться на зло врагамъ ... но вдругъ слышится сильный скрипъ, какъ бы послѣдній стонъ прерывающейся могучей жизни, и великанъ падаетъ мгновенно, съ страшнымъ трескомъ, шумомъ, разрушая все встрѣчающееся на пути его паденія ... Какъ щепки переламываются подъ его тяжестью встрѣчныя деревья, отбитые сучья въ нѣсколько пудовъ вѣсомъ летятъ прочь, за пять, за десять сажень, облако снѣжной пыли вздымается изъ-подъ туловища низвергнутаго богатыря; побѣдившіе врага отираютъ потъ съ усталаго чела ... и принимаются за послѣднюю работу: отпиливаютъ вершину, обрубаютъ сучья, сдираютъ кору ... И черезъ нѣсколько времени, вмѣсто красовавшагося всѣмъ своимъ вѣковымъ могуществомъ дерева — лежитъ его обезглавленный, раздѣтый до нага трупъ. Это бревно, или по здѣшнему — собонъ.

Когда всѣ деревья срублены и очищены, лошманы пѣшіе отпускаются домой, на мѣсто ихъ являются конные. Начинается вывозка собоновъ къ мѣсту сплава. Чтобы вывести собонъ изъ чащи лѣса на дорогу, дѣлается почти для каждаго изъ нихъ просѣка, такъ называемая собонная дорога. Нѣсколько десятковъ лошадей припрягается къ крѣпкимъ полозьямъ; на нихъ взваливается собонъ, крѣпко привязывается канатами, — и разоблаченный трупъ даже не получаетъ могилы на своей родинѣ. Срубленныя здѣсь деревья отправляются сначала по Ветлугѣ, потомъ по Волгѣ къ Кронштадтскому порту.

Среди этихъ богатырскихъ лѣсовъ, водятся другіе богатыри и болѣе опасные враги — медвѣди. Охота на нихъ распространена въ здѣшнемъ краю.

Есть промышленники въ этомъ дѣлѣ, есть и любители. Изъ числа послѣднихъ г. Л., во время моего пребыванія, получилъ вѣсть, что обойденъ медвѣдь, и былъ столько любезенъ, что предложилъ мнѣ сопутствовать въ предстоящей охотѣ. Я согласился быть только зрителемъ, но не участникомъ. Медвѣдь лежалъ верстахъ въ сорока отъ Воскресенскаго, въ лѣсахъ, примыкавшихъ къ черемисскимъ деревнямъ и былъ найденъ черемисомъ. Мы отправились на охоту съ тѣмъ, чтобы ночевать въ черемисской деревнѣ, ближайшей къ логовищу звѣря, а на другой день утромъ отправиться на охоту.

Всѣ черемисскія селенія расположены въ глуши лѣсовъ или по оврагамъ. Черемисы, какъ и чуваши, по преимуществу лѣсной народъ и не любятъ бойкихъ, открытыхъ мѣстностей. По всей почтовой дорогѣ отъ Васильсурска до Казани, идущей среди главнаго черемисо-чувашскаго населенія, виднѣются всего двѣ или три чувашскихъ деревни, и тѣ, какъ будто недовольныя, что попали на глаза мимоидущему люду, повернулись къ дорогѣ задомъ. Я нашелъ только одно окно въ чувашской деревнѣ, которое, и то изъ-за деревьевъ, смотрѣло на большую дорогу, какъ-то вкось и недовѣрчиво. Въ лѣсу, у себя, черемисъ, а особенно чувашъ, хотя и молчаливъ, по обыкновенію съ посторонними, но, по крайней мѣрѣ, привѣтливъ, смотритъ ласково и довѣрчиво, держитъ себя спокойно и развязно; во всякомъ другомъ мѣстѣ, внѣ своего лѣсного угла, онъ безмолвенъ, тихъ, робокъ и подозрителенъ.

Въ одну изъ такихъ лѣсныхъ деревень пріѣхали и мы на ночлегъ, довольно поздно вечеромъ. Хозяинъ отвелъ-было для нашего помѣщенія отдѣльную избу, но мы, узнавши, что въ другой избѣ были по-

сѣдки, просили позволенія войти туда. Насъ охотно впустили. Нѣсколько черемисскихъ дѣвокъ сидѣли рядомъ по лавкамъ вдоль стѣны. Всѣ онѣ были въ бѣлыхъ рубашкахъ, штанахъ, черныхъ онучкахъ и лаптяхъ и пряли лёнъ изъ куделей. Лица черемисокъ вообще некрасивы и какъ-то неоживлены и безцвѣтны. По нашей просьбѣ, онѣ запѣли пѣсню. Пѣсня эта начиналась съ того, что одна изъ дѣвокъ принималась выводить языкомъ и губами звуки, очень похожіе на шелестъ листьевъ въ лѣсу при легкомъ дождѣ или вѣтрѣ. Къ первой приставали прочія. Шелестъ постепенно усиливался и переходилъ въ шумъ, который слышится иногда въ лѣсной чащѣ. Звукоподражаніе было весьма искусное. Непосредственно за этими звуками и даже сливаясь съ ними начиналась и самая пѣсня. Вотъ ея слова, за буквальную вѣрность которыхъ, впрочемъ не ручаюсь, потому что мнѣ переводилъ пѣсню черемисъ, довольно плохо владѣвшій русскимъ языкомъ:

„Отчего дубъ зашумѣлъ? Оттого, что дождь услыхалъ.
Отчего ребенокъ плачетъ? Оттого, что лежитъ въ мокрѣ.
Теленокъ отчего мычитъ? Оттого, что мало кормили молокомъ.
Были на свадьбѣ, хватили хмѣльнаго, и зашумѣли, и невѣсту увезли.“

Хозяинъ нашъ, молчаливый, съ грустнымъ, сантиментальнымъ выраженіемъ глазъ мужчина среднихъ лѣтъ, оказался музыкантомъ: умѣлъ играть на гусляхъ. Гусли эти дѣлаются изъ дерева и имѣютъ форму треугольной шляпы. На одной сторонѣ ихъ натянуты струны изъ жилъ. Мы просили хозяина съиграть что-нибудь, съ тѣмъ, чтобы дѣвушки спѣли подъ его игру. Онъ отказался, говоря, что пѣть подъ музыку нельзя, а нужно плясать. За-

тѣмъ онъ положилъ гусли къ себѣ на колѣни и началъ пальцами перебирать струны. Раздались слабые, дребезжащіе звуки; музыка была монотонна и вовсе не плясовая. Музыкантъ бренчалъ на своемъ инструментѣ, но пляска не начиналась до тѣхъ поръ, пока бывшій тутъ-же въ избѣ молодой черемисъ не взялъ за руку и не вывелъ на середину избы одну изъ дѣвушекъ. Выдти самой для пляски, безъ приглашенія мужчины, считается неприличнымъ. Это напоминаетъ нѣкоторымъ образомъ нравы цивилизованныхъ народовъ. Выведя дѣвушку на середину, черемисъ отошелъ въ сторону. Вся пляска черемиски состояла въ томъ, что она поднимала и опускала руки и плечи, и кружилась на одномъ и томъ же мѣстѣ. При этомъ она держала глаза опущенными внизъ и лицо ея не выражало ни малѣйшаго одушевленія. Покружившись такимъ образомъ нѣсколько времени, дѣвушка садилась снова на свое мѣсто. Ее замѣняла другая, третья, и танецъ у всѣхъ былъ одинаковъ. Во весь вечеръ дѣвушки молчали или перекидывались нѣсколькими отрывочными словами въ полголоса: не знаю, происходила-ли эта скромность и молчаливость вслѣдствіе нашего присутствія, или была дѣломъ обычнымъ.

Мы щедро угощали черемисовъ водкой. Они пьютъ ее охотно, и почти какъ воду. Страсть и привычка къ вину развита у черемисовъ до крайней степени. Мальчишка 12 — 13 лѣтъ смѣло выпиваетъ цѣлый квасный стаканъ вина и остается на ногахъ. Одинъ изъ молодыхъ черемисовъ, разгоряченный частыми подношеніями или увлекшись пляскою дѣвокъ, вдругъ вызвался проплясать въ присядку. Онъ плясалъ долго и искусно выкидывалъ ногами, но той удали и молодцоватости, того упоенія, съ которыми

пляшетъ русскій человѣкъ, въ его пляскѣ не было и тѣни. Вообще, изъ всего видно, что черемисы народъ вялый, не энергическій, скупо одаренный природою, но добрый, тихій и покорный, однимъ словомъ — созданный, чтобы жить и умереть охотникомъ или земледѣльцемъ, и не призванный ни къ какой иной болѣе широкой дѣятельности.

Посѣдки кончились, и мы отправились спать въ другую избу, но сонъ не сходилъ на насъ: начались разговоры о предстоящей охотѣ и разсказы о разныхъ счастливыхъ и несчастныхъ случаяхъ борьбы съ медвѣдями. Воображеніе мое воспламенилось, и я чувствовалъ если не страхъ, то нѣчто очень близкое къ этому чувству, тѣмъ болѣе, что я долженъ былъ отправиться на медвѣдя безоружнымъ: брать съ собою ружье я считалъ безполезнымъ, такъ какъ, по мирнымъ свойствамъ своей природы, я въ жизнь свою не сдѣлалъ ни одного убійственнаго выстрѣла. Мнѣ представлялось, что вотъ осѣклись ружья, или нанесена медвѣдю лишь легкая рана, и онъ, освирѣпѣвши, бросается на насъ, а, можетъ, быть и на меня... Но такъ какъ я уже признался въ чувствѣ, можетъ быть, по мнѣнію иныхъ, постыдномъ, поэтому, безъ ложной скромности, позволю себѣ прибавить, что чувство страха ни на минуту не поколебало моей рѣшимости быть свидѣтелемъ невиданнаго мною зрѣлища: и сколько это чувство, столько нетерпѣніе, любопытство и жажда сильныхъ ощущеній волновали меня и гнали сонъ отъ моихъ глазъ. Но онъ взялъ свое: я уснулъ крѣпко и всталъ бодрымъ и готовымъ на все. Надобно сказать, что я сопровождалъ охотника до дерзости смѣлаго, рѣшительнаго и что особенно опасно въ охотѣ подобнаго рода, — пылкаго и нетерпѣливаго, но за то отличнаго стрѣлка, вооpy-

женнаго превосходнымъ, двухствольнымъ ружьемъ. Когда мы совсѣмъ собрались въ путь, то оказалось, что съ нами вызвались идти на охоту, кромѣ моего слуги, еще 5 или 6 черемисовъ. Послѣдніе были вооружены тѣми же ружьями съ длинными и узкими стволами, такъ называемыми турками, съ которыми они обыкновенно ходятъ и на бѣлокъ, и на медвѣдей. До того мѣста, гдѣ лежалъ медвѣдь, намъ надобно было проѣхать около 10 верстъ лѣсомъ, по узкой лѣсной тропинкѣ, и затѣмъ съ версту идти пѣшкомъ, потому что тамъ уже ѣхать было невозможно. Пріѣхавши на это мѣсто, мы сошли съ саней, всѣ вооруженные осмотрѣли свои ружья, зарядили ихъ тщательно и аккуратно. Въ то же время одинъ изъ черемисовъ на тутъ же срубленный длинный колъ насадилъ рогатину, которая состояла изъ заржавѣлаго куска желѣза, скованнаго въ видѣ копья. Затѣмъ всѣ усѣлись, встали, помолились на востокъ и нѣкоторые поклонились на всѣ четыре стороны и попрощались между собою, какъ-бы приготовляясь къ весьма возможной и близкой смерти. Все это сильно возбуждало воображеніе и приготовляло къ чему-то необыкновенному и ужасному. Наконецъ, мы двинулись въ путь, идя вереницею, одинъ за другимъ. Впереди всѣхъ шелъ тотъ, который обошелъ медвѣдя. Насъ сопровождали двѣ небольшія дворняшки, которыя зорко глядѣли по сторонамъ и заботливо нюхали воздухъ.

Долго шли мы лѣсной чащей и вязли въ снѣгу выше колѣна, а иногда и по-поясъ; наконецъ, подошли къ бурелому, простиравшемуся на нѣсколько сотъ саженъ. Здѣсь безобразными кучами лежали деревья, поваленныя бурей одно на другое, и занесенные снѣгомъ торчали пни и сучья. Въ этомъ

буреломѣ лежалъ медвѣдь. Намъ велѣно было сохранять совершенное молчаніе и идти не торопясь и осторожно. Послѣднее распоряженіе было очень благоразумно, но совершенно излишне: торопливость была бы здѣсь невозможна. Путь намъ предстоялъ трудный и опасный: то мы должны были прыгать съ одного дерева на другое, чтобы не провалиться и не завязнуть между ними, то обрывались, падали съ одного дерева, тонули въ снѣгу по плечи, и должны были снова карабкаться на другое. Но что всего хуже, нашъ вожакъ, потерявъ слѣдъ медвѣдя, не могъ вѣрно опредѣлить мѣсто его логовища, такъ что мы каждую минуту, обрываясь съ дерева, рисковали попасть въ когти звѣря. Собаки, ни мало не дрессированныя, давно уже оставили насъ и рыскали по сторонамъ, не заботясь нисколько о скверномъ положеніи ихъ хозяевъ. Положеніе становилось дѣйствительно очень опасно, и въ толпѣ охотниковъ начинался ропотъ. Вожакъ съ безпокойствомъ оглядывалъ мѣстность, наконецъ велѣлъ намъ пріостановиться и направился въ сторону. Вдругъ близехонько лайнула дворняшка, вслѣдъ за ней другая. Мы осмотрѣлись: дворняшки были не болѣе какъ въ шести или семи шагахъ впереди насъ: онѣ нюхали снѣгъ и лаяли отрывисто, какъ бы не довѣряя самимъ себѣ, потомъ стали лапами взрывать снѣгъ и принялись лаять съ какимъ-то завываніемъ, шерсть стояла на нихъ дыбомъ. Не было сомнѣнія: онѣ открыли медвѣдя. Я внутренно поблагодарилъ Бога: если бы мы сдѣлали еще нѣсколько шаговъ впередъ, то могли бы быть въ гостяхъ у медвѣдя.

Л. тотчасъ сдѣлалъ распоряженіе: четверо изъ насъ, т. е. онъ самъ, я, шедшій за нимъ слѣдомъ, и еще двое—одинъ съ ружьемъ, другой съ рогатиной,

должны были остаться на томъ мѣстѣ, гдѣ стояли; прочіе стали съ разныхъ сторонъ вокругъ берлоги. Долго стояли мы въ нетерпѣливомъ ожиданіи. Собаки лаяли и рыли снѣгъ. Медвѣдь не шевелился. Наконецъ Л. не вытерпѣлъ, отдалъ свое ружье стоявшему по лѣвую его руку черемису, взялъ у него рогатину и, намѣреваясь ткнуть ею звѣря въ берлогѣ, сдѣлалъ два шага впередъ, оступился и засѣлъ въ снѣгу по поясъ. Но горячій охотникъ забылъ объ осторожности: не перемѣняя положенія, по поясъ въ снѣгу, онъ нѣсколько разъ запускалъ рогатину подъ дерево, подъ которымъ долженъ былъ лежать медвѣдь, хотя и не видный намъ, потому что былъ заслоненъ другимъ бревномъ, лежавшимъ немного ниже перваго. Послѣ нѣсколькихъ ударовъ, вѣроятно, мимо, звѣрь не шевелился, наконецъ раздалось сердитое ворчанье, и только лишь Л. успѣлъ бросить рогатину и схватить ружье, какъ въ то же мгновенье показалась голова и лапа медвѣдя, готовая сдѣлать быстрый прыжокъ чрезъ бревно, лежавшее передъ берлогой и закрывавшее его отъ нашихъ глазъ ... Но выстрѣлъ грянулъ, за нимъ другой, третій—и звѣрь осѣлъ туловищемъ въ берлогу, опустивъ голову на лапу, лежавшую на бревнѣ, безъ малѣйшей судороги, безъ малѣйшаго предсмертнаго движенія. Мы переждали нѣсколько мгновеній. Медвѣдь не шевелился, побѣда была одержана. Собаки, съ визгомъ отскочившія въ сторону при первомъ движеніи медвѣдя въ берлогѣ, начали приближаться, неистово лая. Л. первый подошелъ къ медвѣдю и за уши перетащилъ его черезъ бревно. Собаки стали яростно тормошить трупъ. Торжество Л. было полное. Я взглянулъ на него: глаза его горѣли, лицо сіяло такимъ гордымъ восторгомъ, какъ будто онъ опро-

кинулъ въ эту минуту цѣлую непріятельскую армію. Убитый медвѣдь былъ довольно великъ ростомъ, но еще не старъ. По осмотрѣ оказалось, что всѣ три выстрѣла достигли цѣли.

Кромѣ медвѣдей, въ здѣшнихъ лѣсахъ водятся олени, попадаются и лоси. Охота за бѣлками и рябчиками составляетъ довольно значительный промыселъ края. Черемисы считаются отличными стрѣлками. Говорятъ, многіе изъ нихъ убиваютъ бѣлокъ маленькими пулями, попадая ими въ голову, чтобы не портились шкуры. Въ извѣстное время, зимою, въ Воскресенское являются скупщики рябчиковъ, которые цѣлыми возами отправляются въ Петербургъ. Въ иное время въ Воскресенскомъ на базарахъ можно видѣть цѣлыя горы рябчиковъ, но нельзя сказать, чтобы цѣны на нихъ были сравнительно дешевы: пара продается отъ 10 до 15 и 20 к. с.

Говоря о производительности здѣшняго края, нельзя умолчать о значительномъ ловѣ рыбы и, преимущественно, стерлядей на Ветлугѣ. Ветлужскія стерляди даже жирнѣе волжскихъ, но не такъ вкусны и имѣютъ брюшко черноватое, а не желтое. Весною Ветлуга въ иныхъ мѣстахъ разливается на большія пространства, и во время полой воды—самый горячій ловъ рыбы. Употребляются и сѣти, и снасти, т. е. крючки, почти такіе же, какъ на Волгѣ. Крупная красная рыба рѣдко сюда заходитъ.

Возвращаясь съ медвѣжьей охоты, я пріостановился въ с. Воздвиженскомъ, лежащемъ на двадцать верстъ выше Воскресенскаго, на Ветлугѣ же. Село это далеко такъ не населено и не имѣетъ той бойкой жизни и торговой дѣятельности, какъ послѣднее. Все населеніе русское. Здѣсь, вечеромъ, мы отправились на посѣдки. Извѣстно, что не только

здѣсь, но во многихъ мѣстахъ Россіи, крестьянскія дѣвки сходятся вмѣстѣ, коротать за работою или за играми длинные зимніе вечера. Несовершеннолѣтнія не допускаются въ общества взрослыхъ и составляютъ особенныя посѣдки. Для этого нанимаютъ у какого-нибудь малосемейнаго мужика, а чаще у солдатки или бездѣтной вдовы, избу; на этотъ предметъ, а также на освѣщеніе и отчасти угощеніе, дѣлается складчина по какой-нибудь гривнѣ съ человѣка. Мы вошли въ просторную, но грязную избу, гдѣ раздавались веселыя пѣсни. Дѣвки сидѣли за пряжей, весело и бойко привѣтствовали насъ и, разсмотря, что посѣтители были господа или по-крайней мѣрѣ купцы, выразили очевидное удовольствіе и нисколько не стѣснялись нашимъ присутствіемъ. Видно было, что пріемы подобныхъ посѣтителей для нихъ не новость и не рѣдкость. Дѣвки бойко и смѣло заговаривали съ нами, предлагали спѣть для насъ пѣсенку, а если эта пѣсня соединялась съ игрою, то звали и насъ принять въ ней участіе, безъ зазрѣнія совѣсти припрашивали орѣшковъ, пряниковъ, денежекъ, и даже водки, которую пили очень исправно. Если стыдливость и скромность есть украшеніе женщины, то это украшеніе здѣсь, какъ видно, давно уже утрачено; напротивъ, поведеніе нѣкоторыхъ дѣвокъ отличалось даже наглостью. Многія изъ нихъ, по секрету, просили у насъ денегъ, и когда, получали умоляли не сказывать прочимъ, увѣряя, что если узнаютъ прочія о полученномъ ими подаркѣ, то отнимутъ у нихъ. Все это какъ-то напоминало отчасти цыганскій таборъ. Ко всему этому надобно прибавить, что почти всѣ бывшія тутъ дѣвки были грязны сами по себѣ и грязно одѣты. Вообще, съ этихъ посѣдокъ я вынесъ какое-то грустное, тя-

желое впечатлѣніе. Можетъ быть, это впечатлѣніе было бы еще печальнѣе и еще тягостнѣе, если бы оно не смягчалось образомъ одной дѣвушки, которая среди этого шумнаго и наглаго сборища держала себя необыкновенно скромно и осторожно. Она такъ же, какъ и прочія, пѣла пѣсни, участвовала въ играхъ, даже цѣловалась съ парнями, гдѣ игра того требовала, но на всей ея особѣ лежала печать дѣвственной чистоты и приличія. Къ тому же я узналъ, что замужнія женщины здѣсь не ходятъ на посѣдки, и хотя въ первый годъ замужества женщинѣ и позволяется посѣщать своихъ прежнихъ подругъ въ ихъ посѣдкахъ, но ни въ пѣсняхъ, ни въ играхъ, она не можетъ принимать участія.

Я не могу не только поэтизировать, но даже сколько-нибудь оправдывать или назвать инымъ именемъ это неприличное, наглое веселье, это постыдное, хотя бы и простодушное отсутствіе стыдливости и естественнаго прирожденнаго приличія, но въ то же время совершенно убѣжденъ, что распущенность нравовъ здѣсь есть явленіе наносное, результатъ ложной цивилизаціи, проникающей въ край путемъ торговли. Иначе, мнѣ кажется, невозможно и объяснить присутствія этого чистаго и скромнаго существа, которое неожиданно поразило мое вниманіе среди наглой и распущенной толпы.

1861 г.

На ночлегѣ.

(Изъ путевыхъ замѣтокъ.)

Зимой, наканунѣ большого церковнаго праздника, мнѣ пришлось остановиться на ночлегѣ въ одномъ изъ приволжскихъ селъ Нижегородской губерніи. Въ избѣ, въ которую меня пустили, были только старуха-хозяйка, да молодой парень, ея сынъ. Хозяйка, ради завтрашняго праздника, была занята какой-то стряпней и суетливо хлопотала около печки; молодой парень, въ ожиданіи того же праздника, лежалъ на полатяхъ, свѣсивши голову, и разсѣянно оглядывалъ избу. Ямщикъ мой, поздоровавшись съ знакомыми ему хозяевами, также взобрался на полати и легъ тамъ, рядомъ съ молодымъ парнемъ. Между нимъ и хозяевами завязался разговоръ безсвязный и лѣнивый, какой обыкновенно ведутъ русскіе крестьяне, пока не попадутъ на какой-нибудь интересный въ ихъ быту вопросъ. Между прочимъ, дѣло коснулось какъ-то колдовства.

— А что, въ вашихъ мѣстахъ развѣ много колдуновъ?—спросилъ я.

— У полянскихъ много,—отвѣчала хозяйка,—у нихъ и наши нагорные перенимаютъ.

Прибрежные жители праваго берега Волги называютъ себя нагорными, въ противоположность живущимъ по полевымъ пространствамъ, лежащимъ

сзади горнаго кряжа, граничащаго Волгу съ правой стороны,—тѣ носятъ названіе поляковъ, полянъ.

— Отчего же, бабушка, между поляками больше колдуновъ?—спросилъ я.

— Кто ихъ знаетъ: стало быть мѣста, что ли, такія ...

— Что̀ же дѣлаютъ эти колдуны?

— Какъ что̀, родимый? ... Ему ничто не заказано. Онъ всякое худо можетъ человѣку сдѣлать: сухоту пуститъ на человѣка, ломоту, и всякую болѣзнь. Какъ сдѣлаетъ ... Коли въ четверть сердца наведетъ на человѣка боль: ну, станетъ человѣка ломать, а все еще на ногахъ останется; пуститъ въ полъ-сердца: долго прохирѣетъ человѣкъ и ужъ безпремѣнно помретъ; а ужъ коли во все сердце пуститъ, такъ больше трехъ дней человѣку не прожить.

— Да какъ же это онъ дѣлаетъ?

— А потому — бѣсомъ владаетъ, оттого и дѣлаетъ! На питье наговоритъ, да дастъ человѣку выпить, али на нитку нашепчетъ, да на порогъ положитъ. Ну, какъ этотъ человѣкъ, на котораго наговорено, этого питья изопьетъ, или черезъ эту нитку перешагнетъ, такъ ему и болѣзнь приключится. Да вонъ, Ванюшка-то, изъ польскихъ,—продолжала старуха, указывая на моего ямщика,—онъ, чай, этихъ людей самъ видалъ: около нихъ этой пакости довольно ...

— Ну, какъ не видать,—отозвался ямщикъ,—я самъ бывалъ въ этомъ передѣлѣ.

— Какъ-такъ?—спросилъ я.—Разскажи, братъ, пожалуйста.

— А вотъ какъ, —отвѣчалъ ямщикъ съ сознаніемъ собственнаго достоинства.—Сговорили меня на дѣвкѣ.

Ужъ такая дѣвка была важная, здоровая, румяная, больно мнѣ по-сердцу пришлась. А около насъ есть Кременки, и въ Кременкахъ есть по этой части Михайло Васильевъ ... выходитъ, знахарь ... Этотъ кременскій-то Михайло Васильевъ прочилъ ее, эту самую мою дѣвку, значитъ, за своего за племянника, а ее за него не отдавали, а отдавали за меня. Вотъ Михайло-то Васильевъ разсердился — и что же, братецъ ты мой, сдѣлалъ? Вѣдь, дѣвку-то отправилъ на тотъ свѣтъ!

— Ахти, кормилецъ!—отозвалась старуха, оставляя работу и подпирая щеку рукою,—испортилъ?...

— Испортилъ,—подтвердилъ ямщикъ,—такъ довелъ, что никому и не въ примѣту. У насъ, было— и дѣло все было слажено, и женился бы я на ней допрежъ того, да года не выходили, давали попу пять золотыхъ, да больше того требовалъ. Ну, такъ и положили, что подождать сроку, да сдѣлать свадьбу опосля Святой. У насъ такіе порядки, какъ сговорятся это отцы съ матерями, по рукамъ ударятся и бываетъ казанье ... Такъ на этомъ самомъ на казаньи ...

— Какъ же это казанье-то дѣлается у васъ?

— А казанье бываетъ такимъ родомъ: женихъ съ родными пріѣзжаетъ къ невѣстѣ въ домъ, садится въ избѣ, а невѣста съ дѣвками въ чуланѣ, значитъ, за перегородкой. Вотъ пріодѣнется и выходитъ къ жениху. Сначала только три раза поклонится, да опять въ чуланъ, и опосля время опять выходитъ уже съ дарами. Такъ вотъ и мое дѣло. Какъ выйдя она, значитъ, дѣвка-то моя, да сдѣлала два поклона, вдругъ ей подъ сердце и подступило, да подъ правую грудь и ударило; такъ третьяго поклона и не справила, ушла въ чуланъ ... что-то,

говоритъ, дѣвки, больно нѣшто не хорошо подъ сердцемъ: не знаю, какъ и съ дарами ... Однако, отошло — ничего, и съ дарами вышла. Только опосля того, сохнуть, да желтѣть. Да было это дѣло, казанье, передъ масляной, а въ самую середокрестную недѣлю и Богу душу отдала.

— Да почему же ты знаешь, что это Михайло Васильевъ ее испортилъ?

— Да кому же больше? Окромя его некому. И какое, братецъ ты мой, у меня было сердце на этого человѣка. Первое время, кабы онъ попался, хотѣлъ я его арабскимъ горохомъ попотчивать.

— Чѣмъ?

— Арабскимъ горохомъ ... дробью, значитъ.

— А, говорятъ, Ванюшка: носи луковицу въ зепи[1],— никакой наговоръ не возьметъ!..—замѣтила хозяйка.

— Это точно: луковицу, али рябину, потому на рябинѣ на каждой ягодкѣ крестъ ... на нее и наговоръ не дѣйствуетъ ...

— Вѣдь и колдуны-то бываютъ всякiе: иной все на зло, да на худо дѣлаетъ человѣку, а другой добротворитъ ...—сказала хозяйка.

— Да вотъ, у дяди моего свадьба была,—продолжалъ словоохотливо ямщикъ,—такъ онъ отыскалъ въ Каменкѣ такого добраго человѣка ... Тотъ знаетъ тоже, да только по другому, напротивъ этого Михайла Васильева, потому — молитвы такiя знаетъ, и все, то есть, отведетъ,—всякiй наговоръ ... Такъ дядя-то нарочно и его-то позвалъ, да и своего-то, Михайла-то Васильева ... Такъ вотъ потѣшно было смотрѣть. Михайла-то Васильевъ не зналъ, что этотъ

[1] Карманъ въ штанахъ.

каменской тоже знаетъ, а видитъ: чужой человѣкъ: ну, и началъ себя показывать, что знай-де нашихъ. Вдругъ, братецъ ты мой, сидимъ мы на этой свадьбѣ, не горятъ свѣчи на столахъ, да и шабашъ: то оплываютъ, то тухнутъ ... что хошь дѣлай: совсѣмъ отбились ... А Михайло Васильевъ сидитъ глазомъ не мигнетъ: ровно не его дѣло ... Только взялъ этотъ каменской свѣчку, пошепталъ на нее, обвелъ три раза вокругъ своей ноги, да и зажегъ, да отъ этой свѣчи и пошелъ зажигать свѣчки по всѣмъ столамъ, такъ что же ты думаешь? Тѣ же свѣчи на столѣ, а начали яркимъ огнемъ горѣть! ... Видитъ Михайло Васильевъ, что дѣло плохо: нашла коса на камень; только сидитъ, да ногти грызетъ ... Вотъ и началъ этотъ каменской надъ нимъ затѣи затѣвать: „Ну, говоритъ, Михайло Васильевичъ, неужто мы съ тобою не выпьемъ?“ Ну, тому тоже прискорбно себя показать, что боится: хошь не-хотя, а выпилъ. Какъ выпилъ, такъ и уснулъ. Мы у него весь гашникъ [1] и изрѣзали: какъ проснулся, да всталъ на ноги, такъ и обнаготился ... Что смѣху у насъ тогда было... А послѣ, на гарномъ столѣ [2] давай, говоритъ, Михайло Васильевичъ, поцѣлуемся. Тому отказать-то никакъ нельзя: поцѣловался ... Какъ поцѣловался, такъ до дому-то и не дошелъ — свалился, у самаго крыльца свалился, уснулъ .... Ужъ какъ намъ этотъ каменскій сдружилъ тогда ... А этотъ Михайло Васильевъ бѣда; всю округу у насъ заполонилъ ... Онъ съ однимъ парнемъ у насъ что̀ сдѣлалъ: сидитъ на одномъ мѣстѣ ровно невлашный;

---

[1] Гашникъ — шнуръ или поясъ, которымъ крестьяне подвязываютъ порты.

[2] Гарный столъ, красный столъ — обѣдъ, который бываетъ на другой день свадьбы.

цѣлый день просидитъ, слова не скажетъ, и съ мѣста не сойдетъ, коли не сгонишь... А какой парень былъ важный... Бываетъ, бываетъ всяко...

— Да за что̀ же они это парня-то погубили?

— А вотъ все изъ-за своихъ прихотей... Все изъ-за бабьяго дѣла... Онъ, вѣдь, насчетъ этого, даромъ что старикъ, а бѣда какой... И какъ какую бабу пожелаетъ, ужъ непремѣнно приворотитъ. Вотъ за одной бабой молодой онъ очень примахнулся, да никакъ не могъ подойти: мужъ-отъ былъ очень стороженъ; такъ мужа-то избылъ: въ скорости померъ, а бабу-то такъ къ себѣ приворотилъ, такъ она его полюбила, что, какъ опосля онъ ее кинулъ, выла ровно ни вѣсть о чемъ... А, вѣдь, старый хрычъ!... А это, если на жену за что̀ осерчаетъ, такъ та такъ и лежитъ дня три безъ движенія—то сдѣлаетъ...

— Эко, прости, Господи, искушеніе: до какихъ дѣловъ доводитъ окаянный человѣка на вольномъ свѣтѣ...—проговорила старуха съ глубокимъ вздохомъ.

— И какъ, парень, они доходятъ до этого?—спросилъ сынъ хозяйки; — значитъ, вѣдь, науку эдакую знаютъ, травы ищутъ такія, али ужъ имъ бѣсы служатъ: такъ, вѣдь, надобно до этого дойти; слово, что ли, знать такое, какъ доходятъ-то они до этого?...

— А вотъ какъ: у насъ былъ работникъ, тоже изъ польскихъ, такъ разсказывали, что тоже зналъ, да зарекся. Такъ я его и спрашивалъ, какъ же, молъ, ты это дѣлаешь?... А это, говоритъ, дѣлаютъ все бѣсы, не тѣ вотъ, что по землѣ ходятъ и человѣка на грѣхъ смущаютъ, тѣ особь статья: тѣ бѣсы служить человѣку не станутъ, а эти бѣсы ро-

дятся отъ крещеной кости. Коли ты вотъ теперь, примѣрно, крещенъ, да если ты знаешь такіе бѣсовскіе стихи, слова, значитъ ... и сейчасъ можешь бѣса сдѣлать. Вотъ ты эти слова проговорилъ сейчасъ бѣсъ и родится, и виситъ на губѣ, покамѣсь найдешь ему мѣсто: дунешь, ужъ онъ такъ въ то мѣсто и идетъ ... Вотъ, говоритъ, кабы не зарекся, сейчасъ бы тебѣ этого бѣса показалъ; да зарекся. А онъ у тебя все работы проситъ. Вотъ и посылаешь его то лѣсъ считать: онъ считаетъ, считаетъ, какъ до рябины дошелъ, такъ и спутается; а то дождь идетъ, такъ велишь дождинки считать... Ужъ какое-нибудь ему дѣло давай, а то смучитъ тебя ... Такъ, значитъ, тутъ все слово дѣлаетъ ... Слово такое нужно знать ... Я этого работника и о томъ пыталъ, какъ онъ научился этому: такъ не сказалъ, потому, говоритъ, зарекся ... А вотъ отъ насъ двое парней ходили къ этакому человѣку учиться, такъ разсказывалъ одинъ: привелъ, говоритъ, насъ этотъ человѣкъ въ баню, въ самую полночь, положилъ по караваю, а на нихъ велѣлъ намъ кресты снять, да положить, а на кресты стать ... И велѣлъ такія слова говорить, что ото всего отрекаешься и отъ самого Христа Бога. А тутъ проговорилъ этакія свои слова — и вдругъ стало въ банѣ свѣтло, ровно днемъ, а изъ-подъ полка вылѣзла страшенная-престрашенная, ужастенная баба и передъ ней стала чашка, ровно бы съ медомъ, и начала эта баба медъ жрать, а послѣ блевать: вотъ человѣкъ-отъ и велѣлъ намъ этой блевотины отвѣдать. Такъ я-то, говоритъ, отвѣдалъ, а другой-то парень не снесъ всего этого,—свалился ... А тутъ эта баба пасть раскрыла, ровно печное устье. Онъ и велѣлъ мнѣ въ нее, значитъ, въ пасть эту прыгать ... Такъ

я, говоритъ, какъ кинулся, такъ и выскочилъ опять на свѣтъ... И бани ровно не бывало ... Такъ вотъ какъ значитъ, надо своей крещеной вѣры рѣшиться, а въ ихнюю, значитъ, въ нечистую вѣру идти ...

— Ну, а что же, этотъ парень, что разсказывалъ тебѣ, зналъ что-нибудь?—спросилъ я.

— Говоритъ: зналъ ... Могу, говоритъ, всякую къ себѣ приворотить и отворотить ... Да только что недолго былъ онъ опосля того,—въ солдаты отдали ...

— Туда ему окаянному и дорога, тамъ не дадутъ дурить. Какъ разъ оборотятъ въ крещеную вѣру, — сказала хозяйка.—Ну-ка, Ванюшка, полно... Инда страха нагналъ да и грѣхъ какой: подъ праздникъ великій очень разговорились... Господи, прости меня грѣшницу ... Молиться бы надо, а мы ну-ка что̀ ... Правда, инда страхъ напалъ къ ночи-то ...

Ямщикъ мой усмѣхнулся, зѣвнулъ, повернулся на бокъ, прикрылся мѣховымъ тулупомъ, несмотря на нестерпимый жаръ въ избѣ ... и черезъ минуту захрапѣлъ. Сынъ хозяйки послѣдовалъ его примѣру.

Кончившая свою стряпню, старуха засвѣтила передъ иконами красную восковую свѣчку, подула на пальцы и стала класть земные поклоны, нашептывая молитву.

1861 г.

Деревенскіе міроѣды.

Очерки.

Мы — въ одной изъ сѣверныхъ губерній средней полосы Россіи, гдѣ природа не особенно щедра къ человѣку: земля холодная, тяжелая, не-родимая, зимы студеныя, лѣта короткія, хорошихъ луговъ, заливныхъ, мало, а единственное былое мѣстное богатство — лѣса дремучіе — давнымъ-давно прожито, израсходовано, безъ всякой прибыли, безъ малѣйшаго остатка про черный день, на крайнюю нужду; гдѣ земля не родитъ безъ сильнаго удобренія и двойной обработки, а скота въ долгую зиму прокормить нечѣмъ, и гдѣ поэтому двѣ коровушки на крестьянскій дворъ считаются уже роскошью, признакомъ большого довольства и благосостоянія; гдѣ мужикъ, безъ сторонняго отъ земли заработка, не въ силахъ заплатить даже своей подати, а не только прокормиться и одѣться съ семьей; гдѣ рядомъ съ крестьянской нуждой пристроилось, нашло рабочія руки и развилось фабричное производство, не обогатившее крестьянина, но подорвавшее окончательно его вѣру въ землю-кормилицу, создавшее взамѣнъ этой вѣры культъ рубля; гдѣ мужикъ ни сытъ, ни голоденъ, лаптей давно уже не носитъ, въ праздникъ надѣваетъ синій кафтанъ и пуховую шляпу, въ домѣ норовитъ завести хоть какой-нибудь самоваришко, но говядину ѣстъ два раза въ годъ, соль расходуетъ, какъ драгоцѣнность, а въ запасѣ имѣетъ развѣ только одну сѣрую капусту-кисленицу.

Вѣчная и единственная забота всего населенія такого края о томъ, какъ бы прокормиться, какъ бы уплатить подати, или хоть старую недоимку, гдѣ бы перехватить на безвыходную нужду и хоть бы какъ-никакъ свести къ году концы съ концами. Но и это не всѣмъ удается, большинство запуталось въ неоплатныхъ долгахъ, махнуло съ отчаяніемъ рукой на будущее, не хочетъ думать даже о завтрашнемъ днѣ, поѣсть бы только, а главное — выпить сегодня; тѣ, которые имѣютъ возможность мечтать о сбереженіяхъ, о залежномъ рублѣ, объ улучшеніяхъ въ домашнемъ обиходѣ и хозяйствѣ тѣ исключительные счастливцы, тѣ богачи, — тѣмъ хорошо живется на свѣтѣ; за то они всѣ и на перечетѣ не то въ деревнѣ, а въ цѣлой волости. Понятно, что среди такого населенія неизбѣжно должны были явиться и тѣ счастливцы, которые занимаютъ въ деревнѣ особенное положеніе, служатъ экономическимъ центромъ цѣлаго сельскаго общества, а иногда и цѣлой волости, которымъ кланяются и выражаютъ въ глаза почтеніе и благодарность, хоть за глаза нерѣдко бранятъ и проклинаютъ, которыхъ народъ называетъ и благодѣтелями, и кровопійцами, — на которыхъ смотритъ, какъ на неизбѣжное, необходимое и почти законное зло, какъ на результатъ, но не какъ на причину своей бѣдности, которыхъ считаетъ скорѣе полезными, чѣмъ вредными для себя людьми. Это богатые деревенскіе обыватели, ссужающіе крестьянъ въ кредитъ — все равно деньгами, или продуктами, — это мѣстные банкиры, ростовщики, которыхъ мы привыкли называть міроѣдами, хотя въ народѣ такое выраженіе неупотребительно и даже мало извѣстно.

Міроѣды бываютъ разные. Есть такіе, которые

искренно, непритворно, считаютъ себя благодѣтелями своихъ односельцевъ, которые смотрятъ на свое дѣло почти какъ на христіанскій подвигъ любви къ ближнему; есть и такіе, которые принимаются за ростовщичество сознательно, какъ за самый выгодный промыселъ, дающій наибольшій процентъ на капиталъ: эти ведутъ свое дѣло откровенно, на чистоту, безъ всякаго лицепріятія, и, какъ купецъ опредѣляетъ цѣну своего товара по количеству требованія на него, такъ и они, смотря по нуждѣ заемщика, увеличиваютъ свой процентъ, т. е., чѣмъ больше нуждаешься, тѣмъ больше долженъ заплатить и процентовъ. У такихъ ссуда дѣлается почти навѣрняка, безъ всякаго риска, со всевозможными въ деревенскомъ быту обезпеченіями. Но есть и притворщики, которые хотятъ обмануть и себя, и заемщиковъ въ значеніи своихъ операцій: эти послѣдніе или ждутъ, чтобы ихъ много просили и кланялись объ одолженіи, и соглашаются на выгодный для себя оборотъ, какъ на тяжелую жертву; или сами предлагаютъ свою помощь и ссужаютъ деньгами по чувству состраданія къ нуждѣ ближняго, но въ томъ и другомъ случаѣ умѣютъ оградить себя отъ всякаго риска и нажить 200 на 100. Затѣмъ личный характеръ и общественное положеніе разнообразятъ типы деревенскихъ міроѣдовъ, такъ какъ ими бываютъ не только крестьяне, но и лица другихъ сословій, живущія среди сельскаго населенія.

Слѣдующіе два очерка изображаютъ два типа изъ тѣхъ міроѣдовъ, которые существовали еще при крѣпостной зависимости, но сохранились и до сего времени.

Дѣдушка Николай Ивановичъ.

I.

Неприглядна и скучна деревня Пустополье. Длиннымъ порядкомъ сѣрыхъ избъ подъ соломенными крышами протянулась она версты на двѣ по берегу рѣчонки, которая въ лѣтнюю пору почти совсѣмъ пересыхаетъ, такъ что и водой изъ нея не пользуются, а берутъ изъ колодцевъ, вырытыхъ середи деревни. Ни деревца, ни кустика кругомъ, одно голое, чистое, сѣрое поле, только въ огородахъ, которые тянутся отъ улицы вплоть до рѣчки, торчатъ кое-гдѣ рябины, да ветлы — и тѣ на-перечетъ, и всѣ какія-то корявыя, невзрачныя; да сзади деревни, растопыривъ крылья, стоятъ двѣ вѣтряныя мельницы. Въ послѣднее время, впрочемъ, по распоряженію начальства, передъ каждою избою посажено по три березки, которыя посохли тотчасъ же послѣ посадки, но тщательно охраняются на своемъ мѣстѣ, въ видѣ голыхъ, сухихъ метелъ. Для чего заботливое начальство приказало посадить это украшеніе, въ деревнѣ не знаютъ, но полагаютъ, что для пожарнаго случая, а потому, какъ строгіе исполнители всякаго приказа, мужички тщательно берегутъ даже посохшія березки, разсуждая, вѣроятно, что въ такомъ видѣ для пожарнаго случая онѣ еще удобнѣе. Кромѣ этого новаго украшенія, противъ каждаго

почти дома торчатъ скворечники, приноровленные изъ полуразбитыхъ глиняныхъ кувшиновъ, укрѣпленныхъ на верху длинныхъ жердей. Эти скворечники— единственный признакъ присутствія эстетическихъ потребностей и любви къ природѣ въ обитателяхъ Пустополья. На улицѣ, весною и осенью, а часто и лѣтомъ, послѣ сильныхъ дождей стояла непролазная грязь, которая нисколько не стѣсняла мѣстныхъ обывателей.

Всѣ избы въ деревнѣ, какъ двѣ капли воды, похожи одна на другую: всѣ въ три окна, изъ которыхъ среднее побольше, всѣ подъ соломенными крышами, у всѣхъ съ одной стороны крылечки, съ другой — ворота во дворъ. Если и есть между ними какая разница, такъ развѣ въ томъ, что одна изба поновѣе или повыше другой, у одной нижніе два вѣнца подгнили, и изба испрокинулась на бокъ, а у другой введены два вѣнца новые; у одной крыша на дворѣ завалилась, а у сосѣдней прикрыта свѣжей соломой. На дворахъ и въ избахъ у всѣхъ одно и то же: середи двора, ближе къ воротамъ,— телѣга, у задней стѣны, за отгородкой у колоды, лошадь и корова, или лошадь и корова съ телкой; въ углу пара овецъ; въ избѣ столъ подъ образами и лавки по стѣнамъ, одежа и малыя ребята на полатяхъ, старуха на печкѣ, въ свѣтломъ углу люлька съ ребенкомъ, въ темномъ на полу, на соломѣ, сосунокъ-теленокъ. Общій колоритъ деревни сѣрый, унылый, неприглядный.

Среди однообразныхъ деревенскихъ избъ бросается въ глаза только одна. Построена она по тому же образцу, какъ и всѣ остальныя, но изъ очень толстаго лѣса, изъ такого толстаго, что сосѣдняя съ нею избенка кажется сложенною изъ жердей;

срублена эта изба аккуратно и прочно, крыта тесомъ, заборникъ вокругъ двора крѣпкій, прямой и ровный, сложенъ и пригнанъ такъ, что не найдешь ни одной щелки между бревнами; видно, что хозяинъ заботился, чтобы ни вѣтромъ не продувало, ни снѣгомъ не заносило скотинку на дворѣ. Ворота во дворѣ крѣпкія, тяжелыя, на здоровыхъ желѣзныхъ петляхъ, а не на деревянномъ шканѣ, какъ въ другихъ дворахъ, затворяются плотно, запираются дубовымъ засовомъ съ желѣзнымъ висячимъ замкомъ. У воротъ на цѣпи злая собака. Дворъ большой, просторный, съ теплыми омшанниками для овецъ и мелкой скотины, съ кормовой избой, на студеную пору, для коровъ и лошадей: видно, что хозяинъ бережетъ свою жилую избу, не хочетъ гноить ее и не пускаетъ въ нее зимою скотину, погрѣться и поѣсть мѣшанины, какъ дѣлаютъ сосѣди. На дворѣ больше десятка головъ разнаго скота, и весь онъ сытый, гладкій и холеный; въ колодахъ кормъ у него не переводится, подъ ногами мягкая соломенная постилка; стлать хозяева не лѣнятся, да и есть, значитъ, что постлать, не тащатъ старую солому съ крыши, а стоятъ ометы ея около овина. Противъ дома, на огородѣ, такъ что изъ оконъ видно, стоитъ большой двухъ-этажный амбаръ-кладовая, такой же прочный, изъ такого же толстаго здороваго лѣса, какъ и изба, съ обитыми желѣзомъ двойными дверями, съ внушительными нутреными и висячими замками. Сзади дома — гумно съ овиномъ, на которомъ такъ же, какъ и на всѣхъ остальныхъ постройкахъ, видна заботливая хозяйская рука: они и больше, и исправнѣе, и сподручнѣе устроены, чѣмъ всѣ остальные въ деревнѣ, дровъ въ него требуется меньше, а хлѣбъ сушится лучше и скорѣе, и

„опасность въ немъ совсѣмъ не та противъ воли Божіей, на-счетъ пожарнаго случая, — соглашаются сосѣди, —потому все въ порядкѣ произведено, — ямникъ глубокій въ мѣру, устье съ затворомъ, кругомъ справно, ниоткуда вѣтеръ не заберется: съ которой стороны ни дуй, а онъ куритъ себѣ ровненько, ровно и не знаетъ... Около овина въ порядкѣ сложены ометы ржаной соломы, а яровая прибрана въ сарай, стоящій тутъ же, неподалеку на гумнѣ; ладонь передъ овиномъ круглый годъ отъ помолотухи до замолота покрыта толстымъ слоемъ соломы: оттого никогда не проростаетъ травой, не требуетъ лишней работы на подчистку и не бываетъ пыльна. Въ избѣ и на дворѣ съ перваго взгляда виденъ во всемъ образцовый порядокъ; все на своемъ мѣстѣ, все прибрано, все, что нужно, подъ рукой, ничто не мѣшаетъ и на дорогѣ не валяется' хотя все сдѣлано и ведется совсѣмъ по-мужицки, по стародавнему образцу, безъ всякихъ отличій противъ крестьянскихъ привычекъ и обычаевъ. Этотъ, кидающійся въ глаза, домъ въ деревнѣ Пустополье и все хозяйство принадлежитъ дѣдушкѣ Николаю Ивановичу Курощупову, заурядному мужичку той же деревни.

II.

Прозвище свое Николай Иванычъ получилъ отъ своихъ односельчанъ еще въ молодости, именно за наклонность къ скопидомству, за бережливость, за вниманіе и заботливость о всѣхъ мелочахъ въ хозяйствѣ. Въ настоящее время это — восьмидесятилѣтній, согнутый въ дугу, старикъ, сѣдой какъ лунь, но съ гладкимъ, почти безъ морщинъ, худощавымъ, благообразнымъ лицомъ; взглядъ его мирный, тихій,

но твердый, пытливый и пристальный, обличающій натуру сосредоточенную и характеръ упорный; говоритъ тихо, сдержанно и мѣрно; всегда, повидимому, ровенъ и невозмутимъ; въ движеніяхъ степененъ, но ходитъ и дѣлаетъ все быстро; одѣтъ всегда, и зиму, и лѣто, въ нагольный полушубокъ, который на немъ какъ будто не старѣется и смотритъ всегда новымъ, недавно сшитымъ; только въ самые жаркіе дни, и то у себя дома, можно увидѣть Николая Иваныча въ одной рубахѣ, но, выходя куда-нибудь со двора, онъ всегда надѣваетъ свой неизмѣнный полушубокъ. При встрѣчѣ съ людьми, кто бы это ни былъ, всегда и всѣмъ кланяется очень низко, снимая шапку и опуская ее почти до земли; не только гордости или чванства своимъ богатствомъ не было замѣтно въ Николаѣ Иванычѣ, но, напротивъ, онъ какъ будто хотѣлъ показать себя хуже и ниже всѣхъ; держалъ себя такъ не изъ фарисейства и притворства, а по какой-то безсознательной деликатности. Онъ зналъ себѣ цѣну и въ извѣстныхъ случаяхъ любилъ даже похвалиться собой, поставить себя въ примѣръ; позволялъ себѣ при случаѣ упрекнуть сосѣда за бездомство, за безхозяйственность, дать совѣтъ и сдѣлать внушеніе. Сь молоду Николай Иванычъ былъ такой неустанный работникъ, такой труженикъ, на котораго удивлялись даже мужики: сомнѣвались — спалъ ли онъ когда-нибудь, а безъ дѣла его видали только въ праздничные дни; но и въ праздники онъ что-нибудь копошился около дома, не выходилъ только никогда на полевую работу. Теперь, на девятомъ десяткѣ жизни, по его собственному мнѣнію, онъ уже ничего не дѣлалъ, отдыхалъ, предоставивъ всю работу сыновьямъ и только досматривалъ за домомъ; но этотъ досмотръ

стоилъ всякой другой работы. Старикъ былъ цѣлый день на ногахъ. Онъ поспѣвалъ всюду, видѣлъ всякую работу, осматривалъ каждый закоулокъ своего хозяйства и зналъ каждую минуту, что у него дѣлается. Въ теченіе дня онъ сбѣгаетъ и на поле, и на лугъ, если идетъ сѣнокосъ, и самъ кстати отнесетъ завтракъ или полдникъ рабочимъ, и обѣжитъ пустошку собственнаго лѣса, которую купилъ и берегъ какъ зѣницу ока, и притащитъ дровъ къ печкѣ, и въ горшки у стряпухи заглянетъ, и оглядитъ не одинъ разъ всѣ запоры у своихъ кладовыхъ и чулановъ, и поставитъ на мѣсто вещь, которую молодежь по разсѣянности забыла убрать, и поправитъ кормъ у скота, а если мало его, такъ и прибавитъ, и при этомъ успѣваетъ вести счеты и разсчеты съ должниками и покупателями. Николай Иванычъ велъ торговлю всякимъ нужнымъ въ крестьянствѣ товаромъ, и это дѣло оставилъ спеціально за собою, не довѣряя его даже сыновьямъ.

У Николая Иваныча большая семья: два старшихъ сына были отдѣлены, а два, уже женатыхъ и дѣтныхъ, жили еще при немъ; старуха жена умерла, и главной хозяйкой въ домѣ оставалась дочь-дѣвица, почти также уже старуха. Не совсѣмъ по мысли было невѣсткамъ подчиняться золовкѣ; та крѣпко держала въ рукахъ бразды правленія, тѣмъ болѣе, что пользовалась особенною любовью и довѣріемъ отца. Старикъ позволялъ ей даже принимать участіе въ своихъ торговыхъ оборотахъ, довѣрялъ ключи отъ амбара и чулановъ, и вѣрилъ въ ея разсчетливость, бережливость и скопидомство. Разбирая не рѣдкія стычки между дочерью и невѣстками, а иногда и сыновьями, Николай Иванычъ всегда былъ на сторонѣ первой.

— Я знаю, мнѣ на ея рукахъ умереть, а не на вашихъ,—откровенно говаривалъ онъ сыновьямъ и ихъ женамъ, — она мнѣ глаза закроетъ, а не вы. Ей некуда отъ меня уйти, а вы только и ждете того, какъ бы отдѣлиться.

Сыновья молча выслушивали такія слова отца, внутренно соглашаясь съ ними, но сами проситься въ отдѣлъ не смѣли. Они знали, что у старика есть на этотъ предметъ опредѣленный твердый взглядъ и особенныя соображенія, противъ которыхъ возражать и спорить было опасно и невыгодно. Они имѣли передъ глазами примѣръ старшихъ братьевъ: самаго старшаго сына Николай Иванычъ отдѣлилъ по доброй своей волѣ, когда счелъ это нужнымъ и своевременнымъ, и наградилъ его сравнительно щедрой рукой: выстроилъ ему хорошую избу съ дворомъ, сараемъ, амбаромъ, далъ хорошую лошадь, съ телѣгой и сбруей, новотельную молочную корову, пару овецъ, хлѣба на сѣмена и на ѣмена на круглый годъ, и даже благословилъ двумя четвертными бумажками на разживу; невѣстка увезла въ новую избу цѣлые короба одежи и бѣлья, не нуждалась на первыхъ порахъ даже ни въ какой домашней утвари: всѣмъ снабдилъ ее заботливый свекоръ. Зато совсѣмъ иначе поступилъ онъ со вторымъ сыномъ, который настойчиво и съ грубостями просился въ отдѣлъ. Николай Иванычъ уступилъ, но не выдѣлилъ, а, какъ говорили на деревнѣ, выпихнулъ сына на всю его волю. Изба, которую онъ купилъ ему, была и меньше, и гораздо хуже, чѣмъ у старшаго брата, лошаденку, коровенку далъ изъ плохенькихъ, чуть не изъ заморышей; въ такомъ же родѣ была и вся остальная родительская награда изъ вещей, а въ деньгахъ и вовсе отказалъ: у самого

нѣтъ, да и кончено; а что есть, такъ на свою нужду требуется; самъ теперь хозяинъ, мужикъ полный, промышляй самъ про себя, на то тебѣ руки дадены, не на пустое мѣсто и высаженъ: всякое мужицкое заведеніе есть у тебя. А денегъ, сказалъ, нѣтъ, такъ негдѣ и взять!...

Сколько было денегъ у Николая Иваныча, никто не зналъ, не знала даже и его любимая дочь; да врядъ ли безошибочно могъ бы сказать и онъ самъ, если бы захотѣлъ признаться. Чужихъ догадокъ, толковъ и соображеній о денежномъ капиталѣ Николая Иваныча было не мало: охотниковъ считать въ чужомъ карманѣ и въ деревнѣ такъ же много, какъ въ городѣ. Досужіе счетчики соображали, что у Николая Иваныча большія тыщи лежатъ, и спрятаны онѣ гдѣ-нибудь либо въ амбарѣ, либо на мельницѣ, либо въ дому въ голбцѣ, въ землю зарыты. Находились не разъ и охотники поискать этихъ денегъ, — но все какъ-то неудачно: очень ужъ сторожекъ оказывался дѣдушка; въ какое время ни подбирались, какъ ни ухищрялись, не заставали его врасплохъ, или крѣпко уснувшимъ: только тявкнетъ собака на дворѣ или около амбара, смотришь—и голова его сѣдая изъ оконца на улицу высунулась и огонь въ избѣ вздуваютъ, и самъ старикъ, съ которымъ нибудь сыномъ, вооруженнымъ топоромъ, или дубиною, въ сопровожденіи злющей собаки, выходитъ изъ калитки на улицу. „Прямо, что кощей безсмертный, душу дьяволу продалъ, сна не имѣетъ: все добро свое сторожитъ!...“ говорили про него. Николай Иванычъ сталъ особенно остороженъ и подозрителенъ въ послѣднее время, когда, по его мнѣнію, народъ сталъ сильно портиться, и послѣ того, какъ удалось какимъ-то лихимъ людямъ обокрасть

его мельницу; запоровъ отбить не могли, такъ взломали крышу въ амбарѣ и черезъ нее пролѣзли внутрь. Правда, поживились немного: вытащили два мѣшка ржи, да мѣшокъ ячменя и то не его, а чужіе, мірскіе, привезенные къ нему для помола, да захватили его собственный желѣзный ломъ, которымъ поднимались жернова для ковки.

Случай этотъ былъ особенно памятенъ и непріятенъ для Николая Иваныча, потому что міръ, по мнѣнію старика, обидѣлъ его. Владѣльцы пропавшаго хлѣба стали просить, чтобы дѣдушка Николай вознаградилъ ихъ за пропажу, чтобы раздѣлилъ бѣду хоть пополамъ, но старикъ уперся, отказывался; потерпѣвшіе обратились къ мірскому суду: сельская сходка постановила, что такъ какъ хлѣбъ былъ на мельницѣ Николая Иваныча, слѣдовательно, онъ его долженъ былъ и беречь, а не уберегъ, такъ его и отвѣтъ: кто въ бѣдѣ, тотъ и въ отвѣтѣ.

— Ты, дѣдушка, за помолъ бралъ, не даромъ, вѣдь, мололъ? — спрашивалъ его міръ, желая доказать основательность своего разсужденія.

— Знамо, бралъ... Кто же станетъ чужой хлѣбъ даромъ молоть...

— Ну, а коли денежки за помолъ получалъ, значитъ, ты, хошь, мукой отдай и денежки за помолъ получи, либо зерномъ вороти, сколь принялъ... тогда безо всякаго; сколь получилъ, отдай въ поворотъ... И шабашъ дѣло... Вотъ!...

— Да кабы я замоталъ, али что... А то, вѣдь, вы видѣли: скрадено... со взломомъ... крышу содрали... Причемъ тутъ я?... Мнѣ и безъ того убытки. Теперь вонъ крышу чини, опять же ломъ былъ мой собственный, трехъ рублей бы не взялъ... здо-

ровый ломъ... тоже унесли... Да я еще и плати! Что вы, господа міряне? Не по-божески, не по совѣсти судите: въ одну обиду мнѣ...

— Какъ не по совѣсти? Нѣтъ, ты это напрасно, Николай Иванычъ... Мы черезъ самую, то есть, совѣсть судимъ... Вотъ какъ передъ истиннымъ... потому мужика своего жалко... Ему гдѣ взять? Ему взять негдѣ... а онъ къ тебѣ на мельницу привезъ, сдалъ, съ твоей мельницы пропало, ну, значитъ, твой и отвѣтъ... А ты ищи вора, найдешь: стребовай съ него, все твое будетъ, а мужиковъ ублаготвори... потому твоя бѣда, а они ни въ чемъ непричинны въ этомъ... Опять же они въ нуждѣ, можетъ кои послѣдній мѣшокъ хлѣбца-то привезли къ тебѣ, а у тебя, слава Богу, не какъ у нихъ,— есть изъ чего отдать...

„Оттого-то вы меня и нажимаете, что у меня есть изъ чего отдать“, подумалъ про себя Николай Иванычъ, и хотя не убѣдился доводами міра, но спорить не сталъ и подчинился приговору. Но съ тѣхъ поръ далъ себѣ слово не принимать на свою мельницу чужого помола ни за какія деньги. При этомъ онъ сообразилъ, что для него будетъ даже гораздо выгоднѣе покупать зерно и перемалывать его на собственной мельницѣ, для перепродажи потомъ мукою.

— Не одинъ разъ послѣ пожалѣете, что обидѣли меня,—проговорилъ Николай Иванычъ, возвращая пропавшій хлѣбъ. — Не вы одни, а всѣмъ міромъ, вось, придете, просить будете, чтобы взялъ смолоть, хоть пудикъ... Да нѣтъ, ужъ, спасибо... больше ко мнѣ и не ходите: чужбины ни съ чѣмъ брать не стану... только про себя и буду молоть... Вы думаете, мнѣ корысть, что ли, большая была,

что я чужбину-то мололъ?... Не думайте, я на своей мукѣ больше выручу... Я благодѣянье вамъ же, міру, дѣлалъ, что мололъ вашъ хлѣбъ. У меня мельница не простоитъ безъ дѣла, а на своей-то мукѣ я не двугривенну съ мѣшка-то возьму за помолъ, особливо въ нужное время или въ половодье... Небось, пожалѣете... А я за воровъ не плательщикъ...

III.

Николай Иванычъ не ошибся: дѣйствительно, не разъ пожалѣли мужики, что поприжали его въ этотъ разъ. Въ Пустопольи, кромѣ его, была еще одна вѣтряная мельница, но содержалась не въ порядкѣ, молола плохо, да и хозяинъ ея былъ человѣкъ не совсѣмъ добросовѣстный. Крестьянинъ отдаетъ хлѣбъ на мельницу безъ вѣса, и почти безъ мѣры, полагаясь только на свой глазъ, а еще больше на совѣсть мельника: насыплетъ полный мѣшокъ зерна и смотритъ, чтобы онъ такой же полный воротился къ нему съ мукою. Не очень туго набитъ мѣшокъ, пониже завязанъ, чѣмъ былъ съ зерномъ,—мужикъ смекаетъ, что мельникъ нечистъ на руку, но только развѣ почешетъ въ затылкѣ, намотаетъ это себѣ на усъ, а спорить и доказывать не станетъ, потому что безполезно, да ничѣмъ и уличить нельзя. Водяныя мельницы отъ деревни далеко: ѣхать туда — потеряешь цѣлыя сутки съ лошадью; большой разсчетъ, особливо въ рабочее время; вѣтряныя въ сосѣднихъ деревняхъ тоже своимъ, деревенскимъ хлѣбомъ завалены, да и все-таки закладывай лошадь, да поѣзжай. А дома у себя то ли дѣло: взвалилъ мѣшокъ на плечи, добѣжалъ, свалилъ: смели, дѣдушка, когда время позволитъ. И ужъ покоенъ: первое, что Ни-

колай Иванычъ, какъ ни скупъ, а чужимъ фунтомъ не попользуется, смелетъ мелко и нужду твою не забудетъ, коли попросишь: поторопится ... Особли̂во дорога̀ была услуга Николая Иваныча при первомъ замолотѣ новаго урожая: у крестьянъ Пустополья своего хлѣба никогда не хватало на круглый годъ, самый запасный хозяинъ начиналъ покупать муку съ ранней весны, а большинство съ великаго говѣнья, иные даже со святокъ. Слѣдовательно, приходилось много изводить денегъ, много должать и голодать: перваго снопа собственной ржи ждетъ мужикъ точно ни-вѣсть какой благодати, и нерѣдко сегодня сожнетъ полсотни сноповъ, а завтра охлыщетъ еще хорошенько не обстоявшіеся, сыроватые, посушитъ зерна на солнышкѣ, или на печкѣ — и скорѣе на мельницу, если только есть хоть маленькая хилинка, что крылья ворочаетъ. Вотъ ужъ тутъ и низкіе поклоны, и просьбы, и ласковыя рѣчи мельнику:

— Родимый, кормилецъ, да нельзя-ли, да поскорѣе ... Да мою-то засыпь перво: право, ну, вѣришь Богу, пылинки въ дому нѣтъ: хошь ложись, да помирай, даромъ вотъ отъ Создателя свѣженькаго дождалися батюшки хлѣбца ... Сдѣлай божескую милость, ужъ ты мнѣ-то уважь: дай своего-то новенькаго отвѣдать поскорѣе! ... Ну, что̀, покупалъ-покупалъ, займовалъ-займовалъ ... одно слово, хоть въ петлю! ... Сдѣлай же милость — уважь, прошу я тебя ...

И, бывало, дѣдушка Николай Иванычъ, ува̀жалъ, ка̀къ и сколько могъ: смелетъ кому пудикъ, кому два, смотря по нуждѣ, по вѣтру и по собственному досугу. А со времени покражи на мельницѣ, на всѣ просьбы и мольбы въ подобныхъ случаяхъ у Николая Иваныча былъ одинъ неизмѣнный отвѣтъ:

— Не принимаю я нонѣ чужбины ... Не мелю на сторону ... Подьте къ Якову (на другую мельницу).—Ко мнѣ и ходить не пошто: сказывалъ вѣдь ужъ я: не примаю ...

— Да что къ Якову, Николай Иванычъ ... Дождешься ли у Якова, самъ знаешь ...

— Не мое дѣло ... Я закаялся, не примаю...

— Окажи божескую милость ... Будь отецъ родной ... Право, ну ...

— Вотъ, мукой, коли хошь, на промѣнъ дамъ и то буде рожь сухая ...

— Своего-то бы хотѣлось отвѣдать, новинки-то...

— Ну, какъ знаешь ... Твое дѣло ... Подь къ Якову: можетъ онъ и ...

— Нѣтъ ужъ, что Яковъ ... Были у него тоже ... Ну, давай хоть на промѣнъ, только ...

— Что? ... спрашиваетъ Николай Иванычъ, хмурясь и отрывисто.

Мужикъ хотѣлъ сказать: „только не больно нажимай, не обижай“, но удерживается, зная, что Николай Иванычъ за такую оговорку разсердится и, пожалуй, вовсе откажетъ и въ промѣнѣ, ибо вполнѣ убѣжденъ, что дѣлаетъ мужику одолженіе, выручаетъ его изъ большого затрудненія. Поэтому мужикъ говоритъ совсѣмъ не то, что думалъ:

— Новенькаго-то хотѣлось больно отвѣдать ...

— У меня мука хорошая, домашняя, не какъ кулевая... замѣчаетъ въ утѣшеніе ему Николай Иванычъ.—Сколько у тебя тутъ? ..

— Да не вѣду, прикинуть нужно ...

— Знамо, прикинуть: неужто такъ? ... Покажь-ка ... Э, братъ, вѣялъ-то безъ вѣтру, видно, либо нарочно песочку прихватилъ, для тяги ...

— Нѣтъ, дѣдушка, Николай Иванычъ, для себя

старался: думалъ, вѣдь, смелешь ... Самъ бы ѣсть сталъ ... А это отъ ладони, знать,—ладонь-то больно пыльна ...

— А мякины-то сколь ... смотри-ка ... Да и съ костерей! ... Эка, братцы, рожь-то у васъ какая ... мелкая, тощая! ... легкая! ...

— Отъ земли, Николай Иванычъ: земля наша не родитъ ... Бѣда! ...

— Да развѣ не одна у насъ земля-то? ... Смотри-ка у меня ... А рядомъ полоса-то ...

— Твое дѣло другое, дѣдушка Николай: у тебя удобство не то: сколь скотинки-то держишь, и сколь мы? ... Твою полосу выберешь изо всѣхъ, потому—сдобилъ ты ее ... Вотъ что ... какъ можно твою полосу съ нашей сравнить ... Дай-ка мнѣ твою-то полосу—и у меня не экой хлѣбъ будетъ ...

— Да, дай тебѣ! ... Видали, братъ, мы довольно! .... Я вѣкъ-отъ, почитай, на всѣхъ полосахъ пересидѣлъ: всѣ черезъ мои руки прошли, двигали-двигали меня вѣкъ-отъ по полю ... нечего сказать, довольно! ... Только полосу-то въ порядокъ произведешь, только на дѣло поставишь ... ну, и родитъ, слава Богу, а попадетъ къ вамъ въ руки — ту же полосу и не узнаешь ...

— Такъ-то и есть, Николай Иванычъ: я и говорю, что все отъ сдобы, — у тебя удобства много, скотинки держишь довольно: ублаготворишь ты полоску-то . . . Вотъ она и показываетъ сама себя ... и хлѣбецъ почнетъ родиться на ней ... Наша земля безъ навозцу не родитъ: самъ знаешь, Николай Иванычъ ... Извѣстно, что кабы у насъ съ-эстоль скота, что у тебя ...

— Э, полно ты! ... Все бы одно и было, что теперь: развѣ бы не измотали скота-то? — измотали

бы! ... Извѣстно, скотъ по хлѣбу, и хлѣбъ по скоту, а все по заботѣ, да по бережи ... А ваша забота-то извѣстная ... особливо въ нонѣшнее время! ... Вы только ненавиствуете, да завистничаете на людей, а настоящей заботы въ васъ нѣтъ ... И признательности нынче нѣтъ въ людяхъ: что ни дѣлай, а добраго слова не жди! ... Ну, противъ твоего четверика больше двухъ батмановъ [1] муки не дамъ ... Вотъ, хочешь — получай, хочешь — нѣтъ, потому сорна очень ...

— Ужъ больно мало, Николай Иванычъ ... Чтой-то! ...

— Нѣтъ, не мало, а въ самый разъ, еще слишкомъ ... Посчитай-ка: подсѣять теперь твой четверикъ, безъ пяти фунтовъ пудъ больше не потянетъ — это разъ; а мука-то теперь на двадцать копѣекъ дороже гуляетъ противъ ржи-то въ пудѣ — вотъ тебѣ другой; да распылъ въ помолѣ ... да не ходи, не ѣзди, не хлопочи ... Смекни-ка все-то: много ли мнѣ на барыши, на хлопоты останется? ... Вамъ, вѣдь, все не въ честь, не въ милость, что для васъ ни дѣлай ... Я, вѣдь, знаю довольно ... Не хочешь, такъ и не надо: не наваливаю ...

— Ну, да давай, давай ... Прибавь хоть фунтиковъ пятокъ на двѣ-то мѣрки.

— То-то: прибавь ... Поди-ка, выпроси у другого ... На вотъ, бери, Богъ съ тобой ...

— Ну, вотъ покорнѣйше благодаримъ, дѣдушка Николай Иванычъ.

И мужикъ уходилъ вполнѣ довольный и благодарный за ничтожную надбавку.

„Ужъ скупъ, нечего сказать, скупъ, скареденъ,

---

[1] Батманъ — 10 фунтовъ.

старый хрѣнъ“, думаетъ онъ про-себя, „а все лучше другихъ: поди-ка у другого выпроси … Другой не то, что прибавитъ на нужду-бѣдность, а норовитъ послѣднюю шкуру съ тебя содрать … Нѣтъ, этотъ еще Бога помнитъ! …“

IV.

Николай Иванычъ слылъ за великаго скупца; про скряжничество его ходили по деревнѣ насмѣшливые разсказы. Говорили, что своимъ домашнимъ онъ отпускаетъ соли по щепоти въ сутки на каждаго, а хлѣба даетъ съ вѣсу; что внучатамъ съ базара, вмѣсто гостинца, приноситъ тотъ же кусокъ чернаго хлѣба, что съ собой изъ дому на закуску бралъ, только приманиваетъ ребятишекъ тѣмъ, что будто лиса съ базара имъ прислала, а баранковъ даетъ только для забавы: подержи въ рукахъ, посмотри, пожалуй, лизни, а укусить не моги, и побалуешь — назадъ отдай; что на улицѣ и около чужихъ дворовъ онъ въ сору роется и всякую завалящую дрянь, всякое перо, что изъ хвоста у птицы вывалится, подбираетъ и прячетъ, а своихъ курицъ, которыя плохо несутся, собственноручно прутомъ стегаетъ, чтобы не загуливались, не лѣнились, свое дѣло знали; что въ церкви, Богу, на цѣлый годъ одну толстую свѣчку ставитъ, самъ зажигаетъ, самъ и гаситъ ее, потому — сходнѣе, дешевле обходится, нечѣмъ каждый праздникъ по трёшнику на новую свѣчку изводить, и т. п.

Деревенскій людъ объяснялъ зажиточность и сравнительное благосостояніе Курощупова не чѣмъ инымъ, какъ его скупостью, жадностью и счастьемъ. Въ дѣйствительности же Николай Иванычъ былъ не столько скупъ, сколько бережливъ и раз-

счетливъ; а счастье его состояло въ томъ, что онъ былъ способенъ работать безъ устали и велъ жизнь съ молоду крайне трезвую и умѣренную: ни водки, ни чаю не пилъ онъ во всю свою жизнь, и только въ глубокой уже старости, когда началъ чувствовать одышку, пилъ изрѣдка горячую мяту съ медомъ Правда, послѣ отца ему досталось все крестьянское хозяйство въ надлежащемъ порядкѣ, но, чтобы начать откладывать и копить деньги, Николай Иванычъ, какъ и всякій крестьянинъ, долженъ былъ подвергать себя всевозможнымъ лишеніямъ и имѣть при этомъ сильный характеръ, выдержку и изворотливость. Крестьянину особенно трудно скопить первые десятки рублей свободныхъ денегъ, которыя онъ можетъ спрятать. Если это разъ сдѣлано, онъ уже не остановится и начинаетъ прикапливать и откладывать или просто для того, чтобы были залежныя деньжонки про черный день, или чтобы при случаѣ пустить ихъ въ оборотъ на какое-нибудь выгодное дѣло. Въ первомъ случаѣ у него одна забота: какъ бы не узнали люди, что у него водятся деньжонки; онъ тщательно скрываетъ это ото всѣхъ, даже отъ близкихъ родныхъ. Во второмъ — онъ долго присматривается, долго и медленно соображаетъ, недовѣрчиво и осторожно разсчитывая, какое дѣло сподручнѣе, выгоднѣе, представляетъ меньше риска, дастъ вѣрнѣе и больше барышей: приняться ли торговать, устроить ли какое промышленное заведеніе, купить-ли лѣску или землицы, или пустить деньги въ ростъ, по рукамъ. Но всѣ эти разсчеты и соображенія оканчиваются обыкновенно тѣмъ, что мужикъ новаго ничего не выдумаетъ, а идетъ по протоптанной дорожкѣ, слѣдуетъ чьему-либо примѣру: разбогатѣлъ сосѣдъ отъ торговли скотомъ — и онъ примется за

мясничество; выгодно идетъ у сосѣдняго мужика мельница или маслобойка, или поташный заводъ, — и онъ будетъ стремиться устроить такое же заведеніе; начали покупать земли или лѣсъ — и онъ за другими, а ужъ насчетъ того, какъ выгодно давать деньги въ ростъ, научатъ прежде всего всѣ сосѣди, лишь бы узнать имъ, что деньги водятся, и что скрывать ихъ счастливецъ не желаетъ: со всѣхъ сторонъ явятся просьбы ссудить: „что угодно бери послѣ, только теперь одолжи, не оставь, потому — нужда очень донимаетъ!“

Николай Иванычъ принялся за дѣло нѣсколько своеобразно: прежде всего, какъ хлѣбопашецъ, онъ заботился объ увеличеніи удобренія и скотоводства, а для этого нанималъ, гдѣ могъ, луга на скосъ, впослѣдствіи же пріобрѣлъ лужку и въ собственность; скупалъ по осени изнуренныхъ, замученныхъ лошадей, дешево по нуждѣ сбываемыхъ коровъ, за зиму ихъ откармливалъ, а весной продавалъ дорогою цѣною. Затѣмъ онъ сообразилъ, что очень выгодно имѣть въ запасѣ всякую мелочь, которая требуется въ мужицкомъ хозяйствѣ, для того, чтобы продавать ее въ тѣхъ случаяхъ, когда мужику нельзя ѣхать за нею на базаръ или по недосугу, или просто потому, что наличныхъ денегъ нѣтъ; но торговля эта, во всякомъ случаѣ, не бойкая, мелкая и грошовая, а потому, чтобы сдѣлать ее болѣе выгодной, нужно покупать товаръ какъ можно дешевле. И вотъ Николай Иванычъ отправлялся обыкновенно на каждый базаръ въ сосѣднее село, ходилъ, высматривалъ, и только подъ самый уже конецъ базара, когда всѣ почти покупатели расходились, а продавцы начинали запрягать лошадей и увязывать свои возы съ остатками непроданнаго товара, Николай Иванычъ

приступалъ къ скупкѣ этихъ остатковъ. Тутъ онъ торговалъ и покупалъ все, что только отдавали дешево изъ-за того, чтобы не возиться съ товаромъ взадъ да впередъ: покупалъ десятокъ плетюхъ, двѣ кадки, пять паръ ведеръ, дюжину вѣяльныхъ лопатъ, скатъ колесъ, вязанку лаптей и поршней на время пашни и жнитва, и пр., скупалъ онъ и хлѣбъ по ранней осени, когда мужики возятъ и даже носятъ его на базаръ узлами по двѣ, по три мѣры, чтобы продать для нужды хотя бы за что-нибудь; запасы соли, дегтю, веревокъ также никогда не переводились въ амбарахъ Николая Иваныча, и ихъ онъ закупалъ большимъ количествомъ, гуртомъ, по возможно дешевой цѣнѣ, съ непремѣнной уступочкой отъ продавца. Покупая, дѣдушка торговался изъ-за каждой копѣйки такъ терпѣливо и такъ настойчиво, что рѣдкій продавецъ не дѣлалъ ему уступки; напротивъ, продавая самъ свой товаръ, Николай Иванычъ былъ неуступчивъ и твердъ какъ кремень въ разъ назначенной цѣнѣ.

— Ну-ка-сь, дѣдушка Николай, чтой-то, тараторила иной разъ баба, торгуя у него какую-нибудь плетюху:—самъ-то, поди, трешникъ далъ, а съ меня семь копѣекъ хошь взять ...

— Такъ ты поди покупай у кого дешевле,—отвѣчалъ въ такихъ случаяхъ Николай Иванычъ, видимо недовольный, — я тебя не звалъ, не навалилъ, — сама пришла ... Нечего тебѣ съ меня взыскивать, за что̀ самъ купилъ ... Не по мысли, дорого, такъ не вороши: на базарѣ и впрямь дешевле—ступай на базаръ... у меня лежитъ, мѣста не пролежитъ ...

— Да, слышь, останная плетюха разсыпалась,— не въ чемъ мякину таскать ... Гдѣ тутъ базара ждать ...

— Ну, такъ ...

— А ты побойся Бога: уступи хоть сколь нибудь ... Ну, куда эко мѣсто: семь копѣекъ ...

— Ну, а коли тебѣ не нужно, такъ ступай съ Богомъ ... Выходи, сарай запру ... Мнѣ, вѣдь, языкомъ-то бить некогда: не одно это дѣло-то у меня ... Выходи, говорятъ, коли не надобно ...

— Да гдѣ не надобно ... Негдѣ взять-то, опричь тебя ... Такъ ты ужъ коли подожди денегъ-то ... Не случилось теперь ...

— То-то, подожди! ... Я вотъ купилъ въ свое время: она и дешево мнѣ пришлась ... А ты прибѣжала безо времени, да еще и безъ денегъ, а торгуешься, въ цѣнѣ обижаешься ...

— Да вотъ, поди ты,— говорила я моему-то: — что̀ бы во время-то купить на базарѣ, парочку: за десять бы копѣекъ какихъ бы пару взять можно, такъ вотъ: то да се, одна нужда другую погоняетъ ... За что ни схватись — все нужно, все надобно ... Такъ и не купили ...

— Беззаботные, больше ничего ... Когда же отдашь-то? ... За вами еще за деготь, да за соль есть ...

— Все, все отдадимъ, все вмѣстѣ: вотъ, Богъ дастъ, деньги получимъ ... Небось, помнимъ все, не забудемъ, отдадимъ ...

— То-то, помните ли? ... Васъ, вѣдь, много, а я одинъ: пожалуй, и забуду ...

Но дѣдушка Николай обладалъ необыкновенной памятью, даже и подъ старость. Онъ не зналъ вовсе грамоты, и должниковъ своихъ на всякой случай, для повѣрки и доказательства, отмѣчалъ на стѣнахъ амбара, и на сусѣкахъ мѣломъ и красиломъ (красный карандашъ), ему одному понятными и из-

вѣстными знаками; но ему рѣдко приходилось справляться въ этой бухгалтеріи: онъ помнилъ все, кто и что̀ забралъ и сколько кто ему долженъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ спора съ должниками онъ подводилъ ихъ къ стѣнѣ, на которой значились его кабалистическія отмѣтки и указывалъ на нихъ.

— Вотъ смотри самъ,—говорилъ Николай Иванычъ, водя пальцемъ по стѣнѣ: вотъ ты, вотъ батманъ соли Ольгунька твоя брала, вотъ за дегтемъ самъ прибѣгалъ: пять фунтовъ отпущено; вотъ четыре сажени возжи бралъ: снопы еще возили въ тѣ поры; вотъ ведро — вотъ смотри ... Какъ же, братецъ, ты споришь, Иванъ Савастьяновъ: развѣ я сдѣлаю это, чтобы что̀ лишняго взять? ... Мнѣ чужого не надо, я своимъ доволенъ ... Вотъ ужъ она не обманетъ, стѣна-то: писано, вотъ смотри самъ ...

Мужикъ смотритъ на стѣну и большею частію убѣждается.

— Стало быть, запамятовали какъ, изъ головы вонъ,—говоритъ онъ, почесывая въ волосахъ.

— А ты, впередъ, смотри: этого чтобы не было ... чтобы споръ, али здоръ какой ... Это мнѣ въ большую обиду ... Я не согласенъ насчитывать, али лишнее что̀ брать съ васъ: пускай лучше мое пропадетъ ... и пропадаетъ! ... чѣмъ ваше мірское ... Я отъ Бога доволенъ ...

— Да знамо! ... такъ стало быть, что̀ запамятовалъ, Николай Иванычъ ... Вотъ два-то рублика получи, да сотри что̀, а то потерпи: за мной будетъ ...

— То-то вотъ за тобой! ... А когда же отдашь-то? ...

— Да ужъ отдамъ, вотъ ... Погоди ... Что дѣлать-то? дай вотъ съ деньжонками сбиться: отда-

димъ ... Намъ сбѣжать некуда: завсегда у васъ на глазахъ ... Потерпи маненько, отдамъ ... Вишь вотъ принесъ, — сколь сбился ... А ужъ пудикъ мучки отвѣсь, да сольцы хоть полъ-батманчика ... Сдѣлай милость ...

Николай Иванычъ, хотя и выражалъ неудовольствіе на худой и неаккуратный платежъ, хотя и ворчалъ о неисправности и непризнательности заемщиковъ, но все-таки отвѣшивалъ и отмѣривалъ, отпускалъ просимое. А мужикъ, то посматривая на вѣсы, на муку, то запуская руку въ сусѣки съ рожью и вполъ-уха прислушиваясь къ ворчанью старика, въ то же время со вздохомъ говорилъ свое:

— Что ты будешь дѣлать! ... Никакъ не выкрутишься! ... Такое наше дѣло! ... Бьешься, бьешься, никакъ, братецъ мой, сила не беретъ ... чтобы не позаймоваться ... И радъ бы радостью, пошелъ бы, кажись, съ поклонами, всѣ отдалъ, чтобы чисто было за тобой ... Ну, нѣтъ, никоимъ манеромъ не осилишь! ... Все недохватка, все недохватка наша! ... Что ты прикажешь дѣлать! ...

— Да-а ... А на Петровъ день много ли водки-то бралъ? ... Чай, ведеръ пять? ...

— Куда ... Чтой-то ты, Николай Иванычъ ... Передъ Богомъ, всего два ведерка взялъ, да еще полведра посылали ... на проводы ... не хватило.

— Ну-ка, два ведра съ половиной! ... Сколь это денегъ-то? ... вѣдь пятнадцать рублей ... Ну-ка, пятнадцать рублей на водку прожрали въ три дня! ... Съ экой-то охапкой дѣтей, что̀ у тебя! ...

— Да, вѣдь, какъ же быть-то, Николай Иванычъ? ... Никакъ невозможно, по нашему мѣсту: тоже престолъ, гости, сродственники ... Какъ не угостить? Ты ихъ не уважишь, и они тебя не по-

чтутъ ... Самъ знаешь: никакъ нельзя ... Иной разъ, правда, что не больно радъ и не изъ-чего бы, а никакъ невозможно ...

— Вотъ еще, невозможно ... А что̀ я хуже тебя, что ли, бѣднѣе, да у меня и полъ-съ-эстолька не вышло водки-то? ... Отчего же такъ? ...

— Ну, Николай Иванычъ, ты особь статья ... Тебѣ подошло ... Тебя Богъ благословилъ ... крѣпостью! ... Мы слабы ...

Такъ говорилъ мужикъ, а самъ въ это время думалъ другое.

„Недаромъ къ тебѣ и гости-то не ѣздятъ", думалъ онъ. „Не даромъ и дочка-то въ дѣвкахъ осталась: кому лестно взять у экого, что и погостить не къ чему пріѣхать! ... Пустыхъ-то щей у каждаго дома есть ... Экихъ жидоморовъ-то, что ты, на всю, вѣдь, деревню одинъ! ... Да тебѣ хорошо подошлось ... съ деньгами-то! ... У тебя денегъ-то куча, такъ тебѣ никого не надо: безо всѣхъ проживешь ... А мы на знати живемъ: намъ этого нельзя ... Поговорилъ бы я съ тобой, сказалъ бы тебѣ въ отвѣтъ довольно много противъ этого, кабы не нужда моя ... Вишь ты, позавиствовалъ: два ведра много ... А какъ же у Евграшки-то шесть вышло? ... Не запаснѣй меня живетъ! ... Это какъ? ... Пятнадцать цѣлковыхъ! ... Сами знаемъ, что деньги большія! ... Да коли никакъ безъ этого невозможно обойтиться ... Мы не жидоморы какіе, слава Богу ... У насъ кубышки нѣтъ! ... Намъ дрожать не надъ чѣмъ, не какъ тебѣ! ..."

V.

Николай Иванычъ считалъ торговлю дѣломъ не только выгоднымъ, но и честнымъ, полезнымъ, спра-

ведливымъ, даже отчасти благодѣтельнымъ, особенно когда она велась не на чистыя деньги, а на кредитъ, гдѣ продавецъ рискуетъ своимъ добромъ, выручая человѣка изъ нужды. Не любилъ онъ только одного товара и считалъ торговлю имъ вредною и постыдною, не любилъ онъ торговли виномъ. Нѣсколько разъ сыновья подговаривались, что очень бы выгодно кабачокъ содержать: скоро люди по этой части разживаются, особливо, если съ умомъ взяться ... Николай Иванычъ объ этомъ и слышать не хотѣлъ ...

— Не то, покамъ живъ — не будетъ этого, говорилъ онъ обыкновенно, — а и умру завѣщанье вамъ отъ меня, дѣтямъ, коли почтеніе у васъ есть, хотите отца послушать: никогда не могите этого затѣвать ... Это не дѣло, не торговля, а одно распутство ... На разореніе, на погибель людскую эта водка выдумана ... Нѣтъ вамъ отъ меня на это благословенья: такъ и знайте ... И помни мое слово: кто изъ васъ за это дѣло примется, не будетъ тому ни счастья, ни прибыли! ...

Дѣдушка Николай въ этомъ случаѣ оказался почти пророкомъ. Второй сынъ его, котораго онъ выдѣлилъ противъ своей воли и наградилъ меньше старшаго, отчасти на зло отцу, отчасти по личному вкусу, избралъ именно этотъ промыселъ: началъ корчемствовать водкой; но не поправилъ этимъ своихъ дѣлъ, а только самъ спился, да еще чуть не попалъ въ острогъ и совсѣмъ разорился: „остатки замотался“, какъ говорили про него мужики.

Процентщикомъ Николай Иванычъ сдѣлался случайно, такъ сказать безъ умысла, безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія — увеличивать свой капиталъ отдачею денегъ въ ростъ. Первую ссуду онъ вы-

далъ своему дальнему родственнику, неудачнику-мужичонкѣ, у котораго была большая семья, ребятишки малъ-мала меньше, который не былъ ни пьяница, ни лѣнтяй, работалъ, усердствовалъ, но которому все не удавалось: то лошадь, то корова падетъ, то жена цѣлое лѣто валяется больная, то овинъ сгоритъ, то недобрые люди ночнымъ временемъ послѣднія колеса со двора укатятъ. Точно въ заколдованномъ кругу какомъ жилъ этотъ несчастный труженикъ: работаетъ, мучится, бьется изъ послѣднихъ силъ, и вотъ какъ будто дѣло на ладъ пошло, и хлѣбъ, слава Богу, хорошъ на корню стоитъ, и въ домѣ съ голода не пухнутъ, и съ податями порасплатился; „на путь находить, справляться сталъ нашъ Тимоша!" начинаютъ уже поговаривать про него мужики, и точно сглазятъ: налетитъ вдругъ невѣдомо съ чего и откуда нежданная, негаданная бѣда, и опять Тимоша, какъ ракъ на мели, опять, куда ни оглянешься, кругомъ бѣда, горе, недостатки, нужда, хоть помирай или живой въ землю закапывайся. Придетъ вдругъ время такое, что дома ни куска хлѣба, ни щепотки соли, корова стоитъ безъ корма, работать не на чемъ — лошади нѣтъ, староста изъ-за недоимки прохода не даетъ, а высшее начальство въ лѣности, въ пьянствѣ упрекаетъ, а за неисправность обѣщаетъ послѣднюю шкуру спустить ...

„Да спускай хоть три! ..." думаетъ про себя, молча насупившись, въ такія минуты Тимоша: „не дорога моя шкура: бери, не жалко! ... Не много изъ нея корысти и мнѣ-то! ..."

Думаетъ такъ, а въ то же время и соображаетъ: какъ бы какъ, гдѣ бы деньжонокъ достать, чтобы хоть маленько перевернуться, своихъ накормить, чужимъ глотку заткнуть ... Вотъ въ одну изъ подоб-

ныхъ отчаянныхъ минутъ онъ и надумалъ обратиться за помощью къ дѣдушкѣ Николаю Иванычу, о которомъ уже въ ту пору носилась молва, какъ о человѣкѣ денежномъ.

— Дѣдушка Николай, выведи ты меня изъ сумлѣнія ... говорилъ съ поклономъ Тимоша.

— Изъ какого сумлѣнія? ...

— Изъ мово ... Пропадаю, братъ: вѣрно слово, пропадаю ... Хоть въ петлю, такъ въ пору.

— Да что такое?

— Да что? знамо, нужда: никакъ не вывернешься ... Вотъ теперь пашня подходитъ, а лошади нѣтъ ... Чѣмъ пахать-то буду? ... Бѣда моя приходитъ вовсе ...

— Такъ что же мнѣ-то? ... Что же я-то тебѣ при томъ? ... Знамо, жалко, да что подѣлаешь? ...

— А дай рубликовъ двадцать-пять на лошадь ... Хоть бы какую нибудь ...

— Что ты, братъ! У меня своя семья, я самъ про себя промышляю ... Про другихъ у меня денегъ нѣтъ ... Да и вовсе нѣтъ у меня экихъ денегъ, чтобы людямъ раздавать ...

— Эка! ... Такъ, вѣдь, я не вовсе: я отдамъ ... съ ростомъ отдамъ ... какъ самъ положишь ... И когда поработать что кликнешь, али что ... завсегда твой слуга, только вѣсть подай ...

— Нѣту, нѣтъ ... Какія у меня такія деньги ... Чтò выдумалъ! ...

— Николай Иванычъ ... А, Николай Иванычъ, поглядь сюда ... Вотъ Богъ, вотъ, мотри ... Вотъ я на колѣнки всталъ, вотъ плачу ... Вотъ каково сладко мнѣ! ... Помоги, дѣдушка, не оставь ... Право слово, пропадаю ... А отдать, я отдамъ ...

— Да, отдашь! ... Дожидайся ... Только тебя

и видѣлъ съ деньгами-то ... Да и не съ чего тебѣ отдать-то ...

— А вотъ какъ отдамъ ... Смотряй сюда, снимай Бога со стѣнки, давай въ руки: черезъ дѣтей побожусь, что отдамъ, по рублику, по два, долго ли, коротко ли, а выплачу, съ ростомъ, что положишь, все выплачу ... А то слушай ... дѣдушка! ... Не дашь теперича ты, нечего мнѣ и домой ходить: стегать меня ужъ двою стегали, да я этого не боюсь, наплевать! ... Не въ томъ! ... А взяться мнѣ не съ чего, и домашніе безо всего сидятъ ... и на чемъ я промыслю безъ лошади? ... Одно слово: не ублаготворишь ты меня теперь, и домой не пойду ...

— А куда же? ...

— Куда? ... А въ омутъ головой, либо въ петлю! ... Нѣтъ ужъ! ... Черезъ силу стало! ... А дашь, право слово, справлюсь и тебѣ заплачу ... Да вотъ, авось, рожь поспѣетъ, первымъ долгомъ: бери прямо съ гумна зерномъ, хоть два мѣшка, хоть три, а то и четыре — заверстывай, а тутъ опослѣ опять какъ: деньгами, али чѣмъ ... Дай только передышку, чтобы не вдругъ ... чтобы справиться ... А я вотъ передъ Богомъ ... вотъ на колѣнкахъ ... и плачу ... Смотряй: слезьми плачу ... Вотъ до чего! ...

Тронулся Николай Иванычъ, и какъ ни трудно ему было разстаться съ деньгами, а далъ двадцать-пять рублей.

Тимоша заревѣлъ отъ радости, благодарилъ, кланялся въ ноги, самъ безъ требованія полѣзъ въ уголъ къ иконѣ, крестился и цѣловалъ ее, свидѣтельствуясь ею, что отдастъ деньги. И дѣйствительно, не обманулъ: года четыре онъ расплачивался съ этимъ долгомъ то хлѣбомъ, то работой, то деньгами,

но расплатился вполнѣ, и еще самъ по доброй волѣ предложилъ Николаю Иванычу мѣшокъ овса въ знакъ благодарности, послѣ того, какъ дѣдушка объявилъ, что они въ полномъ разсчетѣ, что онъ получилъ съ Тимоши сполна весь долгъ и со всѣми процентами. Проценты эти Николай Иванычъ, какъ ему казалось, разсчитывалъ съ Тимоши по-божески и скорѣе съ обидою для себя, чѣмъ для него, хотя разсчетъ этотъ основывался на томъ, сколько бы онъ могъ получить съ ссуженныхъ денегъ, если бы пустилъ ихъ въ торговлю. Во всякомъ случаѣ сдѣлка эта была не безвыгодна для Николая Иваныча, но и онъ самъ, и Тимоша считали ее не иначе, какъ бы благодѣяніемъ со стороны старика. Добросовѣстность Тимоши, чувство нравственнаго удовлетворенія, которое получилъ Николай Иванычъ, а равно и мысль, что, дѣлая людямъ благодѣянія, выручая ихъ изъ нужды и бѣды, въ то же время не обижаетъ и себя, сдѣлали его доступнымъ къ просьбамъ и другихъ объ одолженіи. Охотниковъ на такія просьбы явилось много, такъ какъ нужды у всѣхъ сосѣдей было по горло. Но не всѣ были такъ добросовѣстны и исправны, какъ Тимоша: многіе затягивали уплату долга, оказались и такіе должники, на которыхъ Николаю Иванычу приходилось рукой махнуть.

Замѣчательно, что никто изъ должниковъ, даже вовсе безнадежные, никогда не отказывались отъ своихъ долговъ, хотя Николай Иванычъ, давая деньги взаймы, никогда не бралъ ни росписокъ, ни закладовъ, слѣдовательно ничѣмъ не былъ обезпеченъ и не могъ прибѣгнуть къ принудительному взысканію. Да ему никогда и въ голову не приходило, что онъ могъ бы требовать уплаты долга че-

резъ судъ, или съ посредствомъ иныхъ предержащихъ властей: онъ продолжалъ смотрѣть на себя по отношенію къ своимъ должникамъ, какъ на человѣка, оказываюшаго благодѣяніе, и неисправные или вовсе уклоняющіеся отъ платежа были въ его глазахъ только людьми непризнательными, неблагодарными или вовсе безсовѣстными. Николай Иванычъ охотнѣе давалъ взаймы тѣмъ, которые, прося деньги, больше и униженнѣе кланялись; онъ подробно разспрашивалъ про нужду, ради которой дѣлался заемъ и условливался, какъ, когда и чѣмъ: деньгами или хлѣбомъ, думаетъ расплатиться заемщикъ; при этомъ онъ не упускалъ случая поворчать на безхозяйственность и лѣность просителей. Затѣмъ онъ давалъ деньги и отмѣчалъ одному ему понятными знаками выданную ссуду. До срока онъ никогда не упоминалъ о займѣ, но послѣ срока, если должникъ не являлся съ извиненіемъ и съ просьбой обождать уплаты, Николай Иванычъ самъ начиналъ ходить къ нему — сначала какъ бы мимоходомъ и случайно, съ безмолвнымъ напоминаніемъ въ пристальномъ взглядѣ, потомъ уже съ прямымъ категорическимъ вопросомъ, а наконецъ съ упрекомъ и неудовольствіемъ. Если должникъ извинялся и оправдывался неимѣніемъ средствъ и невозможностью расплатиться, дѣдушка уличалъ его, указывалъ, когда онъ получалъ деньги, когда онъ возилъ хлѣбъ или иной продуктъ на продажу, — когда сколько и съ кѣмъ пропилъ; оказывалось, что Николай Иванычъ отлично зналъ всю подноготную хозяйства и жизни каждаго изъ своихъ должниковъ. Если же старикъ замѣчалъ, что неисправный плательщикъ начинаетъ отъ него бѣгать, уклоняется отъ объясненій, и вмѣсто извиненій и обѣщаній отвѣчаетъ короткимъ и грубымъ отказомъ,

такого онъ считалъ безнадежнымъ, переставалъ съ нимъ говорить, при встрѣчѣ даже отворачивался и лично ему никогда уже не напоминалъ о долгѣ, но за то попрекалъ имъ и указывалъ на него каждому вновь обращающемуся заемщику.

— Вотъ какъ вамъ нынче вѣрить-то, — говарилъ онъ въ этихъ случаяхъ: — вотъ тотъ и этотъ вовсе и платить отказались, а за такими-то столько лѣтъ жду и отдадутъ ли когда — Богъ ихъ душу знаетъ . . . Вотъ и добро-то дѣлать нынче не знаешь какъ . . . Жалуетесь, что много росту сталъ брать противъ прежняго, а какъ же мнѣ быть-то, коли вонъ есть какіе лодыри? Поневолѣ и росту прибавилъ: вините не меня, а ихъ! . . . Не пропадать же моему добру изъ-за нихъ, несовѣстныхъ! . . . Я изъ добра даю, мнѣ въ томъ корысть небольшая, одно безпокойство только . . . У меня въ товарѣ, въ оборотѣ, эти деньги больше бы приполону дали . . .

И Николай Иванычъ былъ вполнѣ убѣжденъ, что поступаетъ по совѣсти и по справедливости, заставляя новыхъ заемщиковъ расплачиваться за недобросовѣстность и неисправность прежнихъ. И крестьяне съ своей стороны внутренно соглашались, что дѣдушка долженъ же какъ нибудь наверстывать свои потери и убытки, находили только, что онъ, особливо въ послѣднее время, сталъ возвышать ростъ не столько ради вознагражденія своихъ убытковъ, сколько изъ скупости и изъ жадности

— А все сказать надо, заключали они: — хоть и скупъ, и жаденъ, и проценту много беретъ, а все спасибо, что ссужаетъ: хошь есть къ кому обратиться въ нуждѣ; безъ него и того бы хуже было . . .

Но послѣ освобожденія крестьянъ и особенно со введеніемъ мировыхъ судей, по мѣрѣ того, какъ пись-

менный документъ и росписка начали получать все бо̀льшiй и бо̀льшiй смыслъ и значенiе въ крестьянской жизни, когда крестьяне начали говорить: „есть у тебя моя рука, гдѣ я тебѣ расписался? ... Покажи ... а нѣтъ, — такъ съ чего ты ко мнѣ лѣзешь? ... Подписка, братецъ, нонѣ требуется, а такъ-то кто тебѣ повѣритъ! ... " — съ тѣхъ поръ Николай Иванычъ началъ все рѣже давать денегъ взаймы, а наконецъ сталъ и вовсе отказывать.

— Нѣтъ, нынче идитѣ къ грамотнымъ ... — отвѣчалъ онъ на просьбы о деньгахъ. — Я не письменный человѣкъ, а нынче все росписка требуется, на всякое дѣло ... Нынче самъ себѣ не вѣритъ человѣкъ, и совѣсти своей не чувствуетъ, коли на бумагѣ не написано, да подписки не далъ ... Нѣтъ, идите вонъ къ дьякону: онъ дастъ денегъ, сколь хошь, только въ правленiе къ писарю сводитъ ... А мнѣ по судамъ ходить не приходится ... Вотъ хлѣбца, пожалуй, дамъ и въ долгъ — получай ... Ну, и обманешь, такъ на двухъ пудахъ не разоришь ... А денегъ? ... Нѣтъ у меня нонѣ денегъ ... Да и вправду нѣтъ: всѣ въ товаръ извелъ ...

Мужики съ тѣхъ поръ больше бранятъ и хуже отзываются о Николаѣ Иванычѣ.

Старый Покровскій дьяконъ.

I.

Что̀ такое сельскій дьяконъ? Лицо довольно неопредѣленное, существованіе какое-то шаткое, двусмысленное: съ одной стороны это не церковнослужитель, какъ дьячокъ и пономарь, а священнослужитель, какъ и самъ батюшка, попъ; но съ другой—батюшка никогда не поровняетъ его съ собою, а дьячокъ мнитъ себя по достоинству мало чѣмъ ниже дьякона, не питаетъ къ нему никакого подобострастія, кадило подаетъ ему равнодушно, безъ всякаго смиренія, какъ равный равному; въ мірской жизни, на пиршествѣ, не стѣснится никогда его присутствіемъ, ни въ чемъ не уважитъ, не усумнится сѣсть рядомъ съ нимъ и возразить или перебить въ рѣчахъ, даже находясь въ трезвомъ состояніи, а насчетъ церковнаго устава такъ всегда почти считаетъ себя болѣе знающимъ и опытнымъ. Въ общежитіи, въ сношеніяхъ съ прихожанами, во вліяніи на приходъ, въ большинствѣ случаевъ старый дьячокъ имѣетъ больше значенія, чѣмъ дьяконъ. Между тѣмъ каждый дьяконъ считаетъ себя на чредѣ священнической, каждый, съ молоду до извѣстной преклонности возраста, собирается держать экзаменъ и мечтаетъ добиться священническаго сана. Каждый дьяконъ завиствуетъ, злоехидствуетъ и старается дѣ-

лать возможныя препоны попу, вслѣдствіе этого дружески ищетъ поддержки и старается составить оппозиціонную партію въ церковнослужителяхъ: дьячкѣ и пономарѣ, и такимъ образомъ какъ бы невольно примыкаетъ къ нимъ. Но и въ храмѣ Божіемъ, и въ мірскихъ домахъ онъ держится около священника и идетъ за нимъ туда, куда часто закрытъ доступъ причетникамъ: въ господскихъ, напримѣръ, усадьбахъ отецъ дьяконъ всегда приглашается къ закускѣ и къ столу вмѣстѣ съ батюшкой, въ гостиную или въ столовую, тогда какъ причетники оставляются въ прихожей и трапезуются особо отъ господъ и отъ попа съ дьякономъ. Но дьяконъ, подходя къ той же закускѣ, что̀ и батюшка, садясь за одинъ столъ и рядомъ съ нимъ, пользуясь почти одинаковымъ гостепріимствомъ, тѣмъ не менѣе играетъ роль ниже, чѣмъ второстепенную, и представляетъ собою скорѣе тѣнь батюшки, чѣмъ самостоятельное лицо. Ни съ нимъ не заговорятъ помимо батюшки, ни онъ не рискнетъ перебить его, или завести отдѣльную бесѣду: онъ всегда почти находится въ молчаливомъ состояніи бдительности и ожиданія, ибо знаетъ, что за каждымъ привѣтствіемъ или выраженіемъ вниманія къ отцу іерею послѣдуетъ таковое же и относительно его; если просятъ къ водкѣ батюшку, то обратятся и къ нему: отецъ дьяконъ, пожалуйте! ... Если чѣмъ либо настойчиво подчуютъ отца іерея, то скажутъ и ему: а вы что̀ же, отецъ дьяконъ? Кушайте! ... Поэтому въ гостяхъ, особенно у людей достаточныхъ, дьяконъ бо̀льшею частью смиряется и только вскользь посматриваетъ на отца іерея и непремѣнно прислушивается къ тому, что̀ говоритъ батюшка и что̀ говорятъ ему, киваетъ головой и иногда поддакиваетъ, чтобы заявить свое

согласіе и единомысліе со священникомъ, поспѣшно улыбается, когда тотъ говоритъ весело или остроумно, и рѣшительно отказывается отъ тѣхъ вторыхъ кусковъ кушанья, отъ которыхъ отказался батюшка, за сытостію.

Бываютъ случаи, когда дьяконъ, особенно въ концѣ или послѣ сытнаго обѣда, выходитъ изъ этой роли и высказываетъ собственное мнѣніе о вещахъ и предметахъ, не выждавши предварительно мнѣнія батюшки, а иногда даже и противъ него; но эти случаи бываютъ, видимо, нарушеніемъ порядка, вызываютъ вопросительно-удивленные взгляды, а иногда даже неодобрительное киваніе головы со стороны священника и желаніе замять и изгладить неловкость поведенія дьякона въ глазахъ хозяевъ. И дьяконъ бо̀льшею частью сейчасъ же смиряется. Бываютъ, правда, и такіе, рѣдкіе впрочемъ, случаи, когда дьяконъ щетинится, не уступаетъ, огрызается и даже закусываетъ удила, но это принимается за знакъ, что надо прощаться и уходить спѣшно домой, дабы избавить хозяевъ отъ неблагоприличнаго поведенія забывшагося гостя: поднятіе съ мѣста и прощаніе съ хозяевами священника почти всегда усмиряетъ и расходившагося дьякона, — онъ знаетъ, что безъ отца іерея его не попросятъ остаться и посидѣть. Съ молоду сельскій дьяконъ, особенно красивый собою и обладающій хорошимъ голосомъ, мечтаетъ еще и покушается создать себѣ независимое и самостоятельное положеніе: пробуетъ заискивать вниманіе въ господскихъ домахъ и у болѣе зажиточныхъ прихожанъ, пробуетъ учить деревенскихъ ребятъ грамотѣ, затѣваетъ согласное клирное пѣніе, привлекая къ нему прихожанъ, заботливо сторонится отъ причетниковъ, стараясь въ то же время стать на рав-

ную ногу съ попомъ, церковную службу совершаетъ тщательно, истово, съ выраженіемъ произноситъ эктенію, не жалѣя груди, вычитываетъ евангеліе, — вообще во всемъ наружномъ видѣ своемъ тщится подражать важности, сановитости и торжественности соборнаго протодіакона... Но недолго онъ сохраняетъ такое настроеніе, скоро начинаетъ сознавать тщету своихъ стремленій и мечтаній, постепенно падаетъ духомъ, входитъ въ установленную колею и занимаетъ то неопредѣленно двусмысленное положеніе, какое условія жизни установили для его сана. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ душѣ его поселяется или апатія, или скрытое недовольство, зависть и потребность мелочной, хотя и упорной иногда, оппозиціи священнику. Вслѣдствіе шаткости своего положенія и постояннаго душевнаго недовольства, дьяконъ не такъ прилежитъ и къ своему хозяйству и домоводству, какъ батюшка или причетникъ. Эти послѣдніе знаютъ, что для нихъ нѣтъ лучшаго удѣла, что вопросъ будущаго для нихъ разрѣшенъ, и начинаютъ пользоваться всѣми возможными удобствами среды съ перваго же дня поступленія въ нее, свиваютъ свои гнѣзда тщательно и заботливо, не жалѣя спины ни для поклоновъ, ни для труда, ничѣмъ не пренебрегая, ничѣмъ не брезгуя, что можетъ быть благопотребно для увеличенія ихъ, въ большинствѣ случаевъ, убогаго благосостоянія. Оттого-то сплошь и рядомъ, не говоря уже о священникѣ, причетникъ живетъ лучше дьякона, получая, повидимому, меньше его: у причетника и домъ, и лошадь, и сбруя исправнѣе, и полоса лучше обработана и больше родитъ, чѣмъ у дьякона, да, пожалуй, еще въ огородѣ стоятъ колодки съ пчелами, а въ коробѣ у жены припасены для продажи куски холста собственно-

ручной точи, и въ амбарушкѣ или погребицѣ сушеные бѣлые грибы и соленые грузди и рыжики, тоже собранные руками домовитой хозяйки и приготовленные для продажи. Дьячокъ самъ и полосу свою взоретъ, и сѣно выкоситъ, какъ добрый мужикъ, — своевременно и старательно, самъ и удобреніе вывезетъ, и всякую другую черную работу по дому справитъ; во всякой такой работѣ, безъ всякаго сомнѣнія и щепетильности, поможетъ ему жена-дьячиха, и сынъ и дочь — дьячковы дѣти. Дьячокъ можетъ быть очень скроменъ и во внѣшней обстановкѣ своей жизни: ему не нужно шить суконной рясы и подрясника, которые необходимы для дьякона въ праздничные дни и которые требуютъ такъ много сукна и стоятъ дорого: дьячокъ можетъ всю жизнь прожить въ нанковомъ сюртукѣ или казинетовомъ подрясникѣ; ему не нужно изъяниться и на шелковое платье, или даже платокъ для жены и дочери: дьячихѣ можно обойтись даже и безъ шерстяного, а довольствоваться во всѣхъ случаяхъ бумажиной, ситцемъ. Дѣти дьячка — не поповы дѣти — бѣгаютъ себѣ босикомъ въ однѣхъ толстыхъ холщевыхъ рубахахъ, и даже въ училищѣ, въ городѣ, довольствуются халатомъ, или перешитымъ изъ стараго отцовскаго подрясника нанковымъ сюртукомъ, который полагается, придя изъ училища, снимать и беречь, какъ зѣницу ока, а сапоги надѣвать только въ стѣнахъ училища, сидя смирно за партою; внѣ же этихъ стѣнъ носитьихъ съ бережью не на ногахъ, а на плечѣ, для сохранности. И домъ у дьячка можетъ быть безъ стыда для хозяина не красенъ углами, совсѣмъ на подобіе крестьянскаго, и даже подъ соломенной крышей: дьячка за это никто не осудитъ. Всѣ эти удобства общественнаго положенія даютъ возмож-

ность причетнику, несмотря на грошовый доходъ, не только сводить концы съ концами, прокормить и воспитать дѣтей, но, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, при усиленномъ упорномъ трудѣ, при умѣньи стѣснять себя даже и среди тѣхъ лишеній, изъ которыхъ состоитъ вся жизнь, нѣкоторые причетники ухищряются дѣлать сбереженія, скопить сотню-другую заповѣднаго капитала, или протащить закаленныхъ въ суровой школѣ нужды мальчишекъ своихъ чрезъ семинарію до духовной академіи или университета.

Общественное положеніе дьякона совсѣмъ иное, вызывающее другія потребности, требующее большихъ непроизводительныхъ расходовъ: въ качествѣ священнослужителя, предстоящаго алтарю, почти наравнѣ съ іереемъ, онъ долженъ и жить почти одинаково съ батюшкой, хотя доходы его немного больше причетническихъ. И одежда должна быть пристойнѣе какъ на немъ, такъ и на семейныхъ его, которыя не знаются только съ одними мужиками, но зарядъ съ семействомъ попа принимаются въ господскихъ домахъ; ни самому дьякону, ни семейству его нельзя показаться передъ народомъ босыми, безъ обуви, а кожаный товаръ нынче одинъ чего стоитъ, равномѣрно и весь прочій суконный и шерстяной матеріалъ для верхняго одѣянія. Полоса дьякона хоть и больше причетнической, а хлѣба даетъ, пожалуй, меньше; потому что меньше удобрена да и обработана чужими руками, изъ-за водки да изъ-за поклоновъ, мірскою помочью; работать въ полѣ и справлять всякую черную работу самому, своими руками, для дьякона какъ-то непристойно, да отчасти и неудобно, и некогда, потому что на немъ лежитъ вся письменная работа — веденіе книгъ и отчетности по

церкви и приходу. Хоть это и не прямая обязанность дьякона, но какъ-то вошло уже въ обычай, что на дьякона возлагается письменная часть, и мѣстный священникъ, и отецъ благочинный того требуютъ. А какой-же можетъ быть почеркъ, если руки дрожатъ, изнатуженные ломовой работой: ораньбой или косьбой? Да и вообще ужъ какъ-то такъ завелось, что у попа большая часть полевыхъ работъ исправляется помочами отъ прихода, а по его примѣру и у дьякона; но только съ той разницей, что къ попу прихожане идутъ, если и не съ большой охотой, то какъ бы по долгу: потому нельзя не послужить — отецъ духовный, безъ него ни родиться, ни умереть не придется; а къ дьякону идутъ на помочь ужъ совсѣмъ изъ милости, изъ снисхожденія, или по добротѣ душевной и ради очень щедраго угощенія, оттого и помочи дьякону обходятся дороже, чѣмъ священнику, и выгоды отъ нихъ меньше: и раньше кончатъ, и хуже сдѣлаютъ... Батюшка можетъ и прикрикнуть на помочанъ, и понукнуть въ работѣ, и пожурить за лѣность и нерадѣніе — ничего, перенесутъ и промолчатъ, а если попроситъ, или побольше поднесетъ, посытнѣе накормитъ, то примутъ не какъ должное, а въ особую честь и уваженіе; а попробуй-ка дьяконъ побраниться или потребовать лишнихъ часокъ-другой въ работѣ, или плохо угостить: такъ въ другой разъ и не дозовешься на помочь, придется, пожалуй, нанимать да платить за работу. Само собою разумѣется, и народъ понимаетъ, что безъ дьякона во всякомъ дѣлѣ обойтись можно, что онъ такъ только для виду, и самъ по себѣ ничего не можетъ, а идетъ только вслѣдъ за попомъ, и что попъ безъ дьякона все вычитать и справить можетъ, а дьяконъ безъ попа ни

даже ни, ничего! ... Выходитъ, что служить и уважать ему не изъ-за чего, а развѣ только для Бога, да изъ-за ласки изъ одной: проситъ очень, докучаетъ, кланяется ... Ну, и угощеніе отъ него хорошее бываетъ! ... По всему этому зажиточный, или даже безъ нужды живущій дьяконъ въ селѣ — большая рѣдкость, гораздо бо̀льшая, чѣмъ справный, зажиточный причетникъ. Поэтому въ большинствѣ селъ, среди довольныхъ, спокойныхъ, а иногда и степенно-важныхъ лицъ причетниковъ, встрѣчаешь или хмурое, озлобленное и желчное, или приниженное, заискивающее, или совсѣмъ апатичное выраженіе на лицѣ дьякона, если только онъ не молодъ, разстался уже съ розовыми надеждами и пересталъ расчесывать и салить свои волосы ... Но не таковъ былъ дьяконъ у Покрова на Семнѣ. И случилось такъ, что не только одинъ, но два сряду, одинъ за другимъ слѣдовавшіе, тесть и зять, оба были люди не только зажиточные, но даже богатые.

II.

Старый дьяконъ былъ скряга и что называется крохоборъ: онъ весь ушелъ въ скопидомство и поглощенъ былъ одною страстью стяжанія. Ничѣмъ не брезговалъ онъ, чтобы благопріобрѣсти и увеличить свой достатокъ: при сборѣ нови неотвязно просилъ прибавки и спорилъ съ бабами изъ-за каждаго лишняго яйца, ложки масла, ковша жита; придумывалъ, изобрѣталъ и вводилъ новые поборы съ прихожанъ, дѣйствуя въ этомъ случаѣ, разумѣется, черезъ священниковъ, которыхъ умѣлъ воодушевлять и подбивать на этотъ трудъ. Такимъ образомъ, по его инициативѣ, въ покровскомъ приходѣ, подъ новью, за сборомъ которой ходило и ѣздило духовен-

ство, разумѣлись не только хлѣбъ, масло и яйца, какъ въ другихъ приходахъ, но также сѣно, солома, огородныя овощи, сушеные грибы, бабья пряжа или куски вновь вытканныхъ холстовъ, даже березовыя полѣнья, которыя мужикъ запасъ на зиму для свѣта. За всѣмъ этимъ неукоснительно и аккуратно отправлялся дьяконъ въ извѣстные сроки и умѣлъ выпрашивать и привозить домой больше самого священника. Трое поповъ смѣнилось у Покрова, пока онъ одинъ безсмѣнно дьяконствовалъ, и это обстоятельство онъ выставлялъ нерѣдко для усовѣщеванія скупыхъ и неподатливыхъ прихожанъ.

— Это что ты мнѣ на попа-то ссылаешься, говаривалъ онъ въ такихъ случаяхъ: — что ему съ эстолько же подала? ... А ты мнѣ подавай сугубо, не обинуясь: тѣ всѣ молокососы, — сегодня здѣсь, а завтра норовятъ въ другой приходъ, гдѣ поприбыльнѣй: старыхъ чадъ своихъ духовныхъ на новыхъ мѣняютъ, ради мздоимства и своекорыстія ... А я у васъ столбъ, — я коренной у васъ былъ, есмь и буду: вонъ ужъ ихъ трое при мнѣ перебывало, поповъ-то, а я все тотъ же, одинъ .. Не гнушаюсь, что бѣденъ приходъ, не ропщу, остаюсь доволенъ малымъ, не ищу лучшаго ... Я васъ всѣхъ знаю отъ мала до велика — и вы ко мнѣ привыкли: вамъ меня равнять даже съ кѣмъ-нибудь не приходится, — стыдно, а не только умалять. Попу жить и безъ того хорошо: онъ изъ кружки отъ каждаго сборнаго рубля полтину взимаетъ, а я въ четвертакѣ остаюсь ... Вотъ нынѣ и въ жалованьѣ та же соразмѣрность, даже болѣе того, — такъ ему жить можно! Да я и не ропщу: намъ, по Апостолу, отъ паствы своей питаться указано, — къ паствѣ и обращаюсь, отъ нея и жду доброхотнаго даянія на ску-

дость нашу... Полно-ка, полно, прибавляй еще: Богъ сторицею вознаградитъ! ...

— Эка, дьяконъ, ненасытная твоя утроба, промолвитъ иной бойкій мужикъ или озорливая баба, добавляя, впрочемъ, подачку, — сколь ни подай, все тебѣ мало, все прибавки просишь... Недаромъ, видно, говорится: „попова рука ковшичкомъ“.

— То-то и есть, что ковшичкомъ, отшучивается дьяконъ,—великъ ли ковшичекъ?—Ковшомъ море не вычерпаешь, а „въ мірѣ, что въ морѣ“,—тоже сказываютъ. Ваше дѣло мірское — большое, прямое море: ковшикъ-то ты насыплешь,—у тебя и не убыло ничего, все то же осталось... А съ „міру по ниткѣ—бѣдному рубашка“, и это также говорится, сущая правда. Опять же и то помнить вамъ надо: „дающая рука не оскудѣетъ“—сказано... Не про взимающую сказано, а про дающую, а чья дающая-то?—Ваша... Вотъ что помните! ... Вотъ она хоть и не ковшичкомъ, а преизбыточнѣе нашей будетъ... По писанію-то если ...

— Да по писанію-то, можетъ статься... Только ковшей-то этихъ, паре, нонѣ больно много развелось: всякъ со своимъ лѣзетъ... Не знаешь, въ который сыпать... Въ писаніи, вѣдь, тоже показано: не желай... а вотъ, напротивъ того, всякій желаетъ... и ты вотъ желаешь...

— То про другое: если съ завистью или съ силой, въ отъемъ, а не доброхотно... А, напротивъ того, сказано: „если алчетъ братъ твой — ухлѣби его, аще жаждетъ — напой его“... Вотъ какъ нужно принимать это... А кто же и молится-то за васъ, кѣмъ вы и живы-благополучны, коли не нами, предъ престоломъ всегда предстоящими? ... Не разоритесь, братцы, не разоритесь, что духов-

ному подадите, если и лишнее что придется ... Не оскудѣете, говорю: сторицею возвратится! ...

Бывали случаи, что говаривали дьякону и такимъ образомъ:

— Эхъ, дьяконъ, дьяконъ, эки глаза-то у тебя завидущіе ... Ну, куда тебѣ? Вѣдь ужъ, кажется, богатъ: полны корчаги, чу, денегъ-то ... А все тебѣ мало ... Пущай бы семья большая, а то всего-то дочь одна ... Ну, про кого тебѣ, на что? ...

Такія рѣчи очень раздражали и сердили дьякона. Онъ на нихъ отвѣчалъ съ нескрываемой обидой и раздраженіемъ:

— Богатъ ли я, бѣденъ — самъ про себя: никому до того дѣла нѣтъ... Я не съ разбоемъ пришелъ, не за воротъ взялъ: прошу слѣдующаго, какъ по обычаю... Ты, видно, не христіанинъ, коли духовному лицу этакія слова говорить можешь... Не хочешь ты подавать — не подавай, такъ и знать будемъ, при случаѣ вспомянемъ, какова въ тебѣ есть вѣра и къ церкви усердіе... а такихъ рѣчей говорить не смѣй! Я не самъ по себѣ хожу, не одинъ, самоволомъ, а какъ и весь прочій причтъ: за слѣдующимъ, за показаннымъ... Вотъ что!.. Ты либо подавай, либо поверни дьякона-то, да въ шею: вотъ, молъ, тебѣ мое подаяніе!.. Ужъ лучше будетъ: по крайности, дѣло на виду!

— Зачѣмъ въ шею!.. Мы не къ тому, а такъ только, къ слову... Вотъ получи, Богъ съ тобой...

— Слова-то эти очень обида большая... Нехорошо, братъ Тихонъ, нехорошо!.. Сказано: не осуждай!.. А ты что дѣлаешь?.. Ты думаешь, легко это, сладко: по васъ ходить, да выклянчивать-то?.. Тяжело, другъ, это... Весьма тяжело и гнусно!.. Приведи Богъ всякому подать, а не ежели принять...

А что же дѣлать, если намъ отъ Бога, отъ святыхъ отецъ и отъ всѣхъ соборовъ показано — отъ паствы питаться?.. Какъ же намъ быть, съ голоду, что ли, помирать коли больше негдѣ взять?.. И не то — разбогатѣть, а дай Богъ прокормиться отъ этихъ вашихъ подаяніевъ-то ... вотъ что!.. А ты еще хочешь, чтобы и кусокъ-то вашъ, что ты подаешь богомольцамъ за васъ, служителямъ церкви вашей приходской, гдѣ отцы и дѣти ваши вспоминаются за упокой и во здравіе, чтобы и кусокъ-отъ этотъ имъ поперегъ горла всталъ ... Нехорошо, другъ Тихонъ, нехорошо ... неодобрительно! Дважды и трижды загладь эту рѣчь твою ... Постарайся!.. Вотъ что я тебѣ скажу, коли ты истинный христіанинъ и церкви своей сынъ вѣрный, безхитростный.

Благодаря заботливости, изобрѣтательности и энергической настойчивости того же дьякона, въ Покровскомъ не только строго поддерживались всѣ праздники „со славою", съ крестными ходами, съ поднятіемъ иконъ, и совершались многія требы, которыя пропускаются въ иныхъ приходахъ, но были введены новыя, не практиковашіяся по сосѣдству. Въ сосѣднихъ приходахъ со „славою" ходили только два раза въ годъ: на Пасхѣ и въ Крещенье, а у Покрова — и въ Рождество, и во всѣ три престольные праздника (холодной, настоящей церкви и двухъ придѣловъ зимней, теплой) — и, сверхъ того, со святою водою въ праздникъ Преполовенія, въ Егорьевъ день для окропленія скота, предъ сгономъ на пастбища, и полей предъ посѣвомъ яровыхъ хлѣбовъ, а потомъ въ первый Спасъ — для освященія плодовъ земныхъ, и во второй — передъ посѣвомъ новой ржи. Кромѣ поднятія мѣстныхъ иконъ и хожденія крестнымъ ходомъ вокругъ селеній и полей, ежегодно

поднималась и обносилась по всѣмъ деревнямъ чудотворная икона изъ сосѣдняго монастыря. Неукоснительно также читались по домамъ въ свое время постныя и разрѣшительныя, а для женщинъ послѣ родовъ — очистительныя молитвы, не упускалось никогда оцерковленіе новорожденныхъ младенцевъ, а равно сорокоусты по усопшимъ, и въ субботніе дни поминаніе преставившихся родителей, для чего дьяконъ собственноручно написалъ и выдалъ на каждый приходскій домъ поминальную книжку. Особенно гордился дьяконъ и ставилъ себѣ въ большую заслугу поддержаніе въ своемъ приходѣ этого памятованія и усерднаго поминанія усопшихъ родителей и сродниковъ.

— Не вы, попы, здѣсь, а я, дьяконъ, настоящій пастырь добрый нашего духовнаго стада,—говаривалъ онъ иногда при случайныхъ неудовольствіяхъ и спорахъ по поводу раздѣла кружки, или въ иныхъ подобныхъ столкновеніяхъ, — я брегу объ овцахъ и не бѣгаю, вотъ скоро сорокъ лѣтъ стою на стражѣ, а вы то и дѣло мѣняетесь, ищете — гдѣ лучше, преизбыточнѣе... Кто всѣ порядки въ приходѣ уставилъ, кто рвеніе къ церкви Божіей въ семъ убогомъ, скудномъ вертоградѣ насадилъ, кто боголюбезное памятованіе объ усопшихъ вкоренилъ?.. Не вы ли пуще? — Я, я одинъ!.. А отъ однихъ поминальниковъ тебѣ, попу, можетъ, больше трехъ десятковъ рублей въ годъ сходитъ!.. И то во вниманіе прими, что коли тверда сія вѣра въ загробную жизнь въ простомъ мужикѣ, не забываетъ онъ родителей поминать, то онъ и во всемъ прочемъ твердъ, и къ церкви прилеженъ: настоящій, значитъ, христіанинъ и прихожанинъ, сынъ церкви доброхотный... Вотъ вы что разсуждайте и высчитывайте,

а не то, что гроши у меня утягать, да достатками моими меня попрекать!.. Поживи, потрудись, поусердствуй съ мое, да не расточай безъ ума, — наживешь втрое противъ моего!.. Ты, попъ, къ готовенькому пришелъ, да и получаешь слишкомъ вдвое... А спроси-ка меня, къ чему я пришелъ?.. Совсѣмъ приходъ-то послѣдній считался: вовсе народъ распущенъ былъ, никакого усердія къ церкви не имѣлъ... ровно стадо безъ пастыря... А теперь что? А все черезъ кого?.. Черезъ меня, моимъ стараніемъ, заботой и внушеніями!... Прежде Панино-то попа и знать не хотѣло, въ домъ-то попа не пускало, а ужъ о церкви али объ какой требѣ, — и слуху не было... Только слава, что богатая деревня въ приходѣ числилась, а сходу-то отъ нея въ годъ трехъ рублей не приходило... А теперь что? Кто насъ кормитъ, какъ не то же Панино? А все кто настоялъ, кто къ порядку привелъ?.. Никто, какъ я же...

Дьяконъ намекалъ на деревню Панино, которая придерживалась старообрядства и чуждалась православнаго духовенства и церкви. Въ былое время она, дѣйствительно, вовсе и знать не хотѣла приходскаго священника, который на нее и рукой махнулъ, и пользовался отъ нея какимъ-нибудь доходомъ развѣ только въ экстренныхъ случаяхъ, когда мужикамъ нельзя было обойтись безъ мѣстной духовной власти. Правда, тогда они платились хорошо, но платою этою пользовался обыкновенно одинъ только священникъ, удѣляя причту лишь самую незначительную долю изъ тайно полученной суммы. Дьякону не нравилось такое явное, дерзкое, неуважительное отпаденіе отъ церкви цѣлой, притомъ самой богатой, деревни; онъ воспользовался періодомъ

особеннаго преслѣдованія администраціею раскола и посовѣтовалъ священнику настойчиво входить въ каждый домъ Панина со „славой“ и святой водой, строго велъ списокъ бывшихъ у исповѣди, не лѣнясь въ теченіе всего поста напоминалъ беззаботнымъ панинскимъ объ исполненіи этой христіанской обязанности и грозя обличеніемъ въ скрытомъ расколѣ съ совращеніемъ. Много нужно было упорства и терпѣнія въ достиженіи цѣли: не мало споровъ, даже ругательствъ и угрозъ случалось у запертыхъ передъ носомъ клира дверей въ иную панинскую избу, особенно въ первый годъ, когда началось хожденіе „со славой“ въ Панино. Сначала мужики пробовали-было за-разъ откупиться отъ этой новости, но дьяконъ уперся, — и Панино мало-помалу покорилось и стало принимать духовенство заурядъ съ прочими деревнями. Всѣ вновь вводимыя „славы“ дьяконъ совѣтовалъ начинать всегда съ Панина, причемъ въ другихъ деревняхъ внушалось, что даже въ Панинѣ, которая, всѣмъ извѣстно, немножко придерживается старины, — и тамъ пріяли новую „славу“ съ радостью и благодарностью.

III.

Вся эта дѣятельность дьякона, столь многоплодная для прихода въ нравственномъ, а для него самого и причта — въ матеріальномъ отношеніи, происходила еще при крѣпостномъ правѣ. Почти всѣ мужички покровскаго прихода были оброчные и жили такъ себѣ: не богато, но и безъ голодной нужды,—были, что называется, мужики исправные: недоимки за ними не стояло, денегъ и хлѣба залежныхъ не было, безъ лошади во время пашни не оставались и безъ молока ребятишекъ не выкармли-

вали. Издѣльныхъ была одна только деревнишка домовъ въ 20, принадлежавшая мелкопомѣстной старой барынькѣ, большой богомолкѣ и пріятельницѣ дьякона, которая проживала въ маленькой усадебкѣ, бокъ-о-бокъ съ своими мужиками. Барынька эта давно вдовствовала, давно жила въ своемъ сельцѣ, помнила стараго дьякона еще молодымъ и сама была въ то время, когда онъ поступилъ въ село, дамою еще среднихъ лѣтъ. Дружба ихъ съ дьякономъ давала поводъ къ разнымъ сплетнямъ, которымъ врядъ ли слѣдуетъ вѣрить въ виду того, что сама дьяконица почти каждый праздникъ посѣщала помѣщицу, а во время ея болѣзни, бывало, гащивала у нея въ домѣ по цѣлымъ недѣлямъ. Къ тому же, дьяконъ и съ молоду отличался практическимъ направленіемъ, не былъ способенъ къ увлеченіямъ, а барынька всегда отличалась искреннимъ благочестіемъ, поддерживала и помогала дьякону въ его усердіи къ утвержденію вѣры и преданности церкви въ прихожанахъ. И если она посылала своихъ барщинныхъ мужиченокъ обработывать дьяконову полосу, если она дала ему лѣсу на постройку новаго двора, ссужала сѣмянами на посѣвъ и дарила дьякону сукна на рясу, а дьяконицѣ телушку и свою старую шаль, то дѣлала это не иначе, какъ изъ усердія къ церкви и изъ уваженія къ усердному служителю ея. Зато и дьяконъ считалъ долгомъ еженедѣльно по субботамъ являться къ ней въ домъ, вмѣстѣ съ священникомъ, служить всенощную, и среди недѣли навѣщалъ ее одинъ и читалъ акаѳисты и каноны „сегодняшнимъ святымъ“, — зато и барынька имѣла утѣшеніе то и дѣло видѣть въ своей деревнѣ и у себя въ домѣ иконы и батюшекъ со святомъ и со „славою“. Въ дружбѣ жилъ дья-

конъ и съ бурмистромъ, управлявшимъ оброчными мужиками, составлявшими большую часть покровскаго прихода. Это былъ тоже сверстникъ дьякона, такъ же долго и прочно сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, какъ и онъ, такъ же, какъ и онъ, былъ благочестивъ, домовитъ и считался богатымъ человѣкомъ. Онъ былъ полезенъ дьякону въ его пропагаторской дѣятельности, помогалъ направлять ввѣренную ему вотчину къ истинному благочестію, а дьяконъ составлялъ и писалъ ему, какъ неграмотному, письма и отчеты по вотчинѣ къ господамъ. Надо сказать правду, что мужички покровскаго прихода, заброшеннаго въ лѣсную глушь, далеко отъ соблазновъ и разврата бойкой фабричной жизни, отличались добродушіемъ, смиреніемъ и покорностью, а подъ руководствомъ такихъ трехъ руководителей, какъ дьяконъ, бурмистръ и барыня, могли считаться образцовыми мужичками по своимъ нравственнымъ качествамъ. Никогда никакого упорства или сопротивленія властямъ, кротость, смиреніе и послушаніе предъ указаніями призванныхъ, никакихъ жалобъ и сѣтованій, а тѣмъ болѣе сутяжества, отсутствіе строптивости, скупости и своекорыстія, но, напротивъ того, щедрость, радушіе и гостепріимство съ довольною угостительностью, и по всему этому — прилежаніе къ церкви и ея служителямъ. Замѣчательно, впрочемъ, что изъ духовенства одинъ только дьяконъ былъ такого мнѣнія о своемъ приходѣ и оставался вполнѣ имъ доволенъ: священникъ и дьячки отзывались о немъ иначе.

— Какой нашъ приходъ, помилуйте!—говаривалъ батюшка, — всего 450 душъ мужеска пола — только, всего, замѣтьте, стало быть, съ новорожденными и малолѣтними; а дворами считая — дворовъ полтора-

ста, не болѣе. Разочтите, много ли сойдетъ съ нихъ грошиками, да копѣечками... Народъ небогатый, избытковъ не имѣетъ... Нѣтъ, скудный приходъ, скудный!.. Такіе ли есть, помилуйте!..

— Но за то у васъ народъ усердный къ церкви: много требъ, говорятъ, часто ходите со „славою“...

— Да, конечно!.. Но, вѣдь, что это!.. — Одно отягощеніе!.. Помилуйте, вѣдь, ѣдешь съ требою-то за десять верстъ, а дадутъ тебѣ пять или шесть копѣекъ... Нѣтъ, какой это приходъ!.. Вотъ есть приходы: хоть бы, напримѣръ, взять Семеновско, Лапотно или Меличкино село — вотъ приходы! — душъ по 700, да все народъ богатый, форсистый, — торговцы, частью... Вотъ тамъ хорошо для клира! Нѣтъ, здѣсь жизнь съ горемъ пополамъ: только что съ голоду не умрешь, конечно, а чтобы избытки большіе — нѣту, нѣтъ!.. Этого нѣтъ!.. А сколько трудовъ!... Отягощеніе какое!..

— А вотъ же дьяконъ доволенъ остается и состояніе, говорятъ, хорошее нажилъ...

— Да ему подошлось. Онъ издревле здѣсь, ну, и дружитъ... Вонъ и съ бурмистромъ, и съ госпожей здѣшней у него содружество старинное... Ему подошлось! Ну, опять же и жизнь ведетъ самую скаредную, и семействомъ не отягощенъ,—одна дочь, разсчитайте!.. Много это значитъ; большое облегченіе! А вотъ у кого, какъ у меня, семеро; надо обо всѣхъ удумать, накормить, одѣть, воспитать!.. Трудно, очень трудно, по здѣшнимъ доходамъ!.. А дьякону что: ему спола-горя, ему подошлось хорошо!.. Здѣсь народъ малоденежный, больше одной хлѣбной частью, провіантомъ отбывается, такъ дьяконъ-то одними поминальными пирогами не одного

борова откормитъ да продастъ: вотъ, значитъ, и капиталъ... А у меня, по моему семейству, все по ртамъ разойдется — и не увидишь, а не то, чтобы скотинку для продажи выкормить, али бо что другое... Нѣтъ, что, помилуйте, про дьякона нечего и говорить: онъ не примѣръ... По его семейству и всему прочему, какъ онъ здѣсь изстари, и говорятъ разное, какъ у него денегъ не водиться!.. Большіе, должно быть, капиталы имѣетъ!.. Ну, не всякому такъ подойдетъ!.. И здоимщикъ большой!.. У-у, Боже сохрани! Своего ужъ не упуститъ, нѣтъ, не упуститъ!.. А попробуй-ка на нужду десятокъ другой рублей позаимствовать: удавится — не дастъ!.. Забожится, заклянется, что нѣтъ денегъ лежалыхъ... Ну, а кто ему повѣритъ?.. Большія деньги водятся, всѣмъ извѣстно, что большія!.. Да, дьяконъ здѣсь — особь статья: онъ не образецъ... Ему легко, хорошо!..

Въ этомъ отзывѣ священника выражался почти общій взглядъ на дьякона: ему подошлось, ему легко, хорошо, — думали и говорили о немъ почти всѣ. Но не такъ смотрѣлъ онъ самъ на себя и свою судьбу. Онъ сознавалъ, какихъ трудовъ и лишеній, какого униженія и нравственныхъ уступокъ стоило ему то относительное благосостояніе, которое онъ успѣлъ создать для себя изъ ничтожныхъ средствъ. Онъ не доѣдалъ, не досыпалъ ночей, не жалѣлъ своей спины и рукъ, ломалъ постоянно голову для изобрѣтенія новыхъ источниковъ наживы. Дьяконъ былъ скупъ и жаденъ отъ природы, и страсть пріобрѣтенія росла въ немъ съ каждымъ годомъ; но это не былъ только скупецъ, который копитъ и сберегаетъ безсмысленно и непроизводительно, который не можетъ выпустить изъ рукъ

вещь, однажды въ нихъ попавшую; въ немъ, напротивъ, при его жадности и крохоборствѣ, преобладалъ духъ предпріимчиваго и разсчетливаго купца, который знаетъ и понимаетъ, что рубль долженъ жить, и что онъ живетъ и приноситъ выгоду только при оборотѣ, что всякая вещь имѣетъ разную цѣну, смотря по тому, въ какомъ видѣ ее сбываешь, — но который помнитъ въ то же время, что основаніе всякаго пріобрѣтенія есть накопленіе и сбереженіе, что не слѣдуетъ ничѣмъ пренебрегать, ничего не упускать изъ рукъ, что можно взять. Руководясь такими началами, дьяконъ, дѣйствительно, крохоборствовалъ и берегъ, сколько могъ. На приходъ свой онъ смотрѣлъ, какъ на главный источникъ дохода, какъ на капиталъ, приносящій тѣмъ бо̀льшіе проценты, чѣмъ умнѣе и ловчѣе будешь имъ пользоваться: и онъ умѣлъ извлекать изъ этого капитала весь возможный доходъ. Малоденежные крестьяне расплачивались большей частью хлѣбомъ и другими продуктами своего деревенскаго хозяйства. Дьяконъ никогда почти не продавалъ этихъ приношеній, оставшихся за собственнымъ употребленіемъ, такъ сказать, натурою, но обращалъ ихъ въ лошадиное, коровье или свиное мясо, и тогда уже сбывалъ съ большимъ барышомъ. Это имѣло и болѣе благопристойный видъ: никто не могъ сказать про него, какъ говорили о прочихъ членахъ причта, что они ужъ захватались мірскимъ подаяніемъ, не знаютъ, куда и дѣвать его, половину сгнаиваютъ, половину сухарями продаютъ. Дьяконъ отлично велъ свое хлѣбопашество: отлично удобренныя, тщательно обработанныя, во-время убранныя поля его приносили большой урожай; дьяконскій хлѣбъ вошелъ въ славу въ окрестности: его полосы ржи, овса, ячменя,

яровой пшеницы выдѣлялись изъ всего поповскаго поля и ростомъ, и колосомъ, а зерно выходило и чище, и тяжеловѣснѣе, чѣмъ у другихъ; къ дьякону ѣздили покупать сѣмена на посѣвъ, за его хлѣбъ и на базарѣ давали дороже противъ людей. Точно такъ же дьяконовскій скотъ можно было отличить во всемъ сельскомъ стадѣ: его коровы лоснились отъ жира, молодыя телки и жеребята были рослѣе и веселѣе прочихъ ровесниковъ. Постояннаго скота у дьякона было не особенно много: держалъ онъ пару лошадей матокъ и двѣ-три коровы съ подтелкомъ; но зимою его обширный дворъ наполнялся купленымъ скотомъ: осенью дьяконъ скупалъ на базарѣ по дешевой цѣнѣ, у нуждающихся мужиковъ, хорошихъ, но заморенныхъ лошадей, коровъ и овецъ; коровъ и овецъ кололъ (конечно, не собственноручно) на солонину, которой запасалось всегда нѣсколько большихъ чановъ для продажи весною; а лошадей откармливалъ къ веснѣ до того, что онѣ обливались жиромъ, и на первой же ярмаркѣ, передъ пашнею, продавалъ ихъ за дорогую цѣну. Разсчетъ выходилъ такой, что мясо, скупленное по двѣ, по три копѣйки, весною и лѣтомъ сбиралось по 7, 8 и 10 копѣекъ, а отхоженныя и откормленныя лошади, возвращая цѣнность скормленнаго на нихъ сѣна и хлѣба, давали, сверхъ того, чистой наживы рубль на рубль.

Такъ жилъ, хозяйничалъ и наживалъ старый покровскій дьяконъ, и странно было видѣть его высокую, тощую, заморенную фигуру среди откормленныхъ до ожиренія скотовъ его двора.

— Чудное это дѣло, братецъ ты мой, — разсуждали про него иной разъ мужики:—самъ себя моритъ, не жалѣетъ, вишь ты, уморышъ какой ходитъ:

кожа да кости, ровно сухарь, а лошади-то у него ровно боровья толстые ... А намедни борова продалъ, страсть смотрѣть, вылѣзъ весь, голый, и сѣлъ ужъ на заднія-то ноги, не ходитъ, сидитъ только да хрюкаетъ; кормъ-отъ подъ носъ подставляютъ, самъ-отъ не двинется и къ ѣжѣ-то ... Расперло его, значитъ, въ жилахъ-то ... А тотъ вертится около него: ну, взять — спица долгая ... Посмѣялись мы тогда: сѣсть бы, молъ, тебѣ, дьякону, на свиной-то кормъ хоть на недѣльку, хоть бы посправился маненько... Пра, диковинное это дѣло,—скотъ сытой, обожрался, а у самого брюхо подвело! ...

— А деньга-то ... Вотъ она самая и моритъ человѣка: все изъ-за нея! ... Самого себя не жалко, только бы все прибывало, больше да больше ... Человѣку-то ужъ и не ѣстся, и не пьется, все объ этомъ думаетъ! ...

На этотъ разъ мужики опредѣлили правильно: дьякону дома, дѣйствительно, не пилось и не ѣлось, и не столько отъ скупости, сколько отъ крайней озабоченности и утомленія. Цѣлый день онъ былъ въ такой работѣ, что къ ночи, какъ говорится, ногъ подъ собой не слышалъ. Дьяконъ не былъ и постникъ: въ праздничные дни, ходя по крестьянскимъ домамъ со „славою", онъ никогда не отказывался отъ угощенія и имѣлъ такую же, какъ и весь клиръ, способность ѣсть цѣлый день почти безъ отдыха, такъ какъ угощеніе предлагалось въ каждомъ домѣ, и отказъ отъ него считался бы обидою для домохозяина.

IV.

Несмотря на сложность и разнообразіе своего хозяйства, дьяконъ никогда не держалъ работника и дѣлалъ все самъ съ помощью только жены, а когда

овдовѣлъ, то сестры и дочери. Изъ этихъ трехъ лицъ состояло все его семейство. Дѣти у него не жили, уцѣлѣла изъ нихъ одна только послѣдняя дочь. Дѣвушка стала невѣстой уже въ то время, когда отцу много перевалило за 60, и онъ началъ видимо старѣться. На пятнадцатомъ году жизни она потеряла мать, и въ осиротѣломъ домѣ поселилась тетка, сестра дьякона, бездѣтная вдова, дьячиха изъ другого села.

Послѣ смерти жены, съ которою онъ прожилъ почти сорокъ лѣтъ, дьяконъ временно было затосковалъ, опустился, сталъ не такъ ретиво заниматься хозяйствомъ, но когда дочь вошла вполнѣ въ роль хозяйки въ домѣ, а съ водвореніемъ сестры онъ почувствовалъ, что въ домашнемъ обиходѣ и хозяйствѣ идетъ все по-прежнему, дьяконъ опять поправился, къ нему воротился снова неугомонный духъ стяжанія, и жизнь пошла по-прежнему: опять такъ же заботливо началъ онъ объѣзжать деревни со сборомъ, такъ же неутомимо участвовать въ отправленіи всѣхъ требъ, придирчиво отстаивать свою часть изъ кружки и по-прежнему поворачивать колесо своего хозяйства со всѣми его хлопотами и заботами — съ посѣвомъ и уборкой, съ закупками и продажами; опять съ утра до ночи онъ былъ въ работѣ то на полѣ, то дома на дворѣ, около скота, обо всемъ забстился, все видѣлъ, обо всемъ помнилъ.

Объ одномъ только дьяконъ не хотѣлъ думать и не помнилъ, что у него дочь давно уже невѣста, что по существующимъ порядкамъ ее давно слѣдовало бы пристроить, т. е. выдать замужъ. По обычаю, зять долженъ былъ занять мѣсто дьякона, а онъ самъ идти на покой; но онъ чувствовалъ себя еще въ силахъ нести всѣ тяжести своей должности,

и даже мысль о томъ, чло когда-нибудь въ его домѣ, на его полосѣ, будетъ другой хозяинъ, что онъ увидитъ на своемъ дьяконскомъ мѣстѣ, на амвонѣ Покровской церкви, другое лицо, была для него ужасна. Онъ никогда объ этомъ не думалъ и сердился, когда заговаривали другіе: не напоминанія о старости и смерти не любилъ онъ въ этомъ случаѣ, но его страшила мысль о бездѣятельности, объ уничтоженіи за-живо; онъ зналъ, что старый человѣкъ волей-неволей долженъ уступить свое мѣсто и дѣло новому, молодому и болѣе сильному; но видѣть, что этотъ новый человѣкъ поведетъ себя на твоемъ мѣстѣ совсѣмъ иначе, будетъ дѣлать твое дѣло по-своему, а тебя, создавшаго все это, не будетъ ставить ни въ грошъ, что плодами трудовъ твоихъ будетъ пользоваться другой, пожалуй, еще глупый, неопытный, мотушка, да еще и неблагодарный — вотъ это ужасно! ...

Но вмѣсто дьякона очень упорно думала и заботилась о судьбѣ его дочери тетка, дьяконова сестра: ей до смерти хотѣлось поскорѣе выдать замужъ племянницу. Не то, чтобы она очень ее любила, желала ей добра и была увѣрена, что въ замужествѣ ей будетъ лучше жить; не то, чтобы ожидала отъ этого брака перемѣны къ лучшему въ домѣ, или для себя самой; напротивъ, она могла ожидать худшаго вообще, а для себя въ особенности: теперь она была наполовину хозяйка, тогда навѣрно сойдетъ въ положеніе работницы, такъ ужъ водится — не она первая, не она послѣдняя; но по какому-то особенному женскому инстинкту старуха не могла переносить около себя невыданной замужъ невѣсты, которая, по всѣмъ правамъ и обычнымъ порядкамъ, давно бы должна быть бабой.

— Ну, съ чѣмъ это схоже, — разсуждала тетка Олимпіада,—вонъ у попа отъ этакой семьи большой, изъ бѣднаго дома, да умѣли дочку выдать, много помоложе нашей Таисьюшки, да и приданымъ-то, говорятъ, обманули зятя, хотя приданаго-то всѣмъ счетомъ на двадцать на пять цѣлковыхъ ... И парня-то какого оболванили: пѣвчимъ архіерейскимъ былъ, у владыки на виду ... Пускай, говорятъ, дурашливъ вышелъ, запиваетъ и мѣсто дали плохонькое... Да даромъ ... Пристроили таки, все съ рукъ долой! ... Она самъ-девять въ семьѣ, не какого ей принца ждать! ... А у нашей Таисьюшки всѣ статьи слава Богу: и мѣсто хорошее, и домъ полна чаша, и денегъ поди сколь у старика-то: все ей пойдетъ, некому больше ... Ну, и рожей ничего, чтобы ужъ очень охаять: длинна, сухопара, въ отца вышла; за то умна, домовита, не разоритъ домка, и дѣло всякое по хозяйству знаетъ: было отъ кого заняться, отъ родителя-то ... Слава тебѣ, Господи! ... Да ее бы съ радостью всякій перворазрядный, на священническое мѣсто который кончилъ, всякій бы съ радостью взялъ ...

Иногда она не выдерживала и начинала приставать къ самому дьякону.

— Ты что̀ дочь-то коптишь? ... Въ какой запасъ ее бережешь? ...

Дьяконъ тотчасъ же догадывался, къ чему рѣчь ведетъ сестра, и, не отвѣчая прямо на вопросъ, старался заговорить о чемъ-нибудь другомъ, или отвѣчалъ въ такомъ родѣ.

— Не твоя забота, моя!... А ты дѣлай, дѣлай свое!... Али дѣла нѣтъ, что языкъ-отъ зачесался: мнѣ съ вами балясничать некогда...

— Да, вѣдь, сушишь дѣвку-то... Вѣдь, не въ

соль ее и вправду класть... Вѣдь, годы-то уходятъ, непутевый!... Не въ нашемъ мѣстѣ, изъ бѣдныхъ домовъ, такъ въ экихъ-то годахъ давно всѣхъ дѣвокъ повыдали... А ты, слава Богу, могъ-бы, кажется, дочку пристроить ... Вѣдь скучаетъ дѣвка-то, грѣховодникъ ... тоскуетъ, вѣдь ...

— Да что̀, она просится, что ли?... Кучилась тебѣ нечто?... Жениха, что ли, нашла?...

— Ну, что̀ не дѣло говоришь: когда дѣвка станетъ сама замужъ проситься да жениха искать ... Чай, это родителевъ дѣло, родительска обязанность... И развѣ ей такова жениха нужно, что сами по дворамъ бѣгаютъ, да разыскиваютъ, не пойдетъ ли кто за нихъ? ... Тебѣ, чай, хорошенькаго выбрать можно... Поискать, чай, надобно ...

— Вотъ еще искать я стану ... Когда мнѣ?... Да еще, пожалуй, навяжешь на шею себѣ такого харя, что и жизни-то не радъ будешь ... Да что вамъ не живется, чего еще нужно?... Слава Богу, кажется ничѣмъ не обижены ... Съ чего это она изъ родного-то дома проситься будетъ?...

— Да зачѣмъ вонъ? Она и не просится... Сдашь мѣсто-то, такъ съ тобой же, въ своемъ дому, останется ... Ты ужъ, слава Богу, послужилъ, поработалъ, поломалъ старыя кости-то ... Пора и отдохнуть ... И тебя-то такъ жалко: спокою себѣ не знаешь, при старости своихъ лѣтъ ...

— Ну, еще послужу ... Я не тягощуся трудомъ: обо мнѣ нечего заботиться ... Старше меня служатъ... Напрасно вы хлопочете: еще, слава Богу, изъ рукъ ничего не вываливается, ни по службѣ, ни въ дому, ни въ чемъ урону... Дѣлайте-ка вы свое эдакъ-то, а меня нечего оговаривать ... Пока живъ да въ силѣ, такъ послужу ... И отъ нея ничего не

уйдетъ: придетъ ея время, наживется и замужемъ, и дѣвичью пору, можетъ, вспомнитъ... А ты мнѣ не досаждай въ другой разъ съ пустяками... До смерти не люблю... Языки бабьи!... Все бы трещала, гдѣ спрашиваютъ и гдѣ не спрашиваютъ... У Таисьи-то и въ головѣ чего нѣтъ, а она надуваетъ ей... Ступай, поди, говорятъ! ... Не стрекочи, не твое дѣло! ... Мое дѣтище, самъ я не меньше твоего о ней думаю, а ты тàкъ только, абы языкомъ побить ..

Дьяконъ уходилъ обыкновенно послѣ этого разговора разстроенный и разсерженный.

V.

Но годы шли и брали свое: Таисія втихомолку насчитывала уже себѣ 25 лѣтъ, хотя вслухъ объявляла только 22 года, а дьяконъ самъ сталъ сознавать, что онъ состарѣлся и ослабѣлъ: спина у него сгорбилась, мучилъ кашель и удушье, горло уже не повиновалось и, вмѣсто прежняго трубнаго гласа, издавало непроизвольные, прерывистые, неопредѣленные звуки, напоминавшіе молодого пѣтуха; сильныя нѣкогда руки начали дрожать. И все это шло crescendo, даже прихожане стали покачивать головой и замѣчать: ослабѣлъ нашъ дьяконъ, осѣлъ! ... Годы, значитъ, его подошли! ... Не одинъ разъ и священникъ внушалъ ему: боюсь я, дьяконъ, и священнодѣйствовать-то съ тобой; страшно и чашу-то въ руки тебѣ дать! ... Слабъ ты, братецъ, очень сталъ, опустился! ...

Наконецъ, и отецъ благочинный, конечно, по наущенію того же завистливаго попа, уже прямо сдѣлалъ внушеніе дьякону.

— Не пора ли, дьяконъ, нa покой? ... Пре-

клонность лѣтъ твоихъ, мню, уже отягощаетъ тебя слабость и трясеніе въ тебѣ ... Вотъ даже по письмоводству, по книгамъ видно ... За дочерью твое мѣсто: похлопоталъ бы пока при жизни своей ... Не помысли себѣ чего прискорбнаго: съ полнымъ благожеланіемъ тебѣ совѣтую! — заключилъ благочинный въ утѣшеніе богатому дьякону.

Придя послѣ этого разговора домой, дьяконъ уединился, долгое время сумрачный и унылый ходилъ по комнатѣ, потомъ позвалъ къ себѣ сестру.

— Олимпіада,—сказалъ онъ, —приспѣлъ часъ и время удумать намъ о Таисьюшкѣ. Довольно, видно, я потрудился въ сей земной, преходящей юдоли. Желаю нынѣ вдать нашу Ревекку избраннику ея, да замѣститъ оный отходящаго на покой отца ея, и управитъ домъ его, и не разоритъ возращенный имъ вертоградъ сей ...

— Ну, вотъ, славу тебѣ, Господи, насилу надумалъ ... Пора, батюшка, давно пора ...—затараторила было старуха, но дьяконъ остановилъ ее.

— Постой, погоди ... Вотъ что удумалъ я ... Соберись вскорѣ и отправляйся въ губернію къ братцу нашему двоюродному, г. Бронзову, при сопровождающемъ письмѣ моемъ, которое сейчасъ напишу ... Онъ, по профессорской своей должности, знаетъ всѣхъ оканчивающихъ студентовъ, и, по ходатайству моему и любви родственной, изберетъ и укажетъ намъ достойнаго ... О всѣхъ нужныхъ статьяхъ и качествахъ довольно опишу въ письмѣ своемъ, а ты прибавишь словесно ... Да разсматривай тщательно и не по-бабьи, а съ довольнымъ разсужденіемъ ... не то, что абы жениха найти поскорѣе, да свадьбу сыграть; торопиться нечего, въ нынѣшнемъ году не найдемъ, годъ-то и еще подо-

ждемъ, а главное, чтобы человѣкъ былъ надежный и намъ по всѣмъ частямъ подходящій. Нужно, чтобы былъ степененъ, нравомъ кротокъ, искателенъ и не строптивъ, въ понятіяхъ быстръ, но не самомнителенъ, и умомъ своимъ не превозвышался, а былъ вникателенъ и къ указаніямъ опытныхъ и старшихъ уважителенъ. Изъ богатаго и знатнаго рода не желаю и не ищу: лучше почту изъ бѣднаго, который нужду зналъ — и въ скорбяхъ, въ лишеніяхъ, съ большимъ трудомъ и прилежаніемъ пожиналъ плоды ученія. Конечно, хорошо, если будетъ въ родствѣ съ кѣмъ изъ консисторскихъ, или на виду и въ близости къ владыкѣ состоящихъ, но сіе не главное, не надѣйтеся на князи и на сыны человѣческіе; довольно видали примѣровъ, что даже архіерейскіе племянники въ безвѣстности и бѣдности пребываютъ, забвенные и пренебреженные ... Собственный разумъ, благоразсужденіе, бережливость и нелѣностное дѣланіе — вотъ что̀ созидаетъ домъ ... Все это я обдумалъ и отпишу братцу, г. Бронзову: онъ, по уму и учености своей, пойметъ меня, а тебѣ я сообщаю только для того, чтобы ты какими глупыми и вздорными своими бабьими рѣчами и разсужденіями не воспрепятствовала въ указаніи и избраніи подходящаго человѣка ...

— Ужъ не безпокойся, все это я довольно понимаю, что для нашей Таисіи нуженъ женихъ стоющій ... Ну, ужъ коли ты выискиваешь такого отмѣннаго человѣка, такъ надо же и поманить его чѣмъ-нибудь: вѣдь, будетъ насчетъ приданаго спрашивать, можетъ, денегъ захочетъ ... что̀ же сказывать-то? ... Ты мнѣ теперь же скажи, чтобы послѣ грѣха да обмана не было ... не попрекнулъ чтобы меня опослѣ ...

— Дура ты, больше ничего: вѣдь, дочь-то, чай, у меня одна, все, что есть, все ей достанется, не кому больше ...

— Да это само собой ... А что изъ теплыхъ-то рукъ посулишь? будутъ спрашивать ... Что сказывать-то? ...

— Что? ... Все ... Вотъ мѣсто ему сдамъ, доходъ будетъ свой имѣть, въ готовомъ домѣ жить будетъ, на всемъ на готовомъ, а захо́четъ — хозяйствуй со мной вмѣстѣ, помогай мнѣ, старику ... Чего еще? ... Ну, тамъ одежи — и теперь у нея много, а что нужно — еще понашьемъ ... Чего еще? ... Заводиться ему ничѣмъ не придется: ко всему готовому придетъ ... Въ домѣ-то, слава Богу, всего довольно ... Ну, а умру, тогда все ихнее будетъ: не съ собой же въ гробъ возьму, все имъ достанется ...

— Значитъ, денегъ въ руки не будетъ? ... Нынче вонъ, вѣдь, за послѣдней дьячковой дочерью, такъ и то денегъ спрашиваютъ ... Да и то сказать: молодые люди тоже, сӧбины захотятъ, опять же жениху къ свадьбѣ одѣться, обуться нужно; не голаго же къ вѣнцу поведешь, али не въ своемъ подрясникѣ старомъ ...

— Ну, на одежу, коли своей не будетъ, дамъ, сколько потребуется ...

— Сколь потребуется! ... Нынче этакъ-то не любятъ, а спрашиваютъ: скажи толкомъ ... сколько дашь на руки? ...

— На что̀ на руки? ... Молодой человѣкъ ни въ чемъ разсчету, ни цѣнъ, не знаетъ: накупитъ разной дряни, что и не нужно, либо роскошевъ разныхъ ... Ужъ говори, что все будетъ слѣдующимъ порядкомъ: одѣну въ лучшемъ видѣ, самъ съѣзжу съ нимъ въ городъ и все искуплю ...

— Эхъ, не любятъ нынче этого, нынче все спрашиваютъ: подавай на руки чистенькими ... Самъ что хочу, то и сдѣлаю, не хочу изъ чужихъ рукъ смотрѣть: вотъ, вѣдь, нынче какъ! ... Да ты, полно, не скупись на это-то, не расходиться же изъ-за того ... Ты помни, что, вѣдь, у попа еще невѣста: какъ привеземъ да будемъ нажимать, а тутъ рядомъ попова дочь, невѣста ... вонъ какая ражая дѣвка и молодая! ... какъ разъ переманятъ: насулятъ съ гору, особливо коли хорошаго человѣка изыщемъ ... Имъ, вѣдь, все равно сулить-то, а тотъ не знаетъ того, что одинъ обманъ выйдетъ, какъ разъ и перекинется: дьяконъ богатъ, попъ, значитъ, молъ, еще богаче ... Нѣтъ, вѣдь, это дѣло-то съ разсудкомъ дѣлать нужно ... Такъ надо вести, чтобы никто ничего и не зналъ, не вѣдалъ, а то въ нашихъ мѣстахъ люди — народъ тоже ... А не помочь деньгами — нельзя, это какъ хочешь ... И чѣмъ авантажнѣе человѣкъ выищется, Богъ дастъ, тѣмъ и деньгами его надо больше приманивать: невѣста не по мысли придется, мѣсто покажется плохо, а ужъ на деньги-то всякой пойдетъ ... Нѣтъ, а ты не то, что только на одну одежу, а обѣщай такъ ужъ сколько тебѣ Богъ на душу положитъ: сотни три, что ли, али хошь двѣ ... Вотъ мнѣ и разговоръ будетъ съ нимъ вольготнѣе вести: мѣсто мѣстомъ, домъ домомъ, одежа одежей, родительское награжденіе послѣ смерти само собой, а то вотъ тебѣ изъ теплыхъ рукъ за женой эстолько сотенъ ... Вотъ, молъ, знай, какова у насъ невѣста! ... Ужъ коли Кронидъ Матвѣичъ Бронзовъ о насъ, по родству, постарается, такъ онъ, знамо, человѣка хорошаго порекомендуетъ ... Ну, а хорошенькаго-то нужно хорошенькимъ и поманить ...

— Ну, отстань, довольно ... Тамъ по разсмотрѣнію и какъ мнѣ покажется ... Я не столь на твою сутолоку полагаюсь, сколь на рекомендацію и на внушенія Кронида Матвѣича: онъ не упуститъ, въ томъ надѣюсь на него, все растолковать, объяснить и вразумить молодого человѣка, если отыщетъ подходящаго ... А твое дѣло, коли окажется таковый, привози поспѣшнѣе: покажемъ невѣсту, разсмотрю его, и если благопотребенъ, то медлить не буду ... Всю жизнь, во всѣхъ дѣлахъ, не былъ поспѣшенъ, но все дѣлалъ по тщательномъ разсмотрѣніи: такъ будетъ и въ семъ случаѣ ... Ну, поди же, собирайся, на ворономъ старомъ поѣдешь: онъ конь надежный, не зарвется и не сдастъ ... Завтра къ вечеру будешь въ губерніи ... Поди же, поди, а я письмо покамъ изготовлю ... Да не забыть бы: возьми съ собою въ гостинчикъ Крониду-то Матвѣичу окорочекъ свиной, да кадушечку масла ... ту, что̀ вторая съ краю стоитъ: въ ней полпуда чистаго масла. Полагаю, для перваго раза довольно, а тамъ за хлопоты можно будетъ и нарочито еще чего нибудь послать ... коли дѣло у насъ выйдетъ ...

Къ профессору, г. Бронзову, дьяконъ писалъ:

„Лѣта наши преходятъ и годы слагаются, старость, болѣзни и недуги стерегутъ жизнь нашу: яко кринъ сельній, тако отцвѣтешь, говоритъ псалмопѣвецъ, и истинно слово его. Тако и азъ, многогрѣшный, покровскій дьяконъ Павелъ, вашъ богомолецъ и присный родственникъ, неслышными, но спѣшными стопами приближаюсь къ предѣлу своему: самолично уже чувствую слабость и преклонность свою, скорби и недуги отяготѣша на главѣ и выѣ моей, удушеніе въ груди и трясеніе въ рукахъ и ногахъ ощущаю. Но имѣю единое утѣшеніе въ скорбной сей юдоли,

единый отпрыскъ отъ корени моего — дщерь отроковицу, и желаю оную вдать при жизни своей въ замужество, съ предоставленіемъ мѣста служенія моего и всего, еже пріуготовалъ трудами рукъ своихъ; самъ же отыду на покой и довлѣетъ мнѣ, при концѣ дней моихъ, токмо наблюдать, руководить и направлять сихъ юныхъ, замѣстившихъ меня, у многихъ дѣлъ моихъ. Всю жизнь провелъ во трудахъ, хочу въ оныхъ скончать и дни мои, но съ помощію и съ утѣшеніемъ отъ присныхъ своихъ. Сего ради и притекаю къ вашему благорасположенію и родственному покровительству: по профессорству вашему, имѣете вы всегда на предметѣ и во вниманіи многихъ, черпающихъ отъ сокровищницы мудрости и учености вашей; сіи при окончаніи ученія своего остаются яко на распутіи, изыскиваютъ пристанища, и многіе, неопытны сущи, уловляются лестію и обманомъ, лѣпотою тѣлесною, при скудости духовной, и безъ всякихъ даже тлѣнныхъ, но столь въ жизни необходимыхъ, достатковъ, и вступаютъ въ супружество безъ разсужденія. Тамо послѣ остудѣніе, ропотъ, свары, къ дому нестараніе, мотаніе и роскошь, а горше того — развратъ и пьянство, и не преизбыточествуетъ отъ сего домъ, но паче оскудѣваетъ и въ умаленіе приходитъ. Иные въ вѣнцѣ брачномъ зрятъ праздности и сластолюбія покрытіе, роскошествъ, пиршествъ, и недѣланія убѣжище. Не такъ разсуждаетъ мудрый и опытомъ искушенный; но не всякому юному дано вникать и питаться поученіемъ старшихъ: есть строптивые, самомнительные, гордые и нерадивые. Посему и взываю: избери, друже, и укажи достойнаго и благонадежнаго. Дщерь моя, Таисія, выросла въ страхѣ Божіемъ, въ трудахъ, послушаніи и смиреніи; всякій домашній обиходъ до-

вольно знаетъ, и дѣлаетъ, мною руководимая, а не въ нарядахъ, суетѣ и праздномысліи время препровождаетъ; по трудамъ моимъ и милости Творца Вседержителя, житница моя не въ оскудѣніи и храмина моя не въ разореніи, что и вамъ, мню, довольно извѣстно: есть къ чему придти, есть чѣмъ заняться и къ чему прилежать. Не книжника и велемудра, не краснослова и буія, по смиренству нашему, желаемъ; но трудолюбца, послушливаго, смиреніемъ и прилежностію украшеннаго, а ученіемъ, мыслію, достаточенъ, буде пастырское благословеніе возведетъ его въ санъ діакона. Сугубо радостенъ буду и съ лобзаніемъ пріиму, если, при всѣхъ прочихъ вышеизложенныхъ качествахъ и добродѣтеляхъ, выищется и перворазрядный, и согласится воспріять отъ меня дщерь и діаконское мѣсто: не возбранно будетъ таковому, мало время помедля, и на іерейское мѣсто перейти, въ томъ же нашемъ селѣ, ибо досконально извѣстно, что священникъ нашъ, по малодушію своему и человѣческой стяжательности, не довольствуясь симъ малымъ удѣломъ, отъ Бога ему у нашего престола указаннымъ, тщится перейти въ другой, наивыгоднѣйшій приходъ. Все сіе изложивъ, со всею открытостію чувствъ и помышленій моихъ, уповаю, милостивѣйшій государь мой, высокопочитаемый и достолюбезнѣйшій братецъ, что не отяготитесь вы ходатайствомъ моимъ и усугубите ваше родственное доброжелательство на потребность нашу, въ чаяніи чего посылаю съ симъ письмомъ сестру Олимпіаду, дабы она, по женской части своей разсмотря, споспѣшествовала устроенію желанія нашего. При семъ же письмѣ не побрезгуйте скуднымъ приношеніемъ отъ деревенскихъ плодовъ и трудовъ нашихъ — свинымъ окорочкомъ собственной откормки и коп-

ченія и кадушечкой масла скоромнаго отъ обиходу хозяйки, отроковицы моей, а ващей племянницы Таисіи. За симъ письмомъ остаюсь съ нижайшимъ моимъ къ вамъ высокопочитаніемъ, благожеланіемъ и вседушевнѣйшей преданностію".

VI.

Письмо это и посольство Олимпіады увѣнчалось успѣхомъ, превзошедшимъ ожиданія. У профессора Бронзова оказался любимчикъ изъ выпускныхъ, ищущихъ мѣста, съ качествами, вполнѣ соотвѣтствующими желаніямъ покровскаго дьякона. Студентъ богословія, окончившій курсъ хотя по 2-му разряду, но съ правомъ на священническое мѣсто, сирота, испытавшій съ дѣтства крайнюю нужду, перебивавшійся въ семинаріи кое-какъ, съ полсыта, грошевыми уроками, перепиской и неоставленіемъ дальняго родственника, настоятеля одного монастыря, а также благодаря покровительству начальства, предъ которымъ былъ всегда искателенъ и низкопоклоненъ. Особенными способностями онъ не отличался, но, благодаря настойчивости и прилежанію, преодолѣвалъ до конца трудности семинарской науки, и достигъ желаемаго. Поведенія онъ всегда былъ благонравнаго и не только никогда не былъ замѣченъ въ содружествѣ съ людьми мало благонадежными, а тѣмъ паче въ карточной игрѣ, или пьянствѣ, но даже не курилъ табаку; несмотря на крайнюю бѣдность, одѣтъ былъ всегда благопристойно, одежу содержалъ въ крайней чистотѣ, носилъ ее изумительно долго и даже, какъ увѣряли товарищи, имѣлъ маленькій, тщательно скрываемый капиталецъ, будто бы до тридцати, однако, рублей. Лицомъ онъ былъ весьма красивъ и обладалъ довольно порядочнымъ

голосомъ, который никогда не расточалъ на распѣваніе хоромъ бурсацкихъ пѣсенъ гдѣ-нибудь, среди долины ровныя, за городомъ, но, какъ и все, тщательно сберегалъ и совершенствовалъ только на октоихѣ и церковномъ концертномъ пѣніи. По природѣ онъ былъ скрытенъ, необщителенъ, но тамъ, гдѣ хотѣлъ, умѣлъ заискать расположеніе.

Когда профессоръ, г. Бронзовъ, принялъ отъ Олимпіады гостинцы, сопровождаемые поклонами отъ братца и племянницы, и прочиталъ письмо дьякона, то ни мало не думая, воскликнулъ:

— Имѣю, имѣю! ... Вполнѣ требуемое имѣю! ... Какъ разъ подходитъ ... Не перстъ ли сіе указующій? ... Не дальше истекшей недѣли имѣлъ разговоръ и снабжалъ совѣтами ... обѣщалъ даже содѣйствіе ... Есть, есть человѣчекъ для васъ ...

— Батюшка, Кронидъ Матвѣичъ, вѣдь, намъ хорошенькаго желательно ... Сами изволите знать: братецъ — человѣкъ состоятельный, а дочь у него одна ... Конечно, крѣпкій человѣкъ, хоть бы братецъ, но, вѣдь, уже годы его пришли дряхлые, слабосиленъ сталъ, больше храбрость только одна старая осталась, а ужъ силы прежней нѣтъ ... Долго ли, коротко ли, а ужъ немного потянетъ, придетъ его конецъ: не кому — дочери съ зятемъ все останется ... Нечего васъ и увѣрять: много теперь не дастъ, — двѣ-три сотни, что̀ ли — и во все хозяйство зятя не пуститъ, та̀къ чтобы все сдать ему на руки, этого не сдѣлаетъ, — нѐчего, ужъ я его знаю ... Такъ что же дѣлать? Можно и подождать для этого ... А насчетъ Таисьюшки ужъ и говорить нечего: степенная дѣвушка, хозяйка до всего, не сутолока какая, или не модница-франтиха ... Ужъ мужа будетъ любить да покоить, настоящая будетъ

мужу помощница, не какъ нынѣшнія, хвостовертки-шляпницы ... Да ужъ и заждалась же она, моя голубушка, судьбы-то своей: кажется, прильнетъ и не отлѣпишь! ... Такъ вотъ намъ и хочется хорошенькаго-то, чтобы со всего стоющій былъ ... Не пьющій, смирненькій! ... И изъ себя чтобы ...

— Ужъ хорошъ, говорю тебѣ: хорошъ! ... Лучше не изыщешь, да и искать нечего ... Одно только, что во священники прямо можетъ по аттестату ... во дьяконы, пожалуй, обидно покажется ... Но съ моего настоянія ... и въ виду состоятельности будущаго тестя ... полагаю — согласится ... А, вѣдь, я думаю, много ужъ накопилъ дьяконъ-то? ... Капиталъ, я полагаю, значительный имѣетъ? ... А? Какъ думаешь, тысячъ съ десятокъ, чай, есть? ...

— Не знаю, батюшка Кронидъ Матвѣичъ, истинно не знаю: не сказываетъ, вѣдь онъ ... А только гдѣ, чай, думаю, быть экимъ деньгамъ: ужъ больно много, нечто, сказалъ ...

— Есть! ... Какъ не быть! ... Больше вѣдь сорока лѣтъ на одномъ мѣстѣ сидитъ, хозяйничаетъ, торгуетъ, барышничаетъ, а проживаетъ-то, поди, пустяки, да и притомъ на всемъ на готовомъ, отъ прихода ... Хорошая ваша жизнь, деревенская! ... Нечего сказать! ... Не то, что наша городская: все купи, за всѣмъ на базаръ бѣги! ... А ужъ крѣпокъ, старикъ, надо сказать, крѣпокъ и скупъ! ... Ну, хоть бы въ нашемъ дѣлѣ взять: съ какой просьбой обращается, вѣковѣчное дѣло дѣлаетъ, судьбу дочери устроить собирается, проситъ выбрать себѣ зятя и замѣстителя, а единственной дочери—мужа ... И что̀ же, отъ всего состоянія, въ гостинецъ присылаетъ семейному родственнику? ... Окорокъ да маслица! ...

— Батюшка, Кронидъ Матвѣичъ, хотѣлъ еще прислать, это проговаривалъ: обѣщалъ ...

— Да мнѣ что! ... Я не къ тому, мнѣ все равно: я по родству готовъ постараться для племянницы... Но такъ только къ слову, насчетъ того, что прижимистъ, скупъ очень... Вотъ теперь, говоришь, сотни двѣ-три дастъ на руки жениху, и то ты это отъ себя говоришь, а онъ даже однимъ словомъ насчетъ денегъ не заикается ... Ну, что̀ это за деньги по нынѣшнему времени? Что на нихъ сдѣлаешь? ... И какъ я такому жениху, что на священническое мѣсто всѣ права имѣетъ, буду совѣтовать идти во діаконы, ради богатаго тестя, когда за невѣстой только триста рублей обѣщаютъ, и то не навѣрно ...

— Нѣтъ, ужъ это-то вѣрно, Кронидъ Матвѣичъ, ужъ это мы съ него возьмемъ... Говори, не бойся...

— Да мнѣ чего бояться ... — съ улыбкой замѣтилъ г. Бронзовъ. — Я опасаюсь, что женихъ-то на это не пойдетъ ... Не повѣритъ, что дьяконъ-то богатый ...

— Ну, это я свезу, все покажемъ: и невѣсту, и домъ, и все хозяйство ... Пускай посмотритъ, у насъ, слава Богу, всего довольно, есть что показать ...

— Да, вѣдь, денегъ-то ты все-таки ему не покажешь, а въ нихъ-то вся и сила: домашній-то скарбъ у всякаго зажиточнаго дьячка есть ...

— И я, вѣдь, ему, братцу, тоже толковала: чѣмъ, я говорю, ты сманишь хорошаго человѣка, окромя денегъ ... Да и не то, что улита ѣдетъ — когда-то будетъ, сиди да жди у моря погоды, покамъ ты помрешь, а всякъ хочетъ — дай ему на руки чистенькими ... Вотъ я ему какъ говорила ...

— Да само-собой! ..., Ну, а что же онъ?

— Да извѣстно что: все то же... Умру, говоритъ, все ихнее будетъ... Да на это нечего смотрѣть, Кронидъ Матвѣичъ, это мы обдѣлаемъ дѣло... Коли этакой женихъ, да вы напишете ему, батюшка, что безъ эстолькихъ сотъ, молъ, не соглашается, да посовѣтуете ему, чтобы не терялъ такого жениха, и пятьсотъ дастъ, право — дастъ, али и еще больше, особливо коли ему понравится, что уменъ, смиренъ, да уважителенъ... Право, будемъ обѣщать пятьсотъ, Кронидъ Матвѣичъ, въ свою голову... Только какъ бы мнѣ-то посмотрѣть его?... Можно?... Тоже тетка, вѣдь... привыкла къ Таисьюшкѣ-то, жалѣю!... Хорошенькаго-то хочется про нее, чтобы и меня, старуху, послѣ помнила, да благодарила... Поговорить бы, да посмотрѣть бы и мнѣ-то на него хочется... Право, ну!...

Олимпіада прослезилась.

— Да это отчего же?... Легче ничего быть не можетъ: вотъ велю ужо̀ къ вечернему чаю придти... И насмотритесь, и наговоритесь... Да ужъ впередъ знаю, что понравится, лучше вамъ не найти... только бы онъ-то согласился...

— Дай-то Господи... А изъ себя-то каковъ?... Мы, вѣдь, вотъ бабы: кому что̀, а мы и объ рожѣ-то тоже сомнѣваемся... Ты не взыщи на мнѣ, старухѣ, Кронидъ Матвѣичъ,—можетъ глупое слово какое сказала... Хочется Таисьюшкѣ-то потрафить, чтобы во всемъ авантажѣ былъ паренекъ... и съ лица, и съ карахтера... Такъ изъ себя-то ничего, Кронидъ Матвѣичъ?... Не рябой, не корявый, али не мухортикъ какой махонькій?... Она-то, вѣдь, у насъ рослая изъ себя... Ей надо въ пару... Изъяна какого нѣтъ ли въ ёмъ?

— Не безпокойся: все на своемъ мѣстѣ, какъ

говоритъ одинъ авторъ ...—отвѣчалъ Бронзовъ, весело посмѣиваясь. Не то что съ изъяномъ съ какимъ, а молодецъ вполнѣ, красавецъ-мужчина ... И голосъ имѣетъ пріятный ... По правдѣ сказать, наружнымъ-то видомъ онъ Таисѣ-то и не пара ... Ей, вѣдь, ужъ, поди, перевалило за двадцать за пять, да и собой-то она не очень была красива ... да худая такая ...

— Ай, чтой-то ... Ну-ка, полно, ничего ... Чѣмъ не дѣвка: сухопаровата, правда, — такъ, вѣдь, батюшка, дѣвушка, вѣдь! ... Подумай-ка сколь ждала, а вотъ замужъ-то выйдетъ, раздобрѣетъ и она въ годъ ... А ужъ честная-то, такъ голову на плаху кладу ... Ужъ будь женишекъ покоенъ! ... Что мать-то покойная, что я, съ глазъ не спускали, да и сама она, нечего сказать, степенная дѣвушка, не запялитъ глаза не въ свое мѣсто ... Нѣтъ, нѣтъ, надо чести приписать, блюденая дѣвка! ... Въ полномъ видѣ невѣста! ... Безъ захулу! ... А какъ, сударь, Кронидъ Матвѣичъ, звать-то его? ... Имячко-то его какое будетъ? ...

— Этого кого? ... Жениха-то, что ли?

— Ну, знамо ... Имя-то какое и прозваніе ихнее?

— Имя тоже хорошее: Іаковъ Горскій ...

— Ну, вотъ, прекрасное и имя, и прозваніе ... Дай, Господи, въ добрый часъ! ... Кабы намъ экое дѣло сдѣлать! ... Да хорошенькаго бы ... Вѣкъ бы за васъ стали Бога молить! ...

VII.

Іаковъ Горскій, явившійся къ вечернему чаю, совершенно очаровалъ собою тетку Олимпіаду: онъ понравился ей не только своимъ ростомъ, дородствомъ и красивымъ лицомъ, но особенно тѣмъ, что

ходилъ не спѣшно, осмотрительно и безъ стуку, кланялся низко, сидѣлъ на стулѣ степенно, склоня голову, со скромною привѣтливою улыбкою на устахъ, говорилъ тихо и ласково, громко не смѣялся, даже откашливался и отхаркивался въ руку, собесѣднику въ упоръ въ глаза не смотрѣлъ, а вскинетъ глазами изрѣдка вверхъ, взглянетъ вскользь, съ подобострастіемъ, и сейчасъ же скромно опуститъ ихъ, ровно красная дѣвица. Передъ теткой Олимпіадой сидѣлъ идеальный женихъ, о которомъ она даже мечтать не смѣла: это былъ въ ея глазахъ какой-то ковчегъ, въ которомъ собраны щедрою рукою всѣ достоинства, желаемыя въ женихѣ Таисіи. Послѣ часовой бесѣды она сгорала отъ нетерпѣнія приступить къ дѣлу и внутренно сѣтовала на г. Бронзова, что онъ не начиналъ, а сидѣлъ какъ будто совсѣмъ спокойно и беззаботно, разговаривалъ о предметахъ совсѣмъ постороннихъ, къ дѣлу не относящихся, и посматривалъ то на жениха, то на тетку Олимпіаду съ какой-то неопредѣленной, двусмысленной улыбочкой: онъ видѣлъ впечатлѣніе, которое произвелъ его протежэ на тетку, и эгоистично любовался и тѣшился этимъ, какъ бы кокетничая и поддразнивая старуху. Супруга г. Бронзова, дама тучная, но нрава нетерпѣливаго, выручила ее.

— А что, Горскій,—вдругъ круто, безъ всякой подготовки, спросила она: — есть у тебя что въ виду? ...

— Это насчетъ чего изволите?—уклончиво переспросилъ Горскій, хотя и понималъ, о чемъ спрашиваетъ его г-жа Бронзова.

— Извѣстно о чемъ: о мѣстахъ ... Хлопоталъ, вѣдь, чай, тоже навѣдывался. Есть ли невѣсты-то на примѣтѣ? ...

Бронзовъ нахмурился, у тетки Олимпіады захватило духъ.

— Какъ же-съ... Имѣю двухъ ...—конфузливо и скромно отвѣчалъ Горскій, сразу понявшій, зачѣмъ его пригласили къ чаю и что значило присутствіе за нимъ пріѣзжей родственницы, не спускавшей съ него жаднаго, пытливаго взгляда.

— На какія же ваканціи: на священническія?— вмѣшался Бронзовъ, вдругъ сдѣлавшійся серьезнымъ и даже нѣсколько мрачнымъ.

— Всеконечно ... — отвѣчалъ Горскій, все-таки съ приличною скромностію:—потому аттестатъ мой дозволяетъ ...

— Само-собой! ...—согласился Бронзовъ.—Что же, въ городѣ, или въ село? ...

— Оба въ селахъ ...— отвѣчалъ Горскій, подумавши.

— И хорошія мѣста?

— Достаточныя ...

— Что же, справки наводишь, или ѣхать ужъ собираешься на смотрины? ... Можетъ быть, уже и перевѣдывался? ...

— Было все ... отчасти ... Вдругъ этого дѣла нельзя ... А безъ вашего совѣта ни на что не рѣшусь ...

Бронзовъ бѣгло, съ достоинствомъ, взглянулъ на Олимпіаду.

— А хочешь посовѣтоваться, можетъ, секретно... Пойдемъ, отдѣльно потолкуемъ ...

Бронзовъ и Горскій поднялись и пошли въ другую комнату.

— Есть, вѣдь, всякія и священническія мѣста! ... Иное хуже и дьяконскаго! ... И опять же много нынче обманываютъ! ... — успѣла лишь только эти

слова проговорить имъ вслѣдъ оторопѣвшая Олимпіада, нѣсколько даже испуганная неожиданнымъ уходомъ гостя и хозяина.

— Мы только переговоримъ и скоро опять вернемся: вы намъ не мѣшайте ... — сказалъ Бронзовъ на порогѣ другой комнаты.

О чемъ происходилъ разговоръ между Бронзовымъ и женихомъ осталось тайною для Олимпіады, но чрезъ нѣсколько времени онъ выпустилъ изъ своей комнаты Горскаго п позвалъ къ себѣ тетку.

— Ну, переговорилъ,—сказалъ онъ,—уламывалъ: ни за что не хочетъ во діаконы ... Зачѣмъ же, говоритъ, я старался, учился, зачѣмъ курсъ на священника кончилъ .... Только тѣмъ, кажется, и поколебалъ нѣсколько, что семьсотъ рублей на руки дадите передъ свадьбой, да что, можетъ быть, въ томъ же селѣ священникомъ будетъ, такъ какъ вакансія предвидится ... Однако рѣшительнаго все не сказалъ ... Вотъ теперь ужъ твое дѣло: оканчивай, доламывай его ... Я, съ своей стороны, всѣ резоны представлялъ: и про богатство тестя, и невѣсту, и мѣсто хвалилъ ... Стоитъ на своемъ: къ чему же, говоритъ, я самъ себя добровольно въ низшій санъ низводить буду ... Да еще что тебѣ скажу ... Наслышанъ онъ, что въ вашемъ же селѣ у попа дочь невѣста, а я обмолвился, что попъ въ переводъ просится, онъ и говоритъ резонно: такъ вотъ, говоритъ, ужъ лучше же я толкнусь ко священнику ...

— Да развѣ нашъ попъ дастъ за дочкой столь, сколько нашъ братецъ?... У него семья-то самъ-девятъ, и домъ-отъ хуже нашего, а ужъ о чемъ прочемъ, али о деньгахъ — и говорить нечего ... Да онъ и перваго-то зятя обманулъ: что обѣщалъ, того не далъ, да и не изъ-чего ему дать ...

— Ну, ужъ это ваше дѣло: улаживайте какъ знаете ... Мое дѣло: вотъ вамъ женихъ, лучше не найдете, а только меньше семисотъ нечего его и потчивать, и чтобъ четыреста рублей отдать тотчасъ послѣ благословенія, а триста въ день свадьбы, или какъ ужъ вы тамъ сладитесь ... Мнѣ въ это входить не приходится ...

— Какъ же это, Кронидъ Матвѣичъ, семьсотъ рублей? ... И опять же всѣ вдругъ до свадьбы ... Не могу я этого обѣщать: я наобѣщаю, а какъ онъ, братецъ, и меня-то съ нимъ погонитъ ... Одна срамота будетъ тогда! ...

— Ничего, ничего я этого не знаю, и входить въ это не могу и не желаю ... По-моему, вотъ это такъ срамно: богатый человѣкъ, одна дочь, изыскиваетъ хорошаго жениха, является самый благожелательный человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ, даже превосходитъ всякія ожиданія, а вы торговаться съ нимъ будете; чѣмъ бы привлекать и уловлять всячески, а вы будете утѣснять и нажимать его ... Всеконечно тогда плюнетъ и уйдетъ: и тутъ же у васъ, на глазахъ, возьметъ попову дочь и будетъ попомъ въ вашемъ же селѣ ... Вотъ тутъ каково будетъ? ... Съ этакой скупостью вамъ не то, что наилучшаго жениха выбирать, а отдавать Таисью-то за перваго встрѣчнаго ... Только бы взялъ, Христа ради ...

— Ай, чтой-то, Кронидъ Матвѣичъ, батюшка, неужто ужъ такъ наша невѣста самая послѣдняя ... противъ всѣхъ? ... И гдѣ-то нигдѣ, такъ высматриваютъ, да выбираютъ жениховъ-то ... кои получше... а не то, что такъ: перваго встрѣчнаго! ... Чтой-то, Господи, помилуй ...

— Ну, такъ то-то и есть ... Хотите получше,

такъ и раскошеливаться придется ... хочешь — не хочешь ...

— Да кабы моя воля-то была, такъ я бы ... неужто бы я пожалѣла чего, коли этакой человѣкъ подвернулся? ..

— Ну, какъ хотите ... Я свое дѣло сдѣлалъ, что по родственному слѣдовало ... А тамъ ваше дѣло ... Пойдемъ ... Вѣдь, еще неизвѣстно, и на это-то согласится ли онъ, Горскій-то ... Еще сама поговори съ нимъ ... А ужъ я другого подобнаго въ виду не имѣю: есть, вѣдь, ихъ много, но только тѣхъ прочихъ я на свою рекомендацію не приму ... Ищите сами, если съ этимъ не сдѣлаетесь ...

Послѣ этого разговора тетка Олимпіада принялась усиленно за уловленіе желаннаго жениха. Она возвратилась къ прерванному разговору объ исканіи мѣста и внушала Горскому, что иныя священническія мѣста бываютъ хуже дьяконскихъ, что для молодыхъ супруговъ самое тяжелое и трудное дѣло придти къ пустому дому и вновь обзаводитьса и устраиваться ... „А ужъ на что лучше и спокойнѣе, какъ придешь ко всему готовому: ни о чемъ не горюй — не думай, живи, проклажайся въ свое удовольствіе съ молодой супругой“ ... Она увѣряла также неопытнаго юношу, что „во дьяконахъ на первое время гораздо способнѣе и покойнѣе, пока не осмотришься и не привыкнешь: ходи, знай, за попомъ, дѣлай изъ-за него, нѣтъ ни въ чемъ твоей заботы и твоего отвѣта .... Ну, а въ попы-то перейти, кто по разряду вышелъ, завсегда можно“ ... Также и насчетъ невѣсты разсказывала, что всякія бываютъ: „дѣвчонку молодую взять, такъ вмѣсто, чтобы дѣло съ нея спрашивать, — ходи за ней, да учи-пріучай ко всему, а въ хозяйствѣ, въ домѣ, изъ-

за того, чѣмъ бы прибыль, — одно во всемъ умаленіе... Да еще, храни Богъ, которая попадется слабая да балованная: у отца-то не при дѣлѣ, а на бездѣльѣ, въ холѣ, да въ баловствѣ, на однихъ нарядахъ жила... Тутъ ужъ мужу бѣда совсѣмъ: чѣмъ бы ей дѣло дѣлать, да въ хозяйствѣ все управлять, какъ лучше, она мужа-то смаетъ: добывай, нарядовъ ей шей, за ней ровно за королевой ухаживай, работницу ей нанимай, а то въ тоску, въ скуку, да въ болѣсть ее бросаетъ... Видали мы много, вѣдь, такихъ примѣровъ-то: вотъ не далеко ходить, у Николы въ Березкахъ, въ селѣ, попъ-то молодой, изъ себя умный и тихой, кроткой такой, на дочери благочиннаго женился, думалъ — домъ богатый, тестюшка живетъ пышно... ну, благочинный, доходы имѣетъ большіе, за дочерью наобѣщали много, думаетъ: невѣсть какую благодать Господ подаетъ, а того не сдогадался, что у благочиннаго семья-то восемь человѣкъ, да все, почитай, дочери, сыновей-то одинъ ли, двое ли, только... Ну, сударь мой, мѣсто вышло ему у Николы въ Березкахъ не важное, голодное, народъ тамъ бѣдный, да балованный, къ церкви не прилученъ... Обженился нашъ попъ Семенъ, къ мѣсту ѣхать надо, обзаводиться нужно, проситъ обѣщанныхъ денежекъ, а тестюшка говоритъ: — погоди, другъ любезный, поисхарчился на свадьбу, на наряды для твоей же жены, погоди, погоди, вотъ деньгами пособьюсь, тогда... Дѣлать нечего: поѣхали... Пріѣзжаютъ, дома-то нѣтъ, покупать надо, а денегъ нѣтъ, старый попъ въ пожданье хошь и продаетъ домъ, да вдвое проситъ, а ничего не подѣлаешь: покупать надо, не на волѣ, али не на фатерѣ у причетника жить... Ну, нечего дѣлать, взялъ на шею обузу, долгъ —

купилъ домъ... Домъ-отъ есть, да въ дому-то ничего: голыя стѣны, ни лошади, ни коровы, ни ложки, ни плошки, — ничего: все покупай на чистенькія... А гдѣ ихъ взять?... А окромя того: ѣсть, пить надо... Пишетъ къ тестю: ни привѣта, ни отвѣта... Бѣгаетъ по прихожанамъ: по фунтикамъ муку занимаетъ... А жена сидитъ разряженная, чаю, сахару, конфектовъ проситъ, а ужъ какой чай, сахаръ, коли хлѣба нѣтъ... Реветъ, плачетъ, убивается, съ лица худѣетъ, попа бранитъ, точитъ ровно ржа желѣзо... Пошли у нихъ ссоры, свара, брань, ругань, до драки дѣло доходитъ... А прихожане смотрятъ, осуждаютъ: вотъ, молъ, какой попъ пріѣхалъ: съ молодой женой, со красивой, согласу нѣтъ... И видно попъ не путной: ни коровы, ни лошади не заводитъ, а въ суконной рясѣ ходитъ и жена въ шерстяныхъ платьяхъ, да въ шляпкахъ въ будень день на улицу показывается... Что̀ же, вѣдь, ты думаешь, вышло?... Году не прошло: сбѣжала вѣдь, отъ него жена-то... Право, ну!... Къ отцу уѣхала: онъ, говоритъ, мой попъ, съ голоду меня моритъ, мучитъ, тиранитъ, бьетъ, при моихъ цвѣтущихъ годахъ въ чахотку меня вгоняетъ, и теперь, говоритъ, ужъ я чахотку въ себѣ, кашель, чувствую... Ка̀къ ты думаешь: вѣдь, до владыки дѣло доходило... Пріятно это?... Да самъ разсуди: какой попъ безъ попадьи?... Особливо молодой человѣкъ... Соблазнъ!... Благочинный узналъ, что попъ безъ жены живетъ, а по священству своему службу всякую правитъ и таинства совершаетъ, знамо, усумнился, да и сутяжный же старичонко — преосвященному донесъ... Вытребовали, вѣдь, попа-то въ консисторію, внушеніе сдѣлали, велѣли, какъ хочетъ, а чтобъ попадья была при немъ... А та.

сказываютъ, ему перстъ до кости прокусила, съ того страха больше и сбѣжала, чтобы ко отвѣту не попасть... Такъ вотъ онѣ каковы, модницы-то поповы дочери, бѣлоручки... на боловствѣ-то, да на нарядахъ врощенныя!...

— Нѣть, а вы, Яковъ Логинычъ, не того ищите, а ищите, чтобы хоть не больно молода и модна, да чтобы дѣвушка-то была смирная, да степенная, ко всякому дѣлу рукодѣльница, а изъ дома, изъ хорошаго, изъ хозяйственнаго, чтобы было къ чему придти: не къ пустымъ стѣнамъ. Вотъ хочешь ли, Яковъ Логинычъ, такую высватую: есть у меня такая на примѣтѣ... Какъ разъ по тебѣ, въ твою руку... хочешь ли?

— Надо сначала посмотрѣть... Какъ же такъ, не видавши... уклончиво отвѣчалъ Горскій.

— А, поѣдемъ, поѣдемъ со мной: я тебѣ покажу... И невѣсту покажу, и домъ, все: небось, не много этакихъ хозяйствъ и промежду поповъ... А невѣста-то — одна дочь у отца: все ей достанется, все къ ней перейдетъ... Поѣдемъ, вправду говорю, хошь завтра же съ утра...

— Да позвольте же узнать: кто такіе будутъ?..,

— Да ужъ что тебѣ заглазно разсказывать: пріѣдешь — все самъ увидишь и узнаешь. И съ невѣстой, и съ отцомъ самъ переговоришь... Ужъ, говорю тебѣ, поѣдемъ, жалѣть не будешь, не даромъ съѣздишь...

— Однако, помилуйте, какъ же это ѣхать и самъ не знаю куда... коли мнѣ ничего даже неизвѣстно... Это никакъ невозможно...

— Ну, да что тебѣ... Ну, я, пожалуй, скажу: не за кого нибудь хочу сватать, а за свою родную племянницу... Вотъ и Крониду Матвѣичу двою

родная племянница приходится: женишься, Богъ дастъ, и съ нимъ породнишься ... Вотъ у насъ родня-то ... не кое-какая ... Не стыдно и вамъ будетъ породниться! ...

— Конечно, это сколь пріятно, столь и лестно ... Но, вѣдь, какъ я наслышанъ, братецъ Кронида Матвѣича дьякономъ, слѣдовательно за невѣстой дьяконское мѣсто ... А я во священники могу прямо ... полное право имѣю ...

— Никто тебѣ и не закажетъ: побудь сперва дьякономъ, а опосля, коли захочешь, и въ попы перейдешь ... А по крайности, ты невѣсту возьмешь не въ одномъ платьѣ, не съ пустыми руками ... ужъ, сказать, что съ полнымъ домомъ ...

— А какое за ними награжденіе отъ родителя? ...

— Да какое? ... Дочь-то у отца одна, что ни есть — все ваше будетъ; съ собой въ гробъ ничего не возьметъ ... А ужъ лѣта его преклонныя ...

— Нѣтъ, что это ... Не о томъ! Дай Богъ имъ добраго здоровья и долгихъ дней жизни ... По одному христіанству, объ этомъ думать и желать не слѣдуетъ, а ужъ кольми паче по родству ... Нѣтъ я про то, сколько на руки, такъ сказать въ приданое, въ награду дочери назначаютъ? ... Вонъ мнѣ сватаютъ священническую дочь, и тоже прямо на отцовское мѣсто, и пятьсотъ на руки обѣщаютъ, а домъ, тамъ и все прочее ... то само собой ... Такъ, замѣтьте, — прямо во священники, а не во дьяконы ...

— Да ужъ поѣдемъ ты только, да покажись самому-то: можетъ, онъ и не то тебѣ пообѣщаетъ ... Слава Богу, ему есть изъ чего дать ... А куда ему беречь-то на старости лѣтъ: ему былъ бы только

спокой, да всякое почтеніе и уваженіе отъ васъ... А ему бы на васъ смотрѣть да тѣшиться ...

— Это само собой! ... Родителю всякое почтеніе и подобострастіе слѣдуетъ отъ дѣтей, а равномѣрно и тестю отъ зятя! ... Это уже по всякому закону, по божескому и по человѣческому ... а особливо еще, если родитель щедроты свои изливаетъ на присныхъ своихъ ... Что до меня, такъ я всегда помню наставленіе: старца почти! Ужъ не говоря о заповѣди Господней: чти отца твоего и матерь твою! ... И ужъ, конечно, хоть бы и отецъ дьяконъ — не согласятся же они, при живности своей, передать въ наши руки все свое имущество, да и требовать этого нельзя, не деликатно даже, но и намъ оставаться безъ копѣйки въ рукахъ тоже невозможно. Вотъ посему и нужно переговорить и условиться обстоятельно ...

— Вотъ, вотъ, батюшка, вотъ ты этакъ-то ему: о почтеніи-то, да о покорности, что, молъ, на всю вашу жизнь ... ты этакъ-то съ нимъ поговори: успокой ты его только, да по ндраву его потрафь, такъ онъ не пожалѣетъ, наградитъ ... Да, молъ, желаю трудиться по примѣру вашему и по благословенію родительскому ... Ну, благословляй его, Кронидъ Матвѣичъ, ѣхать-то со мной ...

— Что же? По-моему, съ Богомъ, если есть свое доброе желаніе ...

— Да, батюшка, Кронидъ Матвѣичъ, не оставьте вы его вашими умными наставленіями ... Ну, что я, баба старая, глупая, — вы люди умные, ученые, гдѣ мнѣ противъ васъ говорить ... Не оставьте, Кронидъ Матвѣичъ ...

— Да ужъ что тутъ лишнее говорить ... какія тутъ наставленія? ... Съ Богомъ! Вотъ одно

слово ... Онъ самъ не дуракъ: самъ все увидитъ и разсмотритъ: есть ли интересъ для него какой, или нѣтъ ... Извѣстно, моя племянница невѣста хорошая, ну, да и онъ женихъ не плохой, имъ нигдѣ не побрезгуютъ ... Что говорить: пара бы была, а впрочемъ — все въ волѣ Божіей ... Ну, и въ братцѣ много состоять будетъ: какъ онъ раскошелится ... Что же, поѣзжай, Горскій, посмотри ... Дай Богъ счастливо .... А богатъ будешь, насъ не забывай: не возгордись! ...

Горскій подобострастно улыбнулся.

— Чего никогда не можетъ статься, Кронидъ Матвѣичъ, чтобы передъ вами, наставникомъ и благодѣтелемъ, могъ какую гордость имѣть ... сказалъ онъ. — Вы мнѣ замѣсто отца ...

— На свадьбу-то, чай, пригласишь, коли сладитесь?—продолжалъ шутить г. Бронзовъ.

— Не только, Кронидъ Матвѣичъ, но слезно буду просить въ отца мѣсто, съ кѣмъ бы и когда бы ни привелось мнѣ сочетаться ... А Марью Антоновну, чтобы за родительницу благословила меня, потому — какъ есть я сирота круглый и вы одни мои благодѣтели и, по духу, родня ... тѣмъ же паче, если Богъ благословитъ, породнимся и по плоти ...

Яковъ Горскій говорилъ съ чувствомъ и даже прослезился. Навернулись слезы отъ чувства и у г. Бронзова.

— Благодарю, я всегда считалъ тебя признательнымъ ... проговорилъ Кронидъ Матвѣичъ. — Надѣюсь, что не забудешь все мое попеченіе и стараніе о тебѣ ...

VIII.

На слѣдующій день тетка Олимпіада повезла съ собою, на своей лошади, избраннаго жениха. Она

была неспокойна: у нея захватывало дыханіе — и отъ радости, что она такъ скоро и успѣшно исполнила порученіе и свое собственное желаніе — отыскала и везла племянницѣ въ женихи такого умницу и смиренника, и красавца, — и отъ боязни, что они не сойдутся въ рядѣ со старикомъ, и что этакое сокровище, пожалуй, сманитъ попъ и женитъ на своей пучеглазой. Эта пучеглазая, смазливая попова дочь особенно безпокоила тетку Олимпіаду: какъ ни былъ скроменъ, степененъ, и, какъ видно, разсчетливъ и падокъ на денежку Яковъ Горскій, но все-таки онъ еще молодой человѣкъ, не установился вполнѣ, неопытенъ и сердцемъ еще слабъ: долго ли до грѣха, увидитъ красивую молоденькую дѣвчонку, да еще попову дочь, да еще наобѣщаютъ тамъ съ три короба, — какъ-разъ перекинется туда. Бѣда тогда будетъ сущая: срамъ-то срамомъ, и для Таисьи, и для нея, свахи, — да ужъ очень и обидно: на самыхъ на глазахъ другую возьметъ, изъ рукъ уйдетъ... На улицу-то, кажись, послѣ этакого зазора не выйдешь цѣлый годъ, да и Таисья-то смается совсѣмъ, особливо коли увидитъ его да понравится...

Олимпіада задалась задачей провести Горскаго къ себѣ въ домъ такъ, чтобы ни онъ никого, ни его никто на селѣ не видалъ: нарочно медлила дорогой и пригоняла, чтобы пріѣхать домой вечеромъ или хоть въ сумерки; а между тѣмъ во время всего пути — и кстати, и некстати — ругала своего попа и все его семейство, особливо дѣвокъ. Чего-чего ужъ она не наговаривала и не измышляла въ охужденіе попа и всей его семьи: и какія всѣ онѣ беззаботныя и бездѣльныя, какія сластоѣжки, и франтихи, и даже безпутныя, намекала что-то очень понятное про молодого дьячка и попадью, про попову

дочь и кабатчика... „Изъ мѣщанъ, — холостой да лихой такой былъ, сквернословъ окаянный, — знамо, кабатчикъ... А все вертится у попа, все у попа... И дочка тутъ... Деньги, чу, попу-то взаймы давалъ изъ-за дочки-то... Ну, тотъ и мирволилъ имъ!..“ И про то разсказывала, какой попъ сутяга и какъ онъ обманулъ перваго зятя... „А и живутъ теперь, говорятъ, плохо: бѣдно, да и ссорятся... Онъ-то человѣкъ смирный, хорошій, а она-то — охалка, этакая же безпутная, что̀ и вторая-то сестрёнка, дѣвка-то“ ...

— Да что, отецъ дьяконъ, въ ссорѣ, что ли, со священникомъ?.. Неудовольствіе, должно быть, промежъ ихъ есть?.. спросилъ, наконецъ, Горскій, наслушавшись злорѣчивыхъ разсказовъ Олимпіады.

— Нѣтъ, такъ явнаго ничего нѣтъ, живемъ въ согласіи, — отвѣчала Олимпіада, спохватившаяся, что, видно, много черезчуръ переложила усердія. — Нѣтъ, вѣдь, что̀ братецъ, что мы съ Таисьей — уступчивы, да мы и изъ дома-то мало выходимъ, нѐкогда намъ, мало съ ними и знаемся, — а такъ, отъ людей... Люди что говорятъ, — вотъ мы и слышимъ...

— Клеветы, можетъ быть, однѣ, сплетни... Люди злоязычны!..

— Ну, батюшка, и люди наобумъ говорить не станутъ, — что нибудь да есть... Худая-то слава бѣжитъ... Да, вѣдь, ужъ по-сосѣдству живемъ, тоже и видимъ... Нѣтъ, ужъ нѣтъ, худого не похвалишь...

— Мнѣ только одно удивительно, продолжалъ Горскій: — хвалите вы приходъ, разсказываете, какое состояніе нажилъ въ немъ отецъ дьяконъ... А, вѣдь, священникъ, по крайней мѣрѣ, вдвое долженъ получать противъ дьякона, — какъ же онъ такъ бѣд-

ствуетъ, что даже безъ долговъ прожить не можетъ... Вотъ что мнѣ не вразумительно! .. И опять же говорите: цѣлая деревня старовѣрства придерживается — это все наиболѣе въ пользу священника, а не дьякона ... Какъ же такъ? .. Дьяконъ богатъ, а попъ крайне нуждается? .. Недоумѣваю! ..

— Ахъ, ты мой родимой, милый человѣкъ, развѣ тутъ въ одномъ приходѣ сила? .. Сила, батюшка ты мой, въ головушкѣ перво-на-перво: умная головушка, куда ты ее ни запри, съумѣетъ промыслить про-себя, а глупая-то, пустая которая, — и на богатомъ мѣстѣ ничего не наживетъ, все измотаетъ. . . Это человѣкомъ ... Не то, что ... а и готовое-то проживетъ ... Недаромъ сказано: „глупому сыну не въ помочь богатство! ..“ Все это, батюшка, все въ себѣ, все въ человѣкѣ зависитъ! .. Да нашего братца, особливо какъ помоложе былъ, на какое мѣсто хочешь посади — онъ вездѣ, кажется, свое возьметъ! .. Оборотистъ ужъ очень ... Смотри-ка, ка̀къ у него: всѣмъ торгуетъ! .. Ну, да и крѣпонекъ! .. Опять же и семья у него маленькая, дѣтей-то одна Таиса ... Ну, а попъ большесемейный ...

— Стало быть, приходъ-то очень плохой, малодоходный ... такъ что отъ паствы, отъ одной, безъ сторонняго оборота, не проживешь? .. Это, дѣйствительно, — не всякій на то способенъ ...

— Нѣтъ, вѣдь, и приходъ, ты не думай ... Съ нашего прихода сходъ хорошій! .. Смотри-ка, сколь всякой нови собираютъ: не то самимъ не переѣсть — сколь продаемъ! .. Это грѣхъ пожаловаться! ..

— Все-таки священникъ получитъ вдвое противъ дьякона ... во всякомъ разѣ ...

— Ну, извѣстно! .. Такъ что? Развѣ мы тебя попомъ-то не сдѣлаемъ? .. Небось, поживи годокъ-

другой, а тутъ и въ попы... И Кронидъ Матвѣичъ похлопочетъ... Да и со своими денежками-то развѣ долго, особливо же у тебя разрядъ... въ попы?.. Что тебѣ объ этомъ думать...

— А все-таки дьяконъ — человѣкъ подначальный, не самъ себѣ хозяинъ... Все изъ-за попа живи... Непріятно...

— Ну, съ деньгами-то тебѣ вездѣ честь и первое мѣсто; не посмотрятъ и на попа, впередъ посадятъ!..

Въ такихъ и подобныхъ разговорахъ пододвигались Олимпіада съ Горскимъ къ селу. Пользуясь ими, старуха бросала возжи, и жирная дьяконская лошадь шла, едва передвигая ноги. Но какъ ни старалась Олимпіада замедлить свое путешествіе, село было уже близко, а солнце стояло еще высоко. На бѣду и Горскій соскучился тихою ѣздою.

— Далеко еще будетъ до села, до вашего?—спросилъ онъ.

— Да еще верстъ семь али восемь будетъ, а можетъ и всѣ десять: кто ихъ знаетъ — не мѣряныя онѣ... А что?

— Да ужъ очень тихо ѣдемъ... Лошадь у васъ, кажется, хорошая, а еле двигаемся...

— Какъ же быть-то, родной... хорошую скотину нужно беречь; пожалуй, перегнать-то ее недолго, да что изъ того пути-то будетъ?.. Братецъ-то у насъ аи бережливъ къ лошадямъ, жалостливъ...

— Да ужъ даже спину разломило, разморило совсѣмъ всего...

— Да, ну, ну, я поѣду пошибче... А ты вотъ что, — вдругъ надумала она: — ты лягъ въ телѣгѣ-то, протянись, да усни, а я попрытче поѣду... И не сдогадаешься, какъ пріѣдешь... Право, ложись-ка, ложись...

Горскій было поуперся; но Олимпіада остановила лошадь, подсунула спутнику подъ голову мягкій узелъ съ чѣмъ-то, настоятельно потребовала, чтобы онъ вытянулся во всю телѣгу, сама прилѣпилась съ краю и заставила свою лошадь трусить. „Вотъ бы задремалъ, — лучше бы не надо“, думала она: такъ бы и привезла его къ самому крыльцу соннаго...“

— На̀-ка отъ солнца-то, да отъ пыли, прикройся моимъ платкомъ... На́, прикройся, — настаивала она, снимая съ плечъ большой платокъ и покрывая имъ Горскаго. Онъ попробовалъ было сопротивляться, но безполезно: Олимпіада настояла. Къ великому ея удовольствію, Горскій, дѣйствительно, задремалъ.

Олимпіада поѣхала рысью, то-и-дѣло взглядывая на спутника и натягивая ему на голову сползавшій отъ тряски платокъ.

— Спи, спи, батюшка, спи... — уговаривала она его при этомъ, когда замѣчала, что Горскій полуоткрывалъ глаза. Небось, къ селу будемъ подъѣзжать,—разбужу...

Но вотъ и село. Церковь давно виднѣется изъза деревьевъ. Ѣдутъ поповскимъ полемъ. Вотъ дьяконскія полосы выдѣляются хлѣбомъ, рослымъ, густымъ, сильнымъ: хорошо бы показать жениху, похвастать, да нѣтъ, пускай лучше спитъ: захочетъ послѣ — сходитъ. Слава Богу, проѣхали и село, остался одинъ только пустырь до монастыря, т. е. поповской слободы — спитъ, не ворочается. Олимпіада зорко слѣдитъ за платкомъ: не удалось пригнать къ вечеру, не вынесетъ ли, не закроетъ ли жениха отъ жадныхъ поповскихъ глазъ эта хитрость?.. Вотъ подъѣзжаютъ къ самому монастырю: два причетническихъ дома, потомъ проулокъ, потомъ поповъ

домъ, а потомъ и дьякона. Горскій ворочается, платокъ ползетъ прочь...

— Спи, спи, батюшка, еще далеко... Вотъ сейчасъ, вотъ сейчасъ! — ..говоритъ Олимпіада, закрывая Горскаго отъ завистливыхъ глазъ не только платкомъ, но даже собою. Горскій дѣлаетъ усиліе, приподнимается въ телѣгѣ, стараясь освободиться и отъ платка, и отъ Олимпіады, но и Олимпіада не плошаетъ: лѣвой рукой понукаетъ жирнаго лѣнивца, тотъ крупной рысью проносится мимо поповскаго дома. Горскій, наконецъ, поднимается, садится въ телѣгѣ, протираетъ глаза и поправляетъ волосы и шапку, но они уже у самаго крыльца дьяконова дома. Все это видѣли и отъ попа, и отъ дьячковъ, и впослѣдствіи со злорадствомъ разсказывали, что тётка Олимпіада жениха Таисѣ подъ рогожкой провезла... Какъ бы то ни было, Олимпіада достигла цѣли: доставила жениха прямо въ домъ, не показавъ его никому изъ сельскихъ и не допустивъ его разсѣяться и смутиться духомъ отъ лицезрѣнія посторонних красотъ.

На крыльцѣ Горскаго встрѣтилъ дьяконъ и по велъ тотчасъ же въ комнаты, откуда семинаристъ долженъ былъ выдти обратно на улицу или женихомъ Таисы, или врагомъ дома, которому навсегда уже закрытъ доступъ въ него. Олимпіада рѣшила въ душѣ своей не спускать глазъ съ жениха и поставить дѣло сватовства такъ, чтобы скупой старый дьяконъ вынужденъ былъ согласиться на всѣ условія Горскаго. Она надѣялась этого достигнуть, во-первыхъ, посредствомъ письма г. Бронзова, въ которомъ онъ рекомендовалъ жениха съ самой отличной стороны; во-вторыхъ, безвыходностью положенія, въ которое будетъ поставленъ дьяконъ: или потерять

такого прекраснаго зятя, ославить дочь, что отъ нея отказался первый женихъ, за которымъ нарочно въ городъ ѣздили, зазывали, заманивали, въ домъ привозили, — или устроить засидѣвшуюся невѣсту, вынувши прежде времени лишнюю сотню-другую рублей, которая ей же бы пошла послѣ его смерти. Въ томъ, что женихъ понравится и дьякону, и Таисѣ, Олимпiада не сомнѣвалась. Вообще она ни въ чемъ не ошиблась.

Узнавши требованiя Горскаго, старый дьяконъ сначала даже ужаснулся, заломался и сказалъ наотрѣзъ, что у него даже и денегъ такихъ нѣтъ; но послѣ продолжительной перепалки съ сестрою, которая корила и срамила его, грозила ссорой съ г. Бронзовымъ и, наконецъ, призвала Таисiю, которая объявила отцу, что ей лучшаго мужа даже и во снѣ не снилось и что она будетъ вѣкъ безчастна, если родитель лишитъ ее такого жениха, — старикъ, наконецъ, уступилъ. Онъ остался съ Горскимъ наединѣ, т. е. полагалъ, что остался, потому что во время всего ихъ уединеннаго разговора тетка Олимпiада съ Таисiей лежали на запертыхъ дверяхъ; долго торговался съ нимъ, доказывалъ, что Горскому совсѣмъ такихъ большихъ денегъ не нужно, клялся, что у него и нѣтъ ихъ, и если давать, то придется самому занимать; но молодой человѣкъ былъ твердъ, какъ скала, и стоялъ на томъ, что у него уже есть невѣста со священническимъ мѣстомъ и съ пятью стами рублей на руки; что ему не изъ-за чего отказываться отъ готоваго уже счастья, и что онъ только по Крониду Матвѣичу, г. Бронзову, желаетъ... Горскiй намекнулъ даже, что изъ просимыхъ 700 руб. ему останется только 500, такъ какъ 200 онъ долженъ отдать долга одному благодѣтельному чело-

вѣчку; онъ не назвалъ его, но и дьяконъ, и Олимпіада поняли, что этотъ благодѣтельный человѣкъ не кто другой, какъ самъ г. Бронзовъ, выговорившій себѣ магарычъ за прежнія благотворенія и послѣднюю рекомендацію.

Олимпіада толкнула локтемъ Таисію и шепнула ей:

— Поди, Бронзову?..

— Ну, еще тамъ видно будетъ ... Больно ужъ много!.. съ неудовольствіемъ, какъ-то загадочно, проговорила шопотомъ Таисія.

— Касательно долга... Ну, это еще подождать можетъ... Долгъ-то, поди, безъ документа... Уплатишь по усмотрѣнію... когда разживешься... сказалъ съ своей стороны и дьяконъ. А для облегченія моего и чтобы не больно къ тебѣ приставали и было бы чѣмъ отъ долга отговориться, вотъ какъ сдѣлаемъ, ужъ это послѣднее тебѣ предлагаю: какъ Богъ дастъ — благословимся, обрученіе сдѣлаемъ, такъ въ тотъ день я тебѣ двѣ сотни на руки для всякихъ закупокъ насчетъ нарядовъ и всего прочаго, а въ день свадьбы вексель на себя дамъ въ пятьсотъ рублей... Вотъ хочешь?.. Кто и съ долгами пристанетъ, такъ вексель покажешь: вотъ, молъ, самъ не получилъ еще... Когда получу, тогда... Ты-то покоенъ: съ меня-то ужъ получишь... Весь домъ въ твоихъ рукахъ будетъ... Да и мнѣ не занимать стать, или товару за безцѣнокъ не продавать, нá-скоро... Ну, и отъ благодѣтелей-то утѣсненія не будетъ: нѣтъ, такъ негдѣ взять... Подумай-ка! Это послѣднее ужъ... Больше мнѣ нечего для тебя и сдѣлать, лучше этого... Помысли, говорю... Чтò тебѣ? Къ чему такъ ужъ очень спѣшить съ деньгами?.. Знаю, молодому человѣку

лестно имѣть прямо капиталъ въ рукахъ, да, вѣдь, вексель — тотъ же капиталъ, а окромя того, все, вѣдь, ваше будетъ, съ собой ничего не возьму, было бы только отъ васъ почтеніе да послушаніе... Эй, помысли!..

Горскій помыслилъ, и, къ великому удовольствію всѣхъ, согласился. Дьяконъ ударилъ съ нимъ по рукамъ и облобызался. Таисія, понявъ рѣшеніе своей судьбы, вся зардѣлась, закинула фартукомъ свое лицо и убѣжала, въ сопровожденіи торжествующей Олимпіады, въ кухню, гдѣ принялась плакать и причитать. Долго не шла она на призывъ отца къ жениху, но когда вышла, то стараніями Олимпіады оказалась набѣленною и нарумяненною даже до излишества.

Затѣмъ вскорѣ Таисія стала молодой покровской дьяконицей. На бракосочетаніи ея, въ числѣ самыхъ почетныхъ гостей, находился и г. Бронзовъ, но былъ очень важенъ, молчаливъ, мраченъ и съ какою-то особенною, недружелюбною и даже язвительною усмѣшкою посматривалъ на молодыхъ. По всѣмъ признакамъ, онъ измѣнилъ свое мнѣніе о достоинствахъ жениха и выгодахъ совершившагося брака,— напротивъ, за большимъ столомъ, онъ много распространялся о людской неблагодарности, о вредѣ излишняго довѣрія и доброты къ людямъ, и о томъ, какъ легко обмануться въ человѣкѣ, повидимому, самомъ благонадежномъ. Старый дьяконъ показывалъ видъ, что не слышитъ этихъ словъ, или, по крайней мѣрѣ, не придаетъ имъ никакого особеннаго значенія, а молодые слушали ихъ смиренно, опустя въ тарелку глаза, какъ и слѣдовало новобрачнымъ

Изъ неоконченнаго романа.

Теплая іюльская ночь. Маленькій уѣздный городокъ, на берегу Волги, крѣпко спалъ. Тишина стояла мертвая: ни голоса, ни звука, ни малѣйшаго движенія, такая тишина, что съ высокаго берега широкой и какъ бы неподвижно-заснувшей Волги слышался каждый всплескъ воды отъ движенія мелкой рыбешки. Все здѣсь спало и все безмолвствовало. Изрѣдка только эта тишина нарушалась хриплымъ и полусоннымъ возгласомъ сторожа съ церковной колокольни: „слу-у-шай!", который большею частью никого не будилъ и замиралъ въ воздухѣ безъ отвѣта, а иногда вызывалъ смутный и неясный, какъ эхо, такой же отвѣтный окрикъ: „слу-у-шай!" съ колокольни на другомъ концѣ городка.

На базарной площади, сплошь почти покрытой сухимъ старымъ навозомъ, сквозь который, мѣстами, пробивалась и зеленѣла травка, стоялъ каменный домъ; въ нижнемъ этажѣ его чрезъ окна виднѣлся слабый свѣтъ, — то мерцала лампадка передъ образами, зажженная еще съ вечера и теперь почти погасающая. Она едва освѣщала низенькую комнату, по тремъ стѣнамъ обставленную дѣтскими кроватками подъ пологами. Здѣсь стояла такая же сонная тишина, какъ и на улицахъ, нарушаемая лишь всхрапываніемъ старушки-няни, спавшей на войлокѣ, положенномъ на полу, возлѣ самой маленькой дѣтской кроватки. Но вотъ, въ одной изъ кроватокъ рас-

крывается пологъ и изъ-за него осторожно высовывается бѣлая головка 10-лѣтняго мальчика. Онъ взглядываетъ на окна, прислушивается, внимательно смотритъ на няньку, затѣмъ осторожно протягиваетъ руку къ дневной одеждѣ своей, лежавшей возлѣ, на стулѣ, достаетъ съ полу лежавшіе около постельки башмаки и закрываетъ за собою пологъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ спустилъ ноги съ кроватки уже совсѣмъ одѣтый и, прикрываясь пологомъ, вновь прислушивался и особенно наблюдалъ за нянькой. Убѣдившись, что она крѣпко спитъ, мальчикъ тихонько поднялся, досталъ изъ-подъ подушки заблаговременно спрятанный тамъ свой картузъ, неслышными шагами прокрался къ окну, отперъ его, открылъ и съ видимымъ замираніемъ сердца, въ полъ-оборота оглядываясь и прислушиваясь, стоялъ нѣсколько времени, потомъ рѣшительно поднялся на подоконникъ и спрыгнулъ за окно, которое было отъ земли ниже его роста.

Осторожно закрывши за собою окно, мальчикъ пошелъ быстрыми шагами черезъ площадь. По мѣрѣ того, какъ онъ шелъ, тревога и возбужденіе мальчика затихали, и онъ глубоко вдыхалъ начинавшій свѣжѣть утренній воздухъ; при поворотѣ съ площади въ переулокъ, ему пришлось проходить мимо паперти старинной церкви, на стѣнахъ которой была картина, изображающая страшный судъ со всѣми его ужасами. Внизу картины съ одной стороны былъ нарисованъ самъ страшный сатана съ Іудой-предателемъ, сидящимъ на его колѣняхъ, въ его объятіяхъ, окруженный адскимъ огнемъ, въ которомъ мучились грѣшники, подвѣшанные на крючьяхъ то за языкъ, то за глазъ, то за ребро, то внизъ головой; кругомъ ихъ скакали безобразные черные

дьяволы съ орудіями пытокъ въ когтяхъ: съ желѣзными вилами, щипцами, скребками, связками желѣзныхъ прутьевъ, которыми они терзали тѣло подвѣшенныхъ; а съ другой стороны, въ открытую огненную пасть вереницей шли грѣшники, среди которыхъ были и цари, и князья, и архіереи, и всякихъ чиновъ люди. Сюда съ ранняго дѣтства водила его, вмѣстѣ съ братьями, няня и, указывая на страдающихъ въ геенскомъ огнѣ грѣшниковъ, толковала имъ, что ихъ будутъ на томъ свѣтѣ такъ же мучить за непослушаніе, за непочтеніе къ родителямъ и старшимъ, за лѣнь, за обманъ и даже за тѣ грѣхи, которыхъ дѣти еще не понимали и совершить не могли. Ужасомъ наполнялись дѣтскія души, и этотъ самый мальчикъ Боря (такъ звали его), какъ самый нервный и впечатлительный изъ числа дѣтей, еще 6 — 7 лѣтъ, нерѣдко цѣлыя ночи метался въ горячечномъ бреду, ожидая наступленія страшнаго суда. Теперь, проходя мимо паперти, мальчикъ невольно вздрогнулъ, снялъ шапку, перекрестился и, стараясь не смотрѣть по сторонамъ, спѣшилъ миновать церковь. И въ то же время, точно нарочно, среди окружавшей его тишины, неожиданно раздалось глухое и отдаленное: „слу-у-шай!“ Мальчикъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ, мурашки побѣжали отъ затылка къ спинѣ, и онъ, закрывши глаза, почти бѣгомъ бросился впередъ по безмолвному переулку, но скоро пришелъ въ себя и успокоился, когда услышалъ отвѣтный и ясный крикъ сторожа съ ближайшей церковной колокольни: близость живого и бодрствующаго человѣка успокоила его.

Борѣ предстояло пройти переулокъ, перейти по досткамъ черезъ рѣчку, впадающую по близости въ Волгу и отдѣляющую зарѣчную часть города, затѣмъ

подняться на высокую гору, составлявшую противоположный берегъ рѣчки.

Здѣсь, наверху, на него пахнулъ свѣжій утренній вѣтерокъ, а на восточной сторонѣ неба — онъ замѣтилъ розовую полосу, предвѣстницу солнечнаго восхода, который онъ и хотѣлъ видѣть со знакомаго ему мѣста на высокомъ берегу Волги.

Для того, чтобы насладиться этой картиной, одному, безъ свидѣтелей, безъ докучнаго надзора и вразумленія старшихъ, онъ и рѣшился на свое таинственное путешествіе ночью, черезъ окно, на зло тому строгому порядку и дисциплинѣ, въ которыхъ держалась вся семья. Боря родился и выросъ въ этомъ городкѣ. Самыя раннія дѣтскія впечатлѣнія его были отъ Волги и красивыхъ окрестностей города, куда ихъ водили гулять. Онъ безсознательно, но страшно полюбилъ окружающую его природу, а особенно эту свою Волгу.

Это родственное чувство его къ природѣ было почти такое же, какъ къ родной семьѣ. Его сердце умилялось, восторгалось и ласкало ее такъ же, какъ родныхъ братьевъ и сестеръ, малѣйшее непризнаніе ея красотъ и достоинствъ оскорбляло его, возбуждало въ немъ досаду, гнѣвъ, негодованіе, онъ ревновалъ ее и не хотѣлъ признать, что есть что нибудь лучше и красивѣе того, что онъ видѣлъ съ колыбели, и что наполняло его душу такимъ трепетомъ, такимъ восторгомъ и радостью, какіе давала ему окружающая природа и эта несравненная красавица Волга, широкою лентой опоясывающая его родной городокъ.

Онъ зналъ и видѣлъ ее во всѣхъ фазахъ ея жизни: и раннею весною, когда она снимала съ себя зимніе ледяные покровы и, разрывая ихъ, съ серди-

тымъ шумомъ и трескомъ крушила, громоздила другъ на друга и разбрасывала ледяные куски своей зимней одежды, и когда, очистившись отъ нихъ, она разливалась на необъятномъ просторѣ и поднимала свои воды почти до подножія строеній, поставленныхъ на высокомъ правомъ берегу. И мальчику тогда казалось, что она и всегда должна быть такою многоводною, непобѣдимо сильною и могучею и что ее, какъ сказочную царевну, на время только, усыпляла какая-то враждебная сила или, какъ богатыря, обезсиливали временно волшебныя чары, но съ помощью благодѣтельной феи, въ лицѣ краснаго горячаго солнца, царевна просыпалась, а богатырь разрывалъ свои волшебствомъ накинутыя цѣпи. Боря видѣлъ и любовался ею, — и въ лѣтнее время, когда она мирно и ласково несла на себѣ цѣлые караваны вооруженныхъ парусами судовъ, которые казались издали стадомъ большихъ бѣлыхъ птицъ, спокойно плывущихъ на ея водахъ, или когда слышалась съ этихъ судовъ тягучая пѣсня бурлаковъ, которая почему-то трогала и щемила его сердце. Восторгался онъ и трепеталъ отъ ужаса при видѣ мощи и силы во время бури, когда Волга сердилась и гнѣвалась, вздымала и бросала бѣлыя разлетавшіяся брызгами волны, крутила и кидала какъ щепки, большія лодки. Въ воображеніи мальчика, Волга представлялась ему живымъ существомъ, которое и дышало, и чувствовало, и любило, и ласкало, и радовалось, и страдало, и гнѣвалось. Онъ умилялся, смотря на нее въ лѣтніе тихіе вечера, когда въ воздухѣ стрѣлами проносились стрижи и ласточки, возвращающіеся въ свои гнѣзда; солнце, закатываясь, постепенно погружалось въ нее, какъ бы гася и расплавляя въ ея водахъ свои огненные лучи, а Волга

мирно отходила ко сну, убаюкиваемая пѣсней, несущейся съ судовъ, остановившихся на отдыхъ и этой пѣсней какъ бы ласкающихъ свою кормилицу, свою добрую ласковую няню.

Не удавалось только видѣть Борѣ восхода солнца на Волгѣ, но онъ слыхалъ отъ старшихъ, что съ одного пункта на высокомъ берегу Волги, гдѣ онъ не разъ бывалъ на прогулкахъ съ родными днемъ, прекрасно виденъ восходъ солнца, и что эта картина необыкновенно красива. Онъ давно стремился ее видѣть, но не удавалось: никто изъ семьи не поднялся бы такъ рано, да и не захотѣлъ бы вести его въ такую рань въ такую даль отъ дома.

Нѣсколько недѣль назадъ Боря только что возвратился отъ бабушки и дяди, гдѣ онъ прожилъ больше года, а вскорѣ ему предстояло ѣхать въ губернскій городъ для поступленія въ гимназію, и онъ надумалъ, никому не говоря ни слова, потихоньку уйти изъ дома ночью, чтобы осуществить свое давнишнее желаніе: онъ чувствовалъ, что страшно бы тосковалъ въ гимназіи, если бы не исполнилъ этого желанія и не полюбовался еще разъ, передъ разлукою, на свою любимицу. И онъ шелъ теперь съ такими же чувствами въ душѣ, какія испытываетъ юноша, идущій на первое свиданіе къ своей возлюбленной.

Видъ зарумянившагося на востокѣ неба заставилъ его ускорить шаги. Ему предстояло еще пройти съ полъ-версты, по почтовой, обсаженной березами, дорогѣ, потомъ, черезъ переселокъ молодежника и кустарника пробраться къ берегу Волги. Онъ зналъ, что была тропинка или прогалинка, по которой можно свободно пройти къ нему, но, боясь опоздать, Боря пошелъ черезъ лѣсокъ прямикомъ

по мокрой травѣ, обливаемый росою съ листьевъ березокъ и кустарника, черезъ который пробивался, и сопровождаемый чириканьемъ разбуженныхъ и испуганныхъ его появленіемъ птичекъ. Онъ забылъ и не думалъ о томъ, что мокрая обувь и платье будутъ уликою въ его самовольной отлучкѣ изъ дома, которую онъ желалъ бы скрыть.

Наконецъ, онъ дошелъ до желаемаго мѣста. Это былъ высокій и обрывистый бугоръ, выступавшій почти мысомъ къ водѣ и составлявшій однимъ бокомъ берегъ Волги, а другимъ, — окраину долины той рѣчки, черезъ которую только что проходилъ Боря и которая здѣсь неподалеку вливалась въ Волгу.

Прямо передъ глазами Бори разстилалась длинной широкой лентой спокойная Волга, какъ бы дымившаяся поднимавшимся съ нея туманомъ. Вправо она точно вливалась въ разгоравшійся все болѣе и болѣе небосклонъ, а налѣво, подъ его ногами, виднѣлся его родной городокъ, какъ вуалью прикрытый туманомъ, сквозь который неясными силуэтами рисовались церкви, колокольни и стоящія на противоположной горѣ высокія зданія.

Сердце Бори радостно билось и замирало, и, окинувши любовнымъ взглядомъ всю эту картину, онъ все свое вниманіе сосредоточилъ на особенно яркой огненной полосѣ неба, прилегавшей къ самой Волгѣ. Ждать ему пришлось недолго. Вдругъ, точно изъ нѣдръ Волги, брызнули въ небо огненные лучи, зажгли всю восточную сторону неба, прорѣзали и раздѣлили туманъ, окрашивая его въ розовый цвѣтъ, и яркой полосой освѣтили верхушки деревьевъ на противоположномъ берегу Волги, поверхъ которыхъ, точно звѣздочка въ небѣ, засверкалъ крестъ на ко-

локольнѣ дальняго заволжскаго села. Туманъ сталъ быстро подниматься и, разрываясь въ мелкіе клочки, курился какъ дымокъ и таялъ въ небѣ. Но вотъ и все оно, горячее, блестящее яркое солнце точно выплыло изъ воды на загорѣвшееся отъ него небо и словно вдругъ все проснулось, ожило и радостно затрепетало обновленной жизнью: туманъ исчезъ, противоположный берегъ выступилъ весь въ яркомъ веселомъ освѣщеніи со своими лугами, лѣсами и деревушками, сама Волга во всю свою ширину точно загорѣлась яркимъ румянцемъ или потекла огненной лавой, загорѣлись и кресты на колокольнѣ, огнемъ засверкали и стекла домовъ въ городкѣ и деревняхъ, и весь городокъ точно умылся и весело выставлялъ на показъ свою миловидную красоту. И воздухъ вдругъ наполнился неуловимыми разнородными звуками, среди которыхъ слышалось и щебетанье птицъ, и откликъ пастушьяго рожка, и неясные человѣчьи голоса, и отдаленный церковный благовѣстъ: точно вся природа пѣла свою привѣтственную рѣчь появленію животворящаго свѣтила. Сама Волга точно проснулась и заговорила тихимъ журчаніемъ своихъ волнъ.

При видѣ всей этой картины, Боря трепеталъ, замиралъ отъ восторга, его сердце наполнялось неописуемымъ чувствомъ блаженства, радости, благодарности, горло сжимали спазмы, изъ глазъ текли слезы, онъ невольно вскрикнулъ: ахъ!... упалъ на колѣни и протянулъ руки, какъ бы желая обнять и прижать къ сердцу весь этотъ лучезарный, сіяющій міръ Божій. Онъ ничего не думалъ, ни къ чему сознательно не относился, но жилъ и чувствовалъ, что жилъ въ это время одною жизнью со всею природой. Онъ обо всемъ забылъ и долго находился

точно въ безсознательномъ состоянiи, весь поглощенный восторгомъ созерцанiя.

Изъ этого забытья его вывелъ долетѣвшiй до его слуха благовѣстъ къ заутренѣ, раздавшiйся съ городскихъ церковныхъ колоколенъ и далеко разносившiйся по раздолью Волги въ утреннемъ чистомъ воздухѣ. Боря вспомнилъ, что въ это время обыкновенно встаетъ старая нянька, а въ праздники—отецъ, ходившiй къ ранней обѣднѣ. Онъ вспоминалъ, что ему надо торопиться домой и что теперь ему трудно будетъ никѣмъ незамѣченнымъ пробраться въ свою спальню и лечь, какъ ни въ чемъ не бывало, въ постель. Онъ почувствовалъ, что все платье на немъ мокрое отъ росы, но что солнышко уже согрѣвало и сушило его своими теплыми, ласковыми лучами.

„А дорогой и совсѣмъ просохну!“ подумалъ онъ и прищуренными глазами, съ любовной, благодарной улыбкой хотѣлъ онъ взглянуть прямо на него, на это милое солнце, и не могъ: такъ ярки уже и блестящи были его лучи. Зато онъ много, много разъ обвелъ глазами всю сiяющую, освѣщенную имъ, лежащую передъ нимъ картину, и, съ глубокимъ вздохомъ разставаясь съ ней, нѣсколько разъ еще и еще оглядывался, точно прощаясь съ дорогимъ существомъ. Но онъ шелъ назадъ, бодрый, веселый, съ внутренней удовлетворенностью, спокойствiемъ и рѣшимостью храбро встрѣтить, что̀ бы ни предстояло впереди.

Впослѣдствiи, когда Боря былъ уже взрослымъ юношей, въ первый разъ влюбился и ходилъ на тайное свиданiе къ своей возлюбленной, онъ мысленно сравнивалъ свои ощущенiя съ тѣми, которыя получалъ во время этого своего перваго любовнаго

похожденія, и находилъ, что онѣ были вполнѣ похожи, почти однородны, съ тѣмъ только различіемъ, что дѣтскія впечатлѣнія, даваемыя природой, были какъ-то чище, ярче, цѣльнѣе и возвышеннѣе, безъ малѣйшаго, хотя бы смутнаго, не вполнѣ сознаннаго чувства сомнѣнія и недовольства, которое являлось при свиданіи съ любимой женщиной.

Онъ вспомнилъ почему-то о своемъ первомъ любовномъ чувствѣ къ посторонней женщинѣ. Еще до поѣздки къ бабушкѣ, когда ему было лѣтъ 7, какъ-то разъ его крестная мать, мѣстная помѣщица и большой другъ его матери, привезла къ нимъ въ домъ, пріѣхавшую къ ней на время въ гости родственницу, княжну, совсѣмъ писаную красавицу, о красотѣ которой всѣ въ домѣ еще раньше ея появленія разговаривали, ахали и восторгались. Вообще дикій и конфузливый, Боря, забившись въ уголокъ гостиной, съ жадностью разсматривалъ входившую вслѣдъ за крестной молодую, стройную, изящную княжну, съ привѣтливымъ взглядомъ большихъ черныхъ глазъ и ласковой улыбкой на прелестныхъ пунцовыхъ губахъ. Онъ засмотрѣлся на нее.

Когда всѣ усѣлись на диванѣ и креслахъ гостиной, мать замѣтила Борѣ.

— Что же ты не здороваешься съ крестной, Боря? — почти строго сказала ему мать. — Подходи же скорѣе.

— А, крестникъ, милый, здравствуй, здравствуй, — говорила крестная, цѣлуя и обнимая его. — Господи, какъ онъ растетъ: кажется, давно ли его видѣла, а ужъ выросъ чуть не на вершокъ. Скоро совсѣмъ женихъ будешь ... Ну, здравствуй, здравствуй, милый, я тебѣ образокъ привезла изъ Москвы, нарочно заказывала ... Твои святые, ангелъ и день

рожденія ... Вотъ ужо благословлю тебя, чтобы ты былъ умникъ, чтобы былъ здоровъ и хорошо учился ... Ты, вѣдь, я думаю, ужъ и теперь учишься ... Ты вѣдь умникъ у насъ ...

— Охъ, большой шалунъ и лѣнтяй, непослушный ... проговорила мать. — Побрани его, крестная ...

— Нѣтъ, нѣтъ, мама ... Мы будемъ умники:.. Читать вѣдь ужъ выучился ...

— Умѣю, — отвѣчалъ Боря.

— И пишетъ даже! — прибавила мать съ улыбкой. — Каракулями, разумѣется.

— Ну, видишь, какой умникъ ... Нѣтъ, мы умниками будемъ ... Вотъ, княжна, рекомендую, мой крестникъ ... любимый ... Посмотри, какой молодецъ ...

— Прелестный... Подойдите ко мнѣ, душенька,— проговорила княжна, съ своей обольстительной улыбкой, протягивая къ Борѣ руки.

Вспыхнувъ до корня волосъ, смотря въ землю и лишь изрѣдка взглядывая на княжну исподлобья и вновь опуская глаза при встрѣчѣ съ ея взглядомъ, подошелъ къ ней Боря. Но онъ совсѣмъ смутился, совсѣмъ сгорѣлъ и отъ стыда, и отъ какого-то новаго для него, необыкновенно пріятнаго, радостнаго и въ то же время какъ бы болѣзненнаго, ноющаго и щемящаго чувства, когда княжна одною рукою обняла и привлекла его къ себѣ, а другою гладила по головѣ, по щекѣ, а потомъ приподняла его голову за подбородокъ и два раза нѣжно поцѣловала въ губы.

Боря помнилъ, какъ ему было больно, что она, послѣ оказанныхъ ему ласкъ, какъ будто вдругъ забыла о немъ, увлекшись общимъ разговоромъ,

отняла обнимавшую его руку и даже ни разу не взглянула на него, хотя онъ, точно прильнулъ, прижавшись къ ней, неподвижно стоялъ и не сводилъ съ нея глазъ. Но онъ почувствовалъ уже нестерпимую боль и тоску, вызвавшія даже слезы на его глазахъ, когда привели въ гостиную остальныхъ младшихъ его братьевъ и сестеръ, и княжна была со всѣми съ ними такъ же ласкова и привѣтлива, какъ съ нимъ, а самаго маленькаго даже посадила къ себѣ на колѣни и цѣловала, а его, какъ ему показалось, даже слегка отстранила отъ себя. Но онъ не отходилъ и продолжалъ любовно смотрѣть на нее, а когда княжна поднялась съ мѣста и стала прощаться съ матерью, онъ безсознательно ухватился за ея платье, и съ такой мольбой, со слезами на глазахъ, проговорилъ: „не уѣзжайте, останьтесь! ...“ что всѣ расхохотались; засмѣялась и княжна, наклонилась и поцѣловала его уже не въ губы, а въ голову. А крестная мать, между тѣмъ, со смѣхомъ говорила: „Что̀, ужъ и влюбился въ княжну ... Ну, вотъ, учись, рости, выростешь совсѣмъ большой, будешь женихомъ, дѣлай княжнѣ предложеніе ... Она подождетъ тебя ...“

Этотъ общій смѣхъ, эти слова, совсѣмъ сконфузили и смутили Борю, онъ сгорѣлъ отъ стыда и къ маленькому сердцу его прихлынула какая-то тоска, которая долго не покидала его и появлялась каждый разъ, когда онъ вспоминалъ о княжнѣ и представлялъ себѣ ея красивое лицо, хотя съ тѣхъ поръ онъ никогда не видалъ ея.

Но это уже давно прошло и теперь, при воспоминаніи о княжнѣ, онъ не испытывалъ никакого тоскливаго о ней чувства. Душа его была слишкомъ полна только-что пережитыми впечатлѣніями.

Входя въ первую, на его возвратномъ пути, улицу городка, онъ услышалъ звукъ пастушьей трубы и увидѣлъ идущее навстрѣчу ему городское стадо. Городокъ уже началъ просыпаться: изъ нѣкоторыхъ трубъ вился уже дымокъ, отворялись ворота, изъ которыхъ, мыча, выходили коровы, ставни на окнахъ маленькихъ мѣщанскихъ домиковъ были открыты; за воротами нѣкоторыхъ домовъ, позѣвывая, почесываясь и оглядываясь по сторонамъ, стояли мѣщанки и перекликались съ другими, которыя бѣжали съ ведрами черезъ плечо за водой; въ открытыя окна высовывались неумытыя и не приведенныя въ порядокъ, измятыя отъ сна лица и, вдыхая утренній воздухъ, лѣниво и безцѣльно поглядывали на улицу; изрѣдка попадались уже и пѣшеходы. Всѣ, мимо кого проходилъ Боря, пристально смотрѣли на него и долго провожали глазами, что̀ не мало смущало Борю и заставляло ускорять шаги: онъ думалъ о томъ, что теперь, вѣроятно, проснулись уже и у него въ домѣ, и ночное самовольное путешествіе его скрыть отъ ролителей врядъ ли удастся.

На площади онъ увидѣлъ нѣсколько возовъ съ продуктами крестъянскаго хозяйства и вспомнилъ, что сегодня базарный день въ городкѣ, и, слѣдовательно, отецъ встанетъ еще раньше обыкновеннаго, такъ какъ онъ любилъ самъ покупать хозяйственные запасы и самолично ходилъ за покупками на базаръ; но возы, какъ видно, только что въѣхали на базаръ и были еще не открыты и не развязаны, а хозяева стояли около нихъ или сидѣли и лежали на нихъ въ разныхъ лѣнивыхъ позахъ, какъ бы собираясь еще подремать до появленія покупателей. Нѣкоторыя лавки въ сосѣднихъ рядахъ были уже отперты и открыты, около другихъ стояли еще ихъ хозяева

съ ключами въ рукахъ и переговаривались съ сосѣдями. На открытыхъ столикахъ торговки начали уже раскладыватъ свой несложный съѣстной товаръ; калачи, сайки, бублики, печеныя яйца, свѣжіе зеленые огурцы, маковую избоину, красные медовые пряники; но нѣкоторые столики были еще пусты и ожидали своихъ владѣльцевъ.

Пробираясь мимо этихъ возовъ и столовъ, Боря опять видѣлъ и чувствовалъ, какъ всѣ на него смотрятъ и провожаютъ глазами, даже эти лежащіе и стоящіе около возовъ полусонные мужики. Но вотъ и его домъ передъ глазами. Ворота уже отворены, значитъ, кучеръ Алексѣй уже проснулся и уѣхалъ, или сейчасъ поѣдетъ съ бочкою за водой на Волгу.

На срединѣ площади, за нѣсколько десятковъ шаговъ отъ дома, Борю окликнула мѣщанка-калачница, несшая на плечѣ большую корзину съ горячими калачами, столь любимыми Борей и всѣми его братьями и сестрами и которые своей формой напоминали имъ турка, сидящаго съ поджатыми подъ себя ногами въ широкихъ шароварахъ, какъ они видѣли ихъ на картинкахъ. Эти калачи съ ранняго дѣтства были особенно любимымъ кушаньемъ Бори и его братьевъ: они подавались всегда къ утреннему и вечернему чаю и по установленному строгому порядку, заведенному матерью въ ихъ домѣ, рѣзались на равныя доли, которыя и раздавались дѣтямъ не больше какъ по одной, причемъ, впрочемъ, дозволялся выборъ: кто любилъ, просилъ поджаренный и засушенный краешекъ, кто мягкую середину. Пышный, тягучій, душистый, онъ сильно угождалъ дѣтскому вкусу, не избалованному излишествами и всегда умѣренно удовлетворяемому строгой во всѣхъ своихъ правилахъ матерью. Боря вспоминалъ объ этихъ ка-

лачахъ не только живя въ другомъ городѣ у бабушки, но потомъ даже и въ гимназіи въ губернскомъ городѣ, гдѣ бывали всякія сладкія и сдобныя булки, но не дѣлали такихъ вкусныхъ калачей. Эти калачи всегда брали у калачницы Таланихи, и эта Таланиха теперь остановила его, перерѣзавъ ему дорогу къ дому и вставъ передъ нимъ со своимъ душистымъ товаромъ, который она торопливо несла на базаръ.

Боря видѣлъ не разъ эту Таланиху, зналъ, что она печетъ лучшіе калачи и что отъ нея всегда покупаютъ ихъ къ чаю, но никогда не говорилъ съ нею. Обыватели городка всѣ знали другъ друга, а городскія досужія мѣщанки спеціально занимались собираніемъ свѣдѣній о всѣхъ болѣе или менѣе видныхъ жителяхъ городка и знали мельчайшія подробности жизни и нравовъ каждой семьи, поэтому Таланиха не могла не обратить вниманія на необычное появленіе Бори на площади утромъ одного и безъ провожатаго: она знала, что мать Бори слыла въ городѣ большой умницей, отличной хозяйкой, строгой и заботливой матерью, держала дѣтей въ строгости и порядкѣ и никогда не оставляла ихъ безъ надзора. За каждой праздничной службой въ церкви у Благовѣщенія, въ приходѣ которой она и сама состояла, Таланиха видѣла собственными глазами, какъ мать Бори приводила съ собою всѣхъ своихъ многочисленныхъ дѣтокъ причесанныхъ, припомаженныхъ, разодѣтыхъ; выстраивала ихъ передъ собою по возрасту и строго наблюдала, чтобы они стояли смирно, по сторонамъ не оглядывались, а слушали бы службу Божію и во-время, когда слѣдуетъ, истово крестились и кланялись.

И не разъ Таланиха обращала на нихъ вниманіе

своей сосѣдкѣ въ церкви, поталкивая и приговаривая; „смотри-ка, Лукачиха-то, выстроила своихъ: ровно грибки, ровно бѣлы коровки стоятъ ... всѣ въ ранжиръ ... Мать! Ужъ сказать что̀ мать! ... Мотрика, самаго-то махонькаго учитъ, какъ персты-то въ крестъ складать, да креститься ... на лобикъ, на животикъ, на плечики ... Вотъ ужъ можно чести приписать! ...“

А такъ какъ Таланиха сверхъ того была и одного прихода съ семьей Бори и у нея брали въ домъ калачи, а добродушный и привѣтливый отецъ Бори даже подчасъ вступалъ съ нею на базарѣ въ разговоры, а съ матерью его она при встрѣчѣ кланялась, то она считала себя очень близкой и даже какъ бы родной къ семьѣ Бори. Очевидно, что она не могла безучастно пройти мимо Бори, не остановить и не разспросить его.

— Откуда, барчукъ, идешь? — спросила она его.

Боря недружелюбно взглянулъ на нее и хотѣлъ пройти мимо, сквозь зубы проговоривъ:

— Ни откуда ...

Но Таланиха загородила ему собою дорогу.

— Какъ ни откуда? ... Да куда же ходилъ-то экую рань? ... Поди-ка-сь не то что тятенька съ маменькой, а и прислуга-то вся еще спитъ ... у васъ ... А ты, ну-ка ... Ни откуда, говоритъ! ...“

И Таланиха, желая задержать Борю, чтобы получить отъ него желаемый отвѣтъ, даже положила ему на плечо свою свободную руку.

— Да что тебѣ за дѣло ... Что ты пристала? ... огрызнулся на нее Боря, и съ сердцемъ оттолкнувши съ плеча ея руку круто миновалъ ее и быстро пошелъ къ своему дому, въ воротахъ котораго, въ

это время, показалась лошадь съ бочкою и сидящимъ на ней кучеромъ.

— Ишь ты какой! ... говорила вслѣдъ ему недовольная Таланиха. — Не въ батюшку, видно, тотъ важеватый, а въ матушку: къ той не подходи, не разговорится. Чего няньки-то смотрятъ: мальчонка одинъ по ночамъ бѣгаетъ по улицамъ ... невѣдомо куда ... ровно у нашей сестры, мѣщанки ... Вотъ и господское дитя, и мать досмотрщица, и няньки-мамки, а не досмотрѣли! ... Поди-ка, какой шустрый ... и не говоритъ ... О, Господи, помилуй, батюшка, насъ грѣшныхъ, — продолжала она на ходу, крестясь на церковь, мимо которой шла.

Боря спѣшилъ навстрѣчу кучеру, который самъ, увидя его съ удивленіемъ, пріостановилъ лошадь. Этотъ кучеръ Алексѣй, добродушный пьяница и флегматикъ — резонеръ въ натурѣ, былъ общимъ дѣтскимъ любимцемъ. Во время гулянья по двору или по саду, пробраться въ каретный сарай въ то время, когда Алексѣй мылъ экипажъ, запрягалъ лошадь или справлялъ какую-нибудь сбрую, присѣсть около него, послушать его разсказовъ и поговорить о другомъ любимцѣ, ворономъ конѣ Босовикѣ, было для дѣтей однимъ изъ самыхъ интересныхъ, хотя и запретныхъ удовольствій. Многочисленная семья Алексѣя, кромѣ нянекъ, составляла всю дворовую челядь дома Бори: жена его, Лизавета, была кухаркой, дочери горничными, а сыновья, пока были мальчишками, служили для побѣгушекъ, а потомъ отдавались въ ученье какому-нибудь ремеслу, или возводились въ лакеи.

— Не знаешь, папенька проснулся? — вполголоса спросилъ Боря кучера.

— Должно нѣтъ еще, — не видать ...

И Алексѣй, а за нимъ и Боря взглянули на окно дома: ни одно еще не было открыто, а они оба знали, что отецъ какъ только вставалъ и выходилъ изъ спальни, тотчасъ открывалъ окно въ гостиной и на нѣкоторое время садился въ халатѣ около него, вдыхая утренній свѣжій воздухъ.

— Да вы что это, спозаранку ... началъ было Алексѣй, но Боря его перебилъ:

— А нянька Авдотья встала?—спросилъ онъ также вполголоса, какъ бы боясь, чтобы его не услышали въ домѣ.

— Выходила ужъ ... ругалась ... Выскочила съ кувшиномъ къ бочкѣ ... воды ... а воды нѣтъ ... „Отчего, чу, нѣтъ воды?“ — Вся вышла, оттого и нѣтъ ... Съ вечера бы брала ... „И съ вечеру, чу, не было?“ — Ну, не было, такъ, значитъ, и нельзя ей быть ... вся, значитъ, вышла. „Отчего, чу, не съѣздилъ, не привезъ? — А вотъ поѣду, такъ и привезу ... Шипитъ, ругается! ... До господъ, говоритъ, доведу ... Доводи ... тебѣ не впервой, язва! ... Ру-угается ... А мнѣ что̀ ... я свое время знаю ... Вотъ пришло мое время и поѣхалъ ... А вы что же это, я говорю, спозаранку? ... Куда? ...

— Да я на Волгу ходилъ ... ты не говори ... вполголоса, торопливо отвѣтилъ Боря.

— На Волгу? ... Да какъ же, вѣдь, ворота-то заперты были ...

— Да я черезъ окно ... прямо ... ты не сказывай ...

— Черезъ окно ... Дѣло ... А какъ же нянька-то?

— Она спала ... не видала ...

— О-о ... Что̀, язва, проспала дитю-то ...

насмѣшливо и какъ бы поддразнивая проговорилъ Алексѣй, оборачивая лицо къ дому ... Вѣдь, скажетъ маменькѣ-то ... доведетъ ...

— А пускай ... проговорилъ Боря, чувствуя въ себѣ какую-то храбрость и рѣшимость, и сталъ гладить по мордѣ Босовика, запряженнаго въ роспуски съ бочкой.

— Хе ... дѣло! ... усмѣхнулся Алексѣй. — А ты что̀, баринъ, вдругъ прибавилъ онъ, — она, чай, ушла въ садъ, въ колодецъ за водой, еще не воротилась, чай, а двери-то не заперты, ты проберись потихоньку, раздѣнься, да и лягъ въ постельку-то ровно ни въ чемъ не бывало ... Что̀, язва, проспала! ... Ну, а мнѣ время ...

И онъ мызгнулъ на лошадь, бочка тронулась и загрохотала.

Борѣ понравился совѣтъ кучера и онъ юркнулъ въ ворота. Онъ тихонечко, на цыпочкахъ, пробрался въ дѣтскую; тамъ стояла такая же тишина, какъ и тогда, когда онъ уходилъ. Няньки въ комнатѣ не было. Но было слышно движеніе и неуловимый шопотъ въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ спали сестры Бори. Онъ догадался, что это другая нянька, Арина, приставленная собственно къ дѣвочкамъ, проснулась и, вѣроятно, молится. Она была большая богомолка и ханжа, какъ называла ее мать.

Боря потихоньку раздѣлся и юркнулъ въ постель, въ ту самую минуту, когда хлопнула дверь, и нянька Авдотья возвратилась съ водою. . . . .

Изъ театральныхъ воспоминаній.

Чужое добро въ прокъ не идетъ была третья моя пьеса. Первая — *Судъ людской — не Божій* — была поставлена въ Александринскомъ театрѣ 29 апрѣля 1854 года, вторая — *Шуба овечья — душа человѣчья* — была запрещена драматическою цензурой для представленія и находилась подъ этимъ запрещеніемъ 12 лѣтъ. *Чужое добро*, хотя и возбудило нѣкоторое сомнѣніе и колебаніе цензуры по поводу покушенія сына на убійство отца, но была счастливѣе предыдущей: ее пропустили почти безъ помарокъ и поправокъ, только во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мужики говорятъ о своихъ крестьянскихъ дѣвкахъ и, по невѣжеству своему, такъ и называютъ ихъ дѣвками, цензоръ потребовалъ, чтобъ они выражались вѣжливѣе и называли дѣвокъ *дѣвушками*, Такимъ образомъ, выходило, что, напримѣръ, подгулявшій деревенскій парень долженъ былъ вести разговоръ съ своимъ братомъ въ такомъ тонѣ: „Тамъ *дѣвушки* хороводы водятъ ... И какія же. брательникъ, *дѣвушки* ...“ и т. п. Конечно, эти поправки служили только, такъ сказать, очисткою цензорской совѣсти; вообще же къ *Чужому добру* драматическая цензура отнеслась милостивѣе, чѣмъ ко всѣмъ другимъ моимъ пьесамъ.

Въ былое время, какъ, можетъ быть, впрочемъ, и въ настоящее, доступъ на сцену Императорскихъ театровъ для новичковъ писателей былъ очень труденъ. Несмотря на то, что, по рекомендаціи М. П. Погодина, я читалъ мою первую пьесу *Судъ людской — не Божій* Великому Князю Константину Николаевичу, что пьеса ему очень понравилась, и онъ писалъ о ней шефу жандармовъ (тогда драматическая цензура вѣдалась III отдѣленіемъ) и министру Двора, прося ихъ о скорѣйшемъ пропускѣ и постановкѣ пьесы, она появилась только весною, незадолго до конца сезона.

До того времени я жилъ въ Москвѣ, петербургскаго театра и его труппы совсѣмъ не зналъ, и роли въ первой моей пьесѣ были розданы не мною, а режиссерскимъ управленіемъ. Мартыновъ въ этой пьесѣ игралъ вводное незначительное лицо проѣзжаго, появляющагося только въ послѣднемъ актѣ. Онъ меня поразилъ, создавши изъ ничтожнаго матеріала, даннаго ему авторомъ, такой живой художественный типъ, что сосредоточилъ на себѣ общее вниманіе и заслонилъ собою всѣхъ остальныхъ дѣйствующихъ лицъ; и до сихъ поръ я какъ будто вижу его передъ собою, покуривающимъ трубочку и лукаво, съ глуповатою, но добродушною ироніей допрашивающимъ случайно имъ встрѣченную молодую, красивую, нервно-больную странницу-богомолку. По пьесѣ онъ долженъ былъ быть помѣщикомъ, но на афишѣ приказано было назвать его откупщикомъ: дворянъ въ то время еще нельзя было изображать на сценѣ въ комическомъ видѣ, особенно рядомъ съ крестьянами. Это было мое первое знакомство съ Мартыновымъ. какъ съ актеромъ, превратившееся потомъ въ дружбу. Мнѣ казалось тогда, что какъ бы ни была

слаба моя пьеса, какъ бы дурно ни исполняли ее, но публика должна выносить скуку первыхъ актовъ и ходить въ театръ на эту пьесу для того только, чтобы посмотрѣть Мартынова въ послѣднемъ актѣ. Я тогда же сказалъ себѣ, что первую хорошую и большую роль въ будущей моей пьесѣ, какого бы характера она ни была, я буду просить играть Мартынова. При постановкѣ *Чужого добра* я такъ и сдѣлалъ.

Но здѣсь припоминаю маленькій комическій случай со мною, который хочу разсказать. Послѣ перваго представленія *Суда людского*, которое имѣло успѣхъ и доставило мнѣ полное авторское удовлетвореніе, одинъ изъ моихъ знакомыхъ, петербургскій житель и чиновникъ, совѣтовалъ мнѣ непремѣнно съѣздить поблагодарить директора театровъ, увѣряя, что это такъ водится, что иначе меня сочтутъ невѣжей, человѣкомъ, не знающимъ общественныхъ приличій. Я тогда былъ еще оченъ молодъ, даже юнъ, и неопытенъ, послушался, одѣлся въ фракъ и отправился къ директору, которымъ въ то время былъ А. М. Гедеоновъ и съ которымъ до тѣхъ поръ я нигдѣ не встрѣчался. Велѣлъ доложить о себѣ и, послѣ нѣкотораго ожиданія, былъ допущенъ.

Передо мною отворили дверь въ обширный кабинетъ, среди котораго, на значительномъ разстояніи отъ входной двери, стоялъ письменный столъ и за нимъ, лицомъ ко мнѣ, развалясь въ большихъ креслахъ, неподвижно и смотря въ пространство, сидѣлъ невзрачный, широколицый, рыжеватый господинъ.

Остановившись у двери и осмотрѣвшись, я долженъ былъ догадаться, что предо мною директоръ театровъ, хотя и былъ пораженъ его неподвижностью и устремленнымъ въ сторону взглядомъ. Чтобы

обратить на себя вниманіе и попасть въ лучъ его зрѣнія, дѣлаю нѣсколько шаговъ впередъ къ столу и, не доходя до него, сконфуженно останавливаюсь, то же безмолвіе, та же неподвижность. Наконецъ... директоръ, которому надоѣло, должно быть, ожиданіе, лѣниво и молча взглядываетъ на меня: я рѣшаюсь говорить.

— Литераторъ такой-то, авторъ пьесы *Судъ людской — не Божій,* — представляюсь я ему.

— Ну-съ?... — произноситъ и онъ, не мѣняя позы и снова смотря въ пространство.

Вся кровь бросается мнѣ въ лицо, смущеніе мое увеличивается.

— Счелъ долгомъ поблагодарить васъ за постановку моей пьесы, — говорю я сдавленнымъ голосомъ и останавливаюсь.

— Ну, такъ что же? — опять произноситъ неподвижная особа.

— Больше ничего... — говорю я уже совершенно обозленный и, не кланяясь, выскакиваю изъ кабинета.

Предоставляю читающимъ представить себѣ нравственное состояніе, послѣ подобной аудіенціи, молодого и, разумѣется, самолюбиваго, хотя по природѣ и скромнаго писателя, только что возвышеннаго въ собственыхъ глазахъ одобреніемъ и вниманіемъ высокопоставленныхъ особъ, шумными апплодисментами и вызовами публики, смотрѣвшей его пьесу; я же скажу только, что съ тѣхъ поръ, во всю мою жизнь я не только не ходилъ благодарить театральное начальство за постановку моихъ пьесъ, но старался никогда не входить съ нимъ ни въ какія сношенія, а тѣмъ болѣе никогда не просилъ его ни о чемъ, касавшемся моихъ пьесъ.

Но я долженъ сказать, что при постановкѣ *Чужо-*

го добра я не видѣлъ никакихъ препятствій со стороны начальства и встрѣтилъ полное радушіе и сочувствіе артистовъ и режиссерскаго управленія. Мнѣ предоставлена была полная свобода въ распредѣленіи ролей, хотя и возникло общее недоумѣніе и сомнѣніе, когда я роль Мишанки назначилъ А. Е. Мартынову. Ближайшее начальство сочло нужнымъ предупредить меня, что я дѣлаю ошибку и рискую успѣхомъ пьесы, поручая роль драматическаго характера веселому комику, безспорно весьма талантливому, но ... играющему исключительно въ водевиляхъ и комедіяхъ, гдѣ нужно только смѣшить. Даже многіе изъ артистовъ дружески внушали мнѣ, что, конечно, Мартыновъ въ комическихъ сценахъ, можетъ быть, безподобенъ, но что у него не станетъ ни силъ, ни даже голосу для патетическихъ и трогательныхъ моментовъ, какіе есть въ роли Мишанки, что комикъ-буффъ онъ, безъ сомнѣнія, превосходный, но къ ролямъ съ драматическимъ оттѣнкомъ его талантъ совершенно непримѣнимъ. Несмотря, однако, на всѣ эти внушенія и совѣты, я остался при своемъ и былъ слѣпо убѣжденъ, что Мартыновъ долженъ прекрасно сыграть эту роль.

На репетиціяхъ онъ только намекнулъ на тонъ, въ которомъ будетъ вести роль, но я чувствовалъ, что тонъ этотъ будетъ настоящій, и оставался совершенно покоенъ и увѣренъ въ немъ, несмотря на то, что самъ Мартыновъ очень волновался, безпокоился за свое исполненіе и безпрестанно обращался за моимъ мнѣніемъ и совѣтомъ. Но ни на одной репетиціи онъ не сыгралъ роль со всѣми тѣми оттѣнками, какіе явились на представленіи, что̀ давало поводъ артистамъ втихомолку и чуть не наканунѣ представленія повторять мнѣ свои сомнѣнія.

Но вотъ, наконецъ, наступилъ день перваго спектакля. Театръ былъ полонъ, ожиданіе публики сильно возбуждено: въ первый разъ на александринской сценѣ шла драма вся цѣликомъ изъ крестьянскаго быта, въ которой, притомъ, принимали участіе любимцы публики — Мартыновъ, Самойловъ, Линская. Открылся занавѣсъ. На сценѣ были двое: старикъ-отецъ, крестьянинъ Степанъ Ѳедоровъ — Самойловъ, и сынъ его, деревенскій ямщикъ — Мартыновъ. Съ перваго взгляда на фигуру Мартынова, съ перваго произнесеннаго имъ слова почувствовалась жизнь, правда на сценѣ, какъ будто то былъ не актеръ, загримированный и по-мужицки одѣтый, приготовившійся исполнять свою роль и создать для зрителя извѣстную иллюзію, но настоящій, живой, не созданный искусствомъ актера, а настоящій, реальный молодой крестьянинъ-ямщикъ вышелъ на подмостки театра: Мартыновъ въ этой роли былъ неузнаваемъ. Все: лицо, его выраженіе, одежда, движенія, звукъ голоса, говоръ, — все было мужицкое, не дѣланное, а какъ бы прирожденное. Это было полное перевоплощеніе. Авторъ сразу увидѣлъ воплощеннымъ образъ своего героя, сразу почувствовала это и публика.

Нерѣдко бываетъ, что актеръ, болѣе или менѣе талантливый, въ продолженіе исполняемой имъ роли постепенно или моментами сливается, такъ сказать, съ изображеннымъ лицомъ и заставляетъ зрителя забывать, что предъ нимъ сцена, театръ, представленіе, а чувствоватъ себя присутствующимъ предъ явленіями какъ бы настоящей, дѣйствительной жизни; но рѣдко, очень рѣдко, и только исключительные геніальные таланты способны, съ перваго появленія своего, не только преображаться въ данное лицо, но

вноситъ съ собою ту, такъ сказать, атмосферу, въ которой оно живетъ и дѣйствуетъ. Мартыновъ обладалъ этою способностью въ высокой степени, и въ *Чужомъ добрѣ* она проявилась особенно рельефно. Въ первой сценѣ рядомъ съ нимъ явился Самойловъ: онъ изображалъ стараго мужика хорошо, похоже, но онъ только игралъ роль, представлялъ— и оставался хорошимъ, искуснымъ актеромъ Самойловымъ, котораго публика видѣла искусно загримированнымъ старымъ крестьяниномъ, болѣе или менѣе удачно его передразнивающимъ, но ни на одну минуту не забывала, что предъ нею актеръ Самойловъ. О Мартыновѣ же, при видѣ Мишанки, вовсе забыли: пока не опустили занавѣсъ, никому (я сужу по личнымъ впечатлѣніямъ) въ голову не приходило думать и судить о томъ, хорошо или дурно исполняется Мартыновымъ роль. Зритель видѣлъ передъ собою молодого лихого деревенскаго парня, грубоватаго, но добродушнаго, съ широкою размашистою натурой, сангвиника, неудержимаго въ своихъ увлеченіяхъ, въ страстномъ порывѣ равно способнаго на зло и добро, но не лишеннаго инстинкта, или чутья правды и совѣсти, человѣка впечатлительнаго, но слабовольнаго, выросшаго въ замкнутой патріархальной семьѣ, со всѣми ея добрыми и дурными традиціями, но чувствующаго постоянную потребность болѣе независимой и широкой жизни. Авторъ, въ то же время, видѣлъ и чувствовалъ чудное олицетвореніе, воплощеніе задуманнаго имъ образа до малѣйшаго, едва намѣченнаго штриха, до мельчайшей подробности, которыя выступали ярко и рельефно; авторъ вновь какъ бы переживалъ актъ личнаго творчества, и тогда только вполнѣ понималъ и сознавалъ, что̀ значитъ для драматическаго писателя актеръ,

насколько онъ истолковываетъ и дополняетъ его. Но такихъ актеровъ, какъ Мартыновъ, немного: они родятся вѣками, и счастливъ тотъ писатель, которому судьба сулила встрѣтить такого исполнителя, толкователя, товарища по творчеству.

Покойный Самойловъ, артистъ, безспорно, талантливый, говаривалъ, что авторъ своей пьесой дѣлаетъ для него только канву, по которой онъ вышиваетъ, и случалось, дѣйствительно, онъ вышивалъ не тотъ рисунокъ и не тѣ узоры, которые задумывалъ авторъ. Мартыновъ, наоборотъ, всегда старался понять мысль, замыселъ, желаніе автора, хотѣлъ слиться съ нимъ въ творчествѣ и, гдѣ нужно, дополнить его. Это, кстати сказать, былъ человѣкъ поразительной доброты, простоты и скромности, — отличительныя черты настоящей геніальной натуры. Скромность и отсутствіе самоувѣренности, дѣлавшія его молчаливымъ и замкнутымъ, давали поводъ смѣлымъ, но недальновиднымъ умникамъ считать Мартынова даже глупымъ или, по крайней мѣрѣ, недалекимъ человѣкомъ, причемъ они забывали, что геній ничего не можетъ творить безъ помощи ума, а бойкое и смѣлое многословіе зачастую совсѣмъ безъ него обходится.

Мартыновъ съ перваго слова до конца пьесы нигдѣ не измѣнилъ принятаго вѣрнаго тона рѣчи, точно онъ былъ ему прирожденный, точно онъ родился въ крестьянской семьѣ, выросъ и воспитался на крестьянскомъ жаргонѣ. Съ первой сцены съ отцомъ, въ тѣхъ отрывистыхъ и уклончивыхъ отвѣтахъ, которые онъ давалъ на разспросы отца, и затѣмъ въ бойкомъ разговорѣ съ братомъ и разсказѣ о поѣздкѣ на ярмарку, Мартыновъ сумѣлъ рельефно и ярко намѣтить всѣ основныя черты характера и

типа Мишанки. Его разсказъ о своей тройкѣ былъ полонъ такого искренняго увлеченія, естественнаго восторга, доходилъ до такого паѳоса, что въ зрительной залѣ послѣ него всегда поднималась цѣлая буря: крики bravo и апплодисменты долго не смолкали, и увлеченные зрители не разъ требовали повторенія, точно прослушали какую-нибудь любимую арію изъ оперы. Съ этого момента Мишанка уже дѣлался симпатиченъ для публики, она принимала въ немъ живое участіе, онъ дѣлался ея любимцемъ. И, несмотря на то, что въ продолженіе всей пьесы Михайло велъ себя не по-рыцарски, былъ героемъ въ отрицательномъ смыслѣ: хотѣлъ затаить чужія деньги, напивался пьянъ до бѣшенства, вдавался въ разгулъ, буйствовалъ и даже покушался на убійство отца, — зритель не переставалъ любить его, не отворачивался отъ него съ отвращеніемъ, какъ отъ безнадежно развращеннаго, но жалѣлъ его и безсознательно чувствовалъ, что такая натура не должна безвозвратно погибнуть. Такое впечатлѣніе, разумѣется, весьма желательное и для автора, давало это лицо, благодаря художественному исполненію Мартынова, сдѣлавшему его вполнѣ живымъ человѣкомъ, умѣвшему указать добрые задатки, хорошія человѣческія черты въ этомъ невѣжественномъ мужикѣ, доходившемъ подчасъ, подъ вліяніемъ вина и страсти, чуть не до звѣрскаго бѣшенства.

Съ поразительною искренностью и простотой, безъ малѣйшаго подчеркиванія, заставлялъ Мартыновъ зрителя замѣтить эти хорошія черты натуры Михайлы, раскиданныя въ разныхъ сценахъ и словахъ его, наприм., въ разговорѣ съ братомъ Алексѣемъ: „А что, вѣдь и вправду, Алеха ... Вѣдь, дай мнѣ волю, всю какъ есть полную свободу ...

вѣдь, я пропащій человѣкъ ... пра! ... Вотъ, какъ я, примѣрно, расхожусь, — всего давай, только — мало! ... И во всякій грѣхъ пойду, — стыда нѣтъ ... А какъ тутъ самъ себя опосля почувствую, такъ совѣсть зазритъ, что бѣда!" Или въ словахъ брату, котораго онъ считалъ, вмѣстѣ съ другими, простачкомъ и дуракомъ за его смиреніе и конфузливость! „Слушай, Алеха, — за что тебя люди дуракомъ зовутъ? ... Нѣтъ, я такъ полагаю, что ты умнѣе всѣхъ насъ ... и меня много умнѣе ..." И, въ отвѣтъ на ласковыя слова матери: „Хотѣлъ было я у батюшки проситься въ отдѣлъ ... Да ужъ теперь, кажись, гнать будетъ, такъ не пойду изъ своего родного дома, значитъ, родительскаго". Или въ его мечтахъ о свободной, богатой жизни, гдѣ на первомъ планѣ стоитъ у него желаніе сдѣлать жену купчихой, видѣть ее нарядною, въ салопахъ. Или въ продолженіе всей интимной бесѣды съ женою послѣ того, какъ деньги найдены и отняты отцомъ. Или, наконецъ, даже у пьянаго, во время разговора съ лакеемъ, который убѣждаетъ его отнять у отца деньги и бѣжать, бросивши жену, когда Михайло произноситъ: „Жену? ... а дѣтки какъ же? ..." Я не говорю уже о сценахъ раскаянія и примиренія въ послѣднемъ актѣ, которыя давали Мартынову полную возможность дорисовать человѣческую личность Михайлы.

Впослѣдствіи, а не во время первой постановки Чужого добра, автору приходилось читать упреки за то, что герой его драмы въ продолженіе всей пьесы пьянъ, — слѣдовательно, дѣйствуетъ въ состояніи почти невмѣняемомъ и долженъ производить не эстетическое, отталкивающее впечатлѣніе. Авторъ подчинился бы этому приговору безъ возраженія,

еслибъ это была правда и если бы Мартыновъ не доказалъ, что Мишанку не нужно изображать пьянымъ во всѣхъ актахъ, чего не хотѣлъ и не требовалъ авторъ. Въ 1-мъ и 4-мъ дѣйствіи его Мишанка являлся совершенно трезвымъ, во 2-мъ дѣйствіи — на-веселѣ, безъ малѣйшихъ признаковъ опьяненія, и только въ 3-мъ, въ бесѣдѣ съ лакеемъ, подъ вліяніемъ его возбуждающихъ рѣчей и соблазнительныхъ разсказовъ и рома, который они пили, онъ доходитъ почти до пьянаго бѣшенства разбушевавшейся сильной и страстной натуры.

Трудно передать словами, какъ Мартыновъ провелъ сцену съ найденными деньгами. На его подвижномъ лицѣ, въ его голосѣ, въ отрывистыхъ фразахъ, въ судорожныхъ движеніяхъ ярко выражалось все его душевное состояніе: и волненіе неожиданности и сомнѣніе, и радость, и страхъ, и смутные укоры совѣсти. Онъ былъ страшенъ и жалокъ въ тѣ моменты, когда отецъ требуетъ, чтобъ онъ отдалъ ему найденныя деньги, онъ напоминалъ собою разъяреннаго звѣря, готоваго броситься на врага, но трусливо, со злымъ ревомъ, отступающаго передъ болѣе сильнымъ противникомъ, отнимающимъ у него добычу. Голосъ его становился глухимъ и хриплымъ, онъ весь дрожалъ, прижимая деньги къ груди и сверкая глазами, съ усиліемъ выговаривалъ и повторялъ слова: „Батюшка, деньги мои, я нашелъ! ... Деньги мои, батюшка, я нашелъ! ...“ Онъ не отводилъ глазъ отъ этихъ денегъ и невольно судорожно протягивалъ къ нимъ руки, когда уже онѣ были въ рукахъ отца. Въ этой сценѣ публика впервые увидала въ Мартыновѣ великаго драматическаго актера, она пришла въ восторгъ, рукоплескала, безъ конца вызывала его, но она не предвидѣла, не могла ожидать, до

какого размѣра развернется передъ нею эта драматическая сила въ слѣдующихъ актахъ и преимущественно въ послѣднемъ.

Во 2-мъ актѣ, въ противуположность впечатлѣнію, данному концомъ 1-го дѣйствія, публика видѣла опять своего знакомаго, милаго, неистощимо веселаго комика въ бесѣдѣ Михайла съ женой, гдѣ онъ пьетъ чай наединѣ съ нею, по-своему любезничаетъ, бахвалится, высказываетъ свои мечты о будущемъ и самъ того не замѣчаетъ, какъ подъ вліяніемъ ласковыхъ и льстивыхъ рѣчей жены открываетъ ей тайну своего обогащенія, которую долженъ былъ тщательно скрывать. Жену, Татьяну, играла незабвенная, незамѣнимая Линская, громадный комическій талантъ, и эта сцена между ними представляла такой художественный по правдѣ, по жизненности, по истинному комизму дуэтъ, какой рѣдко удается видѣть и слышать на драматической сценѣ. Веселый разгулъ на сельской ярмаркѣ, пѣніе и пляска съ участіемъ Мартынова дополняли то легкое радужное настроеніе, въ которомъ держалъ публику этотъ великій актеръ въ продолженіе всего второго акта. И этотъ великій драматическій актеръ, этотъ геній не считалъ для себя унизительнымъ съ увлеченіемъ пѣть въ хороводахъ и плясать въ присядку, и какъ плясать! — какъ могъ только онъ, учившійся въ школѣ балетному искусству и чуть не опредѣленный начальствомъ въ танцовщики. И публика не стыдилась заставлять его повторять эту пляску и онъ исполнялъ ея требованіе, несмотря на то, что игралъ сильную драматическую роль и почти не сходилъ со сцены въ продолженіе всей пьесы. Физическія силы этого великаго художника въ его тощемъ тѣлѣ казались такъ же неистощимы, какъ и его

геній, но это была сила нервная, почти психическая, сила того артистическаго огня, который горѣлъ въ его душѣ и поддерживалъ его физическія силы, но который преждевременно и разрушилъ его тѣло.

Кто былъ на представленіяхъ Чужого добра съ Мартыновымъ, конечно, никогда не забудетъ того гомерическаго хохота, который раздавался въ театрѣ въ 3-мъ дѣйствіи при появленіи Мишанки въ шинели, купленной имъ у дружка-лакея. Комичнѣе, забавнѣе этой фигуры, заплетающейся въ длинныхъ полахъ непривычнаго костюма и гордо его показывающаго, трудно что-нибудь представить себѣ, особенно когда онъ вынимаетъ бутылку и съ достоинствомъ говоритъ: „А вотъ эту штуку видали ли, а? Знаете какое вино-то, а? То-то, не знаете! Вино настранное: ромъ яманскій называется, съ чаемъ пьютъ! по два цѣлковыхъ бутылка ... клопомъ пахнетъ ... вотъ какая штука! ...“ Но зритель скоро переставалъ смѣяться и замиралъ въ ожиданіи чего-то страшнаго, по мѣрѣ увеличившагося бурнаго опьяненія Мишанки, причемъ, повидимому, выростали и звѣрскія страсти, и физическая сила этой широкой натуры.

Мартыновъ былъ невысокъ ростомъ и очень тщедушенъ, худощавъ, но сила нравственнаго возбужденія проявлялась въ такой мѣрѣ, что онъ казался богатыремъ, вѣрилось въ его богатырскую тѣлесную силу и не казалось невозможнымъ, что онъ въ состояніи вырвать изъ двери желѣзный крюкъ, и хвастовствомъ пьянаго человѣка его бѣшеный крикъ: „На пятерыхъ одинъ пойду, пикнуть не дамъ!“ Онъ, дѣйствительно, былъ страшенъ и могучъ въ эту минуту. И страшно было глядѣть на него и слушать его отвѣты и его угрозы отцу: „Ну, смотри, батька, ты меня выгналъ, — помни

это ... А кланяться я къ тебѣ не приду". Послѣ этой сцены, по уходѣ Мишанки съ лакеемъ, въ театрѣ раздавались такія рукоплесканія, крики и вызовы, что слѣдующій за этимъ уходомъ монологъ отца, сильный и заключающій собой дѣйствіе, не производилъ уже на публику ожидаемаго актеромъ впечатлѣнія. Занавѣсъ опускался и снова начинались крики и вызовы Мартынова. Отца игралъ Самойловъ и очень разсчитывалъ на эффектъ этого монолога, особенно потому, что имъ оканчивается дѣйствіе и, слѣдовательно, имъ производится послѣдній ударъ на нервы и впечатлительность зрителя, который и разрѣшается шумнымъ одобреніемъ актера; на этотъ разъ публика помнила только впечатлѣніе, данное ей Мартыновымъ, и усиленно вызывала его. Самолюбивый В. В. Самойловъ былъ оскорбленъ и разсерженъ.

— Развѣ можно такъ писать?—рѣзко и сердито сказалъ онъ мнѣ по окончаніи 3-го дѣйствія.

— Что такое, В. В.?

— Да какъ вы кончили этотъ актъ? Финалъ акта долженъ быть всегда сильнѣе предыдушаго, а вы дали самую сильную сцену передъ финаломъ. Я больше не буду играть эту роль.

Послѣ убѣдительной просьбы и чтобы не остановить представленій, онъ согласился еще нѣсколько разъ сыграть свою роль, но подъ условіемъ сократить послѣднюю сцену 3-го акта такимъ образомъ, что онъ будетъ говорить только послѣднюю фразу своего монолога вслѣдъ уходящему Мишанкѣ, прямо подъ занавѣсъ, такъ что оваціи, раздававшіяся въ театрѣ, могъ принимать и на свой счетъ и вмѣстѣ съ Мартыновымъ выходить на вызовы. Впослѣдствіи онъ, все-таки, отказался отъ этой роли.

Полное торжество Мартынова и окончательное

признаніе въ немъ сильнаго драматическаго актера былъ послѣдній актъ пьесы. Я никогда не забуду того ужаснаго, искаженнаго, страшнаго и жалкаго, въ то же время, лица, съ которымъ шелъ Мишанка (Мартыновъ) вслѣдъ за Леонидомъ въ избу, гдѣ спалъ отецъ; никогда ни забуду того сдавленнаго, глухого, дрожащаго шопота, съ которымъ онъ говорилъ: „Погоди ... страшно ... я уйду ... отецъ онъ ...“ Онъ весь дрожалъ, весь какъ-то съежился, былъ нестерпимо жалокъ, точно его вела непобѣдимая сила, точно его самого влекли на казнь, на пытку ... И тѣмъ сильнѣе, потрясающе дѣйствовалъ его крикъ: „Не я, батюшка, не я ... Это онъ, онъ меня сомутилъ ... я его убью, задушу ...“ — и яростное движеніе броситься на Леонида, на своего нравственнаго палача, вовлекшаго его въ преступленіе, заставившаго его пережить такую нравственлую пытку. И тѣмъ трогательнѣе были его отчаяніе, его раскаяніе, его рыданія, его вопль: „Батюшка, коли хочешь меня казнить, казни изъ своихъ рукъ... Твой я сынъ ... суди меня своимъ судомъ ...“ Публика была потрясена. Рыданія слышались въ театрѣ, и многіе, многіе изъ зрителей утирали слезы умиленія, когда отецъ простилъ сына, и Мишанка, радостный, точно ожившій, преобразившійся, цѣловалъ ноги отца и кидался ко всѣмъ роднымъ на шею, восклицая со слезами: „Батюшка, по конецъ жизни твой вѣрный слуга... матушка, радѣльница ... батюшка, брательникъ ... ровно изъ аду вы меня вытащили! ..“

Мужицкая драма охватила, подняла публику и имѣла блестящій успѣхъ. Всѣ актеры, учавствовавшіе въ ней, играли очень хорошо, но жилъ и далъ жизнь пьесѣ преимущественно Мартыновъ. Но и онъ самъ говорилъ мнѣ, что эта пьеса дала ему вѣ-

ру въ свои силы, какъ драматическаго актера, и указала для его таланта болѣе широкую дорогу — къ великому обшему горю, не надолго.

Послѣ перваго представленія *Чужого добра* прямо изъ театра я поѣхалъ на вечеръ къ Краевскому. Тамъ было нѣсколько человѣкъ литераторовъ, изъ которыхъ многіе были на этомъ представленіи. Много поздравленій, привѣтствій и похвалъ пришлось мнѣ выслушать, но никто меня не порадовалъ и не осчастливилъ такъ, какъ А. Ѳ. Писемскій своимъ отзывомъ. Я былъ друженъ и близокъ съ Писемскимъ больше, чѣмъ со всѣми другими петербургскими литераторами. Насъ сблизила жизнь въ Костромѣ, гдѣ мы оба служили: онъ — въ губернскомъ правленіи, я — чиновникомъ особыхъ порученій при губернаторѣ, и въ теченіе двухъ лѣтъ почти ежедневно проводили вечера вмѣстѣ. Я былъ молодымъ, только что начинающимъ писателемъ, онъ — гораздо старше меня и уже пріобрѣлъ довольно крупное литературное имя. Я дорожилъ его вниманіемъ и привѣтомъ, онъ относился ко мнѣ съ большою пріязнью и мы скоро сошлись на *ты*. Мы читали другъ другу свои произведенія часто по листамъ, по главамъ, по мѣрѣ того, какъ они писались. Или, вѣрнѣе сказать, больше онъ прочитывалъ мнѣ то, что писалъ за это время, иногда совѣтовался со мною, позволялъ высказывать свое мнѣніе и даже дѣлать замѣчанія, но это случалось очень рѣдко, потому что я слушалъ его большею частью съ восторгомъ, съ увлеченіемъ, считая его въ то время, какъ считаю и теперь, большимъ, сильнымъ, хотя иногда и неряшливымъ талантомъ. Я же рѣдко и со страхомъ рѣшался перечитывать ему что-нибудь изъ своихъ новыхъ работъ, потому что о моихъ прежнихъ,

напечатанныхъ уже вещахъ однажды онъ, со свойственною ему откровенностью, выразился такимъ образомъ: „Ты безспорно уменъ и берешь только умомъ, а таланта въ тебѣ я не вижу“, — и только одинъ разъ, слушая какой-то отрывокъ изъ романа *Крестьянка*, который я въ то время писалъ, промолвилъ: „Вотъ это талантливо! ... это хорошо!“

Я зналъ, что Писемскій не изъ тѣхъ людей, которые способны увлекаться и приходить въ восторгъ и умиленіе отъ чего-либо,—напротивъ, онъ былъ наклоненъ къ скептицизму, къ ироніи, къ отрицанію, и въ приговорахъ своихъ, и въ насмѣшкѣ, былъ иногда безпощаденъ и золъ. Поэтому, когда я увидѣлъ его входящимъ къ Краевскому и услышалъ, что онъ заявлялъ кому-то, что сейчасъ прямо изъ Александринскаго театра, я готовъ былъ спрятаться отъ его глазъ, чтобы не услышать какой-нибудь неблагопріятный или насмѣшливый отзывъ о моей пьесѣ и тѣмъ не нарушить бы то радостное, счастливое настроеніе, которое испытываетъ каждый авторъ при несомнѣнномъ, какъ ему кажется, успѣхѣ его литературнаго дѣтища. Но въ это время Писемскій увидѣлъ меня, быстро подошелъ ко мнѣ, обнялъ съ несвойственною ему нѣжностью и, пожимая мою руку, проговорилъ: „Вотъ эта драма ... настоящая! ... Я до сихъ поръ не могу отдѣлаться отъ впечатлѣнія. Спасибо тебѣ!“ Эти слова были для меня самою большою радостью дня, самою высокою наградой. Дружба моя съ Писемскимъ продолжалась до конца его дней, и, вспоминая о немъ, я всегда съ грустью думаю о томъ, какъ мало и неправильно былъ онъ понятъ и оцѣненъ не только какъ человѣкъ, но даже и какъ писатель.

Чужое добро въ прокъ нейдетъ сблизило меня съ Мартыновымъ: мы сдѣлались друзьями, но я не имѣлъ болѣе счастья видѣть его исполнителемъ и истолкователемъ въ моихъ драматическихъ произведеніяхъ. Въ 1860 году его не стало, хотя еще въ 1858 году я написалъ комедію Мишура, въ которой, разумѣется, Мартыновъ игралъ бы ту роль, которую самъ выбралъ, но пьеса эта была запрещена для представленія на сценѣ и появилась только въ сезонъ 1862 — 63 года. Къ сожалѣнію, я не былъ въ Петербургѣ ни во время похоронъ Александра Евстафіевича, ни тогда, когда литераторы давали ему обѣдъ и подносили ему адресъ, но онъ зналъ, что сердцемъ и духомъ я былъ съ нимъ и, разсказывая мнѣ со слезами умиленія о тѣхъ почестяхъ, которыми его почтилъ литературный міръ, говорилъ мнѣ, что онъ требовалъ, чтобы на лавровомъ вѣнкѣ, на листьяхъ котораго были написаны всѣ исполненныя имъ роли и пьесы, Чужое добро въ прокъ нейдетъ стояло въ срединѣ, или въ узлѣ вѣнка, желая этимъ показать, что эта пьеса связывала его дѣятельность, какъ комика и драматическаго актера.

Воспоминанія
о
М. П. Погодинѣ.

(Рѣчь, произнесенная въ Академіи Наукъ.)

Около 50 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я встрѣтился въ первый разъ съ М. П. Погодинымъ. Это было въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, когда я только что вступалъ на литературное поприще. Бывши въ Москвѣ, я случайно познакомился и сошелся съ кружкомъ молодыхъ людей, составлявшихъ такъ называемую молодую редакцію Москвитянина. Это были Григорьевъ, Эдельсонъ, Т. И. Филиповъ и среди нихъ, не какъ центръ, но какъ предметъ общаго въ то время поклоненія, почти благоговѣйнаго обожанія, — А. Н. Островскій. Я читалъ въ этомъ кружкѣ мои первые беллетристическіе опыты и мою первую драму „Судъ людской — не Божій" и былъ благосклонно и дружелюбно принятъ въ ихъ среду. Въ то время молодая редакція еще не вполнѣ самостоятельно распоряжалась изданіемъ Москвитянина и въ нѣкоторыхъ случаяхъ, особенно въ денежныхъ вопросахъ, должна была сноситься съ Погодинымъ. Отъ меня были приняты въ редакцію двѣ повѣсти, и одна изъ нихъ была уже набрана и въ гранкахъ мною корректирована, но остановлена цензурою и въ печать не попала. Не помню, по этому ли обстоятельству, или по вопросу о гоно-

рарѣ, или по желанію самого Погодина, который прочиталъ мои разсказы, но я долженъ былъ къ нему явиться. Я былъ еще очень молодъ, почти юноша, зналъ о Погодинѣ, какъ о заслуженномъ профессорѣ, большомъ ученомъ, историкѣ, а главное — другѣ Пушкина и Гоголя, и потому шелъ къ нему не безъ робости, хотя въ томъ же кружкѣ молодой редакціи слышалъ не мало ироническихъ отзывовъ о его разсчетливости и другихъ особенностяхъ его характера. Погодинъ въ то время жилъ въ собственномъ домѣ на Дѣвичьемъ полѣ. Я вошелъ въ его кабинетъ, большую комнату, очень просто меблированную, поперекъ которой, близко къ противоположной отъ входа стѣнѣ, стоялъ письменный столъ, тоже очень простой, заваленный книгами. Изъза этого стола поднялся на встрѣчу ко мнѣ средняго роста человѣкъ, въ какомъ то коричневомъ не то сюртукѣ, не то халатѣ, прихрамывающій, съ большой головой, покрытой вихрястыми растрепанными, но не длинными волосами, съ широкимъ некрасивымъ чисто русскаго склада лицомъ, хмурый и угрюмый. Это былъ М. П. Погодинъ. Онъ заговорилъ со мною своимъ обычнымъ грубоватымъ и отрывистымъ тономъ, но въ этомъ тонѣ не было ни напыщенности, ни пренебреженія, напротивъ, слышалась безыскуственность, простота и искренность, такъ что я сразу ободрился и повелъ бесѣду съ нимъ свободно и непринужденно, но чувствовалъ на себѣ постоянно пытливый, наблюдательный взглядъ и сознавалъ, что меня какъ бы зондируютъ и экзаменуютъ. Не помню подробно, о чемъ велась бесѣда во время этой первой встрѣчи, но замѣтилъ, что у Мих. Петр. была наклонность поучать, совѣтовать, наставлять. Помню и нѣкоторыя его фразы. Такъ, когда рѣчь зашла о

гонорарѣ за печатавшіеся мои разсказы, онъ поморщился и сказалъ: „гонораръ, гонораръ! и къ чему это иностранное слово, развѣ нѣтъ русскаго? И вотъ какая нынче молодежь: только что начинаетъ печататься и уже требуетъ платы.“ Я хотѣлъ возразить что печатался уже въ другихъ журналахъ и получалъ вознагражденіе. „Знаю, знаю, перебилъ онъ меня. Не вы, вѣдь, одни, и другіе нынѣшніе, всѣ такъ, всѣ требуютъ за свои сочиненія денегъ, платы. А знаете ли вы, что мы, въ молодости, за счастіе, за честь считали, чтобы только приняли въ журналъ и напечатали наши писанія. А теперь первый разговоръ: деньги, деньги... И къ чему вамъ-то много денегъ: вѣдь, вы живете въ деревнѣ?

— Да.

— Ну, а въ деревнѣ все свое, готовое: и курица, и яйца, и молоко ...

— У меня семья, перебивалъ я его.

— Какая семья?

— Жена, ребенокъ.

— Какъ жена? Развѣ вы женаты?

— Да, уже слишкомъ два года.

У Михаила Петровича лицо выразило изумленіе и не мудрено, потому что я женился крайне молодымъ; но онъ ничего больше не возражалъ и вопросъ о гонорарѣ разрѣшился къ взаимному удовольствію. Вообще первая наша встрѣча и бесѣда установила между нами очень хорошія отношенія. По крайней мѣрѣ во мнѣ, несмотря на всю его грубоватость и поучительный тонъ, М. П. оставилъ хорошее и симпатичное впечатлѣніе, думаю, что и онъ ко мнѣ расположился, судя по дальнѣйшимъ его отношеніямъ. Припоминаю между прочимъ еще одну его фразу. — Искренній ли вы человѣкъ? вдругъ

спросилъ онъ меня. Я удивился вопросу и просилъ поясненія. — „Видите ли: вы говорите очень тихо, а у меня есть наблюденіе, что люди, говорящіе тихимъ, ровнымъ голосомъ, обыкновенно бываютъ неискренними, скрытными, хитрыми, а по другимъ признакамъ въ васъ я этого не вижу и не хотѣлъ бы, чтобы вы были такимъ“.

Несмотря на очевидную скуповатость и разсчетливость Погодина, онъ не былъ сухъ сердцемъ, напротивъ, былъ отзывчивъ, способенъ на сочувствіе и помощь. Я зналъ молодыхъ людей, которые въ нуждѣ обращались къ нему и не оставались безъ помощи, хотя и принуждены были предварительно выслушивать и наставленія, и замѣчанія; зналъ двухъ студентовъ, которые жили у него и пользовались отъ него и пріютомъ, и столомъ. Я самъ на себѣ испыталъ и его безкорыстную доброжелательность, заботливость и желаніе помочь человѣку. Когда я прочиталъ ему мою первую драму „Судъ людской — не Божій“, которая очень ему понравилась, онъ самъ, безъ моей просьбы, вызвался помогать мнѣ въ проведеніи ея на сцену, что въ то время для молодыхъ начинающихъ писателей было очень трудно какъ со стороны драматической цензуры, вѣдавшейся 3 Отдѣленіемъ, такъ и со стороны театральной дирекціи, почему-то смотрѣвшей на новыхъ неизвѣстныхъ авторовъ непріязненно и даже враждебно, какъ на людей непризванныхъ, нарушающихъ ея олимпійское спокойствіе. Погодинъ, чтобы помочь мнѣ въ этомъ отношеніи, придумалъ такой путь: онъ написалъ обо мнѣ письма къ нѣсколькимъ вліятельнымъ въ Петербургѣ лицамъ, своимъ знакомымъ, и вручилъ мнѣ письмо къ Головнину, бывшему тогда директоромъ военно-походной канцеляріи генералъ-

адмирала В. К. Константина Николаевича, съ которымъ я и явился къ нему въ Петербургъ. Результатомъ этихъ писемъ и особенно, конечно, послѣдняго, было то, что я получилъ приглашеніе явиться вечеромъ въ мраморный дворецъ для прочтенія моей пьесы Великому Князю. И я читалъ ее у него, въ присутствіи В. Княгинь Александры Іосифовны, Королевы Виртембергской, Ольги Николаевны, и очень многихъ приглашенныхъ. Я не могу удержаться, чтобы не вспомнить при этомъ, въ присутствіи Августѣйшаго сына покойнаго Великаго Князя, нашего сотоварища и Президента Академіи, въ какой степени я былъ очарованъ и осчастливленъ милостивымъ, ласковымъ, сердечно простымъ и искреннимъ пріемомъ Великаго Князя Константина Николаевича. Воспоминаніе объ этомъ вечерѣ до сихъ поръ наполняетъ меня чувствомъ глубокой благодарности. Чтеніе продолжалось болѣе трехъ часовъ и было выслушано съ глубочайшимъ вниманіемъ. По окончаніи его меня осыпали похвалами и поощреніями и Великій Князь, и Великія Княгини, и все это было такъ просто, такъ гуманно и искренно, что я ушелъ совершенно очарованный и счастливый. Великій Князь тотчасъ же приказалъ написать отъ себя и послалъ бумаги къ шефу жандармовъ съ просьбою немедленно разсмотрѣть въ цензурѣ мою пьесу и къ министру Двора о скорѣйшей постановкѣ ея на сценѣ. Это было въ декабрѣ мѣсяцѣ, но и при такомъ покровительствѣ и ходатайствѣ постановка моей пьесы состоялась только на слѣдующій годъ и въ самое неблагопріятное время, 29 апрѣля, когда публика перестаетъ посѣщать театры. Великому Князю такъ понравилась моя драма, что онъ написалъ или приказалъ написать Погодину благодар-

ность за то, что онъ рекомендовалъ меня ему и познакомилъ съ новымъ произведеніемъ, которое очень ему понравилось. Разумѣется, Погодинъ былъ очень доволенъ такимъ результатомъ его рекомендаціи и, когда я, возвратясь изъ Петербурга, зашелъ къ нему, чтобы поблагодарить за хлопоты обо мнѣ, онъ встрѣтилъ меня очень благодушно, даже радостно и ласково, и потребовалъ, чтобы я подробно разсказалъ о моемъ пребываніи у Великаго Князя и о всемъ и всѣхъ, у кого я былъ, и что видѣлъ въ Петербургѣ. Между прочимъ, когда зашла рѣчь о только что поставленной въ то время въ Петербургѣ новой пьесѣ Островскаго „Не въ свои сани не садись“ и я сказалъ, что и пьеса, и молодая актриса Читау въ ней производятъ фуроръ, Погодинъ остановилъ меня. — Что за фуроръ? Почему фуроръ? Развѣ нѣтъ русскаго слова, выражающаго это понятіе. И что за Читау? Почему Читау на русской сценѣ: развѣ не лучше бы было назваться Читавиной, что ли? — Читавина! — прекрасно! Зачѣмъ это Читау?

Конечно, я не могъ дать ему объясненія на этотъ вопросъ. И вообще довольный моимъ разсказомъ, М. П. не удержался, чтобы не сдѣлать мнѣ нѣсколько замѣчаній за мою, по его мнѣнію, безтактность и незнаніе этикета по поводу нѣкоторыхъ моихъ фразъ и поведенія во дворцѣ, которымъ, какъ мнѣ казалось, никто не придавалъ такого значенія, какъ онъ, человѣкъ осторожный, политичный и великій житейскій практикъ, какимъ его считали и какимъ, какъ мнѣ думается, онъ самъ себя признавалъ. Но этотъ практикъ, какъ я убѣдился, имѣлъ очень отзывчивое сердце и былъ крайне нервнымъ человѣкомъ. Разъ я засталъ его блѣднымъ, взволнованнымъ,

крайне возбужденнымъ, съ лихорадочно-блестящими глазами.

— Вы нездоровы, М. П.?—спросилъ я его.

— Нѣтъ, теперь совсѣмъ здоровъ и даже веселъ, но только что перенесъ всѣ муки родовъ.

— Какъ такъ? Что такое?—съ недоумѣніемъ повторилъ я мой вопросъ.

— Какъ драматическій авторъ и вообще писатель, вы должны меня понять. Видали вы пожаръ большого театра и подвигъ русскаго человѣка, Марина?

— Нѣтъ не видалъ, потому что только пріѣхалъ, но слышалъ о томъ и другомъ.

— Ну, а я только что кончилъ описаніе этого подвига. Слушайте, я прочту его вамъ.

И онъ, читая эту свою статью, плакалъ, буквально плакалъ слезами отъ умиленія и восторга предъ самоотверженіемъ и геройствомъ русскаго человѣка. Другой разъ я нашелъ его раздраженнымъ и мрачнымъ, и онъ сообщилъ мнѣ, что представилъ записку о политическомъ отношеніи нашемъ къ славянскимъ племенамъ и получилъ свыше отвѣтъ съ выраженіемъ благодарности за усердіе, но со внушеніемъ, что сверху лучше и яснѣе видно, чѣмъ снизу, что нужно дѣлать. — „Кто же болѣе сверху смотритъ, какъ не историкъ", продолжалъ М. П. „Только именно историкъ и можетъ смотрѣть на событія сверху, потому что онъ знаетъ прошедшее и по этому прошедшему можетъ предсказать и будущее, и указать дорогу, по которой нужно идти. Я выскажу имъ это". Видимо онъ былъ очень огорченъ и разстроенъ такимъ отвѣтомъ на его записку. Въ заключеніе сообщу еще одинъ случай изъ моихъ сношеній съ М. П.

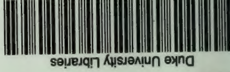
Около моей деревни въ Костр. губ., гдѣ я жилъ,

находится село Филисово и въ полуверстѣ отъ него старинная барская усадьба, давно необитаемая владѣльцами — Батыево. Разъ, разговаривая съ управляющимъ этимъ имѣньемъ, я узналъ отъ него, что все это имѣнье нѣкогда принадлежало Артемію Волынскому и что въ архивѣ усадьбы есть письма и приказы, писанные рукою Волынскаго. Я выпросилъ нѣкоторыя изъ этихъ писемъ, которымъ вообще не придавалось тамъ никакого значенія, и они были бы все равно утрачены, и привезъ ихъ въ Москву, чтобы отдать М. П. въ его древлехранилище. Передавая ему эти письма, я разсказывалъ такъ, какъ разсказываю и теперь, объ ихъ происхожденіи, но какъ только я упомянулъ село Филисово и усадьбу Батыево, М. П. даже вскочилъ съ мѣста, лицо его оживилось, глаза загорѣлись.

— „Да вы знаете ли, какое сдѣлали открытіе случайно и безсознательно, какой дорогой подарокъ сдѣлали мнѣ и наукѣ? Слушайте-ка. Я только что получилъ, разобралъ и печатаю рукопись: инструкцію какого то помѣщика своимъ крестьянамъ, по языку принадлежащую къ 18 вѣку, очень интересную, характерную, рисующую бытовыя отношенія помѣщика къ крестьянамъ, но рукопись безъ начала и конца. Думали и гадали, кому бы могла принадлежать эта инструкція, и, конечно, никогда бы не доискались достовѣрно и несомнѣнно, а вотъ теперь все ясно. Въ рукописи упоминаются и село Филисово и усадьба Батыево, слѣд. несомнѣнно эта инструкція написана Волынскимъ. Вотъ какъ иногда случайность помогаетъ въ историческихъ розыскахъ“ ... М. П. былъ въ восторгѣ, благодарилъ меня, чуть не обнималъ и обѣщалъ печатно разсказать объ этомъ случайномъ открытіи, и,

кажется, сколько я помню, напечаталъ въ Москвитянинѣ.

На этомъ оканчиваются мои воспоминанiи о М. П. Погодинѣ. Я переѣхалъ на постоянное жительство въ Петербургъ, и сношенія мои съ нимъ прекратились, но память о немъ, соединенная съ глубокою благодарностью, осталась въ моей душѣ навсегда, память о немъ, какъ о цѣльной крупной натурѣ, какъ о сложномъ богатомъ характерѣ, какъ объ ученомъ и писателѣ съ большой эрудиціей, съ большими заслугами предъ наукой и обществомъ, какъ о большомъ хорошемъ, самобытномъ русскомъ человѣкѣ.

D03923940U
Duke University Libraries